

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет» Founder: Perm State University

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*Издание включено в Перечень ВАК
РФ по группам специальностей:
09.00.00 Философские науки,
19.00.00 Психологические науки,
22.00.00 Социологические науки.*

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала «Вестник
Пермского университета. Философия.
Психология. Социология» в Объединенном
каталоге «Пресса России» — 41011

© ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (чл.-кор. РАЕ, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергафельд (доцент, канд. психол. наук, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), *Олег Александрович Барз* (акад. МАИА, докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Владимир Вячеславович Орлов* (акад. МАИА, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАО, профессор, докт. психол. наук, Москва), *Виктор Дмитриевич Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (докт. психол. наук, профессор, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Москва)

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Евгения Анатольевна Когай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Наталья Александровна Лебедева-Несевря* (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Елена Леонидовна Омельченко* (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (акад. РАН, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (акад. РАН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широков (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Беларусь), *Александр Алексеевич Строканов* (доктор наук, профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, США), *Дьёрдь Сарвар* (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия), *Джорджо Де Маркис* (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен Д. МакДауэлл* (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Э. Рьюз* (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткен* (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Тел. +7(342) 2396-823.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnutskikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Oleg A. Barg* (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Vladimir V. Kim* (Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg), *Mikhail I. Nenashev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Vladimir V. Orlov* (Academician of IAIA, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Moscow)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesevrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Elena L. Omelchenko* (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Dmitri I. Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Alexander A. Strokanov* (Professor, Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Ph.D., Lyndon State College, USA), *György Sarvari* (Ph.D., Director of Neosys Organisational Developmental Consulting, Hungary), *Giorgio De Marchis* (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Perm Krai, Russia, 614990

Tel. +7(342) 2396-823.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Основные идеи и концепты феминистской социальной эпистемологии <i>Воронина О.А.</i>	141	Basic ideas and concepts of feminist social epistemology <i>Olga A. Voronina</i>
Метафора в познавательном процессе и ее роль в философии: изменение подходов <i>Береснева Н.И., Абраменко В.И.</i>	152	Metaphor in the cognitive process and its role in philosophy: changing of approaches <i>Natalia I. Beresneva, Vyacheslav I. Abramenko</i>
О категориях порядка <i>Лобанов С.Д., Лобанова А.В.</i>	158	On categories of the order <i>Sergey D. Lobanov, Anna V. Lobanova</i>
«Ἐν το πᾶν» Гераклита: от стоицизма до Ницше <i>Колесников И.Д.</i>	164	«Ἐν το πᾶν» of Heraclitus: from stoicism to Nietzsche <i>Ilya D. Kolesnikov</i>
«Σημιωτική» Дж. Локка: историко-философская ретроспектива <i>Скрипник К.Д.</i>	172	J. Locke's «Σημιωτική»: history of philosophy's retrospective <i>Konstantin D. Skripnik</i>
Современные проявления биологической «недостаточности» человека и перспективы прогресса медицины <i>Барз О.А., Желнин А.И.</i>	183	Contemporary manifestations of human biological «insufficiency» and prospects of progress in medicine <i>Oleg A. Barg, Anton I. Zhelnin</i>
Критика историцизма в политической философии Лео Штрауса <i>Дёмин И.В.</i>	190	Criticism of historicism in Leo Strauss' political philosophy <i>Ilya V. Demin</i>
Проблема исторической памяти в современной философии <i>Квятковский Д.О.</i>	199	The problem of historical memory in modern philosophy <i>Dmitriy O. Kvyatkovskiy</i>
Мир и тело: инверсия метафоро-мифологической схемы <i>Верещагина Н.В., Комаров С.В.</i>	206	The world and body: inversion of the metaphor / myth frame <i>Natalia V. Vereshchagina, Sergey V. Komarov</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Методика предельных смыслов: стратегии анализа промежуточных категорий <i>Познина Н.А., Хайбулина Э.И.</i>	216	The method of limiting meanings: strategies for analyzing intermediate categories <i>Natalia A. Poznina, Elvira I. Khaibulina</i>
Оценка чувства опасности у водителей с помощью модельного эксперимента <i>Лобанова Ю.И., Глушко К.В.</i>	225	Evaluation of drivers' sense of danger by means of a model experiment <i>Yulia I. Lobanova, Kirill V. Glushko</i>
Длительность фиксации взора при восприятии европейцами лиц людей европеоидной и монголоидной расы <i>Хрисанфова Л.А.</i>	240	Fixation time average in Caucasians' perception of Caucasian and Mongoloid faces <i>Ludmila A. Khrisanfova</i>

Символическая концептуализация семейных отношений в орнитоморфных символах проективного теста «Птица» <i>Абакарова Э.Г.</i>	250	Symbolic conceptualization of family relationships using ornithomorphic symbols in the projective «Bird Test» <i>Emma G. Abakarova</i>
--	-----	---

СОЦИОЛОГИЯ

Обнаружение хиастической структуры в спонтанном тексте и перспективы развития этнометодологического проекта. Статья вторая <i>Кузнецов А.Е.</i>	258	The discovery of a chiastic structure in a natural text and the prospects of the ethnomethodology progress. Second article <i>Alexander E. Kuznetsov</i>
Оценка ресурсного потенциала нуждающегося в социальной защите <i>Замараева З.П., Игошина Д.А.</i>	268	Assessment of the resource potential of people in need of social protection <i>Zinaida P. Zamaraeva, Daria A. Igoshina</i>
Педагоги и родители в системе дошкольного образования: проблемы и противоречия взаимодействия <i>Меренков А.В., Антонова Н.Л.</i>	275	Teachers and parents in the preschool education system: problems and contradictions of interaction <i>Anatoliy V. Merenkov, Natalia L. Antonova</i>
Молодой преподаватель: к вопросу определения понятия <i>Балезина Е.А.</i>	282	Young teacher: revisiting the concept <i>Ekaterina A. Balezina</i>
Представления о собственном будущем студентов России и Украины <i>Плющ А.Н., Кирилина Т.Ю., Петрунько О.В.</i>	294	Russian and Ukrainian students' ideas of their future <i>Aleksander N. Plyushch, Tatyana Yu. Kirilina, Olga V. Petrunko</i>

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Рецензия на книгу В.А. Толочек. Психология труда (2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2017. 480 с.) <i>Жданова С.Ю.</i>	304	V.A. Tolochek. The psychology of labour. 2nd ed., suppl. St.-Petersburg: Piter Publ., 2017. 480 p. (book review) <i>Svetlana Yu. Zhdanova</i>
Информация для авторов	307	Guidelines for English-speaking authors

---

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141.72:165.4

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-141-151

**ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И КОНЦЕПТЫ
ФЕМИНИСТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ***Воронина Ольга Александровна**Институт философии Российской академии наук*

Феминистская эпистемология занимается изучением того, как гендерная система общества влияет на формирование концепций познания, познающего субъекта и практики исследования. Обращаясь к опыту женщин, феминистские теоретики убедительно показывают, что доминирующие в западной мыслительной парадигме познавательные практики основаны на отрицании эпистемологического авторитета женщин, принижении «феминных» когнитивных стилей и способов познания, создании социальных теорий, которые игнорируют опыт женщин и их интересы или делают гендерные властные отношения невидимыми. Более того, такие практики познания нередко производят знания, которые не являются полезными для людей, находящихся в подчиненном положении, или даже усиливают гендерные, расовые, этнические и другие социальные иерархии. Феминистские эпистемологи оспаривают эффективность многих априорно принимаемых тезисов классической науки, например, объективности, ценностной нейтральности позиции исследователя, эмоциональной отстраненности познающего субъекта от объекта познания и т.д. Центральный тезис феминистской эпистемологии заключается в том, что познающий субъект всегда находится в определенной социокультурной и личной ситуации, что неизбежно ведет к ситуативности познания. Именно поэтому феминистские философы сосредоточили внимание на определении роли социальных и политических ценностей в исследовании, оценке идеалов объективности и рациональности, доказательстве признания эпистемической ценности способов познания, символически обозначаемых как феминные, и необходимости реформирования структуры эпистемической власти. В статье проводится анализ того, как эти идеи были эксплицированы в различных течениях феминистской эпистемологии — феминистской позиционной эпистемологии, эмпиристском, постмодернистском и деколониальном направлениях. Автор полагает, что, несмотря на дискуссионность обсуждаемых в феминистской эпистемологии проблем и предлагаемых методов, необходимо признать важность их вклада в развитие социального и гуманитарного знания.

Ключевые слова: феминизм, эпистемология, женский опыт, гендер, власть, постмодернизм, деколониальный проект.

**BASIC IDEAS AND CONCEPTS OF FEMINIST
SOCIAL EPISTEMOLOGY***Olga A. Voronina**Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences*

Feminist epistemology focuses on the study of how the gender system affects the concept of knowledge, the knowing subject and practices of research. Feminist philosophers identify ways in which the dominant conceptions and practices of knowledge attribution, acquisition, and justification systematically disadvantage women and other subordinated groups. Feminist epistemology argues that dominant knowledge practices are based on denying women's epistemic authority, on the denigration of «feminine» cognitive styles and ways of knowing; on the creation of social theories that ignore the experiences of women and their interests, or doing gender power relations invisible. Moreover, such practices frequently produce knowledge that is not good for

people in a subordinate position or even reinforce gender and other social hierarchies. Feminist epistemology challenges the effectiveness of many a priori accepted theses of classical science, e.g. objectivity, needed for social and emotional detachment of the knowing subject from the object etc. The central thesis of feminist epistemology is that the subject of cognition is always situated in a specific socio-cultural and personal situation, which inevitably leads to the temporality of cognition. That is why feminist philosophers have focused on determining the role of social and political values in research; evaluating ideals of objectivity and rationality; the recognition of epistemic values, ways of knowing, referred to as symbolically feminine; the necessity of reforming structures of epistemic authority. The author analyzes how these ideas have been explicated in different schools of feminist epistemology — feminist position epistemology, empiricism, postmodern and decolonialist directions. The author believes that despite the debatable nature of problems and methods discussed in feminist epistemology, it is necessary to recognize the importance of its heuristic and social potential.

Keywords: feminism, epistemology, women's experience, gender, power, postmodernism, decolonialism.

В современной эпистемологии развиваются новые концепции познания, альтернативные аналитическому и сциентистскому подходам. Одной из них является социальная эпистемология, которая характеризуется как концептуальное и нормативное исследование релевантности знанию социальных отношений, ролей, интересов и институтов [1, 2]. Феминистская концепция эпистемологии, без сомнения, может быть отнесена к этой новой парадигме, поскольку изучает воздействие социальных практик на процесс приобретения знаний. Помимо этого феминистская эпистемология делает акцент на познавательные возможности гендерных меньшинств в качестве альтернативы классическим теориям познания, созданным, как принято говорить, «белыми мужчинами» [3, с. 160].

В основе феминистской эпистемологии лежит критика классической научной парадигмы, отрицающей идею о том, что наука и знание появляются и существуют внутри исторического, культурного и общественного контекста, который определенным образом влияет как на процесс получения знания, так и на его результат [4]. В целом, феминистская критика философии науки направлена против классической идеи объективности и рациональности научного знания, против позитивистской эпистемологии, т.е. против универсальных (или универсализирующих) утверждений о бытии, природе и силе разума, прогрессе, науке, языке и субъекте/самости. Феминистские философы полагают, что эти доминантные концепции и практики познания во многом способствуют исключению из них женщин как предмета исследований. Анализ различных социальных и гуманитарных наук, проведенный в 1980-е гг. философами, антропологами, историками, психологами, показал, что женщины не являются ни субъектом, ни объектом познания. Так, например, под видом изучения человека вообще (*Homo sapiens*) биология, антропология,

медицина и психология долгое время фактически изучали мужчин, а женщины и их опыт не были включены в исследовательское поле [5, р. 1–15, р. 173–181; 6; 7; 8].

Доминантный способ научного познания основан на нескольких априорно принимаемых основаниях: а) дихотомическом разделении мира на познающее и познаваемое, разум и природу, субъект и объект, независимый от познающего; б) тезисе о ценностной нейтральности знания; в) требовании эмоциональной отстраненности познающего. Феминистки доказывают, что эта концепция объективности соответствует маскулинному когнитивному стилю: абстрактному, теоретическому, аналитическому, бесстрастному, количественному, дедуктивному, атомистическому, ориентированному на доминирование.

Феминистские философы и историки науки полагают, что проведение четких различий между познающим и объектом познания (т.е. создание субъект-объектной дихотомии) весьма проблематично [9]. Феминистки оспаривают утверждение о том, что установление дистанции между этими оппозициями действительно гарантирует незаинтересованность, отчужденность, автономность исследователя от изучаемого объекта и получение объективного результата [6, р. 79]. Идеал мировоззренческой нейтральности ученого, возможность объективного, незаинтересованного «взгляда из ниоткуда» также оспариваются многими на том основании, что представления о мире отражают интересы, позиции и предрассудки наблюдателей, и вряд ли может быть иначе, если принять во внимание тот факт, что научные теории всегда выходят за рамки представленных доказательств.

Феминистские философы подчеркивают, что познающий субъект всегда находится в определенной социальной и политической ситуации, что, соответственно, ведет к ситуативности познания. Иными словами, познание отражает

частные интересы и перспективы субъекта, и поэтому признание ситуативности познания в принципе повышает его ценность и объективность. Более того, некоторые феминистские критики утверждают, что предположение о нейтральности ученого и науки не просто гносеологическая ошибка. Гораздо важнее понять, что она генерирует дальнейшие ошибки в научных теориях, которые имеют пагубные последствия для лиц, занимающих подчиненное положение в обществе, в частности для женщин [10]. История науки, по мнению феминистских философов, представляет не один пример того, как научные положения использовались для рационализации, оправдания и придания «естественного статуса» доминирующим идеологиям, потому что в действительности ученые не более защищены от политических влияний, чем все другие люди. Феминистки подчеркивают, что в основе классической науки лежит признание ценностей рациональности, объективности, беспристрастности, отказа от эмоционального отношения к изучаемому объекту. А поскольку в культуре эти качества символически ассоциируются с маскулинностью, это порождает понимание самой науки исключительно мужской сферой деятельности [7, 11].

Для доказательства этого тезиса феминистские философы обратились к анализу основных принципов, на которых строится наука. Современная концепция науки как совокупности рациональных теорий и методов, позволяющих получить объективное и истинное знание о природе, начала складываться в XVII в. В отличие от натурфилософов, которые для описания природы использовали метафору организма, Ф. Бэкон, родоначальник науки Нового времени, описывает природный материальный мир через метафору «механической машины». Задача науки, по мнению Бэкона, — это покорение природы и овладение ею посредством разума. Он активно использует гендерный символизм: природа у Бэкона всегда «Она» («She»); знание, разум и наука — только «Он» («He»). Упрекая Аристотеля в том, что в своей философии он оставил природу «нетронутой и ненасилованной», Бэкон предлагал утвердить законный брак между познанием и природой, в котором познающему субъекту отведена роль и работа мужчины, утверждающего свою власть и доминирование над природой [11, р. 87]. Эта линия была продолжена Декартом, который также полагал необходимым «очистить» знание и рассудок от ассоциаций с поня-

тиями Матери-земли, отделить Логос от Софии, дистанцировать мужчину и «его» разум от Природы. Сущность картезианского метода состоит в приобретении «привычки отделять интеллектуальное от телесного», освобождать умозрительное от чувственного. Эмоции, воображение и все чувственное было целиком отнесено к сфере женского, феминного. В картезианстве утверждалась новая маскулинная теория познания, в которой отчуждение от природы (женственного) стало позитивной эпистемологической ценностью. Это, по мнению феминистских философов, наглядно демонстрирует символическую связь между социально сконструированными категориями «науки» и «маскулинности», с одной стороны, и «природы» и «женственности» — с другой [12].

Необходимо подчеркнуть, что антирационализм и антисциентизм феминизма соотносятся с некоторыми идеями XX в. Само противоречие между сциентизмом и антисциентизмом рассматривается как фундаментальное для философии XX в. Общая критика современной науки феминистскими авторами совпадает с теми характеристиками, какими наделяют современную науку различные философские, историко-культурные или методологические направления, и прежде всего — с идеями теоретиков франкфуртской школы. Критикуя классические представления о науке, феминистки отнюдь не собирались создавать особую феминистскую науку. Свою задачу они видели в том, чтобы преодолеть некоторые существующие в науке гендерные предубеждения, недостатки и включить феминистскую перспективу в научный дискурс [6, 13].

Однако следует заметить, что если критика феминистками методологических принципов традиционной науки выглядит обоснованно и находит поддержку также со стороны *нефеминистских* исследователей, то собственные идеи, предлагаемые феминистками, кажутся менее обоснованными и не составляют целостной картины. Это скорее наброски к созданию, чем собственно создание, поскольку они касаются некоторых отдельных позиций — понятий объективности, ценностной нейтральности, эмоциональной вовлеченности исследователя. Стремясь избежать субъект-объектной дихотомии, феминистские философы предлагают использовать процессуальное понятие объективности — т.е. такое, которое было бы пригодно для конкретного исследования. Однако методологически эта идея остается неразработанной. Помимо этого они оспаривают неко-

торые базовые методические принципы традиционной науки. Так, феминистские теоретики подчеркивают эпистемическую плодотворность *эмоционального взаимодействия* с объектом исследования, поскольку полагают, что эмоции выполняют важные познавательные функции в моральных и политических исследованиях. В социальных научных исследованиях эмоциональное взаимодействие с субъектами исследования также может быть необходимым для появления научного интереса и интерпретации поведения. Например, этнографам необходимо завоевать доверие своих респондентов, чтобы заставить их раскрыться. Е. Келлер [6] предложила понятие «динамической объективности», основанной на внимании к объекту. Келлер утверждает, что это отношение более эффективно для исследований, поскольку не несет невротической (с ее точки зрения) потребности сохранить независимость собственной личности, доминируя над объектом исследования (последнее, по ее мнению, характерно для «объективности-как-нейтральности»). Правда, даже среди феминисток немногие с ней согласны. С. Хардинг выступает в защиту *рефлексивности* в процессе познания. Она утверждает, что, вопреки общепринятому в классической науке тезису о том, что включение личных интересов и социальных позиций исследователя в контекст исследования противоречит требованию объективности и нейтральности, взаимодействие ученых с изучаемыми объектами автоматически не приводит к невозможности получить объективный и истинный результат. Хардинг назвала такое осознание исследователем своих социальных позиций, интересов, ценностей, фоновых обстоятельств, предубеждений «сильной объективностью» [14, р. 167]. Х. Лонгино также полагает, что идеологические, политические и профессиональные интересы во многом определяют индивидуальную карьеру исследователя. Она согласна с идеей о социальном конструировании науки, поскольку, с ее точки зрения, совместимость гипотез или теорий с социальными интересами членов научного сообщества определяет их принятие научным сообществом и определяется этим сообществом в гораздо большей степени, чем совместимостью гипотез и теорий с реальностью. Лонгино, как представительница феминистской эпистемологии, отрицает тезис о том, что в науке действует так называемый нейтральный, ничем не обусловленный познающий субъект (*unconditioned subject*), руководствующийся только методологическими правилами, нейтральными по от-

ношению к социуму и ценностям. Она доказывает, что познавательная деятельность исследователей обусловлена различными аспектами «их социальной локализации — начиная с их зависимости от государственных агентств и индустрии, с точки зрения поддержки, до их расположения на интеллектуальной линии и их позиций с точки зрения расы, пола и классовой сетки их общества» [15, р. 138–139]. Именно поэтому Лонгино предложила *концепцию объективности на основе демократического обсуждения*. Ее ключевая идея заключается в том, что производство знания — это социальный процесс, осуществляемый посредством критического и кооперативного взаимодействия исследователей. Эта идея опирается на некоторые высказанные ранее Т. Куном и П. Фейерабендом идеи о том, что чисто методологическое описание научной деятельности необходимо дополнять описанием социологического, психологического, культурологического контекста. Иными словами, они полагали, что общезначимость научного знания невозможно объяснить чисто методологически. Как пишет Т.Г. Лешкевич, «для Куна основой объяснения общезначимости стала коллективная гештальт-парадигма. Фейерабенд увидел ее во вседозволенности и методологическом анархизме, тем самым провозгласив самой важной эпистемологической категорией конца XX в. плюрализм, хотя первоначально эпистемология отталкивалась от принципа соизмеримости всех познавательных утверждений. Плюрализм современной эпистемологии, или эпистемологии “последней волны”, утверждает толерантность отношений между разными типами рациональности, культурно-исторической детерминацией, научной институционализацией и многообразием традиций» [16]. Метод достижения объективности на основе демократического обсуждения предполагает проведение совместных дискуссий, учет исследователем критических замечаний и изменение своей теории в соответствии с ними, равенство прав членов исследовательского сообщества независимо от их интеллектуального авторитета. Правда, последнее требование вызвало наиболее сильную критику, поскольку возникал вопрос о различиях в компетенции исследователей [17, р. 15].

В целом, для всех направлений феминистской эпистемологии характерны две идеи: 1) «женская инаковость» обуславливает существование особой женской/феминистской позиции в мышлении и познании и 2) женщины не являются пассивным

объектом, о котором традиционная наука иногда производила «объективные» знания, *но производят собственные знания*. Эти дискуссионные идеи были по-разному эксплицированы в различных течениях феминистской эпистемологии.

Феминистский эмпиризм не отвергает тезис позитивистского эмпиризма о том, что опыт является первичным источником познания, однако показывает, что традиционная социальная наука игнорирует *женский* опыт в процессе познания. Ранние феминистские эмпирики в 1970–1980-е гг. попытались включить женщин как объект исследования в различные научные дисциплины. Однако вскоре стало ясно, что эта задача не выполнима, поскольку добавление «женского взгляда» — в том случае, если это происходило — в корне меняло (и иногда даже разрушало) теорию, построенную на патриархатных основаниях. Осмысляя этот феномен, теоретики радикального феминизма пришли к выводу, что «исключение женщин» и того, что символически маркируется как феминный способ познания мира, является фундаментальным структурирующим принципом и ключевой предпосылкой патриархатного дискурса. При такой постановке вопроса женщины могут быть включены в патриархатный дискурс только как «дубликат» мужчины, что, разумеется, не устраивает феминистских философов. Они настаивали на том, что «женские истина, опыт и реальность всегда отличаются от мужских, так же, как и их продукция и артефакты по-разному оцениваются и легитимизируются в патриархатной культуре» [18, р. 147]. Поэтому объектом изучения для феминистских эмпириков стала именно категория женского опыта. Феминистские и женские исследования стали открыто и сознательно апеллировать к использованию коллективного женского жизненного опыта как основы для разработки новой методологии социального познания. Это, собственно, и легло в основу феминистского эмпирицизма как одного из направлений новой эпистемологии. В своем анализе опыта женщин феминистские эмпирики используют несколько методов: рост самосознания (в процессе которого раскрываются скрытые пласты психики личности, что приводит к эмоциональному катарсису); драма (проблематизация опыта, перформанс); исследование генеалогии женских взаимоотношений и общности интересов женщин в различные исторические периоды; метод описания «полифонического потока сознания», визуальные техники и др. Позже феминистские эмпирики привлекли для обоснования

своей позиции идеи У. Куайна об онтологической относительности эмпирического знания, которая во многом связана с тем, какие концептуальные схемы истолкования опыта выбирает исследователь на основе прагматических соображений. Таким образом, одна и та же эпистемологическая схема может быть в одних проблемных ситуациях релевантной, а в других — нет [19]. Поэтому сегодня феминистски-эмпирики используют идеи о ситуативности знаний, необходимости учета взаимодействия фактов и ценностей и множественности объяснительных теорий. Не только феминистки, но и многие современные эпистемологи выдвигают идеи о прагматическом предназначении науки, которая должна приносить пользу человечеству.

Феминистская позиционная эпистемология, или эпистемология с феминистских позиций (feminist standpoint epistemologies), основана на двух принципах: 1) социальные позиции доминантных групп дают им привилегированный доступ к получению и производству знаний; доминантный познающий субъект оттесняет на исследовательскую обочину и маргинализует все «неважное и незначимое», с его точки зрения, тем самым выстраивая картину мира «по своей мерке»; 2) реальным социальным знанием обладают, наоборот, угнетенные группы, которые и должны обладать эпистемологическими привилегиями. Именно поэтому важнейшей теоретической задачей является утверждение женственности как эпистемологической позиции. Это означает, что женщина как познающий субъект ставит под вопрос традиционные теории, методы, процедуры и открыто переосмысливает их со своей «женской позиции». Работающие в этом направлении философы С. Хардинг, М. Хинтика, Н. Хартсок и Д. Смит по-разному акцентируют особое положение женщин в процессе получения знания. Так, Х. Роуз апеллирует к эмпирическому опыту женщин, которые в своей повседневной жизни могут соединять интеллектуальный, эмоциональный и практический (ручной) аспекты труда. Она считает, что знание, добываемое не только головой, но и руками и сердцем, посредством собственного опыта «прощупывания, обдумывания и прочувствования», дает гораздо больше, чем может получить мужчина с его исключительно интеллектуальным, не личностным, абстрактным опытом [20]. Н. Хартсок утверждает, что, в отличие от мужчин, женщина, сосредоточенная на приватной сфере, ориентируется не на вещи, а на отношения, и поэтому

для женского миропонимания характерны миролюбие, отказ от конкуренции, конфронтации и иерархичности, т.е. цельность и гармония. По ее мнению, женский «опыт связей с другими, с миром природы, связь между духом и телом создает онтологическую основу для развития бесконфликтного социального синтеза, которому не свойственны посягательства на природу или жестокая борьба Я с Другим; такого социального синтеза, который независим ни от каких форм абстрактной маскулинности» [21, р. 303]. По мнению Дж. Флекс, зависимость женщин дает возможность для возникновения нового, неиерархичного знания, которое требует «возвращения угнетенных» [22]. Д. Смит развивает социологическую аргументацию. Женская точка зрения, детерминируемая, по мнению Д. Смита, «разорванной» субъективностью женщины, предполагает множественность позиций. Двойственной оказывается и роль женщины по отношению к мужчине. С одной стороны, освобождая его от конкретной заботы о бытовом и телесном, она позволяет ему быть в «однозначном мире абстрактных универсальных представлений». С другой стороны, женщина передает ему функцию управления и становится незаметной для него. Это «исчезновение женщины» и ее специфичного конкретного чувственного труда, эта принципиальная «непохожесть» женского класса на господствующий маскулинный должны быть использованы в предполагаемом принятии многих реальностей жизни женщин [23].

Феминистская позиционная эпистемология оказывается в затруднительной ситуации, когда на основании абстрактного и эссенциалистского понятия «женщина» пытается сформулировать представления об общем либо коллективном женском сознании и опыте угнетения. Между женщинами существует много различий, которые по-разному формируют их сознание. Как справедливо отмечает постколониальная феминистка М. Лугонес, «женщины не обладают “привилегированным доступом” даже к пониманию своего угнетения, поскольку оно принимает разные формы для разных женщин, в зависимости от их расы, этноса, класса, сексуальной ориентации, религиозной принадлежности» [24, р. 574].

Критики этой позиции внутри феминизма отмечают, что обычным женщинам так же мало свойственно изначально и без особых причин задумываться над своим положением, как рабочим не свойственно изначально иметь «пролетарское сознание». Хотя бытие, несомненно, и определя-

ет сознание, это не означает, что всякое эмпирическое сознание (т.е. индивидуум) действительно отдает себе в этом отчет. Большинство исследователей сомневаются, что возможно провести четкое разграничение между эпистемологическими позициями обоих полов. Как справедливо отмечает К. Клиндер, «сам по себе факт принадлежности к женскому полу еще не позволяет делать выводы о непосредственном доступе к более высоким ступеням мудрости, а наша роль потерпевшего в ситуации угнетения сама по себе еще не вызывает появление абстрактной “сопричастности”, на которую мы так охотно ссылаемся как на нечто неоспоримое и абсолютно очевидное» [25, с. 120].

Как мы видим, разработки феминистской позиционной эпистемологии во многом базируются на многократно критикуемом эссенциализме. Декларативное обозначение женского опыта как «лучшего» по сравнению с мужским не может способствовать развитию новой и продуктивной эпистемологической парадигмы. Тезис о том, что способы познания, которые маркируются как «феминные», обладают большей значимостью и ценностью по сравнению с маскулинными рациональными способами, фактически отражает все те же старые аргументы, только повернутые в обратном направлении. Эту проблему осознавали и некоторые феминистки. С. Хардинг подчеркивала, что, «развивая теории, содержащие истинную (феминистскую) историю человеческого опыта, феминизм рискует пойти вслед за патриархатными теориями и начать контролировать мышление на основании того, что лишь проблемы некоторых женщин являются общечеловеческими проблемами, а единственно разумными решениями являются лишь предлагаемые феминизмом решения... Если больше нет универсального и эссенциального Мужчины, то нет и его скрытой спутницы — Женщины. Вместо этого мы имеем дело с огромным количеством женщин, живущих в сложных исторических комплексах, складывающихся из класса, расы и культуры» [26, р. 284]. Многие исследователи, разделяющие гуманистический пафос феминизма, тем не менее не согласны с различением познавательных способностей на мужские и женские; они подчеркивают, что основные когнитивные способности потенциально не различаются в зависимости от пола, а актуализируются в определенных образовательных и воспитательных ситуациях.

Феминистская постмодернистская эпистемология представлена работами Р. Брайдотти, Л. Николсон, С. Хекманн [27, 28, 29], которые отказываются от рациональной модели познания и единой универсальной эпистемологии и, напротив, поддерживают идею о плюрализме эпистемологических перспектив. В общем виде это означает, что любой производитель знания имеет частичную или ограниченную точку зрения, и никакая интеллектуальная позиция (мнение) не лучше другой. Иными словами, феминистское знание ничуть не лучше других. Такая эпистемологическая позиция в принципе позволяет подчеркнуть ценность тех типов знания, на которые ранее смотрели как на малозначимые или слишком эмпирические (например, обыденные знания, личный опыт). Это дает шанс т.н. «второстепенным голосам» говорить на равных с доминирующими группами. В результате отличительной чертой новых направлений в феминизме стала принципиальная позиция антиинтеллектуализма и отсутствие стремления к созданию теории, так как каждая участница может быть сама себе теоретиком или гуру. Личный текст и дискурс получили онтологическое первенство, а действительность стала оцениваться как субъективная. При таком подходе эпистемология превратилась в лингвистические, исторические, политические и психологические исследования форм образования знания.

Существование различных фракций в постмодернистском феминизме привело некоторые из них к необходимости искать более стабильные основания, чем у феминистских эмпириков и позиционных теоретиков. Д. Харауэй [10] пытается реконструировать идеи объективности и эпистемической ответственности в соответствии с идеей о ситуативности знания. Н. Фрейзер [30] также настоятельно призывает учитывать идеи прагматизма и контекстуализации знаний и осторожнее относиться к масштабным социальным теориям и нормативной философии. Критика постмодернистской феминистской эпистемологии — как со стороны феминисток, так и со стороны других исследователей — сводится к тому, что они не могут представить никакой позитивной программы, а только бросают вызов нормативному знанию.

Деколониальный проект в эпистемологии феминизма развивается в рамках более общего интеллектуального проекта деколонизации мышления. По мнению основоположника деколониального проекта А. Кихано, феномен коло-

*ниальности власти сформировался в XVI в. на двух фундаментальных принципах. Первым принципом стала система доминирования над субъектностью на основании расы как основного критерия социальной и культурной классификации населения мира. Вторым принципом стала система контроля и эксплуатации труда [31, с. 191]. Свою роль в этом процессе сыграла и универсалистская европоцентристская система знаний. Сторонники этой позиции подчеркивают, что модернистский проект строился на европоцентристском понимании человека и рациональности. Вся западная эпистемология основана на понимании человека (Homo sapiens) как европейца-мужчины, из него исключались люди другой веры, иных цвета кожи, сексуальной ориентации вместе с их знаниями, культурой, способами мышления. Чужое знание считалось нелегитимным. Колониальная система производства знания создавала, поддерживала и воспроизводила расизм и патриархальность. М. Тлостанова подчеркивает: «Эти внутренние рычаги и импульсы европоцентристской системы производства знания, основанные в модерности на колониальных и имперских эпистемологических различиях, отражались во всех дисциплинах, сложившихся в период светской модерности и основанных на изучении *иного* как отклонения от своего» [32, с. 384].*

Деколониальный проект предполагает, с одной стороны, полный отказ от западной истории и западных эпистем как оснований возникновения колониальной матрицы власти, мышления и бытия. Адепты деколониального проекта обращаются к незападным культурам как к генераторам *других* эпистем и «неевропейских моделей мышления» [32, с. 71]. Именно поэтому деколонизация представляет собой не столько политический или социальный проект, сколько мыслительный процесс деколонизации сознания и знания.

Колониальное сознание формировалось разными конфигурациями социальных конструкторов гендера, расы, класса, поэтому важной частью трансформации этого сознания является изучение частей (или секций), его составляющих. В западной эпистемологической литературе иногда используется термин «интерсекциональный анализ», который подчеркивает разнообразие ситуаций производства знания в социально, национально, этнически, классово и гендерно гетерогенном мире. Важной частью деколониальной/интерсекциональной эпистемологии является деконструкция универсальных категорий мас-

кулинности и феминности, характерных для западного знания (даже в его феминистской части), и введение понятия разногендерности. Этот концепт призван обратить внимание исследователей на разнообразные и множественные конфигурации тех социальных параметров (гендер, раса, этнос, класс), которые образуют систему неравенства в мире и продуцируют разные эпистемические парадигмы.

Однако нельзя не заметить значительный недостаток нового эпистемологического проекта. Отвергая «евроцентристскую» эпистемологию, деколониальные мыслители тем не менее не могут отчетливо сформулировать свои собственные принципы. Призывы к созданию «пограничного мышления и эпистемологии» выглядят весьма туманными. Идея создания трансцендентных, трансэпистемологических и трансдисциплинарных гуманитарных и социальных наук также носит весьма абстрактный характер.

Разделяя критику «эпистемологического насилия западного феминизма» со стороны как западных, так и незападных феминисток, я все же должна критически высказаться в адрес их концепций. Стремление создать новые познавательные инструменты через введение эмпирического опыта субъекта, использование «неведомых Западу» эпистем можно только приветствовать. Однако, как мне представляется, попытки заменить эссенциалистское понятие «женщина» (уже отвергнутое самими западными феминистками) «мирадами» множественных субъектов [33, 34], а бинарную логику — «коалицией» множественных логик [35] пока выглядят еще более абстрактно, чем любая из западных философем. Многие современные эпистемологи пытаются преодолеть бинарность мышления, которая часто рождает различного рода иерархии, в том числе и в сфере знания. Однако предлагаемые деколониальными феминистками новые способы познания выглядят пока скорее как индивидуальное таинство, чем как более или менее массово используемые процедуры.

В заключение необходимо подчеркнуть, что возникновение феминистской эпистемологии обусловлено не только развитием феминистской теории, но и возникновением постнеклассической науки и философии в конце второй половины XX в. Феминистскую эпистемологию роднит с постнеклассическими концептами познания несколько общих принципов: понимание роли повседневности и эмпирического бытия человека, которые находятся на границе познания и практи-

ки; принятие идеи дискурсивности знания, в котором важную роль играет язык как символическая система; понимание знания как «становящегося процессом», в котором возникают и исчезают различные парадигмы; приверженность гуманистическим и этическим нормам в науке.

Феминистская эпистемология основана на методологических принципах, которые роднят ее с такими направлениями социальной эпистемологии. Среди них:

- анализ влияния гендерных (т.е. социальных) факторов на конституирование знания. Это направление рассматривает роль и влияние гендерной принадлежности исследователя на результаты его научной деятельности, дифференциацию научных отраслей по гендерному признаку, гендерные стереотипы в теоретических исследованиях;

- отказ от субъект-объектной оппозиции «исследователь – исследуемый», что позволяет анализировать те пути исследовательского процесса, которые скрывали вклад женщин в исследовательскую практику;

- этизация науки, или «этико-политическое измерение» знания, что означает смещение акцента по отношению к взаимодействию «исследователь – исследуемый» от «взгляда сверху» к «взгляду снизу»;

- ориентация исследовательского процесса на действие, что в данном случае предполагает трансформацию патриархатных социальных институций.

Несмотря на отмеченные выше ограниченности феминистской эпистемологии, она помогает по-новому взглянуть на многие фундаментальные проблемы общества. Феминистские философы смогли обратить внимание представителей социальной и гуманитарной науки на тот факт, что важно понимать не только то, *что* мы знаем и *как* мы познаем, но и из *какой перспективы* мы познаем. Осознание того факта, что производство знания есть политический процесс, в том смысле, что некоторые типы знания считаются «более правильными», чем другие, открывает новые теоретические и гуманитарные перспективы социального знания.

Список литературы

1. Мотрошилова Н.В. «Социальная эпистемология»: новые проблемы, дискуссии и дихотомии // Ценности и смыслы. 2011. № 5. С. 5–31.
2. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И.Т. Касавина. М.: Канон+, 2010. 712 с.

3. Деблассио А. Новые тенденции в альтернативных эпистемологиях // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 23, № 1. С. 160–172. DOI: 10.5840/eps201023117.
4. Potter E. *Feminism and Philosophy of Science: An Introduction*. L.; N.Y.: Routledge: Taylor & Francis Group, 2006. 206 p.
5. *Feminist Thought and the Structure of Knowledge* / ed. by G. McCanney. N.Y.: New York University Press, 1988. 200 p.
6. Keller E.F. *Reflections on Gender and Science*. New Haven: Yale University Press, 1985. 193 p.
7. *Feminist Approaches to Science* / ed. by R. Bleier. N.Y.: Pergamon Press, 1986. 212 p.
8. *Феминизм: перспективы социального знания* / под ред. О.А. Ворониной. М.: ИФ РАН-ИНИОН РАН, 1992. 242 с.
9. Haslanger S. *Ontology and Social Construction* // *Philosophical Topics*. 1995. Vol. 23. P. 95–125. DOI: 10.5840/philtopics19952324.
10. Haraway D. *Situated Knowledge: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective* // *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*. N.Y.: Routledge, 1991. P. 183–203.
11. Bordo S. *The Flight to Objectivity: Essays on Cartesianism and Culture*. Albany: State University of New York Press, 1987. 160 p.
12. Воронина О.А. *Оппозиция материи и духа: гендерный аспект* // *Вопросы философии*. 2007. № 2. С. 56–66.
13. *Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics and the Philosophy of Science* / ed. by S. Harding, M. Hintikka. Dordrecht: Reidel, 1983. 332 p.
14. Harding S. *Rethinking Standpoint Epistemology: «What is “Strong Objectivity?”»* // *Feminist Epistemologies* / eds. L. Alcoff, E. Potter. N.Y.: Routledge, 1993. P. 49–82.
15. Longino H. *Subjects, Power and Knowledge: Description and Prescription in Feminist Philosophies of Science* // *Feminist Epistemology* / eds. L. Alcoff, E. Potter. N.Y.: Routledge, 1993. P. 101–120.
16. Лешкевич Т.Г. *Философия науки: традиции и новации. В чем специфика эпистемологии, гносеологии, методологии и философии науки? Эпистемология как «департамент мысли»* / Библиотека «Полка букиниста». URL: http://society.polbu.ru/leshkevich_sciencephilo/ch02_i.html (дата обращения: 26.02.2017).
17. Anderson E. *Uses of Value Judgments in Science: A General Argument, with Lessons from a Case Study of Feminist Research on Divorce* // *Hypatia*. 2004. Vol. 19, № 1. P. 1–24. DOI: 10.1111/j.1527-2001.2004.tb01266.x.
18. Belenky M.F., Clinchy B.M., Goldberger N.R., Mattuck T.J. *Women’s Ways of Knowing: The Development of Self, Voice and Mind*. L.: Basic Books Inc., 1986. 256 p.
19. Печенкин А.А. *От Куайна к феминистскому эмпиризму: кризис эпистемологии в современной философии науки* // *Философские искания: Московско-Петербургский сборник*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. Т. 2. С. 193–214.
20. Rose H. *Hand, Brain and Heart: a Feminist Epistemology for the Natural Sciences* // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 1983. Vol. 9, № 1. P. 73–90. DOI: 10.1086/494025.
21. Hartsock N.C.M. *The Feminist Standpoint Revisited and other Essays*. N.Y.: Westview Press, 1998. 272 p.
22. Flax J. *Political Philosophy and the Patriarchal Unconscious* // *Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics and the Philosophy of Science* / ed. by S. Harding, M. Hintikka. Dordrecht: Reidel, 1983. Vol. 161. P. 245–281. DOI: 10.1007/0-306-48017-4_14.
23. Smith D. *The Conceptual Practice of Power: a Feminist Sociology of Knowledge*. Boston: North Eastern University Press, 1990. 235 p.
24. Lugones M., Spelman E. *Have We Got a Theory for You! Feminist Theory, Cultural Imperialism, and the Demand for «The Woman’s Voice»* // *Women’s Studies International Forum*. 1983. Vol. 6, iss. 6. P. 573–581. DOI: 10.1016/0277-5395(83)90019-5.
25. Клинггер К. *Позиции и проблемы теории познания* // *Пол, гендер, культура* / под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М.: РГГУ, 2000. Вып. 2. С. 118–127.
26. Harding S. *The Instability of the Analytical Categories of Feminist Theory* // *Sex and Scientific Inquiry* / ed. by S. Harding, J. O’Barr. Chicago: University of Chicago Press, 1987. P. 283–302.
27. Braidotti R. *Patterns of Dissonance: A Study of Women in Contemporary Philosophy*. N.Y.: Routledge, 1991. 336 p.
28. *Feminism/Postmodernism* / ed. L. Nicholson. N.Y.; L.: Routledge, 1990. 360 p.
29. Hekman S. *Truth and Method: Feminist Standpoint Theory Revisited* // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 1997. Vol. 22, № 2. P. 341–365. DOI: 10.1086/495159.
30. Fraser N. *False Antitheses* // *Feminist Contentions* / ed. by S. Benhabib, J. Butler, C. Drucilla, N. Fraser. N.Y.: Routledge, 1995. P. 59–74.
31. Глостанова М.В. *Деколониальные гендерные эпистемологии*. М.: ООО ИПЦ «Маска», 2009. 386 с.
32. Lugones M. *Heterosexualism and the colonial/modern gender system* // *Hypatia*. 2007. Vol. 22, № 1. P. 186–209. DOI: 10.1111/j.1527-2001.2007.tb01156.x.

33. Mohanty Ch.T. *Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses // Feminist Theory: A Reader* / ed. by W. Kolmar, F. Bartkowski. Mountain View, CA: Mayfield, 2000. P. 344–351.
34. Namaste V. *Undoing Theory: The «Transgender Question» and the Epistemic Violence of Anglo-American Feminist Theory // Hypatia*. 2009. Vol. 24, № 3. P. 11–32. DOI: 10.1111/j.1527-2001.2009.01043.x.
35. Narayan U. *Dislocating Cultures: Identities, Traditions, and Third-World Feminism*. N.Y.: Routledge, 1997. 240 p.

Получено 02.03.2017

References

1. Motroshilova N.V. «*Sotsial'naya epistemologiya*»: *novye problemy, diskussii i dikhotomii*. [Social Epistemology: New Problems, Discussions and Dichotomies]. *Tsennosti i smysly* [Values and Meanings]. 2011, no. 5, pp. 5–31. (In Russian).
2. *Sotsial'naya epistemologiya: idei, metody, programmy / pod red. I.T. Kasavina* [Social Epistemology: Ideas, Methods, Programs. Ed. by I.T. Kasavin]. Moscow, Kanon Plus Publ., 2010, 712 p. (In Russian).
3. DeBlasio A. *Novye tendentsii v al'ternativnykh epistemologiyakh* [New Trends in Alternative Epistemology]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. 2010, vol. 23, no. 1, pp. 160–172. DOI: 10.5840/eps201023117. (In Russian).
4. Potter E. *Feminism and Philosophy of Science: An Introduction*. New York, Routledge, Taylor & Fransis Group Publ., 2006, 206 p. (In English).
5. *Feminist Thought and the Structure of Knowledge*. Ed. by G. McCanney. New York, New York University Press, 1988, 200 p. (In English).
6. Keller E.F. *Reflections on Gender and Science*. New Haven, Yale University Press, 1985, 193 p. (In English).
7. *Feminist Approaches to Science*. Ed. by R. Bleier. New York, Pergamon Press, 1986, 212 p. (In English).
8. *Feminizm: perspektivy sotsial'nogo znaniya / pod red. O.A. Voroninoy* [Feminism: Perspectives of Social Knowledge. Ed. by O.A. Voronina]. Moscow, IF RAS-INION RAS Publ., 1992, 242 p. (In Russian).
9. Haslanger S. *Ontology and Social Construction*. *Philosophical Topics*. 1995, vol. 23, pp. 95–125. DOI: 10.5840/philtopics19952324. (In English).
10. Haraway D. *Situated Knowledge: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective*. *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*. New York, Routledge Publ., 1991, pp. 183–203. (In English).
11. Bordo S. *The Flight to Objectivity: Essays on Cartesianism and Culture*. Albany, State University of New York Press, 1987, 160 p. (In English).
12. Voronina O.A. *Oppozitsiya materii i dukha: gendernyy aspekt* [Spirit and Matter Opposition: Gender Aspect]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. 2007, no. 2, pp. 56–66. (In Russian).
13. *Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics and the Philosophy of Science*. Ed. by S. Harding, M. Hintikka. Dordrecht, Reidel Publ., 1983, 332 p. (In English).
14. Harding S. *Rethinking Standpoint Epistemology: «What is “Strong Objectivity?”»*. *Feminist Epistemologies*. Ed. by L. Alcoff, E. Potter. New York, Routledge Publ., 1993, pp. 49–82. (In English).
15. Longino H. *Science, Power, Knowledge: Description and Prescription in Feminist Philosophy of Science*. *Feminist Epistemologies*. Ed. by L. Alcoff, E. Potter. New York, Routledge Publ., 1993, pp. 101–120. (In English).
16. Leshkevich T.G. *Filosofiya nauki: traditsii i novatsii. V chem spetsifika epistemologii, gnoseologii, metodologii i filosofii nauki? Epistemologiya kak «departament mysli»* [Philosophy of Science: Traditions and Innovations. What is the Specificity of Epistemology, Gnosis, Methodology and Philosophy of Science? Epistemology as a «Department of Thought»]. «Bouquiniste's bookshelf» Library. Available at: http://society.polbu.ru/leshkevich_sciencephilo/ch02_i.html (accessed: 26.02.2017). (In Russian).
17. Anderson E. *Uses of Value Judgments in Science: A General Argument, with Lessons from a Case Study of Feminist Research on Divorce*. *Hypatia*, 2004, Vol. 19, no. 1, pp. 1–24. DOI: 10.1111/j.1527-2001.2004.tb01266.x. (In English).
18. Belenky M.F., Clinchy B.M., Goldberger N.R., Tarulett J.M. *Women's Ways of Knowing: The Development of Self, Voice and Mind*. New York, Basic Books Inc. Publ., 1986, 256 p. (In English).
19. Pechenkin A.A. *Ot Kuayna k feministkomu empirizmu: krizis epistemologii v sovremennoy filosofii nauki* [From Quine to Feminist Empiricism: the Crisis of Epistemology in the Modern Philosophy of Science]. *Filosofskie iskaniya: Moskovsko-Peterburgskiy sbornik* [Philosophical Searches: Moscow-Petersburg Collection]. Moscow, Moscow University Publ., 2011, vol. 2, pp. 193–214. (In Russian).
20. Rose H. *Hand, Brain and Heart: a Feminist Epistemology for the Natural Sciences*. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 1983, vol. 9, no. 1, pp. 73–90. DOI: 10.1086/494025. (In English).

21. Hartsock N.C.M. *The Feminist Standpoint Revisited and other Essays*. New York, Westview Press, 1998, 272 p. (In English).
22. Flax J. Political Philosophy and the Patriarchal Unconscious. *Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics and the Philosophy of Science*. Ed. by S. Harding, M. Hintikka. Dordrecht, Reidel Publ., 1983, vol. 161, pp. 245–281. DOI: 10.1007/0-306-48017-4_14. (In English).
23. Smith D. *The Conceptual Practice of Power: a Feminist Sociology of Knowledge*. Boston, North Eastern University Press, 1990, 235 p. (In English).
24. Lugones M., Spelman E. Have We Got a Theory for You! Feminist Theory, Cultural Imperialism, and the Demand for «The Woman’s Voice». *Women’s Studies International Forum*. 1983, vol. 6, iss. 6, pp. 573–581. DOI: 10.1016/0277-5395(83)90019-5. (In English).
25. Klinger C. *Pozitsii i problemy teorii poznaniya* [Positions and Problems of Theory of Cognition]. *Pol, gender, kultura / pod red. E. Shore, K. Khayder* [Sex, Gender, Culture. Ed. by E. Cheaure, C. Heyder]. Moscow, RGGU Publ., 2000, iss. 2, pp. 118–127. (In Russian).
26. Harding S. The Instability of the Analytical Categories of Feminist Theory. *Sex and Scientific Inquiry*. Ed. by S. Harding, J. O’Barr. Chicago, University of Chicago Press, 1987, pp. 283–302. (In English).
27. Braidotti R. *Patterns of Dissonance: A Study of Women in Contemporary Philosophy*. New York, Routledge Publ., 1991, 336 p. (In English).
28. *Feminism/Postmodernism*. Ed. by L. Nicholson. New York, Routledge Publ., 1990, 360 p. (In English).
29. Hekman S. Truth and Method: Feminist Standpoint Theory Revisited. *Signs*. 1997, vol. 22, no. 2, pp. 341–365. DOI: 10.1086/495159. (In English).
30. Fraser N. False Antitheses. *Feminist Contentions*. Ed. by S. Benhabib, J. Butler, C. Drucilla, N. Fraser. New York, Routledge Publ., 1995, pp. 59–74. (In English).
31. Tlostanova M.V. *Dekolonialnye gendernye epistemologii* [De-Colonial Gender Epistemologies]. Moscow, Maska Publ., 2009, 386 p. (In Russian).
32. Lugones M. Heterosexualism and the Colonial-Modern Gender System. *Hypatia*. 2007, vol. 22, no. 1, pp. 186–209. DOI: 10.1111/j.1527-2001.2007.tb01156.x. (In English).
33. Mohanty Ch.T. Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses. *Feminist Theory: A Reader*. Ed. by W. Kolmar, F. Bartkowski. Mountain View, Mayfield Publ., 2000, pp. 344–351. (In English).
34. Namaste V. Undoing Theory: The «Transgender Question» and the Epistemic Violence of Anglo-American Feminist Theory. *Hypatia*. 2009, vol. 24, no. 3, pp. 11–32. DOI: 10.1111/j.1527-2001.2009.01043.x. (In English).
35. Narayan U. *Dislocating Cultures. Identities, Traditions, and Third-World Feminism*. New York, Routledge Publ., 2007, 240 p. (In English).

The date of the manuscript receipt 02.03.2017

Об авторе

Воронина Ольга Александровна

доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник сектора философии культуры

Институт философии Российской академии наук,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: olga-voronina777@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1122-2886

About the author

Voronina Olga Alexandrovna

Doctor of Philosophy,
Leading Researcher (Professor) of the Department
of Philosophy of Culture

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str. Moscow, 109240, Russia;
e-mail: olga-voronina777@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1122-2886

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Воронина О.А. Основные идеи и концепты феминистской социальной эпистемологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 141–151.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-141-151

Please cite this article in English as:

Voronina O.A. Basic ideas and concepts of feminist social epistemology // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 141–151. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-141-151

УДК 165

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-152-157

МЕТАФОРА В ПОЗНАВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ И ЕЕ РОЛЬ В ФИЛОСОФИИ: ИЗМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ*

Береснева Наталья Ириковна, Абраменко Вячеслав Игоревич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Авторы анализируют процесс постепенного усиления эпистемологического статуса метафоризации в связи со сменой научной парадигмы. Очевидно, что осуществившийся переход от классической науки к современной порождает не только постановку новых проблем и изменение содержания различных дисциплин, но и формирование принципиально новой исследовательской культуры. В статье обосновывается идея о том, что изменение представления о науке как таковой, отказ от классического наукоцентризма, истончение границы между наукой и другими когнитивными практиками приводят к пересмотру понятийного инструментария, методологии, включая и метафору. Авторы приходят к выводу о том, что ученые признают особую роль метафоры в процессе познания. Признание аксиологичности, субъектности, коммуникативности, диалогичности, контекстности и конструктивно-творческого характера научно-исследовательской деятельности позволяет рассматривать метафору не как научный нонсенс, а как важный, естественный элемент научного дискурса в силу незавершенности и открытости познавательного акта и его обусловленности контекстом сообщения, несущим смысл. Авторы утверждают, что метафора — это фундаментальное свойство человеческого мышления; а при реализации в когнитивной системе это естественный познавательный процесс, и она выполняет познавательную функцию. Если в контексте когнитивно-дискурсивного направления лингвистики метафоризация представляет собой процесс развития языка в изменяющемся мире, то с точки зрения философии это снятие противоречия между конечностью языка и бесконечностью мира.

Ключевые слова: метафора, научный дискурс, методология науки, научная парадигма.

METAPHOR IN THE COGNITIVE PROCESS AND ITS ROLE IN PHILOSOPHY: CHANGING OF APPROACHES

Natalia I. Beresneva, Vyacheslav I. Abramenko

Perm State University

The authors analyze the process of strengthening of the metaphORIZATION epistemological status in connection with the change of the scientific paradigm. The transition from classical to modern science causes not only setting of new problems and changing of subject areas of different disciplines but also the formation of a new research culture. The article substantiates the idea that change of the idea of science as such, rejection of classical science-centrism, thinning of the boundaries between science and other cognitive practices lead to revision of the conceptual tools and methodologies, including metaphor. The special role of metaphor in cognition is recognized. Recognition of the axiological, subjective, communicative, dialogic, context, constructive and creative nature of research activities allows us to consider metaphor as an important and natural element of scientific discourse due to the incompleteness and openness of the cognitive act and its conditionality by the context of the message bearing the meaning. In the light of the cognitive and discursive area of linguistics, metaphORIZATION is the process of language development in the changing world, while in terms of philosophy it is removal of the contradiction between the finiteness of language and infinity of the world.

Keywords: metaphor, scientific discourse, methodology of science, scientific paradigm.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Мультиmodalная проекция гносеологического процесса» № 16-13-59007.

Гносеологические функции процесса метафоризации и метафоры как таковой сегодня становятся предметом особого внимания философии науки и эпистемологии. Это может быть следствием как лингвистического переворота, который имел место в философии XX века, так и бурного роста в последние годы интереса ученых к исследованию проблем структуры и функций языка, осознания особой роли метафорических образований в разных типах обыденного, художественного, научного и иного дискурса в различных сферах культуры. Кроме того, изменение видения значения метафорических переносов в рамках познавательного процесса произошло за счет изменения традиционных вопросов познавательного плана в философии, а также за счет характерного для постнеклассического периода образа науки.

Вопрос о том, как возможна метафора в научной речи, оказался в центре дискуссий о современных проблемах научной рациональности, критериях науки и месте науки в современном мире, в современной культуре. Метафора — это только инструмент или основа научной онтологии, с какого уровня метафоричности наука перестает быть таковой — все это (и не только) вопросы, вокруг которых ведутся дискуссии о роли метафоры в эпистемологическом процессе.

В данном исследовании мы обосновываем положение о том, что смена представлений о науке как таковой, отказ от классического наукоцентризма, постепенное истончение границы между наукой и другими познавательными практиками приводят к пересмотру состава концептуальных инструментов методологии, которые включают и метафоры. Метафора из маргинальной конструкции в научной речи становится одним из основных элементов научного творчества.

Обсуждение гносеологического статуса метафоры идет в контексте разных моделей науки, каждая из которых основывается на разных философских и методологических основаниях. Этот ряд включает в себя и концепцию науки, основанную на аналитическом подходе, и когнитивистскую исследовательскую программу, и герменевтическую парадигму, и постмодернистский проект, и др. Соответственно указанное разнообразие коррелирует с разнообразием научных дискурсов, «языков». Таким образом, метафора может толковаться в широком диапазоне, начиная от девиантного эпистемологического образования (в идеале классической науки) и заканчивая един-

ственно возможным способом представления знаний (в идеале постмодерна) — от жесткой установки на полное удаление метафоры из научного языка с помощью различных редуцирующих процедур логического плана до ее абсолютной легитимизации и, наконец, до ее представления как основного, базового элемента познавательной деятельности.

Современная философия и методологии науки сталкиваются с проблемами, которые вызваны эрозией ранее установленных стандартов и идеалов. Произошел переход от классической к современной науке — и это не только изменения в ставящихся проблемах и в содержании дисциплин, но и формирование совершенно новой исследовательской культуры. В современном научном дискурсе также происходят фундаментальные изменения, преодолеваются ранее разработанные и налаженные концептуальные структуры классики. Во-первых, происходит преодоление субъект-объектной парадигмы и связанных с ней установок на язык, как на абсолютно прозрачный, нейтральный инструмент описания объекта исследования. Если в классической науке доминирует объективизм (она изучает объект «сама по себе») и это приводит к стремлению полностью удалить из науки субъекта, игнорируется роль собственно познавательных орудий и их влияние на изучаемый объект, то наука неклассическая, наоборот, противопоставляет классическому объективизму субъективизм: объекты оказываются совокупным проявлением свойств и мира, и прибора, и возможностей исследователя — это их взаимодействие. «Тело» знания, таким образом, включает в себя субъекта, а субъект познания, в свою очередь, определяется целым рядом факторов, в том числе не рациональных, таких как идеология, бессознательное, язык.

Модели научной рациональности были совершенно изменены, на это указывает в первую очередь фундаментальное изменение в интерпретации «субъект-объектного» отношения, его замена на «субъект-субъектную» модель. В этой модели акцент перенесен в сферу межличностных коммуникаций, что привело к введению в эпистемологию и философию науки различных антропологических и культурных особенностей. Наука, по словам М.К. Петрова, все больше и больше приобретает черты «человекоразмерности»: «Каждый в отдельности элемент научного знания определенно человекоразмерен — он открыт и знаково

оформлен человеком, которому не дано совершить нечто, превышающее его силы и возможности» [1].

Неклассические философские интерпретации языка (которые основаны на гумбольдтовской интерпретации языка как «органа», посредством которого человек создает или генерирует мысль), также, как правило, концентрируют свое внимание на его идеологических, мифологических особенностях, нарративе, на репрессивных практиках его применения, дискурсивных и конструктивистских. Это и М. Хайдеггер, у которого человек как «пастух бытия» слушает его призыв к абсолютной полноте семантики, и экзистенция как «бытие-в-коммуникации» (К. Ясперс), и интерпретации научного дискурса как герменевтической практики (Ю. Хабермас), и «смерть субъекта» (М. Фуко), и развитие языка «под сенью Власти» (Р. Барт), и деконструкция (Ж. Деррида), и др.

Переход на принципиально новую эпистемологическую стратегию позволяет создавать такие модели науки, где метафора может стать неотъемлемой частью деятельности ученого. Это конечно же не означает методологической вседозволенности, но включает в себя принципиально новый уровень осознания природы научного творчества.

Новая модель рациональности, которую Ю. Хабермас определил как коммуникативную, определяется «фундаментальными коммуникативными структурами», укоренившимися в культуре и языке [2]. Модель науки, соответствующая этому типу рациональности, требует построения новой теории научной метафоры, которая была бы пригодной для решения этой задачи. Это явление следует толковать на основе фундаментального диалогизма академического дискурса, зависимости познавательных актов от контекста общения, от экзистенциальных смыслов. Его значение может быть выявлено только на пересечении различных подходов, концепций, исследовательских программ и стратегий.

Интерес к исследованиям метафоры проявляют также современная литературная критика, лингвистика, психология, когнитивная наука, психолингвистика, теория искусственного интеллекта и др. Количество работ, посвященных проблеме ее функционирования, растет. В философии изучение метафоры является основой гносеологической проблемы отношения мышления и языка, словесного и несловесного. Отсюда и многообразие философских концепций языка, и труд-

ности в сопряжении различных точек зрения и подходов к изучению феномена метафоры.

В эволюции теоретических подходов к проблеме можно охарактеризовать следующие ключевые позиции. Значение метафоры как эпистемологической структуры рассматривалось в течение многих лет только отрицательно, она понималась как нечто расплывчатое, что затрудняет познавательный процесс. Начиная с Аристотеля метафора изучалась как фигура речи, как особая лингвистическая техника, основанная на переносе свойств одного объекта на другой объект. Позже, в рамках лингвистики, риторики и литературоведческих исследований, описываются основные характеристики языковой метафоры (А.А. Потебня, Р.О. Якобсон, А.Ф. Лосев). Эта точка зрения на метафору сохраняется и в современной науке, но понимание метафоры как фигуры поэтической, как языкового средства является лишь частью современного понимания метафоры.

С конца XIX в. к изучению метафоры привлекается уже культурология, антропология, психология, философия, выявляется роль метафор в процессе перевода с одной системы значений в другую (В.В. Иванов, О.М. Фрейденоберг, Ю.М. Лотман, Э. Кассирер). В 1960–70-е гг. с появлением таких научных областей, как психолингвистика, когнитивная лингвистика, когнитология, которые иначе рассматривают проблемы отношения между языком и мыслью, явление метафоры понимается намного шире — не только как «результат», но и «как процесс» [3, с. 173]. Обсуждение проблемы метафоры переводится в парадигму когнитивной науки, в которой метафора рассматривается как словесный представитель метафорического переноса, который происходит на уровне базовых глубинных структур мышления. Выделяется определенный уровень концептуальных метафор как средств организации опыта. Основатели теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон показали, что, организуя воспринимаемую реальность и способы человеческого поведения в мире, метафоры могут выступать в качестве модели мышления: «...метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии» [4, с. 387], в частности, как эмпирические рамки, в которых люди могут научиться осваивать абстрактные понятия. Описывается когнитивный механизм отражения и опыта явлений одного рода в терминах явлений другого рода, который необходим для строительства аналогий, в том

числе и в области науки (М. Блэк, Д. Гентнер, Б. Боудл, С. Глаксберг, М. Хессе, Р. Харре). В процессе познания осуществляется «перенос наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно ненаблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему данной языковой общности» [5, с. 55].

Теория взаимодействия, или интеракционистская теория метафоры, разработанная А. Ричардсом и М. Блэком, считает метафору «устранением напряженности» между метафорически использованным словом и контекстом его использования, в соответствии с системой общих ассоциаций. Согласно этой концепции метафорическое выражение невозможно передать в буквальном смысле слова, без потери познавательного содержания.

В аналитической философии разработаны принципы анализа истинностного значения метафоры, критерии метафоричности (Н. Гудмен, М. Блэк, Э. Маккормак, Д. Дэвидсон, Дж. Серль).

В советской философии проблема метафоры также присутствует в исследовательских полях — «активность субъекта познания», «соотношение воображения и отражения» (П.В. Копнин и др.). Исследовалась роль метафоры в формировании концептуального и терминологического аппарата научных теорий [6], изучаются процессы переноса понятий из областей смежных наук, вербализации информации, онтологизации, интерпретации теорий. Было осознано, что невозможно описать метафорические структуры внутри обычной референциальной теории. Чтобы дать теории референции социокультурное измерение, было предложено обратиться к «расширенным» теориям референции, которые использовали семантику возможных миров.

Опираясь на философские труды Г.-Г. Гадамера, М. Бахтина, М. Хайдеггера, П. Рикера, можно описать метафору как средство выражения непредметного содержания, которое открывается в герменевтическом акте понимания. Интерпретация Ю. Хабермасом, К.-О. Апелем, теориями, опирающимися на герменевтику как на метатеоретическую установку (К. Джерджен, Р. Харре), на концепцию научного дискурса как специфической герменевтической практики, позволяет исследовать роль метафоры в символическом обмене значений и построении социальной реальности.

В развитии теории познания проявляется тенденция к усилению интерпретативной модели науки и, следовательно, к допущению проявления

большей неопределенности в способах вербализации научного знания. Признание аксиологичности, субъектности, коммуникативности, диалогизма, контекстуального, а также конструктивно-творческого характера научной деятельности позволяет рассматривать метафору как важный и органичный элемент научного дискурса в силу незавершенности, открытости познавательного акта, его обусловленности контекстом общения, нагруженности экзистенциальными смыслами [см.: 7, 8].

Итак, метафора — это фундаментальное свойство человеческого мышления; при реализации в когнитивной системе — это естественный познавательный процесс, и она выполняет познавательную функцию. Языковая форма позволяет смыслу постоянно накапливаться, сосредоточиваться, обобщаться. Метафора по своей сути эмерджентна: ее семантические свойства не являются простой суммой составляющих ее компонентов.

Поскольку языковые ресурсы (а точнее, ресурсы нашего «конечного словаря») ограничены, до сих пор единственный способ произвести эффект — это сочетание или игра буквальных или общепринятых смыслов слов. «Это формирует своеобразную диалектику свободы и необходимости» [9], т.е. создает странное взаимодействие между ограниченностью ресурсов и бесконечность смысловых комбинаций.

Принципиальная незамкнутость и незавершенность любого конечного, конечного вообще — это заложенная в конечном тенденция к бесконечности. Если взять слово как основную языковую единицу, оно потенциально может принимать бесконечное количество модификаций значения, смыслов. То есть в языке отражена диалектика — единичное есть общее. Если в свете когнитивно-дискурсивного направления лингвистики [10] метафоризация представляет собой процесс развития языка в изменяющемся мире, то с точки зрения философии — это снятие противоречия между конечностью языка и бесконечностью мира. Способность слова связываться со все новыми и новыми понятиями является не преградой к познанию мира, а как раз условием этого познания. Диалектическое единство материальной и идеальной сторон языка представляет собой не препятствие, а импульс для его развития в онто-, и филогенезе. Динамика смысловой стороны языка — это условие его существования и функционирования: «если значение перестает изменяться, оно исчезает из реального функционирования языка, из речемыслительных процессов» [11, с. 26].

Таким образом, нет необходимости описывать бесконечное многообразие, бесконечно нарастающая словарный запас или вводя новые грамматические категории. Значения слов могут изменяться через аккумуляцию, обогащение предшествующего содержания. Языковая форма позволяет смыслу постоянно накапливаться, концентрироваться, синтезироваться.

Список литературы

1. Петров М.К. Человекоразмерность и мир предметной деятельности. URL: http://netgorod.narod.ru/articls/Petrov_4elovekorazmernost.htm (дата обращения: 10.06.2015).
2. Хайермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1993. № 4. С. 43–63.
3. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173–203.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
6. Береснева Н.И., Мишланова С.Л. Язык как «идеальное» средство познания // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1. С. 33–38.
7. Агафонов Е.А. Конструктивно-прогностическая природа языка в контексте неклассической теории познания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 3. С. 85–94.
8. Баданова Н.М., Богданова Е.Н., Фирсова С.В. Трансформация общения посредством современных информационно-коммуникационных технологий // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 4. С. 81–89.
9. Суровцев В.А., Сыров В.Н. Языковая игра и роль метафоры в научном познании // Философия науки. 1999. № 1. С. 20–30. URL: <http://philosophy.ru/library/surovtsev/syrov.html> (дата обращения: 15.06.2014).
10. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. 330 с.
11. Пищальникова В.А., Лукашевич Е.В. Когнитивизм как новая методология семантических исследований // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2001. С. 5–35.

Получено 27.12.2016

References

1. Petrov M.K. *Chelovekorazmernost' i mir predmetnoy deyatel'nosti* [Human-Dimension and the World of Subject Activity]. Available at: http://netgorod.narod.ru/articls/Petrov_4elovekorazmernost.htm (accessed 10.06.2015). (In Russian).
2. Habermas J. *Teoriya kommunikativnogo deystviya* [The Theory of Communicative Action]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]. 1993, no. 4, pp. 43–63 (In Russian).
3. Teliya V.N. *Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira* [Metaphorization and Its Role in Creating the Linguistic Worldview]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i kartina mira* [The Role of the Human Factor in Language: Language and Worldview]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 173–203. (In Russian).
4. Lakoff G., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. *Teoriya metafori* [Metaphor Theory]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 387–415 (In Russian).
5. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / pod obshch. red. E.S. Kubryakovoy* [Short Dictionary of Cognitive Terms. Ed. by E.S. Kubryakova]. Moscow, MSU Publ., 1996, 245 p. (In Russian).
6. Beresneva N.I., Mishlanova S.L. *Yazyk kak ideal'noe sredstvo poznaniya* [Language as the Ideal Mean of Cognition]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Herald of Vyatka State University of Humanities]. 2011, no. 1, pp. 33–38. (In Russian).
7. Agafonov E.A. *Konstruktivno-prognosticheskaya priroda yazyka v kontekste neklassicheskoy teorii poznaniya* [Structurally Predictive Nature of Language in the Context of the Nonclassical Theory of Knowledge]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being]. 2016, no. 3, pp. 85–94. (In Russian).
8. Badanova N.M., Bogdanova E.N., Firsova S.P. *Transformatsiya obscheniya posredstvom sovremennykh informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy* [The Transformation of Communication by Modern Information and Communication Technologies]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being]. 2016, no. 4, pp. 81–89. (In Russian).
9. Surovtsev V.A., Syrov V.N. *Yazykovaya igra i rol' metafori v nauchnom poznanii* [Language Game and the Role of Metaphor in Scientific Knowledge]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Sciences]. 1999, no. 1, pp. 20–30. Available at: <http://philosophy.ru/library/surovtsev/syrov.html> (accessed 15.06.2014) (In Russian).

10. Kubryakova E.S. *Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya* [Parts of Speech from the Cognitive Perspective]. Moscow, Institute of Linguistics, RAS Publ., 1997, 330 p. (In Russian). *yazykovedenii i zarubezhnoy psikhologii* [Cognitive Research in Linguistics and Foreign Psychology]. Barnaul, Altai State University Publ., 2001, pp. 5–35 (In Russian).
11. Pischalnikova V.A., Lukashovich E.V. *Kognitivizm kak novaya metodologiya semanticheskikh issledovaniy* [Cognitivism as a New Methodology for Semantic Research]. *Kognitivnye issledovaniya v*

The date of the manuscript receipt 27.12.2016

Об авторах

Береснева Наталья Ириковна

доктор философских наук, доцент,
декан философско-социологического факультета

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: nataliaberseva@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4562-0070

Абраменко Вячеслав Игоревич

ассистент кафедры истории философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: lateglerio@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2185-115X

About the authors

Beresneva Natalia Irikovna

Doctor of Philosophy, Docent,
Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: nataliaberseva@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4562-0070

Abramenko Vyacheslav Igorevich

Lecturer Assistant of the Department
of History of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: lateglerio@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2185-115X

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Береснева Н.И., Абраменко В.И. Метафора в познавательном процессе и ее роль в философии: изменение подходов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 152–157.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-152-157

Please cite this article in English as:

Beresneva N.I., Abramenko V.I. Metaphor in the cognitive process and its role in philosophy: changing of approaches // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 152–157.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-152-157

УДК 124.1

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-158-163

О КАТЕГОРИЯХ ПОРЯДКА

Лобанов Сергей Дмитриевич, Лобанова Анна Владимировна

Пермская государственная фармацевтическая академия

В статье рассматриваются категории порядка, широко используемого в науке. Однако за кажущейся очевидностью и простотой значений порядка скрывается проблема, а именно понимание смысла того, что относится к порядку. В анализе порядка отмечается, что сам по себе порядок имеет значение таксономической единицы, включая значение категории. Этим объясняется то, что порядок относится к рефлексивным понятиям. В этом качестве порядок сопоставляется с дискурсом. Одно из ключевых понятий всей, в особенности современной, философии, вновь получившее универсальное значение за пределами собственно философской сферы, — дискурс напрямую связано с традиционным понятием порядка. Фундаментальность и богатство порядка как бы «снимает» бинарность «дискурса», ядро которого образует отношение-соразмерность порядка слов и порядка вещей, означающего и означаемого, ценности и истины и т.д. В статье сеть категорий порядка анализируется через призму темы *ordo amoris*, сформулированной Шелером. Выбор этой темы объясняется обоюдной зависимостью мира и человека. В ходе анализа раскрывается связь этой темы с мифологическими образами космоса и хаоса, представлением Августина Блаженного о порядке, становлением матезиса, универсальной науки о мере и порядке, законе и числе, пониманием информации Норбертом Винером. Предлагается толкование концепции Шелера, соединяющее в себе нормативное и фактическое (дескриптивное) значение *ordo amoris*: мир должен быть достоин человека. Ключом к такому толкованию полагается такое значение порядка, как степень.

Ключевые слова: дискурс, *ordo amoris*, мир, порядок, степень, внутренний закон, достоинство, величина, номады.

ON CATEGORIES OF THE ORDER

Sergey D. Lobanov, Anna V. Lobanova

Perm State Pharmaceutical Academy

The article discusses the categories of the widely used concept of order. The seeming obviousness and simplicity of the meanings of the order conceal a problem, namely the understanding of the sense of what exactly is related to the order. In the analysis of the order, it is noted that the order itself has the meaning of a taxonomic unit, including the meaning of the category. This explains the fact that the order refers to reflective concepts. In this way, the order is associated with discourse. One of the key concepts in philosophy, especially modern philosophy, which again has received a universal significance beyond the strictly philosophical sphere, is discourse, which is directly related to the traditional concept of the order. Solidity and wealth of the order seem to «take off» binarity of «discourse», the core of which is formed by the proportionality of the order of words and the order of things, the signifier and the signified, value and truth, etc. In the article, the net of the categories of the order is analyzed through the prism of the theme *ordo amoris* formulated by M. Scheler. The choice of this theme is explained by the mutual dependence of the world and the man. The analysis reveals the association of this theme with mythological images of cosmos and chaos, Augustine of Hippo's idea of the order, the formation of matthesis, which is a universal science of measure and order, law and number, and Norbert Wiener's understanding of information. Interpretation of Scheler's conception that combines the normative and the actual (descriptive) meaning of *ordo amoris* (the world must be worthy of the man) is presented. The key to this interpretation relies on such meaning of the order as degree.

Keywords: discourse, *ordo amoris*, world, order, degree, internal law, dignity, value, nomads.

Начать следует с того, что по вопросу о значении (применении) категорий в современной философии мы не проводим различия между традиционной точкой зрения и ее пересмотрами, например, точкой зрения *концептуальных категорий* (основанной на понятии прототипов). Авторы исходят из того, что последние имеют не столько объективный, сколько «реальный» характер, определяемый когнитивными способностями людей: «Человеческие концептуальные категории имеют признаки, которые, по крайней мере частично, детерминированы физической, телесной природой людей, осуществляющих категоризацию, а не исключительно признаками членов категории» [1, с. 481]. В этом подходе чисто логической природе категорий классической философии противопоставляется связь мышления с телом: «Согласно новому взгляду, мышление имеет телесную основу» [1, с. 9].

Дело в том, что категории всегда связаны с утверждением — того ли, что идет с *Агоры*, или того, что дают *цвета*, *эмоции*, а также *баланс*, слово из языка австралийских аборигенов дьирбал, обозначающее категорию, которая «действительно включает женщин, огонь и опасные вещи» [1, с. 19].

Мышление — это способность *различать*, а это предполагает умение проводить и утверждать отчетливые границы явлений и переходы между ними. Это относится и к вопросу о *порядке*.

Более того, само выражение «*категория порядка*» можно рассматривать в качестве или тавтологии, или рефлексивного определения, если учесть, что сам термин *порядок* имеет значения «категории», а также *таксономической единицы* — «таксон» от древнегреч. *τάξις* «порядок», «устройство», «организация» [см., напр. 2, с. 49–52]. Однако речь здесь идет о различениях категории порядка, т.е. о содержании.

Одно из ключевых понятий современной философии — *дискурс* — напрямую связано с понятием *порядка*. Фундаментальность и богатство *порядка* как бы «снимает» бинарность «дискурса», ядро которого образует различение, составляющее основу для отношения-соразмерности *порядка слов и порядка вещей*, высказывания и действительности, означающего и означаемого, ценности и истины и т.д. Например, проблема соразмерности естественного и искусственного может иметь решение в порядке *симулякров*.

Дискурс — это сеть зависимостей (пучок связей), случайных и (или) необходимых, индивидуальных и (или) (все)общих, складывающихся в ряды или порядки событий. Здесь уместно такое определение Фуко: «Дискурс — это событие знака, но то, что он делает, есть нечто *большее*, нежели просто использование знаков для обозначения вещей. Именно это “нечто большее” и позволяет ему быть несводимым к языку и речи» [3, с. 50].

События могут носить безличный характер, а также включать наблюдателя в свой ход, образующий историю и современность. Насколько наблюдатель заинтересован в существующем положении вещей и обращении к его началам? Обращение к началам — это установление порядка смысла, например смысла истории.

Решению вопроса о *порядке*, на наш взгляд, может послужить работа Макса Шелера «*Ordo amoris*» («Порядок любви»), в которой аналитика порядка проводится с философско-антропологической точки зрения. Шелер следующим образом определяет фундаментальное значение *ordo amoris*, выделяя в нем нормативное и фактическое значения:

«Исследую ли я индивида, историческую эпоху, семью, народ, нацию или любые иные социо-исторические единства на предмет их интимнейшей сущности, — самым глубоким образом я познаю и пойму ее тогда, когда познаю всегда неким образом расчлененную систему ее фактических ценностных оценок и ценностных предпочтений. Эту систему я называю этосом этого субъекта. А подлинная сердцевина этого этоса — это *порядок любви и ненависти*, форма строения этих господствующих и преобладающих страстей, прежде всего — в этом слое, который стал *образцом*. Мировоззрением, поступками и действиями субъекта всегда правит также и эта система. Итак, понятие “*ordo amoris*” имеет два значения: *нормативное* и значение только фактическое, *дескриптивное*. Нормативно его значение не в том смысле, что сам этот порядок есть совокупность норм. Тогда он мог бы быть положен лишь посредством некоторого воления — будь то воление человека или Бога — но не мог бы познаваться очевидным образом. Но это *познание* существует — познание субординации всего, что в вещах может быть *достойным любви*, сообразно внутренней, присущей ему ценности. Это познание — центральная проблема всякой этики. Лю-

бить же вещи по возможности так, как любит их Бог, и разумно сопережить в своем акте любви встречу-совпадение божественного и человеческого акта в одной и той же точке мира ценностей — это высшее, на что был бы способен человек. Итак, объективно правильный *ordo amoris* становится нормой, только если он, будучи познан, сопрягается с *волеием* человека и требуется от него волеием. Но и в дескриптивном значении понятие *ordo amoris* имеет фундаментальную ценность. Ибо здесь оно есть средство обнаружить за первоначально вводящими в заблуждение фактами морально релевантных человеческих действий, выразительных проявлений, волеий, нравов, обычаев, творений духа простейшую *структуру* самых элементарных целей целесообразно действующего ядра личности — обнаружить как бы основную нравственную формулу, в соответствии с которой морально существует и живет этот субъект» [4, с. 341–342].

Шелер подводит итог в виде формулы: «Кто узнал *ordo amoris* человека, тот узнал и его самого» [4, с. 342].

Макс Шелер — философ-католик, и его концепция *ordo amoris* испытала влияние идей о порядке Августина Блаженного. Здесь необходимо заметить, что влияние взглядов Августина на порядок (а также представлений Гиббса о случайности) испытал, по его признанию, основоположник кибернетики, американский математик Норберт Винер [5, с. 23]. Основные категории Винера: порядок, организация («Ученый всегда стремится открыть порядок и организацию Вселенной и таким образом ведет борьбу против заклятого врага — дезорганизации» [5, с. 31]), обратная связь («обратная связь есть метод управления системой путем включения в нее результатов предшествующего выполнения ею своих задач» [5, с. 57]), сигналы, шум, энтропия, информация («Как энтропия есть мера дезорганизации, так и передаваемая рядом сигналов информация мерой организации» [5, с. 17, 115]) и беспорядок («дьявол, с которым борется ученый, — это дьявол беспорядка» [5, с. 193]). Эти категории вполне могут быть включены в категории порядка.

Ключевая заслуга концепции порядка Августина заключается, по Винеру, в отказе от манихейского представления о добре и зле в виде изначальных, субстанциональных мировых начал. Зло — это продукт несовершенства земного, человеческого мира.

Августин развивает представление древнегреческой философии о *космосе* — *гармонии мира, порядка и красоты*. Подобное понимание имеет место и в одном из переводов широко известного фрагмента «Повести временных лет»: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет». Августин включает такое понимание космоса в христианское учение об *Ordo Deus, Порядке Бога, или божественном порядке*, что выразилось в его учении о Граде Божием. Этому порядку должен быть достоин человеческий, земной град. Ключевым понятием у Августина является именно *порядок*: «Вне порядка ничего быть не может» [6, с. 147]. Определением порядка служит не формальная дефиниция, а, если использовать язык современной философии, *концепт пути к Богу*: «Порядок есть то, что, если мы будем его держаться в своей жизни, то придем к Богу, а если не будем, — то и не придем» [6, с. 161]. Порядок — это мерило, критерий устройства или образа жизни. Августин постоянно повторяет слова царя Соломона: «Ты все расположил мерою, числом и весом» (Книга Премудрости Соломона. 11, 21).

«Линию Августина» продолжил Б. Паскаль, выделяя рубрику «порядок» в своих работах: «У сердца свой порядок, у разума — свой, основанный на правилах и доказательствах» [7, с. 161]. Спор сердца и разума коренится в самой природе человека, которая выражена в известном образе «мыслящей тростинки»: «Человек — всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это тростинка мыслящая... все наше достоинство заключено в мысли» [7, с. 136–137].

Новое время открыло путь изучения *естественного порядка*. Новый универсализм закрепляется в возрождении *математики* — общей науки о порядке. Например, Мишель Фуко, реконструируя историю становления мысли Нового времени, рассматривает развитие *эпистемы*, или способа отношения слов и вещей, от порядка распределения в пространстве (общее место в природе) через порядок во времени (история) к порядку человека (антропология). Три способа существования человека — *жизнь, труд, язык* — определяются сетью своих порядков: таксономией, классификацией, таблицей, дискурсией, обменом, синтаксисом и т.д. Фуко дает такое определение порядка: «Порядок — это то, что задается в вещах как их внутренний закон, как скрытая сеть, согласно которой они соотносятся друг с другом, и одновременно то, что существует, лишь проходя сквозь призму

взгляда, внимания, языка; в своей глубине порядок обнаруживается лишь в пустых клетках этой решетки, ожидая в тишине момента, когда он будет сформулирован» [8, с. 32–33]. Видами (категориями) порядка служат организация, система, норма, синтаксис, таксон, код, бинарные отношения присутствия или отсутствия признаков, структура, классификация, реестры и т.д.

Внутренний закон вещей, явлений, событий и процессов можно включить в категории порядка.

Земное и небесное, видимый и невидимые миры, пространство и время, движение и покой, непрерывные (бесконечное) и прерывные (конечное), а также вертикальные и горизонтальные линии соединяются в системе *ко-ординат* (от лат. *ordinatus* — «расположенный в порядке»).

Мир становится измеряемым и измеряющим, т.е. порядком *величин*. Все вещи и явления *величаются*, т.е. называются и именуется.

Здесь идеи Августина о порядке находят свое воплощение — божественное измерение (град) дополняется естественным и человеческим.

Рубежом в развитии концепций универсального порядка (материального, социального, морального, научного и т.д.) служит позитивная философия Огюста Конта, острие которой направлено против анархии, охватившей Европу в XIX в. Формула Конта: «Любовь как принцип, порядок как основание и прогресс как цель» [9, с. 143].

Однако порядок может быть и утверждением превосходства, например, в словах известного гимна: «Deutschland, Deutschland über alles», а также сутью тоталитаризма или же концепций «нового миропорядка» и «детерминированного хаоса». Например, Э. Эванс-Причард заметил, что в социальном проекте Конта «объему социального регулирования... могли бы позавидовать даже коммунисты» [10, с. 76].

«Спасение порядка» заключается в его значении *степени, умножении на самого себя*. В этой связи положение Августина о том, что человек должен быть достоин божественного града, можно дополнить толкованием концепции *ordo amoris* Шелера, в котором соединяются нормативное и фактическое значения *ordo amoris*: *мир должен быть достоин (любви) человека*.

Защитой от глухоты мира и себялюбия человека служит именно то, что здесь мир и человек возводятся в другой порядок, или степень. Средством этого возведения является достоинство.

Прежде всего это *мир-согласие* (*mir*) и *порядочность* человека.

Известные слова Жюль Делёза — «монадология дублируется “номадологией”» [11, с. 242] — обращены к бесконечной сложности («складочности») мира. Номады — это кочевники, искатели пастбищ, новых пространств, мигранты и т.д. Слово «nomad» производно от «nomos», которое указывает на целое семейство слов с корнем *nm-, среди значений которого «закон», «(порядковое) число», «номер» и «порядок». Мир номад — это особый порядок, особая степень жизни.

Показательно, что русский язык перенял из тюркских языков — на протяжении столетий формировавшихся как языки кочевых народов — слово «бардак», означающее как собственно беспорядок, так и нечто иное. Значение этого слова означает очевидное неприятие отсутствия порядка, закрепленное в повседневном языке (порядке слов). Как и упомянутые выше слова из «Повести временных лет», это плохо согласуется с мифом о не любви россиян к порядку. Однако следует согласиться с тем, что в России вопрос об отношении свободы и воли ставится и решается в пользу воли: воля свободна изначально. Анри Бергсон подходил к этому вопросу подобным же образом: для него свобода воли — факт, а не проблема. Очевидно, что воля и свобода суть не одно и то же. Воля определяется через силу и слабость, а свобода — независимость и обладание правами. Социальный порядок в России персонифицируется, подобно принципу индивидуации Шопенгауэра и Ницше, в лидере, а моральный — в подвижнике.

То, что становится привычкой, обычаем или традицией, образует порядок вещей, или убеждение-мировоззрение, которое лежит в основе идентификации многообразного по конфессиональному, религиозному и региональному признакам населения России с государственностью, с единой, общей волей.

Здесь мир (или — *mir*, как «мир-согласие») отождествляется с порядком. В этом контексте выражение «миропорядок» становится излишним.

Таким образом, можно прийти к выводу, что понятие порядка имеет универсальное по содержанию значение; в современном языке оно «распределяется» во многих категориях. Однако если говорить о начале существования порядка, то, на наш взгляд, прав был Августин, который говорил просто о порядке, так же, как и Шелер с его утверждением начала порядка в категории *ordo amoris*.

Существуют ли условия для *ordo amoris* — порядка любви — в современной России? Здесь теоретический вопрос (созерцание) смыкается с практическим — волей. Напомним, что согласно Шелеру, объективно правильный *ordo amoris* может стать нормой, только если он, будучи познанным, соединяется с человеческим волением.

Список литературы

1. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Кн. I: Разум вне машины / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Гнозис, 2011. 512 с.
2. *Порядок* // Большой академический словарь русского языка. Т. 12. М.; СПб.: Наука, 2004.
3. *Фуко М.* Археология знания / пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
4. *Шелер М.* *Ordo amoris* // Избранные произведения / пер. с нем. А.В. Денежкина, А.И. Малинкина, А.Ф. Дорожкина; под ред. А.В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. С. 339–377.
5. *Винер Н.* Человеческое использование человеческих существ. Кибернетика и общество // Винер Н. Человек управляющий. СПб.: Питер, 2001. С. 3–196.
6. *Августин Блаженный.* Об истинной религии. Теологический трактат. Минск: Харвест, 1999. 1600 с.
7. *Паскаль Б.* Мысли / пер. с фр., вступ. статья, коммент. Ю.А. Гинзбурга. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. 480 с.
8. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
9. *Конт О.* Общий обзор позитивизма. Ч. 3–5 // Родоначальники позитивизма. Вып. 5 / пер. И.А. Шапиро; под ред. Э. Радлова. СПб.: Изд. «Брокгауза–Ефрона», 1913.
10. *Эванс-Причард Э.* История антропологической мысли. М.: Вост. лит., 2003. 358 с.
11. *Делёз Ж.* Складка. Лейбниц и барокко / общ. ред. и послесл. В.А. Подороги; пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Логос, 1997. 264 с.

Получено 22.01.2017

References

1. *Lakoff G.* *Zhenschiny, ogon' i opasnye veschi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind]. *Razum vne mashiny. Kn. 1 / per. s angl. I.B. Shatunovskogo*

- [The Mind Outside the Machine. Book 1. Trans. from Eng. by I.B. Shatunovskiy]. Moscow, Gnosis Publ., 2011, 512 p. (In Russian).
2. *Poryadok* [Order]. *Bolshoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka. T. 12.* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 12]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 49–52. (In Russian).
3. *Foucault M.* *Arkheologiya znaniya / per. s fr. S. Mitina, D. Stasova* [Archaeology of knowledge. Trans. from Fr. by S. Mitin, D. Stasov]. Kiev, Nika-Centr Publ., 1996. 208 p. (In Russian).
4. *Scheler M.* *Ordo amoris* [Ordo amoris]. *Izbrannye proizvedeniya / pod red. A.V. Denezhkina* [Selected works. Ed by A.V. Denezhkin]. Moscow, Gnosis Publ., 1994, pp. 339–377. (In Russian).
5. *Wiener N.* *Chelovecheskoe ispolzovanie chelovecheskikh suschestv. Kibernetika i obschestvo.* [The Human Use of Human Beings. Cybernetics and Society]. *Chelovek upravlyayuchshiy* [Managing Man]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2001, pp. 3–196. (In Russian).
6. *Augustine of Hippo.* *Ob istinnoy religii. Teologicheskiy traktat* [On True Religion. Theological Treatise]. Minsk, Kharvest Publ., 1999, 1600 p. (In Russian).
7. *Pascal B.* *Mysli / vstup. st., komment. Yu.A. Ginzburga* [Thoughts. Introd., comm. by Yu.A. Ginzburg]. Moscow, Sabashnikov Publ., 1995, 480 p. (In Russian).
8. *Foucault M.* *Slova i veschi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk / per. s fr. V.P. Vizigina, N.S. Avtonomovoy* [The Order of Things. An Archaeology of the Human Sciences. Trans. from Fr. by V.P. Visigin, N.S. Avtonomova]. Saint Petersburg, A-cad Publ., 1994, 408 p. (In Russian).
9. *Kont O.* *Obschiy obzor pozitivizma. Ch. 3–5 / pod red. E. Radalova* [An Overview of Positivism. Parts 3–5. Ed. by E. Radalov]. *Rodonachalniki pozitivizma* [Ancestors of Positivism]. Saint Petersburg, Brockhaus–Efron Publ., 1913. (In Russian).
10. *Evans-Pritchard E.E.* *Istoriya antropologicheskoy mysli* [A history of anthropological thought]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003, 358 p. (In Russian).
11. *Deleuze G.* *Skladka. Leybnits i barokko / obshch. red. V.A. Podorogi* [The Fold: Leibniz and the Baroque. Ed. by V.A. Podoroga]. Moscow, Logos Publ., 1997, 264 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 22.01.2017

Об авторах

Лобанов Сергей Дмитриевич
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин

Пермская государственная фармацевтическая
академия,
614990, Пермь, ул. Полевая, 2;
e-mail: sdl-grey54@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5249-1620

Лобанова Анна Владимировна
ассистент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин

Пермская государственная фармацевтическая
академия,
614990, Пермь, ул. Полевая, 2;
e-mail: nyuralobanowa@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6904-6790

About the authors

Lobanov Sergey Dmitrievich
Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Humanities
and Socio-Economic Disciplines

Perm State Pharmaceutical Academy,
2, Polevaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: sdl-grey54@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5249-1620

Lobanova Anna Vladimirovna
Lecturer Assistant of the Department
of Humanities and Socio-Economic Disciplines

Perm State Pharmaceutical Academy,
2, Polevaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: nyuralobanowa@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6904-6790

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лобанов С.Д., Лобанова А.В. О категориях порядка // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 158–163. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-158-163

Please cite this article in English as:

Lobanov S.D., Lobanova A.V. On categories of the order // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 158–163. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-158-163

УДК 1(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-164-171

«ἘΝ ΤΟ ΠΑΝ» ГЕРАКЛИТА: ОТ СТОИЦИЗМА ДО НИЦШЕ**Колесников Илья Дмитриевич***Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского*

В статье речь идет о гераклитовой концепции единства всего (*ἔν το πᾶν*). Обычно эта мысль принимается за очевидную, а потому не требующую подробного исследования. За ее содержание часто принимают этические следствия мысли, а именно стоицизм. Если же исследователи удерживаются на метафизическом уровне этой мысли, то связывают ее с пантеизмом немецких романтиков, а именно с философией тождества Шеллинга. Целью статьи является прояснение мысли о единстве всего в связи с мышлением Фридриха Ницше. В качестве метода исследования поэмы Гераклита «Περὶ Φύσεως» выбрана герменевтика, которая в отличие от других методов учитывает целостность мышления Гераклита. В результате рассмотрения стоицизм и пантеизм признаны недостаточными уровнями исследования мысли Гераклита о единстве всего, что привело к необходимости обращения к наследию Ницше. Для этого за основу рассмотрения был принят семьдесят пятый фрагмент Гераклита («все действуют единому назначению»), а вслед за ним пятьдесят второй («вечность — дитя, играющее в кости; царство ребенка»). По мнению автора, единство всего у Гераклита — не оптимистическая телеология, а результат эстетического созерцания.

Ключевые слова: Гераклит, *ἔν το πᾶν*, натурфилософия, античная философия, стоицизм, пантеизм, немецкий романтизм, Ницше.

«ἘΝ ΤΟ ΠΑΝ» OF HERACLITUS: FROM STOICISM TO NIETZSCHE**Ilya D. Kolesnikov***Saratov State University*

The article seeks to research one of Heraclitus' ideas, namely the «unity of all» (*ἔν το πᾶν*). This idea is usually regarded as obvious, and therefore not demanding detailed research. In place of this idea's content researchers frequently consider its ethical effects, namely stoicism. Even if researchers keep the metaphysical level of the «unity of all» idea, they connect it with pantheism of German Romanticists, namely, Schelling's «identity philosophy». The aim of the article is to clarify the idea of the «unity of all» in connection with Friedrich Nietzsche's philosophy. The main method of studying Heraclitus's poem «Περὶ Φύσεως» is hermeneutics, which, unlike other methods, considers integrity of Heraclitus' idea. As a result of the research, stoicism and pantheism are recognized as not sufficient ways to understand Heraclitus' idea of the «unity of all». Therefore, it is necessary to refer to Nietzsche's philosophical heritage. For this purpose the seventy-fifth fragment of Heraclitus' poem was taken as a basis for consideration («Those who are asleep are fellow-workers in what goes on in the world»), and after that the fifty-second fragment was considered («Time is a child at play, moving pieces in a board game; the kingly power is a child's»). From the author's point of view, the «unity of all» is not an optimistic teleology but a result of aesthetic contemplation.

Keywords: Heraclitus, *ἔν το πᾶν*, Naturphilosophie, Ancient Greek philosophy, stoicism, pantheism, German Romanticism, Nietzsche.

Гераклит Эфесский — одна из наиболее часто рассматриваемых фигур эллинской Античности. Причиной тому, к слову, служит не столько его мысль, сколько именно сами образ и фигура, притягивающая философов и писателей со времен

самой Античности, вплоть до Хайдеггера (с его пафосом изначальных мыслителей) и современности. Гордый, обладающий жесткостью стиль: это не может не притягивать тех, чей стиль твердости лишен. Что касается самой мысли о един-

стве всего, то и о ней, казалось бы, сказано много. Это настолько общее место, настолько известная мысль, что о ней, как оказывается впоследствии, почти ничего и не сказано: от нее мысль сразу устремляется к стойкам или всеединству Шеллинга. Поразительно то обстоятельство, что мыслить Гераклитово единство всего само по себе оказывается едва ли не невозможным: так прочно вошло оно в связь с другими, более поздними, движениями в философии. Небесполезным и актуальным для настоящего было бы повторное рассмотрение этой мысли, которое при этом не остановилось бы на упомянутых двух основных отсылках к стоицизму и немецкой идеалистической философии. По этой причине избегается более удобное слово «Всеединство»; несмотря на смысловое соответствие, «Всеединство» заведомо отсылает к натурфилософии Шеллинга и к ее последователям; Шеллинг, тем не менее, остается в пределах романтического пантеизма.

Основная формулировка мысли: пятидесятый фрагмент

Герменевтическое требование целостности понимания любой мысли, в том числе мысли о «единстве всего», вынуждает всякое исследование обращаться не только к тем фрагментам, в которых о единстве всего говорится непосредственно. Более того, непосредственно в такой формулировке («ἐν τῷ πάντι») мысль Гераклиту не принадлежит (по крайней мере, ее нет в сохранившихся фрагментах). Схожее изречение даже легче найти у Ксенофана: «...Τὸ εἶναι πάντα ἐν» [1, S. 42]. Согласно свидетельствам Гераклит был знаком с его учением, что, в сущности, ни о чем не говорит, кроме самого этого «знакомства»; более того, «многознание не научило уму и Ксенофана» (сороковой фрагмент). В отношении Гераклита: такая формулировка мысли о единстве всего встречается в пятидесятом фрагменте (для удобства и в дальнейшем будет использоваться нумерация Германа Дильса):

Внемля не моему, но этому логосу, должно согласиться: мудрость в том, чтобы знать все как одно (ἐν πάντι εἰδέναι) [2, с. 147].

Довольно долгое время (с XIX в.) была распространена мюллеровская корректура «εἶναι» вместо «εἰδέναι» (так и у Дильса [1, S. 69]). Тогда мудрость состоит в том, что все есть одно. Отказ от этой корректуры (как, например, у А.В. Лебедева) приводит не только к «филологической точности», но указывает на значимость *усмотрения* единства всего, его — единства —

созерцание и понимание. Мудрость в том, чтобы *ведать все одним*. Несмотря на то что Дильс поместил фрагмент ближе к середине поэмы, возможно чтение его как первого (так в новом издании Лебедева). Тогда это не промежуточное замечание Гераклита, но начало и исток его поэмы, она проводит пределы мысли; следует также помнить, что возможное название поэмы — «Единый порядок строю Всего» [3, с. 336; 4, с. 53].

Основанием этого фрагмента является не мысль Гераклита из Эфеса, но внимание безличному логосу, — и это не является чем-то естественным для эллинских мыслителей VI–V вв. до н.э. Напротив, распространено именно владение своими мыслью и словом. Вернер Йегер, например, говорит об Анаксимандре, что он «...был первым, кто отважился зафиксировать свои мысли в вольной речи и распространить ее, т.е. уподобиться законодателю, пишущему свои скрижали» [5, с. 198]. Гераклит озвучивает *не* свою частную речь («Фукидид афинянин описал войну...») [6, с. 5] и т.д.), но безличную речь космоса. Цицероновский упрек в темном стиле при этом неоправдан [7, с. 78]: в некоторых фрагментах Гераклит сам указывает на сущность «этой» речи. Так, он говорит о «Владыке, чье прорицание в Дельфах», который «не сказывает, не скрывает, но намекает» (девяносто второй фрагмент); в другом месте — о «Сивилле, что в неистовстве вещает *безрадостное*» (девяносто третий фрагмент). Это не мысли «Гераклита» о природе; речь берет «этот логос» и вещает безрадостное: *все есть одно*.

Стоицизм (классическое понимание единства всего)

Почему «безрадостное»? Первое следствие мысли Гераклита пронизано духом стоической школы; ἐν τῷ πάντι тогда мыслится в горизонте *τὰυτό τ' ἔνι*, («одного и того же»). Такое прочтение исходит уже не из натурфилософии, но из эллинистического единства учения о природе и образе жизни. Что все есть одно — не просто мысль, но такое понимание природы, из которого следуют выводы о надлежащем образе жизни, согласном с природой. Природа, понятая через единство всего, приводит к осознанию драматичности космоса. Это, кстати, выражено в легенде о плачущем философе: Гераклит оплакивает то, что все смешано как в кикее: удовольствие — неудовольствие, знание — незнание, большое — малое (Luc. Vit. Auct. 14). Фрагмент является лукиановским подражанием Гераклиту,

восходящим к фрагментам с единством жизни и смерти, бодрствования и сна, дня и ночи (фрагменты 57, 114, 115 и 116), но в первую очередь к семьдесят восьмому:

Одно и то же (Ταὐτό τ' ἔνι) в нас — живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое: это, внезапно изменившись (μεταλεσόντα), стало тем, а то, снова внезапно изменившись, стало этим [2, с. 182].

Все есть одно, все одно и то же (ταὐτό τ' ἔνι), в том числе и противоположности. Созерцающий философ стремится принять все существующее. Существует благо, но существует и порок; существует красота, но существует и уродство. Каков тогда смысл в достижении наилучшего, если оно через противоположность всегда связано с наихудшим? Противоположности не далеки друг от друга, но предельно близки. Буквальный перевод μεταλεσόντα — не «изменившись», но «выпав другой стороной». Πεττεία — игра с расчерченной доской, шашками и игральными костями (иногда πεσσοί означает просто «игральные кости») [2, с. 309]. То, что мнится противоположностями, на деле разные грани одной игровой кости. Выпадает то жизнь, то смерть, то прекрасное, то уродливое — но все это ταὐτό τ' ἔνι (или: ἔστι ἕνι ἔνι), одно и то же, одна игральная кость.

В сущности, на этом тождестве покоится один из «мудрых» способов мыслить. Когда некто говорит, что есть «такая» вещь, но есть еще и «такая» (или: одно явление и другое), мудрость (зачастую становящаяся софизмом, риторикой) возражает: «но ведь это одно и то же». Таковы и письма Сенеки: «за пиром следуют болезни тела, любое наслаждение таит в себе страдание» etc [8]. Это можно видеть и на примере с омонимией в этимологии: когда одно и то же слово значит абсолютно разные вещи, следующий ход состоит в понимании единства этих значений. Слово «ἄθλος», например, означает, во-первых, труд, работу, а во-вторых, несчастье, мучение. Оно разбивается на два, но затем происходит осознание глубины этой омонимии: работа и труд для эллинов всегда значит несчастье, ни о каком достоинстве труда речь идти не могла. Таково действие омонимии через единство одной вещи с другой.

«Все одно и то же»: довольно часто доводится слышать такое выражение усталости. Оно на самом деле близко к стоическому пониманию Гераклита. Несмотря на мнимое разнообразие, живут одним и тем же; ταὐτό τ' ἔνι — усталость от вечно повторяющегося одного, пусть и принимающего разный облик, выпадающего разными сто-

ронами. Конечно, в отличие от Гераклита, это очень оптимистичное высказывание: ведь в нем остается надежда на иное (новое), что есть не только одно. Собственно, откуда взяться новому, если все уже есть, случилось бесчисленное количество раз в заново рождающемся и заново погибающем космосе?

Стоики говорят, что... планеты в назначенный период времени произведут воспламенение и гибель всех вещей, а затем вновь восстановят мир в его начальное состояние <...> Все произойдет точно так же, как и в предыдущий период: вновь появятся Сократ, Платон и все люди со своими родными, возлюбленными, согражданами, станут испытывать то же самое, с теми же самыми встречаться, то же самое делать <...> И такое восстановление мироздания происходит не единожды, но много раз, более того, беспредельное и бесчисленное количество раз восстанавливается то же самое [9, с. 40].

Повторение того же самого происходит беспредельное бесчисленное количество раз. Но здесь единство всего мыслится все же на уровне отдельных вещей, не возвышаясь до усмотрения единого порядка мира. То есть стоицизм мыслит единство одной вещи с другой, но не космоса. Что касается того, как в горизонте «одного и того же» мыслить космос, то это было бы возможным, если обратить внимание не на разные стороны игральные костей, но на само это «выпадение», «μεταλεσόντα». Космос мыслился бы не в созерцании горестей человеческого удела (а созерцательное «nil admirari» в этих вопросах удерживать предельно сложно), но в осмыслении разных граней, сторон одного. Гераклит — первый, кто обнаруживает эпифеномен явления, его «уродливого двойника», едва отличимого от самого явления (поразительной тонкостью подобного различения был наделен Ницше). К славной жизни наилучших намного ближе смерть (как соседняя грань), чем «жизнь», проводимая в «скотском довольстве» (фрагменты 21 и 29: это самая отдаленная грань). Низкой жизни смерть действительно противостоит, но и наилучшая жизнь для нее подобна смерти. Вещь внезапно выпадает другой стороной: не противоположная вещь, но другая сторона той же самой вещи; «ταὐτό τ' ἔνι» — «одно и то же». Речь идет не только о том, что мнимые противоположности на деле грани одной игровой кости, но также о том, что другая сторона одной вещи выглядит ее противоположностью. Достаточно мгновения, чтобы «сладкозвучная лира»

стала луком, орудием убийства — пятьдесят первый фрагмент.

Пантеизм немецких романтиков

Второй способ отношения к мысли о единстве всего — пантеизм, столь широко распространенный у немецких романтиков. Однажды, во время разговора о стихотворении Гёте «Прометей», Лессинг признался Якоби в пантеизме: «En kai Pan! Я не знаю ничего другого» [10, S. 16–18]. Эти слова ознаменовали новое движение для немецких романтиков, пантеизм которых становится второй важнейшей нитью после философии Канта. Так, друзья по Тюбингенской богословской семинарии — Шеллинг, Гёльдерлин и Гегель избирают *ἐν το πᾶν* символом своего содружества. Гёльдерлин 12 февраля 1791 г. пишет Гегелю стихи Гёте и подписывает: «*ἐν το πᾶν*». Шеллинг в письме к сыну от 18 марта 1854 г. говорит: «Лессинг в свое время сказал: «все — единое, я не знаю ничего другого». Я тоже не знаю ничего лучшего». То же самое проявляется у Гёте, Гердера и Шиллера. Возвращение к античности немецких романтиков протекает в первую очередь в виде принятия пантеизма под знаком единства всего (одно из важнейших явлений этого порядка — стихотворение Гёте «Одно и всё»).

Если в классическом понимании единство всего в единстве одной вещи с другой (единство каждого с каждым, *ταὐτό τ' ἓν*), то немецкие романтики делают упор на *единстве человека с миром* и со всеми вещами, его причастность к ним. Намного ближе к ним не пятидесятый фрагмент, а второй:

Τοῦ λόγου δὲ ἑόντος ζῆνοῦ ζῶουσιν οἱ πολλοὶ ὡς ἰδίαν ἔχοντες φρόνησιν [1, S. 62].

«Но хотя этот логос всеобщ, живут многие как отдельный рассудок имеющие». Гераклит часто обнажает связь «*ζῆνοῦ*» с «*ζῆν νόω*», «общее» и «с умом» — всё единичное неразумно. Логос всеобщ, а *многие* отъединяются, будто имеют отдельный рассудок. На единении всего через логос зачастую основывается и стоическая трактовка *ἐν το πᾶν*:

Логос сущего (τοῦ ὄντος λόγος), будучи, как сказано, связующими узлами всего, соединяет и сжимает все части, не позволяя им различиться и разойтись [9, с. 64].

Романтики призывают к отказу от «отъединения» и к пониманию существующего «всеединства». Ставится вопрос о том, как может умереть человек, если он един со всем мирозданием? Этот путь мысли также способен к выходу на онтологию в лице «философии тождества» Шеллинга, но в целом он, как и стоический, мыслит *следствия*

из мысли о единстве всего, но *не* саму эту мысль: мыслит вещи, но не космос. Возможно, наибольшая сложность *ἐν το πᾶν* состоит именно в том, что это единство фактически невозможно мыслить *как таковое* (т.е. онтологически). Стоическое понимание мыслит следствия этой мысли, но следствия мыслят и немецкие романтики (единение с природой).

Семьдесят пятый фрагмент; амехания; Ницше

Стоицизм для понимания мысли о единстве всего обратился к восьмидесяти восьмому фрагменту, немецкие романтики — ко второму: но обе попытки так и остались на уровне вещей, они не смогли понять единство всего на уровне Гераклитовой космогонии. В этой связи предпочтительно обратиться, как ни странно, к семьдесят пятому фрагменту:

Πάντες εἰς ἓν ἀποτελέσμα συνεργοῦμεν, οἱ μὲν εἰδότες καὶ παρακολουθητικῶς, οἱ δὲ ἀνεπιστάτως, ὥσπερ καὶ τοὺς καθεύδοντας, οἴμαι, ὁ Ἡρακλεῖτος ἐργάτας εἶναι λέγει καὶ συνεργοὺς τῶν ἐν τῷ κόσμῳ γινομένων (Aug. VI, 42) [1, S. 73].

«Все мы содействуем достижению одного конечного результата, одни — сознательно и последовательно, другие — неосознанно, как, например, спящие, которых, думается мне, Гераклит называет действующими и содействующими участниками происходящего в космосе» [11, с. 190]. При внимательном чтении намечаются четыре основных трудности для понимания:

I. Спящие и бодрствующие.

II. Сущность действия.

III. Сотрудничество (*συνεργία*) при двух прочтениях *καὶ*.

IV. Происходящее в мире (*ἐν τῷ κόσμῳ γινομένων*) и единое (*ἓν*).

Гераклит говорит: спящие тоже деятели и сотрудники. В первом фрагменте о них сказано следующее:

Что же касается остальных людей, то они не осознают того, что делают наяву, подобно тому, как они пребывают в забытии о том, что делают во сне [2, с. 147].

Во сне вещи незаметно для спящего переходят одна в другую, и это кажется очевидным. Так же, даже бодрствуя, спящие не замечают, что разными сторонами выпадает одна игральная кость. Когда люди нечто делают, например, создают атомную бомбу для защиты своего государства, то сразу успокаиваются на этой стороне действия, забывая об остальных. Эти люди не видят того, *что именно*

они делают, когда делают нечто. Действие далеко не всегда совпадает с тем, что об этом действии думают; Ницше: «Но одно — мысль, другое — дело, третье — образ дела. Между ними не вращается колесо причинности» [12, с. 38].

Что делает Гераклит, когда сидит у храма Артемиды и играет с детьми, избегая народного собрания? Со стороны так называемой «очевидности здравого смысла» предстанет тавтология: «Он сидит и играет с детьми». Тем не менее, есть и очевидность иного порядка, и исходя из ответа Гераклита согражданам, становится ясно, что он делает, когда делает это:

...Удалившись в святилище Артемиды, он играл с детьми в кости (астргалы), а обступившим эфесцам сказал: «Что удивляетесь, негодяи? Не лучше ли заниматься этим, чем с вами участвовать в государственных делах?» [3, с. 333].

Решающим оказывается вопрос: что делает человек, когда делает нечто? Вопрос этот можно поставить иначе: *чему* служит человек, когда делает нечто? Лукиан, пародируя Гераклита, не служит ли воссозданию его образа мысли и речи? И если Лукиан *мнит*, что высмеивает Гераклита, то он забывает, что Гераклит живет и в этом высмеивании (здесь уместна история с Геростратом, память о котором сохранилась благодаря запрету на упоминание о нем). Когда некто иронично высказывает чуждые для себя вещи, он все-таки высказывает чуждые для себя вещи. Таинство «*все-таки*»: любое действие, совершаемое иронично и как бы «в шутку», *все-таки* совершается. Действие и слово совершаются вне зависимости от того, как человек хочет их «преподнести». Все происходит согласно этому логосу: все есть одно, все служат единому назначению.

Чем тогда отличаются бодрствующие от спящих, если действуют к единому назначению? Какой смысл в том, чтобы мыслить, если мысль служит тому же, чему служит безмыслие? Бодрствующие согласно семьдесят пятому фрагменту действуют сознательно и последовательно, они знают о порядке происходящего в космосе. Но: *καὶ τοῦς καθεύδοντας*, «и спящие», «спящие тоже» сотрудники. Союз *καὶ* указывает на два направления, по которым можно истолковать семьдесят пятый фрагмент:

I. Спящие *тоже* сотрудники. «Тоже» по отношению к кому? Спящие вторичны, они тоже сотрудники, но в первую очередь — бодрствующие. Здесь союз «*καὶ*» показывает, что первичны все же бодрствующие, и усилия спящих «прибавочны», «и они то-

же». Сознательные бодрствующие видятся как настоящие, спящие же как некоторое недоразумение, ошибка, заблуждение. Безобразное тогда есть недостаток прекрасного, которое только и существует по-настоящему (как и зло есть отсутствие блага). Несложно догадаться, к какому узкому обилию слепых пятен приводит столь стройное рассуждение. Созерцательное мышление, которое находится на стороне «сознательных», не хочет ничто и никого обвинять, так как оно полагает, что существует только хорошее, плохое же кажется существующим (или кажется плохим, что одно и то же). Существуют по преимуществу бодрствующие, спящие же, хоть их и гигантское большинство, существуют в мере «тоже». Но если те, которые существуют тоже, наиболее распространены, более того, тотально распространены, то почему же правилом является столь редко встречающееся настоящее (бодрствующие)?

II. Спящие тоже *сотрудники*: к такому выводу невольно приводит отказ от первого, идеализированного истолкования «тоже». Тогда мыслящий Гераклит — скорее исключение, чем правило и, как говорит о нем Ницше, «среди людей он как человек невероятен» [13, с. 332]. Да, иногда встречаются такие натуры, как Гераклит, но и спящие причастны происходящему в мире. Все сознательные действия бодрствующих не только не исключительны, но *служат тому же, чему служат спящие*.

Эллины, за исключением Платона и в отличие от немецкого идеализма, находятся ближе именно ко второму истолкованию. Все великое в мире хрупко и ненадежно: такова позиция трагического хора и хоровой лирики. У Пиндара:

*Не предуказан смертным
Час их смерти;
Доживем ли до заката спокойного дня,
Детища солнца,
Не нарушив его блаженства?
Радость и тягость,
Волна за волной, набегают на род
Человеческий, —
Это Доля,
Из рода в род блюдущая судьбу людскую,
Вместе с счастьем, даром богов,
Посылает людям и горе
Переменною чередой.*

[14, с. 15–16; см. также: Pind. O. XII, 5–12].

Человек — «однодневка», и даже самые великие мужи не возвышаются над большинством, ведь все делают *одно и то же*. Первый способ чтения союза «καί» указывает на иное: несмотря на сотрудничество бодрствующих и спящих, первые *ведуют*, чему служат. Это — не «преимущество» их, восстанавливающее «мировую справедливость», ведь что за дело до того, сознают ли они, что делают, или нет: все равно ведь действуют к единому со спящими назначению. Тогда вступает не преимущество сознающих, но: *достаточность созерцания*. Мудрость в том, что все знать как одно — это ничего не дает, кроме ведения (εἰδέναι) того, что происходит в космосе. Гераклит созерцает космос с его движением стихий, с непрекращающимся уничтожением и возрождением мира, и весь этот космос держится в одном: в игре ребенка. Это пятьдесят второй фрагмент Гераклита, звучит он так:

Αἰὼν παῖς ἐστὶ παῖζων, πεσσεύων. παιδὸς ἡ βασιληίη [1, S. 69].

«Вечность — дитя, играющее в петтейю. Царство ребенка». Все, что случается — жизнь — смерть, сон — бодрствование, возникновение — уничтожение, — лишь выпадение игральных костей, бросаемых ребенком. Воспламенение мира и его возрождение бесчисленное количество раз — просто игра ребенка, бросок костей. Понимание этой мысли — амехания, обездвиженность, *оцепенение*. Ни одно действие, ни одна мысль, ни одно слово более невозможны: оцепенение отсекает всякую возможность «пойти дальше» мысли. Это и отличает мышление от рассуждения: мышление не предполагает выводов, оно ни к чему не ведет, оно *ни к чему*. Все, происходящее в мире, — бросок игральных костей ребенком-вечностью, в чем и прав Ницше: «так смотрит на мир только эстетик» [13, с. 329]. Космогония исходит не из хюбриса, как не исходит и из необходимости: все порождается потребностью в *игре* [там же]. Тогда невозможно говорить о нравственности судьбы, о добре и зле. Анаксимандр осудил этот мир, назвав его «местом преступления и казни за несправедливость становления» [там же, с. 335]. У Гераклита иначе: все оправдано в равной мере, и оправдано оно игрой. Ницше переворачивает образ Гераклита: это уже не плачущий философ, не эллинский пессимист; Гераклит созерцает вечную игру.

Этот Гераклит понят не стоиками и не пантеистической немецкой философией; он понят Ницше. У стоиков циклы возникновения мира и его сожжения подчинены закону, логос уподобляется разумности. У Гераклита логос — *случай*

выпадения игральных костей. Так и у Ницше: случай — «старинная аристократия бытия». Ницше вводит случайность не в целях нигилистического разоблачения намеренности. Случайность происходящего для него не трагедия (как прихоти фортуны в философии стоиков), но божественное зрелище. С перспективы человека случай кажется угрожающим и опасным — стоики стремятся сделать все для обхода судьбы. Перспектива Гераклита и Ницше созерцательна: можно просто наблюдать случайный бросок игральных костей ребенком вечностью (αἰὼν παῖς). Та же перспектива открывается мыслью о Вечном возвращении того же самого [15, с. 523–524]: вечно возвращается случайный порядок.

Достаточно созерцания: но не всякое созерцание плодотворно. Созерцание Гераклита — не «всеприятие». Из того, что спящие содействуют тому же назначению, чему и бодрствующие, еще не следует, что их существование оправдано: в этом состоит ключевая проблема созерцательной философии. В качестве двух примеров можно рассмотреть целую картину, складывающуюся у созерцательных стоиков и пантеистов. Уже было сказано, что космос мыслится стоиками разумным, иначе говоря, *справедливым*. Из довольно пессимистического понимания природы стоики выводят оптимистическую телеологию: и описанное Марком Аврелием «назначение» они видят благим, все в этом мире к пользе людей [9, с. 227]. Стоики оправдывают все негативное, так как без него не будет и блага [там же, с. 239]. Человеческий ум ограничен и еще не в силах постичь плодотворное воздействие по природе вредных вещей [там же, с. 240]. Стоики для того, чтобы созерцать, сперва подготавливают оптимистическую телеологию: и подготавливают настолько усердно, что к созерцанию почти не выходят. Если некоторая вещь кажется плохой, они говорят, что в масштабе целого мироздания эта вещь оказывается уместной. Плутарх приводит слова Хрисиппа:

Подобно тому, как в комедиях есть нелепые стихи, которые сами по себе хотя и грубы, но придают всему произведению привлекательность, так и все, что само по себе ты можешь осудить как порок, бесполезно в масштабах мироздания [там же, с. 244–245].

Марк Аврелий добавляет:

Но только не окажись такой частью, как тот дешевый и нелепый стих в драме, о котором упоминает Христипп [там же].

То же самое можно видеть у немецких идеалистов. История, как бы жестока она ни была, оправдана разумом — и тем справедлива; оправдан этим и сам мир.

Созерцание Гераклита и Ницше лишено подобного катарсиса: Гераклит созерцает бессмысленную и жестокую игру ребенка и принимает ее именно в ее жестокости. Он не избавляется от жестокости как «исключения» или «недоразумения»: происходящее божественно именно в своей бесцельности. К чему все происходит? К случайной игре ребенка: и это божественно (божественное в античности мыслится в неразрывной связи с бесцельностью). Наиболее близко к такому пониманию Гераклиту подошел Ницше:

Знаете ли вы, что для меня «мир»? Показать ли его вам в моем зеркале? Этот мир — чудовищная сила без начала и конца <...> это море бушующих сил и их потоков, вечно меняющееся, вечно возвращающееся, возвращающееся через огромное число лет. <...> Этот мир есть воля к власти — и ничего кроме! [16, с. 548–549].

У Гераклита же этот мир есть игра ребенка, и ничего кроме нее. Единство всего строится не разумным образом, это господство случайности («царство ребенка»), не предполагающее благих целей мироздания — *эстетическая космогония* (что относится не только к Гераклиту, но и к самому Ницше: «так смотрит на мир только эстетик»).

Оцепенение, к которому ведет мысль о так понимаемом единстве всего, разрешается в пробуждении к отрешенности. Пробуждение ото сна влечет за собой не деятельную жизнь, но отрешенное созерцание, которому открывается подлинный смысл ближайшего. Показательно, что когда чужеземцы решили увидеть Гераклита и вошли к нему в дом, то застали его греющимся у печки. Увидев их смущение, Гераклит пригласил их войти, сказав, что и здесь живут боги [11, с. 179].

Список литературы

1. Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker: in 3 Bde. Bd. I. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1906. 466 S.
2. Лебедев А.В. Логос Гераклита: реконструкция мысли и слова. СПб.: Наука, 2014. 533 с.
3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с др.-греч. М.Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986. 571 с.
4. Гераклит Эфесский. Все наследие / пер. с др.-греч. С.Н. Муравьева. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. 347 с.

5. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 1 / пер. с нем. А.И. Любжина. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2001. 593 с.
6. Фукидид. История / пер. с др.-греч. Л.: Наука, 1981. 543 с.
7. Цицерон. О пределах добра и зла / пер. с лат. Н.А. Фёдорова. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. 474 с.
8. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию / пер. с лат. С.А. Ошерова. М.: Наука, 1977. 383 с.
9. Фрагменты ранних стоиков. Т. II, ч. 2 / пер. и коммент. А.А. Столярова. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2002. 272 с.
10. Jacobi F.H. Werke. Gesamtausgabe: in 7 Bde. Bd. I / Hg. v. K. Hammacher, W. Jaeschke. Hamburg: Meiner, Stuttgart: Frommann-Holzboog, 1998. S. 16–18.
11. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1 / под ред. Дильса–Кранца, пер. А.В. Лебедева. М.: Наука, 1989. 576 с.
12. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 4: Так говорил Заратустра / пер. с нем. Ю.М. Антоновского. М.: Культурная революция, 2007. 432 с.
13. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1/1: Рождение трагедии. Из наследия (сочинения 1869–1873 гг.) / пер. с нем. В. Бакусева, Л. Завалишиной и др. М.: Культурная революция, 2012. 408 с.
14. Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты / пер. с др.-греч. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1980. 503 с.
15. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 3: Утренняя заря. Мессинские идиллии. Веселая наука / пер. с нем. В. Бакусева. М.: Культурная революция, 2014. 640 с.
16. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 11: Черновики и наброски 1884–1885 гг. / пер. с нем. В.Д. Седельника. М.: Культурная революция, 2012. 688 с.

Получено 31.01.2017

References

1. Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker: in 3 Bde. Bd. I [Fragments of the Pre-Socratics in 3 vol., vol. 1]. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung Publ., 1906, 466 p. (In German).
2. Lebedev A.V. Logos Geraklita: rekonstruktsiya mysli i slova [Logos of Heraclitus: Reconstruction of Thought and Word]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2014, 533 p. (In Russian).
3. Diogenes Laërtius. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov / per.

- M.L. Gasparova [Lives and Opinions of Eminent Philosophers. Trans. by M.L. Gasparov]. Moscow, Mysl' Publ., 1986, 571 p. (In Russian).
4. Heraclitus of Ephesus. *Vse nasledie / per. S.N. Murav'eva* [All Heritage. Trans. by S.N. Muraviev]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2012, 347 p. (In Russian).
  5. Jaeger W. *Paydeyya. Vospitanie antichnogo greka. T. 1 / per. A.I. Lubzhina* [Paideia: The Ideals of Greek Culture. Vol. 1. Trans. by A.I. Lubzhin]. Moscow, Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina Publ., 2001, 593 p. (In Russian).
  6. Thucydides. *Istoriya* [History of the Peloponnesian War]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1981, 543 p. (In Russian).
  7. Cicero. *O predelakh dobra i zla / per. N.A. Fedorova* [On the ends of good and evil. Trans. by N.A. Fedorov]. Moscow, RSUH Publ., 2000, 474 p. (In Russian).
  8. Seneca the Younger. *Nravstvennye pisma k Lutsiliyu / per. S.A. Osherova* [Moral Letters to Lucilius. Trans. by S.A. Osherov]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 383 p. (In Russian).
  9. *Fragmenty rannikh stoikov. T. 2, ch. 2 / per. i komment. A.A. Stolyarova* [Stoicorum Veterum Fragmenta. Vol. 2, pt. 2. Trans. & comm. by A.A. Stolyarov]. Moscow, Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina Publ., 2002, 272 p. (In Russian).
  10. Jacobi F.H. *Werke. Gesamtausgabe: in 7 Bde. Bd. I* [Works: Complete edition in 7 vol. Vol. 1]. Hamburg, Meiner Publ., 1998, pp. 16–18. (In German).
  11. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov / pod red. Dilsa–Kranza* [Fragments of the Pre-Socratics. Ed. by Diels–Kranz]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 576 p. (In Russian).
  12. Nietzsche F. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 4: Tak govoril Zarathustra* [Complete Works in 13 vol. Vol. 4: Thus Spoke Zarathustra]. Moscow, Kulturnaya Revolyutsiya Publ., 2007, 432 p. (In Russian).
  13. Nietzsche F. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 1.1: Rozhdenie tragedii. Iz naslediya (sochineniya 1869–1873 gg.)* [Complete Works: in 13 vol. Vol. 1.1: The Birth of Tragedy. From the heritage (works of 1869–1873)]. Moscow, Kulturnaya revolyutsiya Publ., 2012, 408 p. (In Russian).
  14. Pindar, Bacchylides. *Ody, fragmenty / per. M.L. Gasparova* [Odes, Fragments. Trans. by M.L. Gasparov]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 503 p. (In Russian).
  15. Nietzsche F. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 3: Utrennaya zarya. Messinskiye idillii. Veselaya nauka* [Complete Works: in 13 vol. Vol. 3: The Dawn. Idylls from Messina. The Gay Science]. Moscow, Kulturnaya revolyutsiya Publ., 2014, 640 p. (In Russian).
  16. Nietzsche F. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 11: Chernoviki i nabroski 1884–1885 gg.* [Complete Works: in 13 vol. Vol. 11: Drafts and sketches 1884–1885]. Moscow, Kulturnaya Revolyutsiya Publ., 2012, 688 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 31.01.2017

Об авторе

Колесников Илья Дмитриевич
аспирант кафедры теоретической
и социальной философии

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского,
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83;
e-mail: kolesnikovid@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2729-6871

About the author

Kolesnikov Ilya Dmitrievich
Ph.D. Student of the Department of Theoretical
and Social Philosophy

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia;
e-mail: kolesnikovid@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2729-6871

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Колесников И.Д. «Ἐν το πᾶν» Гераклита: от стоицизма до Ницше // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 164–171. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-164-171

Please cite this article in English as:

Kolesnikov I.D. «Ἐν το πᾶν» of Heraclitus: from stoicism to Nietzsche // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 164–171. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-164-171

УДК 1(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-172-182

«ΣΗΜΙΩΤΙΚΗ» ДЖ. ЛОККА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Скрипник Константин Дмитриевич

Южный федеральный университет

В статье обращено внимание на неожиданное на первый взгляд появление в «Опыте о человеческом разумении» Д. Локка понятия семиотики (σημιωτική) как учения о знаках. Указанный факт анализируется с помощью ретроспективного историко-философского анализа, демонстрируется связь семиотических идей Локка с предшествующей философской традицией, с которой он мог познакомиться уже в годы обучения и преподавания в Оксфордском университете. Данный анализ проходит несколько шагов: от книги «Логика» Смиглицкого через трактаты о знаках коибрских схоластов и работы Оккама и Роджера Бэкона вплоть до античных исследований знаков. Устанавливается наличие большого числа сходных черт между идеями Локка и *ens rationis* схоластической логики, между его анализом ментальных высказываний и ментальным языком Оккама. Обращается внимание, что трактаты, посвященные природе знаков и знаковых отношений и характеристике роли знаков в философском познании, образуют специфическую философскую и семиотическую традицию. Проведенный ретроспективный анализ служит обоснованию непрерывного развития философских идей и дает аргументы в пользу отсутствия традиционно признаваемых границ между различными историческими периодами развития философии.

Ключевые слова: история философии, семиотика, Локк, Смиглицкий, Оккам, Роджер Бэкон, традиция трактатов о знаках.

J. LOCKE'S «ΣΗΜΙΩΤΙΚΗ»: HISTORY OF PHILOSOPHY'S RETROSPECTIVE

Konstantin D. Skripnik

Southern Federal University

The aim of the article is to draw attention to *prima facie* unexpected occurrence of the notion of semiotics (σημιωτική) in Locke's «An Essay Concerning Human Understanding». The author demonstrates close relationships between Locke's semiotic ideas and certain philosophical tradition of his predecessors. It is assumed that Locke might have got acquainted with this tradition while studying and tutoring at Oxford University. The author believes that the adequate method of this research is the method of retrospective historical-philosophical analysis. Semiotic ideas of Locke's «Essay...» are successors of Smiglecki's «Logica», especially, Smiglecki's «ens rationis», which, in turn, is related with the Conimbricenses' commentary on Aristotle. Moreover, it is possible to see some similarities between Locke's view on mental propositions and Ockham's mental language, and between Locke's semiotic considerations and Roger Bacon's treatise «On Signs». The article proposes arguments in favor of the philosophical tradition of sign treatises devoted to the role of sign and sign relation, which has its roots in ancient works of Plato, Theophrastus, Philodemus, Stoics and Epicureans. The given consideration provides an additional basis for the acknowledgement of philosophy's continuous development and for the rejection of traditional «borders» between the different stages of history of philosophy.

Keywords: history of philosophy, semiotics, Locke, Smiglecki, Ockham, Roger Bacon, treatises on signs.

В «Опыте о человеческом разумении» в качестве третьего раздела наук Дж. Локк называет «σημιωτική», или «учение о знаках». Но поскольку далее он говорит, что «...так как наиболее

обычные знаки — это слова, то семиотику довольно удачно называют также *λογική* — “логика”» [1, с. 200], то первый термин как бы исчезает из рассмотрения и комментарии сосредоточива-

ются либо на его характеристике логики, либо — если принимается во внимание его указание на слова — на его философии языка.

Подобные акценты оправданны, поскольку обращение Дж. Локка к проблемам языка представляется несомненной новацией философии Нового времени: так, Р. Рорти [2] даже утверждает, что характерной чертой основной работы Дж. Локка является «лингвистический поворот», который так привычно связывается в истории философии с гораздо более поздней традицией аналитической философии. Действительно, вызывает интерес тот факт, что после критики врожденных идей во второй книге «Опыта...» третья книга начинается с главы «О словах, или о языке вообще». Такое начало, заключением которого является приведенный выше тезис о третьем разделе наук, в определенной степени объясняет сам Дж. Локк, говоря о языке как великом орудии и общей связи общества и заканчивая вторую книгу примечательнейшими словами: «... нахожу, что существует такая тесная связь между идеями и словами и что наши отвлеченные идеи и общие слова находятся в таком постоянном отношении друг к другу, что невозможно говорить ясно и определенно о нашем знании, состоящем всецело из суждений (Propositions), не рассмотрев предварительно природы, употребления и значения языка» [3, с. 458]. Если обратиться к английскому тексту, то Дж. Локк использует оборот «*Signification of Language*», который в русском переводе звучит как «значение языка»; принимая это во внимание, правильнее говорить о «сигнификации языка». В фокусе изучения языка и его природы у Дж. Локка ставится отношение сигнификации между словами и идеями, теория же сигнификации и есть теория языка.

Тогда как по мановению волшебной палочки многое из положений Дж. Локка понимается совсем иначе; использование Дж. Локком понятия сигнификации проливает определенный свет на использование им терминов «σημωτική» и «учения о знаках», если учесть, что в конце XVI — начале XVII в. в схоластике «*significare*» означало репрезентацию некоторого предмета или предметов некоторым образом познавательной силе. Понятие (концепт, иногда термин) может сигнифицировать реально существующий предмет, но может сигнифицировать и то, что говорящий имеет в уме, то есть концепт. Иными словами, по мысли схоластов, сигнификация может иметь место, как это прекрасно показано Е. Эшворт [4],

как между концептами и внешними уму предметами, так и между концептами, так как сами средства сигнификации также должны сигнифицироваться. Только один этот факт заставляет обратиться к исторической ретроспективе, наследником которой в определенной степени становится Дж. Локк и выделяемый им третий раздел наук.

Старший современник Дж. Локка Т. Гоббс хотя и не выделял науку о знаках в отдельный раздел, но высказал ряд интересных семиотических идей, которые следует хотя бы кратко упомянуть в данном контексте. У Т. Гоббса исследование роли и места знаков движется в явно выраженном менталистском и ассоциативном направлении: согласно одному из его определений, имена есть знаки наших представлений (в английском варианте — «*conceptions*»), но не самих предметов. Вторым важным моментом анализа семиозиса у Гоббса является разделение им знаков (*signs*) и меток (*marks*): первые предназначены для сообщения наших мыслей другим, вторые — для того, чтобы «мы могли вспомнить собственные мысли». Однако в отличие от Дж. Локка сигнификация понимается Т. Гоббсом скорее как индикация некоторого рода или означивание некоей регулярной последовательности предметов: «Знаками (*signa*) же друг друга нам служат обычно вещи, следующие друг за другом, предворяющие или последующие, поскольку мы замечаем, что в их последовательности существует известная правильность (в английском тексте — *regularity*. — К.С.). Так, темные тучи служат знаком предстоящего дождя, а дождь — знаком предшествовавших темных туч, и это происходит только потому, что мы редко наблюдаем темные тучи, за которыми не следовал бы дождь, и никогда не видели дождя без предшествующих туч» [5, с. 82]. В семиотических идеях Т. Гоббса можно разглядеть и отголоски стоических тенденций, и, несомненно, влияние механицизма — однако все это требует отдельного рассмотрения, поэтому этими замечаниями и ограничимся. Оставим в стороне вопрос о том, были ли эти идеи известны Дж. Локку — ведь если Локк и ссылается на Т. Гоббса, то главным образом в ином контексте, контексте социально-политических рассуждений.

Хотя на первый взгляд может показаться, что «σημωτική» и «учение о знаках» появляются у Дж. Локка как будто сами по себе, однако это впечатление ошибочно. Известно, что Дж. Локк в 1652 г. поступил в Оксфорд и провел там достаточно длительный период своей жизни как в роли

студента, так и в роли тьютора. Столь же известным, хотя и не достаточно акцентированным, фактом является получение им в 1675 г. медицинской степени, чему предшествовало написание им совместно с Томасом Сиднемом двух медицинских трактатов — «*De arte medica*» и «*Anatomia*». Вероятно, одним из источников использования Дж. Локком термина «σημειωτική» являлись его занятия медициной, поскольку данный термин в латинской и английской его версиях обнаруживается в британских медицинских трактатах XVII в. Семиотика в то время была признанной и стандартной частью медицины (согласно александрийской модели кроме семиотики в состав медицины входили также физиология, патология, гигиена и терапия). В медицинском контексте семиотика занималась видимыми знаками, в качестве которых выступали некоторые естественные указатели; на их основании доктора делали выводы относительно болезни. Эта традиция ведет свое начало от античной медицины и практически сохраняется до нашего времени, иногда именуясь симптоматикой. Немаловажно заметить, что античные медицинские практики понимались как тесно связанные с философскими, хотя и развивались независимо от них. Понимание этой тесной связи наиболее отчетливо было выражено Галеном, который утверждал, что врач — он же философ. Да и Платон, характеризуя медицинское знание и сравнивая его со знанием божественным, также проводит явные параллели между медицинским знанием и знанием философским (по меньшей мере в аспекте модальности времени). Функция знаков в медицине — не только диагностическая, но и прогностическая — прозрачно выражена в собрании медицинских текстов, известном как *Corpus Hippocraticum*.

Как же обстояло дело в Оксфорде с логикой, название которой Дж. Локк использует как синоним семиотики? Обращает на себя внимание некоторая странность локковского рассуждения: говоря о том, что самые обычные знаки — это слова, он утверждает, что семиотику можно называть и логикой. Иными словами, логика понимается как учение о словах. Если вспомнить традицию тривиума как первой части свободных искусств, то все три составляющие — логика, риторика и грамматика — в конечном счете о словах; почему же Локк говорит не о грамматике, а именно о логике как учении о словах? Может ли это быть объяснено тем, как преподавали логику в период его обучения и работы в Оксфорде?

В то время структура Оксфорда как университета была исторически традиционной и состояла из четырех факультетов — свободных искусств, медицинского, теологического и факультета гражданского права. Уставом университета в 1636 г. студентам первого года предписывалось посещать занятия по латинской грамматике. Лишь после этих курсов они приступали к логике и моральной философии. И на том, и на другом курсах преподавание опиралось на работы Аристотеля (некоторые части Органона и «Никомаховой этики») и материалы из «Исагоги» Порфирия. Большое влияние на понимание логики оказали работы схоластов, с которыми, как демонстрируют письма Локка, он был неплохо знаком: в частности, в переписке упоминаются работы Сандерсона, Бургерсдейка, Де Трейо и Смиглецкого, а также книги Комбаха и Шайблера. Логические работы не привязывались к конфессиональной принадлежности их авторов: так, логические работы иезуитов изучались во всех протестантских университетах даже тогда, когда в них были сильны анти-католические настроения. Все перечисленные авторы были в основном авторами учебников, исключение составляет, пожалуй, лишь Мартин Смиглецкий [6, 7], «Логика» которого первый раз была издана в Ингольштадте в 1618 г. и трижды — в 1634, 1638 и 1658 гг. — переиздавалась в Оксфорде.

Одним из центральных понятий логики Смиглецкого [8] является понятие *ens rationis*, которому он посвящает 95 первых страниц своей книги, продолжая его обсуждение и в дальнейших разделах (диспутов, из которых состоит вся книга). *Ens rationis* есть нечто, что объективно существует в мышлении, в отличие от реального бытия, *ens reale*. В объяснении различия между ними Смиглецкий обращается к двум теориям истины — корреспондентской и репрезентационной. Мышление порождает внутри себя некий концепт, посредством которого выражается образ (не обязательно визуальный) объекта; данный объект репрезентируется. Репрезентация объекта — это и не сам объект, и не концепт объекта, который фиксирует сущность данного объекта. Репрезентация объекта и есть *ens rationis*. Однако мышление порождает два вида *ens rationis*: один вообще не имеет отношения к реальным предметам, например, единорог, второй как бы основывается на реальных предметах так, как будто они требуют обязательной репрезентации мышлением. Для того чтобы некоторые реальные предметы стали

объектами мышления, они должны репрезентироваться мышлением, что возможно лишь посредством интенционального акта, соотносящего этот предмет и *ens rationis*, точнее, репрезентирующего в мышлении этот предмет через *ens rationis*. Однако *entia rationis* не являются собственным предметом логики, предметом является то, что направляется с помощью *ens rationis*.

Первым, что направляется с помощью *ens rationis*, является перцепция, из которой посредством абстракции мышление усваивает универсальное понятие, которое существует только внутри понятия. И следующим вопросом для Смиглецкого является вопрос о словах: сигнифицируют ли слова предметы или понятия (концепты, если угодно). Смиглецкий разворачивает достаточно подробную аргументацию в пользу того, что слова первично сигнифицируют концепты, при этом в качестве аргументов используется то, что слова без концептов не имеют значения, что внутренние мысли без слов не могут быть выражены, что предметы не могут быть сигнифицированы иначе как с помощью слов. Вместе с тем Смиглецкий не отрицал, что слова могут сигнифицировать и предметы. Иначе говоря, он пытается совместить корреспондентскую и репрезентационную теорию, в которой концепты являются инструментами, обеспечивающими значение предметов через слова. Но слова сигнифицируют не естественным путем, а лишь посредством импозиции ментальных концептов; последние обладают эпистемологической первичностью по сравнению с онтологией, как четко отмечает и М. Сгарби [9].

Несомненно, что содержание «Логики» М. Смиглецкого могло оказать воздействие на рассуждения Дж. Локка, говорящего о том, что «так как рассматриваемые умом вещи, за исключением его самого, не присутствуют в разуме, то ему непременно должно быть представлено что-нибудь другое в качестве знака или в качестве того, что служит представителем рассматриваемой вещи, — это и есть идеи» [1, с. 200]. Идея репрезентирует вещь, а ее саму репрезентируют членораздельные звуки, слова (слова отличаются от просто членораздельных звуков, присущих и животным, именно сопряженностью своей с идеями). Идеи и слова являются для Дж. Локка «великими орудиями познания». Но идеи есть то, что «ум воспринимает в себе и что есть непосредственный объект восприятия, мышления или понимания» [3, с. 183], слова же — чувственные

знаки идей, и они в своем первичном или непосредственном значении сигнифицируют идеи. С семиотической точки зрения можно говорить о том, что слова есть знаки знаков, т.е. идей, которые сами являются знаками; то есть слова есть либо метазнаки, либо знаки второго уровня. Но определенная двусмысленность Дж. Локка заключается в том, что иногда он говорит и о том, что слова сигнифицируют не идеи, а сами вещи, т.е. выступают знаками того же уровня, что и идеи.

М. Смиглецкий принадлежал к ордену иезуитов и был учеником Ф. Суареса, под сильным влиянием которого находился и автор еще одного упомянутого учебника по логике, используемого в Оксфорде, — Кристофа Шамблера, а на Ф. Суареса, в свою очередь, огромное влияние оказали работы коимбрских схоластов.

Коимбрский компендиум — обзор знаменитого коимбрского комментария к работам Аристотеля — был издан в Лондоне в 1627 г.; можно предположить, что определенного рода синонимичность понимания Локком семиотики и логики могла быть основана на том, что он почерпнул из данных изданий, оговорив при этом, что если о его знакомстве с логикой Смиглецкого известно наверное, то в нашем распоряжении нет явного свидетельства знакомства его с работой коимбрских схоластов.

Однако можно предложить ряд косвенных свидетельств. Коимбрские схоластики принадлежали к ордену иезуитов и были профессорами философии в университете Коимбры примерно в конце XVI в. Самые известные из них — Эммануэль де Гоес, Косме де Магаланьш, Бальтасар Альварес и Себастиан де Коуто (1567–1639). Их учение изложено в нескольких томах, содержащих комментарии к Аристотелю, которые были опубликованы между 1592 и 1606 гг. Последний из этих томов [10], включающий комментарии на всю аристотелевскую логику, изданный и опубликованный де Коуто, особенно важен: первый раздел «Комментариев» на аристотелевский трактат «Об истолковании» имеет подзаголовок «*De signo*» и представляет собой первое, специально посвященное этому вопросу самостоятельное произведение, которое было написано несколькими десятилетиями раньше, чем аналогичные работы Гоббса, Локка и других философов XVII в. [11]. Трактаты коимбрских схоластиков были влиятельны и широко распространены в XVII в. Они выдержали несколько изданий и однажды даже были переведены на китайский.

Именно их трактат о знаках послужил основой для подобного трактата Кристофа Шайблера, который заимствовал учение коимбрских иезуитов о зеркальном отражении [12].

Традиционное обращение к тематике знаков и обозначений коимбрские схоластики при разборе этого трактата Аристотеля трансформируют в исследование широкого спектра проблем, которые в наше время были бы отнесены к семиотике, эпистемологии и психологии. Принципиальных вопросов, поднятых в нем, пять: (1) О природе знаков и об общих для них условиях; (2) О разделении знаков; (3) Об обозначении произносимых и написанных слов; (4) Являются ли понятия общими всему, а произносимые слова отличными от (всего); (5) Являются ли некоторые понятия в нашем уме истинными или ложными, тогда как другие (понятия) лишены истинности и ложности. Обсуждаемых ими вопросов на самом деле гораздо больше, но мы ограничиваемся только теми, которые имеют прямое отношение к нашей теме. Одним из самых главных для коимбрского курса было положение, согласно которому «нет ничего такого, что приводило бы к осознанию чего-либо другого и не могло быть сведено к некоторому виду знака».

На раннем этапе своего обучения Рене Декарт хорошо знал коимбрскую схоластику. Действительно, позднее он объявил, что из иезуитских учебников, которые он изучал в Ла Флеш, он «запомнил только коимбрских схоластиков, Толедо и Рубио». Коимбрские философы были также известны Г. Лейбницу, который цитировал их комментарий на аристотелевскую логику. Они были хорошо известны и в Англии: так, их логика была среди трудов, рекомендованных в Эммануэль-колледже Кембриджа знаменитым списком Ричарда Холдсвортса. Она была рекомендована к использованию также и Тимоти Халтоном — главой Королевского колледжа в Оксфорде в 1652 году — году, в котором юный Дж. Локк вступил в колледж Христовой церкви.

Одним из самых главных для коимбрского курса было положение, согласно которому «нет ничего такого, что приводило бы к осознанию чего-либо другого, и не могло быть сведено к некоторому виду знака», сам же знак определяется как то, что представляет познавательной способности что-либо [иное]; в роли знака может выступать как нечто чувственно воспринимаемое, так и умопостигаемое.

Коимбрские схоластики предлагали различные способы классификации знаков, особое значение имеют два: это тщательно обоснованное деление знаков на естественные и конвенциональные и разделение между формальными и инструментальными знаками. Главным признаком формального знака является то, что сам он, не будучи познанным, является причиной познания чего-либо еще; примером знака, вызывающего такую (познавательную) активность по способу выражения, может быть понятие. Примером же знака, формирующего знание по основанию, может быть форма физического знака, запечатленная в чувствах. Инструментальным знаком является такой знак, который сам должен быть познан первым, чтобы вести к знанию чего-либо еще. Как таковой он не будет непосредственно информировать познающего о форме того, что им обозначено, но, скорее, о форме того, что означает, т.е. о самом знаке. Понятие формального знака есть ключ к решению ряда проблем, которыми были озабочены авторы курса.

Если же вернуться к рассмотрению Дж. Локка, то у него слова иногда тоже являются формальными в смысле вышеуказанной дихотомии. Формальную сущность слова как знака составляют два отношения: отношение с сигнифицируемым предметом и отношение с интеллектом, с идеями в конечном счете. Формальная сущность знака может быть названа семиотической, являющейся чисто функциональной, она ничего не меняет в естестве той вещи, которая выступает в роли знака, но именно она, т.е. установление такого двойного отношения, переводит вещь из разряда «просто» вещей в разряд знаков.

Сделаем еще один ретроспективный шаг и зададимся вопросом о том, предшествовали ли трудам коимбрских схоластиков иные работы, написанные в русле «учения о знаках», были ли знаки предметом внимания более ранних философов. Ответ будет утвердительным. Средневековые схоласты неоднократно обращались к исследованию знаковых отношений, роли и природы знаков — можно с уверенностью говорить о наличии определенной традиции этих исследований [13]. Поскольку имеющийся материал весьма объемный, а размеры же данной статьи ограничены, то ограничимся лишь двумя фигурами, представляющими данную традицию, — Оккамом и Роджером Бэконом, хотя и их идеи будут только намечены.

Что касается Оккама, то возможно установить достаточно серьезные сходства между Оккамом и Локком в анализе ментального языка. Так, еще

Э. Краковский в своей диссертации [14], посвященной средневековым источникам философии Дж. Локка, называл его прямым последователем Оккама. Действительно, ментальный язык служил темой для серьезного обсуждения на протяжении всего Позднего Средневековья; лишь с середины XVI в. обсуждение этой темы понемногу сходило на нет, хотя Гоббс в «Левиафане» немного говорит о ментальном рассуждении. Но, что более значимо для нашей темы, Локк тоже иногда говорит о ментальных высказываниях [propositions] [1, с. 52], которые, по его мысли, лежат в основе произнесенных предложений и являются первичными по отношению к ним. В исследовательской литературе [15] находим как минимум четыре характеристики сходства. Согласно Локку, ментальные высказывания составлены из идей, а ментальные высказывания Оккама составлены из понятий. И идеи Локка, и понятия Оккама являются знаками [5, с. 471; 16, с. 5], репрезентирующими внешние предметы. Локк, равно как и Оккам, поддерживает номиналистскую («...все существующие вещи единичны») точку зрения. Подобно Оккаму, Локк полагает, что ментальное высказывание на деле составлено из множественности ментальных знаков. По Оккаму, ментальные высказывания не являются простейшими ментальными единицами, но составлены из понятий. Четвертым сходством является то, что для обоих философов ментальные высказывания являются первичными объектами знания. Так, в своем предисловии к комментарию «Физики» Аристотеля Оккам говорит, что объектом знания является целое высказывание, которое известно. Локк практически вторит Оккаму, говоря, что наше знание состоит всецело из суждений (в аутентичном тексте Дж. Локка используется «propositions»). Но при всех характеристиках сходства следует, конечно же, подчеркнуть, что теории Оккама и Локка принадлежат к совершенно разным традициям.

Перу Р. Бэкона принадлежит трактат «О знаках», который изначально был написан как вторая глава части третьей его «*Opus maius*». «*De Signis*» Бэкона был издан под этим названием в 1978 г. [17]. В 2013 г. был издан перевод трактата на английский язык [18], осуществленный Т. Малони, который убедительно показал связь данного трактата с иными работами Бэкона, в частности, «*Metaphysica*», «*Communium naturalium*» и «*Compendium studii theologiae*».

Р. Бэкон заявляет себя сторонником тех, кто утверждает, что мнение Августина, согласно которому все предметы (вещи), являющиеся знаками, являются чувственными предметами, то есть предметами, воздействующими на наши чувства, ошибочно. Бэкон проводит разделение между самим чувством, произвольным выражением этого чувства и его концептуализацией, скажем, его именовани-ем. (Мы чувствуем боль, выражаем ее посредством, например, произвольного звука и говорим о ней, употребляя слово «боль».) Тогда наше восприятие есть посредник между чувством и концептом, при этом Бэкон говорит, что оно есть результат влияния и чувственной души и души интеллектуальной. Иными словами, знаками могут быть не только некоторые чувственные предметы, но и предметы ментальные, принадлежащие интеллекту.

Согласно Бэкону, понятие знака принадлежит к категории отношения. Более точно, знак, как было указано уже в определении Августина, является триадическим отношением, так что он является — в принципе — знаком чего-то для кого-то. Подобная постановка вопроса, однако, ведет к вопросу о том, являются ли оба члена этого отношения одинаково значимыми для его существования. Что произойдет, если одна из сторон отношения не существует? Что если означаемый предмет прекратит существование? И что если не имеется когнитивной силы, обращающей внимание или даже способной обратить внимание на знак? Бэкон делает ударение на «прагматическом» отношении знак–интерпретатор, так как понятие знака является, по его мнению, существенно предписанным относительно того, для кого он означает. Так как если никто не может воспринять что-либо через знак, последний был бы недействительным и пустым, более того, он не был бы знаком. Другим отношением актуального знака к своему интерпретатору, которое должно быть в любом случае, является то, что называется реальным отношением (*relation realis*), так как, добавляет Бэкон, «не следует, что знак находится в действии, следовательно, означаемый предмет существует, потому что не-сущности могут означаться словами подобно сущностям». Имеются другие важные моменты, в которых Бэкон отклоняется от привычного мнения: так, он определяет знак как то, что предлагается чувству или интеллекту, обозначая нечто для самого интеллекта, и подчеркивает, что, в противоположность привыч-

ному описанию, имеются знаки, предлагаемые только интеллекту.

Бэкон представляет детальную классификацию знаков, принимая, комбинируя и изменяя элементы нескольких предшествующих типологий. Общий класс естественных знаков по их сущности разделяется согласно отношению между знаком и его сигнификатом на три подкласса: инференциальные знаки, основанные на более или менее постоянном соупутствии знака и означаемого; иконические знаки, основанные на внешнем подобии; и знаки, базирующиеся на каузальном отношении между знаком и означаемым предметом. Знаки вывода подразделяются на необходимые и вероятные, каждый из которых далее дифференцируется на три возможных направления временного указания (настоящее, прошлое, будущее) [более подробно см.: 13].

Бэкон дает понять, что он принимает инференциальные и иконические знаки в качестве знаков более собственных, нежели члены третьего класса, то есть нежелезные знаки, основанные на каузальном отношении. Он оправдывает это указанием на фундаментальное различие между знаковыми отношениями и каузальными отношениями: в то время как знаковые отношения необходимо конституируются интерпретатором, каузальные отношения существуют независимо, просто по причине порядка природы. Второй общий класс знаков, данных и направляемых душой, разделен согласно тому, привносит ли знак живое существо с обдумыванием (принуждением) по разуму и выбором воли или по естественному инстинкту или импульсу. Причиной выделения двух моделей естественного обозначения является, с одной стороны, двусмысленность понятия природы, означающей «субстанцию или сущность чего-либо», равно как и «сила действия без обдумывания», и с другой стороны, видение того, что, в противоположность имеющему место для естественных знаков в первом смысле, в случае последнего всегда имеется «даватель» знака, а не только и кто-то, принимающий нечто в качестве знака. В качестве гибрида двух других видов данных знаков рассматриваются восклицания. У Бэкона, как и у многих средневековых классификаторов знаков, классы знаков — даже если это эксплицитно не обосновывалось самими авторами — различаются скорее как модусы сигнификации, нежели знаки в смысле носителей знаков. Следовательно, один и тот же предмет, факт или событие может в различных аспектах попадать в различные и даже противоположные

классы знаков. Этот факт особенно важен для полного рассмотрения знаковых процессов, в которые включен устный язык. Исходным намерением семиотического анализа Бэкона является, как это было и у Августина, обеспечение оснований для семантики устного языка. Согласно Бэкону, адекватное и полное исследование «трудной темы» (*difficilis dubitatio*) относительно того, чем является сигнификат звукового выражения, должно рассматривать три различных аспекта: сигнификацию звуковых выражений независимо от навязывания (*impositio*), то есть независимо от надления их (конвенциональным) значением, их сигнификацию в соответствии с навязыванием и их сигнификацию сверх навязывания. Каждое звуковое выражение может служить, независимо от навязывания, естественным знаком. Слова могут «говорить» нечто о самом говорящем, подобно тому как художественное произведение указывает на способности художника. Более того, устное слово является естественным знаком, имплицитно, что говорящий обладает понятием объекта, обозначаемым словом соответственно его обычному значению. Сигнификативное использование языка предполагает наличие в уме говорящего некоторого понятия, соответствующего денотируемому объекту. Таким образом, отношение между звуковым выражением и ментальным концептом является, в противоположность общему мнению со времен Аристотеля и Боэция, не отношением выражения, но скорее индексной сигнификацией. В своем исследовании слов, принимающем во внимание их *«impositio»*, Бэкон подчеркивает произвольность значения. Но даже хотя первый «навязыватель» (дающий имена) свободен навязывать слово или знак чему угодно, он совершает акт навязывания таким образом, что, как утверждает Бэкон, «все имена, которые мы приписываем (навязываем) вещам, мы приписываем постольку, поскольку они наличествуют для нас подобно тому, как это имеет место с именами людей в баптизме» [18, с. 94]. В противоположность почтенной традиции семантики Аристотеля, Боэция или Порфирия, придерживающейся того мнения, что устные слова, по крайней мере, непосредственно, означают ментальные концепты, Бэкон отдает предпочтение тому взгляду, согласно которому слова означают сами предметы. Тем самым Бэкон отказывается от модели семантического треугольника и знаменует важнейший поворотный пункт от традиционной интенционалистской семантики к экстенционалистской референциальной семантике в том виде, в каком она во все возрас-

тающем масштабе стала приниматься в XIV в. Тем не менее Бэкон прекрасно осознавал тот факт, что использование имен и слов в общем не ограничено навязанным значением. После первого акта навязывания (термин «*homo*» не означает только тех людей, которые уже существовали в то время, когда имел место исходный акт *imposition*), не прекращается и использование слов, когда их оригинальные (исходные) *significata* (означаемые предметы) прекращают свое физическое существование. Бэкон намеревается разрешить трудности (с которыми сталкивается каждая каузальная теория значения, базирующаяся на понятиях «установление указания» и «заимствование указания») с помощью разделения двух модусов *impositio*. Выделение данных модусов может рассматриваться как наиболее важный его вклад в семантику. Помимо «формального» модуса придания, осуществляемого «перлокутивным» звуковым выражением типа «я называю это...», имеется иной тип, молчаливо имеющий место всякий раз, когда термин прилагается к любому другому объекту, нежели тот, который был «баптизирован» первым дающим имена. В то время как формальный способ придания указывает либо на мифическую ситуацию первого изобретателя языка, либо на акт эксплицитного создания нового слова, второй тип придания описывает то, что актуально случается в ходе каждодневного использования языка. Эта модификация значения слова постоянно имеет место без говорящего или кого-либо еще, актуально замещающего его, так как только посредством использования языка мы в течение всего дня придаем имена без осознания того, когда и как это происходит. Даже если *impositio* в описанном смысле обладает краеугольной важностью для конституирования лингвистического значения, сигнификация слов никоим образом им не ограничена. Звуковое выражение, по Бэкону, сигнифицирует многие предметы, для которых оно не придано, как оно сигнифицирует все те предметы, которые несут существенное отношение к предмету, для которого придано данное слово. Именно так, настаивает Бэкон, слова означают бесконечно много предметов.

Продолжая ретроспективное движение, обратим внимание на то, что семиотические идеи, развитые Бэконом, представляют собой замечательный пример одновременного влияния взглядов Аристотеля и Августина [19, 20]. Насколько идеи Бэкона были независимы от идей этих двух философов и насколько они зависели от них, особенно от более близкого к нему по времени Августина?

Зависимость Бэкона от идей Августина подтверждается тем, что (1) Бэкон демонстрирует близкое знакомство с теми трактатами Августина, в которых развивается доктрина знаков, — «*De Doctrina Christiana*», «*De Dialectica*» and «*De Magistro*»; (2) многие из тем, обсуждаемых Бэконом, обнаруживаются и в «*De Doctrina Christiana*»; (3) мало того, Бэкон сам указывал, что первые главы второй книги «*De Doctrina Christiana*» являются одним из источников его определения и классификации знаков; (4) Бэкон использует некоторые примеры из «*De Dialectica*» для иллюстрации двусмысленности. Бэкон ссылается и на Аристотеля, прямо называя его «Физику» и «О душе». Правда, сам Бэкон в «*Compendium studii theologiae*» настаивает на том, что его деление знаков является оригинальным, его собственным, но сравнение показывает, что определение знака у Бэкона резко отличается от определения Августина: согласно Августину, то, что не воздействует на чувства, не может быть знаком, у Бэкона же даже мысли могут быть знаками — и это принципиально важно для него.

Аристотель не оставил специального исследования, посвященного «учению о знаках», однако обращает на себя внимание то, что в Античности существовала целая традиция работ, посвященных знакам. Подробно эта традиция изложена нами в другом месте [21], здесь же достаточно будет указать лишь на некоторые опорные моменты. Так, авторами работ под названием «О знаках» были Псевдо-Гален и Филон, Зенон, Феофраст и Филодем, проблемы знака обсуждались Платоном в той или иной степени в «Кратиле» и «Тимее», «Государстве» и «Софисте». У Аристотеля проблемы не-вербального знака, собственно *semeia*, *semeinon*, (*σημείον*) или *tekmerion* (*τεκμήριον*), отделены от знака лингвистического, который именуется им *symbola* (*σύμβολον*). В стоицизме впервые появляется структура знака как триада со специальным выделением особой ментальной характеристики знакового отношения, называемой лектоном, а также выделяются виды знаков, связанные с природой познаваемых вещей. В эпикуреизме, в частности в работе Филодема, обнаруженной среди рукописей Геркуланума, обсуждается роль знаков как посылок рассуждения в связи с различием между индуктивными и дедуктивными выводами (рассуждениями).

Ретроспективное рассмотрение использования Локком несколько неожиданного на первый взгляд термина «σημιωτική» показательным в нескольких отношениях. Всего лишь на одном при-

мере демонстрируется наличие непрерывной линии развития философских исследований, несмотря на то что до той поры бытует еще представление о резком изменении проблематики философских рассуждений в момент возникновения нововременной философии. Исследователи философии Локка обратили внимание на возникновение у него того исследовательского поля, которое теперь принято называть философией языка, не обратив внимания на его семиотическую составляющую, что представляется не вполне корректным; предложенное рассмотрение в определенной степени заполняет данный пробел. Заслуживает внимание и то, что и после Локка традиция семиотических исследований не прервалась: хотя и принято считать, что современная семиотика («учение о знаках») начинается с работ Ч. Пирса и Ф. де Соссюра, считающихся ее «отцами-основателями», следует указать на интереснейшие семиотические идеи философов более позднего времени, среди которых находим, например, работы Кондильяка и Руссо. Да и сама традиция написания отдельных работ под названием «О знаках» не прервалась — так, например, обратим внимание на изданный в 1720 г. «Исторический и критический трактат о знаках» Альфонса Костадо [22], практически не известный в мировой литературе.

Список литературы

1. Локк Д. Опыт о человеческом разумении. Кн. 4 // Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 2. С. 3–201.
2. Rorty R. The Linguistic Turn. Essays in Philosophical Method. Chicago; London: Chicago Un. Pr., 1992. 407 p.
3. Локк Д. Опыт о человеческом разумении. Кн. 1–3 // Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. С. 77–582.
4. Stuart M. A Companion to Locke. Oxford: Blackwell Publ, 2016. 569 p.
5. Гоббс Т. О теле // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 622 с.
6. Савинов Р.В. Историко-философский смысл понятия *ens rationis* (ментальное сущее) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 2, № 2. С. 21–29.
7. Савинов Р.В. Эпизод из истории Контрреформации: Мартин Смиглецкий // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11, вып. 3. С. 70–76.
8. Darowski R. Marcina Śmigleckiego SJ *reŋkopiśmienne wykłady z logiki* // *Studia Philosophiae Christianae*. 1984. Vol. 20(1). S. 31–51.
9. Sgarbi M. The Aristotelian Tradition and the Rise of British Empirism. Logic and Epistemology in British Isles (1570–1689). N.Y.: Springer, 2013. 259 p.
10. *Commentarii Collegii Conimbricensis Societatis Jesu in universam dialecticam Aristotelis* («Commentaries of the Coimbra College of the Society of Jesus on the Whole Logic of Aristotle»), 1606.
11. *The Conimbricenses. Some Questions on Signs*. Trans. with Introduction and Notes by John P. Doyle. Marquette Un.Pr., 2001. 230 p.
12. Вдовина Г.В. Язык неочевидного. Учения о знаках в схоластике XVII века. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. 648 с.
13. Meyer-Oezer S. Die Spur des Zeichen. Das Zeichen und seine Funktion in der Philosophie des Mittelalters und der Fruehen Neuzeit. Berlin; N.Y.: W. de Gruyter, 1977. 321 p.
14. Krakowski E. Les sources médiévales de la philosophie de Locke. Paris: Jouve, 1915.
15. Friedman R.L., Nielsen L.O. The Medieval Heritage in Early Modern Metaphysics and Modal Theory, 1400–1700. Dordrecht: Kluwer Ac. Publ., 2003. 346 p.
16. Оккам У. Избранное. М.: Едиториал УРСС, 2002. 272 с.
17. Bacon R. An Unedited Part of Roger Bacon's Opus Maius: «De Signis» / ed. by K.M. Fredborg, L. Nielsen, J. Pinborg // *Traditio*. 1978. Vol. 34. P. 75–136.
18. Bacon R. On Signs. Trans. with an Introd. and Notes by Tomas S. Maloney. Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 2013. 147 p.
19. Августин. О диалектике / пер. с лат. Л.И. Рагозина, К.Д. Скрипника // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17, вып. 3. С. 68–84.
20. Рагозин Л.И., Скрипник К.Д. Трактат Августина о диалектике (заметки к переводу) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17, вып. 3. С. 62–67.
21. Скрипник К.Д. Семиотические идеи в истории античной философии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 82–90.
22. Costadau A. *Traite historique et critique des principaux signes qui servent a Manifester les Pensees, Ou le Commerce des Esprits*. Lyon, Bruyset, 1720–1721.

Получено 10.01.2017

References

1. Locke J. *Opyt o chelovecheskom razumenii. Kn. 4.* [An Essay Concerning Human Understanding. Book 4]. *Sochineniya v 3 t.* [Collected works: in 3 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1985, vol. 2, pp. 3–201 p. (In Russian).
2. Rorty R. (ed.) *The Linguistic Turn. Essays in Philosophical Method.* Chicago, Chicago Un. Pr., 1992, 407 p. (In English).
3. Locke J. *Opyt o chelovecheskom razumenii. Kn. 1–3.* [An Essay Concerning Human Understanding. Books 1–3]. *Sochineniya v 3 t.* [Collected Works: in 3 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1985, vol. 1, pp. 77–582. (In Russian).
4. Stuart M. (ed.) *A Companion to Locke.* Oxford, Blackwell Publ., 2016, 569 p. (In English).
5. Hobbes T. *O tele* [On the Body]. *Sochineniya: v 2 t.* [Collected works: in 2 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 1, 622 p. (In Russian).
6. Savinov R.V. *Istoriko-filosofskiy smysl ponyatiya ens rationis (mentalnoe sushee)* [Historical and Philosophical Implications of the Concept «ens rationis» (Mental Entity)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University]. 2015, vol. 2, no. 2, pp. 21–29. (In Russian).
7. Savinov R.V. *Epizod iz istorii Kontrreformatsii: Martin Smiglefskiy* [An Episode of the Counter-Reformation History: Marcin Smiglefski]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities]. 2010, vol. 11, iss. 3, pp. 70–76. (In Russian).
8. Darowski R. *Marcina Śmiglefskiego SJ rękopiśmienne wykłady z logiki* [Handwritten Lectures on Logic]. *Studia Philosophiae Christianae* [Christian Philosophy Studies]. 1984, vol. 20(1), pp. 31–51. (In Polish).
9. Sgarbi M. *The Aristotelian Tradition and the Rise of British Empirism. Logic and Epistemology in British Isles (1570–1689).* New York, Springer Publ., 2013, 259 p. (In English).
10. *Commentarii Collegii Conimbricensis Societatis Jesu in universam dialecticam Aristotelis* [Commentaries of the Coimbra College of the Society of Jesus on the Whole Logic of Aristotle]. 1606. (In Latin).
11. *The Conimbricenses. Some Questions on Signs.* Trans. with Introduction and Notes by John P. Doyle. Marquette Un. Pr., 2001, 230 p. (In English).
12. Vdovina G.V. *Yazyk neochevidnogo. Ucheniya o znakh v skholastike XVII veka* [The Language of the Non-Obvious. The Doctrine of Signs in the Scholastics of the XVII Century]. Moscow, Bibliotheca Ignatiana Publ., 2009, 648 p. (In Russian).
13. Meier-Oeser S. *Die Spur des Zeichen. Das Zeichen und seine Funktion in der Philosophie des Mittelalters und der Fruehen Neuzeit* [The Trace of the Sign. The Sign and its Function in the Philosophy of the Middle Ages and the Early Modern Period]. Berlin, W. de Gruyter Publ., 1977, 321 p. (In German).
14. Krakowski E. *Les sources médiévales de la philosophie de Locke* [Medieval Sources of Locke's Philosophy]. Paris, Jouve, 1915. (In French).
15. Friedman R.L., Nielsen L.O. *The Medieval Heritage in Early Modern Metaphysics and Modal Theory, 1400–1700.* Dordrecht, Kluwer Ac. Publ., 2003, 346 p. (In English).
16. William of Ockham. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, 272 p. (In Russian).
17. Bacon R. An Unedited Part of Roger Bacon's Opus Maius: «De Signis». Ed. by K.M. Fredborg, L. Nielsen, J. Pinborg. *Traditio.* 1978, vol. 34, pp. 75–136. (In English).
18. Bacon R. *On Signs.* Trans. with an introd. and notes by Tomas S. Maloney. Toronto, Pontifical Institute of Medieval Studies Publ., 2013, 147 p. (In English).
19. Augustine. *O dialektike / per. L.I. Ragozin, K.D. Skripnik* [On Dialectics. Trans. by L.I. Ragozin, K.D. Skripnik] *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities]. 2016, vol. 17, iss. 3, pp. 68–84. (In Russian).
20. Ragozin L.I., Skripnik K.D. *Traktat Avgustina «O dialektike» (zametki k perevodu)* [Augustine's Treatise «On Dialectics» (Notes to the Translation)]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2016, vol. 17, iss. 3, pp. 62–67. (In Russian).
21. Skripnik K.D. *Semioticheskie idei v istorii antichnoy filosofii* [Semiotic Ideas in the History of Ancient Philosophy]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series «Humanitarian and Social Sciences»], 2016, no. 3, pp. 82–90. (In Russian).
22. Costadau A. *Traite historique et critique des principaux signes qui servent a Manifester les Pensees, Ou le Commerce des Esprits* [Historical and Critical Treatise of the Main Signs...]. Lyon, Bruyset, 1720–1721. (In French).

The date of the manuscript receipt 10.01.2017

Об авторе

Скрипник Константин Дмитриевич
доктор философских наук, профессор,
руководитель кафедры истории философии

Южный федеральный университет, Институт
философии и социально-политических наук,
344006, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42;
e-mail: kdskrinik@sfnu.ru
ORCID: 0000-0002-2150-1571

About the author

Skripnik Konstantin Dmitrievich
Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of History of Philosophy

Southern Federal University,
Institute of Philosophy and Cultural Studies,
105/42, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don,
344006, Russia;
e-mail: kdskrinik@sfnu.ru
ORCID: 0000-0002-2150-1571

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Скрипник К.Д. «Σημιωτική» Дж. Локка: историко-философская ретроспектива // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 172–182. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-172-182

Please cite this article in English as:

Skripnik K.D. J. Locke's «Σημιωτική»: history of philosophy's retrospective // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 172–182. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-172-182

УДК 111.1:61

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-183-189

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОЙ «НЕДОСТАТОЧНОСТИ» ЧЕЛОВЕКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОГРЕССА МЕДИЦИНЫ

Барг Олег Александрович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Желнин Антон Игоревич

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермский государственный медицинский университет им. акад. Е.А. Вагнера*

Статья посвящена современным проявлениям биологической недостаточности человека и способам их преодоления. «Недостаточность» в случае универсальной биологии человека понимается как относительная по своему характеру, как некоторые ограничения на пути ее развития. Фундаментом современной недостаточности биологии человека полагается глобальная эпидемия неинфекционной патологии, значительно снижающая продолжительность и качество жизни. Показано, что, несмотря на современный прогресс биомедицинских технологий, медицина далека от полной реализации своего регенеративного направления, клинического применения новейших достижений эпигеномики и биogerонтологии. Неинфекционные заболевания являются комплексными по своей природе, но в то же время большинство из них сильно детерминируются образом жизни. На современном этапе активно протекает медиализация образа жизни. Данный процесс нельзя оценивать сугубо негативно: он одновременно способствует тому, что у людей растет сознательность в отношении своего здоровья. В ситуации «торможения» внедрения новых технологий в клиническую практику магистраль преодоления глобальной неинфекционной эпидемии должна связываться в первую очередь с усилением предиктивных и профилактических форм медицины, что является частным примером необходимости движения общества в сторону сознательного управления своей биологией.

Ключевые слова: биологическая недостаточность, неинфекционная патология, медиализация, медицина, здоровье, эпигенетика, старение, стресс.

CONTEMPORARY MANIFESTATIONS OF HUMAN BIOLOGICAL «INSUFFICIENCY» AND PROSPECTS OF PROGRESS IN MEDICINE

Oleg A. Barg

Perm State University

Anton I. Zhelnin

Perm State University,

Perm State Medical University named after acad. E.A. Wagner

The article considers modern biological manifestations of human insufficiency and ways to overcome them. The global epidemic of non-communicable diseases, which significantly reduces both lifespan and quality of life, is supposed to be the fundament of modern human biological insufficiency. It is shown that in spite of the modern advances in biomedical technology, medicine is far from the full implementation of its regenerative direction, clinical application of epigenomics and biogerontology. Non-communicable diseases are extremely complex in their nature, but, at the same time, the majority of them are strongly determined by the lifestyle. Nowadays active medicalization of lifestyle is taking place. This process cannot be evaluated only as negative: it means the increasing consciousness of people in regard to their health. In the situation of «inhibition» of new technologies' introduction into clinical practice, the main line of overcoming the global epidemic

should be connected with the rapid development of predictive and preventive forms of medicine, which is an example of the need for the society's movement towards conscious management of its biology.

Keywords: biological insufficiency, non-communicable disease, medicalization, medicine, health, epigenetics, aging, stress.

Введение

С прогрессом биологии и медицины в последние два столетия изменяется понимание человека и его природы. Несмотря на социальную сущность человека, в данный момент немислимо отрицать, что сама материальность указывает на ее неотъемлемые биологические основания. Так, клеточная теория, будучи сформулированной в XIX в., не теряет своей актуальности в понимании человека и сейчас. С другой стороны, тот же проект «геном человека» ознаменовал приложение к человеку генетической теории. Генетическая теория является продолжением и углублением клеточной теории. Она в единстве с находящейся еще в становлении эпигенетикой позволяет объяснить те законы, по которым не только функционирует наследственная информация во всех клетках, но и каждая клетка организма получает свою специализацию. *Помимо общих антропологических проблем новые фундаментальные открытия порождают и сугубо конкретные вопросы в связи с тем, как они могут быть применены с целью улучшения качества биологической жизнедеятельности человека, в том числе через прогресс медицины.*

Одним из центральных антропологических вопросов, на наш взгляд, является вопрос о наличии у человека биологической «недостаточности» и степени ее выраженности. Несмотря на свою универсальность и предельно сложный характер, биология человека действительно имеет определенные лимиты, так как ограниченность составляет во многом саму суть живого. Она заключается не только в низком уровне регенеративных способностей, неизбежном процессе старения, но и в самом факте возникновения на протяжении жизни разнообразных болезней и патологий (часто можно встретить мнение, что болезни неотъемлемо сопровождают человеческую жизнь, имеют адаптивный смысл и поэтому являются составной частью «нормы»; однако если мы говорим про серьезные заболевания, приносящие боль и страдания, способствующие преждевременному «изнашиванию» организма человека, то они как ни что другое служат иллюстрацией его биологической недостаточности). Магистралью в борьбе с ними исторически стала медицина. Однако широко известны данные, в соответствии с которыми

общий уровень здоровья определяется на 50–55 % образом жизни и только на 8–10 % системой здравоохранения [1]. На наш взгляд, эти цифры не совсем корректно отражают реальное положение дел, а именно учитываются только прямые эффекты медицины и исключается косвенный вклад, представленный системой профилактики, культурой массового потребления лекарственных препаратов и биологически активных добавок, вакцинацией и иммунизацией, диагностикой и добровольной диспансеризацией и т.д. Проблема в том, что *на современном этапе медицина активно проникает в образ жизни (сам он «медицинизируется»), так что эффекты от них оказываются трудно различимы.*

Эпидемия неинфекционной патологии как ядро биологической недостаточности человека

В медицине произошел значительный прогресс в борьбе с инфекционными заболеваниями, однако в настоящее время разворачивается *эпидемия неинфекционных заболеваний*: порядка 60 % общей смертности связаны с ними [2]. Последние этиологически и патогенетически на порядки более комплексны, чем инфекционные, будучи отчасти связаны с закономерными процессами «старения» населения, сопровождающимися накоплением «поломок» в организме, отчасти же детерминированы особенностями современного образа жизни. Многие из них носят дегенеративный характер и по принципу «порочного круга» еще больше ускоряют преждевременное старение. Специфической частью неинфекционной эпидемии является и растущее бремя *психических расстройств*: так, депрессия занимает уже третье место по своей роли в эпидемии [3]. Они могут служить «триггером» для появления других заболеваний, таким образом «негативно» доказывая психосоматическую целостность организма. Максимальной сложностью характеризуются онкологические заболевания, в которых задействованы различные механизмы — от генетических и иммунных вплоть до психологических [4]. Ввиду такой мультифакторности и хронического течения большинство неинфекционных заболеваний остаются на сегодняшний день практически неизлечимыми, а их терапия остается преимуще-

ственно симптоматической, в каком-то смысле «паллиативной». В конечном итоге *растущее время неинфекционной патологии представляет собой своеобразное современное ядро биологической недостаточности человека*. Это делает ее одним из главных барьеров для дальнейшего развития последнего [5].

Так как неинфекционные заболевания существенно определяются образом жизни и его особенностями, то именно с работой с ним должна быть связана стратегия преодоления вызванного ими кризиса. Повторимся, это невозможно без более активного и глубокого проникновения медицины в сам образ жизни, его медиализации. Такой феномен, как медиализация, по большей части оценивается сугубо негативно: «Медицинские технологии лечения, идет ли речь о соматических или сугубо психических расстройствах, приводят в итоге к масштабному сдвигу в механизмах естественной резистентности человека... В результате утрата резервов естественной сопротивляемости обретает черты общевидового тренда для Homo sapiens sapiens, а дальнейшее усиление “терапевтической атаки” обретает черты объективной необходимости» [6, с. 51]. Теоретический анализ также показывает, что исторически первоначально к медицине сформировался критический подход и большинство авторов делали акцент на ее ятрогенных эффектах [7]. На наш взгляд, такой подход односторонен и во многом строится на неправомерном отождествлении медиализации с фармакологизацией, бесконтрольным потреблением лекарственных препаратов. С другой стороны, силен и старый страх того, что медицина, проникая в жизнь человека, может стать новым средством контроля и подавления. Он также преувеличен и во многом иррационален. Фактом является то, что экспансия новых биомедицинских технологий приводит к изменению социальных, правовых и даже моральных норм [8], однако данный процесс не стоит гипертрофировать: социальные нормы, как известно, являются «плавающими», и их видоизменение будет во многом регулировать данную экспансию по принципу обратной связи. Перспективными сдерживающими регуляторами также являются биоэтика и гуманитарная экспертиза проектов биомедицины [9]. *Глобальный кризис, представленный неинфекционной эпидемией, является в первую очередь «вызовом» медицине, который она должна эффективно разрешить только путем собственной консолидации и рационализации, т.е. через свой дальнейший прогресс.*

Перспективы прогресса медицины в контексте неинфекционной эпидемии

Прогресс медицины должен двигаться сразу по нескольким направлениям. Во-первых, это *регенеративное направление*: неинфекционные заболевания являются дегенеративными по своей природе и приводят к необратимым морфологическим изменениям в органе. Единственной альтернативой трансплантации является совершенствование регенеративных технологий, позволяющих восстановить собственный орган. Это возможно через манипуляции с плюрипотентными «стволовыми» клетками посредством программирования пути их специализации *in vitro* или даже *in vivo*. Установление и использование закономерностей специализации находится в ведении такой дисциплины, как *эпигенетика* (эпигеномика). Другой стороной медали является то, что эпигенетика позволяет изучить механизмы дисрегуляции экспрессии генов, т.е. те патологические процессы, которые собственно во многом и приводят к дегенерации [10]. Следовательно, она держит ключ не только от способа восстановления хронически поврежденных органов, но отчасти и от способа самого предотвращения их неинфекционного повреждения и перерождения. Так, показано, что такой основной эпигенетический механизм, как метилирование ДНК, может играть центральную роль даже в канцерогенезе [11]. *Все это заставляет признать существование целостного эпигенома как комплексного «интерфейса» между геномом и средой.* Ограниченность этого направления состоит в колоссальной сложности формализуемости и воспроизводимости эпигенетических процессов, что отодвигает выход соответствующих технологий к массовому потребителю и увеличивает потенциальную цену эпигеномной терапии, делая ее труднодоступной. Последнее фатально ввиду повсеместной распространенности неинфекционной эпидемии.

Другим новым направлением является геронтологическое, в котором медики не только проводят терапию возрастных заболеваний, но и всерьез обсуждают «лечение» старения. Как было сказано, старение и неинфекционные заболевания тесно переплетены по принципу «порочного круга»: процессы старения являются «фоном», на котором возрастает вероятность данных заболеваний, они же в свою очередь способствуют дальнейшему преждевременному старению. Поэтому имеет место позиция, что и «ключ» для их терапии один. Так, на данный момент популярно ге-

ноцентрическое понимание старения, которое полагает, что данный процесс так или иначе «кодируется» наследственной информацией [12]. В таком случае терапией старения должна заниматься та же эпигенетика, которая позволит «выключить» ответственные за старение гены. Однако старение является чрезвычайно комплексным процессом, в который вовлечено множество механизмов различных уровней: накопление мутаций и снижение возможностей репарации ДНК, оксидантный стресс и повреждение свободными радикалами, массовый апоптоз клеток, ослабление иммунитета, снижение продукции гормонов и др. [13]. Необратимость процесса старения заставила В.П. Скулачева ввести понятие «феноптоз», который понимается как запрограммированная смерть целого организма [14]. Это вместе с тем наталкивается на противоречие: живое по самой своей сути направлено на самообновление и самосохранение. Поэтому можно рассматривать старение как отчасти результат не чисто биологических, а нижележащих и более фундаментальных процессов. Так, имеет место концепция, понимающая старение как своеобразную «борьбу между биологией и химией» [15], когда происходит своеобразное рассогласование между интенцией биологических процессов на самосохранение через поддержание гомеостаза и неспособностью составляющих их основу химических процессов обеспечивать гомеостаз сколь угодно долго. Химия же по своей сути управляется более широкими физическими законами. Организм является открытой системой и большинство метаболических реакций «разомкнуты», однако даже в такой системе термодинамически будет происходить (пусть и медленное) накопление энтропии. С другой стороны, разработана концепция, в соответствии с которой старение наполняется чисто биологическим (адаптивным) содержанием, так как эффективное самосохранение популяции возможно только через самоограничение ее численности, т.е. старение и смерть отдельных особей [16]. Диалектическое понимание старения как целостного физико-химико-биологического процесса позволяет отбросить узкий геноцентрический подход и одновременно ставит под сомнение характеристику старения как своеобразного «атавизма» (В.П. Скулачев). Однако это означает, что потенциальные технологии замедления и преодоления старения многократно должны превышать по своей сложности эпигеномные технологии.

Ограниченность форсированного прогресса и внедрения новейших биомедицинских технологий в рутинный клинический процесс заставляет искать другие пути преодоления сложившегося кризиса. Одним из них является изменение самой организации здравоохранения, а именно перенос центра тяжести с «апостериорной» терапии на профилактику и превентивную медицину. Неинфекционные хронические заболевания действительно сильно детерминированы образом жизни и его особенностями. Прямое вмешательство медицины в него на современном этапе трудно представимо, так как образы жизни существенно индивидуализированы и диверсифицированы. Соответственно *медиализация образа жизни может преимущественно протекать именно за счет идей профилактики и предотвращения болезни, так как они предполагают сознательность человека, более высокий уровень его медицинской грамотности, заботу о себе, готовность к партнерскому сотрудничеству с врачом.* Со стороны медицины это предполагает существенный сдвиг от стандартизации к персонализации ее практик.

Заключение

Необходимость массового изменения образа жизни с позиций профилактики и превентивности связывает магистраль преодоления неинфекционной эпидемии с воздействием не на биологическое, а на социальное измерение. По некоторым гипотезам существует «принцип маятника», который в соответствии с биологическими законами колеблется между нормой и патологией и может искажаться под влиянием социального: «Следствием бесконечных попыток социального подавить природу действия естественных механизмов является колебание маятника в сторону качественно новых видов патологий... Устраняя патологический процесс в одной системе с помощью социального, природа реагирует на “вторжение” этого фактора, компенсируя образовавшийся “пробел” продуцированием новых видов патологий» [17, с. 26]. *Это еще раз говорит в пользу социальной детерминированности неинфекционной эпидемии и указывает на необходимость общественных трансформаций для ее предотвращения.*

Причиной многих неинфекционных патологий является в широком смысле стресс. Данное понятие в последнее время стало получать все более обобщенную интерпретацию. Если изначально стресс рассматривался как физиологический (Г. Селье) и позже как эмоционально-

психологический (П.К. Анохин, Р. Лазарус) феномен, то в последнее время все чаще стали говорить о социальном стрессе как таком виде стресса, который детерминирован чисто общественными факторами. Причем они необязательно связаны только с неправильным образом жизни, вредными привычками и экологией: центральную роль играет общая социально-экономическая конъюнктура, приводящая к росту неравенства и падению трудовой мотивации [18]. Зависимость уровня здоровья от неравенства заставила М. Мэрмота сформулировать концепт «*статус-синдрома*» [19], отражающего наиболее вероятную конфигурацию заболеваний, детерминированную местом человека в общественной иерархии. Все это позволяет охарактеризовать неинфекционные заболевания как именно *болезни цивилизации*. В их случае стресс порождается не только отдельными общественными факторами, но и общим рассогласованием социального и биологического измерений: «Для настоящего времени характерно исключительно быстрое нарастание социальных изменений. В то же время запрограммированные эволюцией биологические процессы меняются крайне медленно. В столкновении одного со вторым и заключается одна из причин болезней цивилизации» [20, с. 9]. Человек, как было показано, стоит только в самом начале активного применения геномных и эпигеномных технологий, что надолго закрывает для него возможность контролирования фундаментальных механизмов своей эволюции. В соответствии с этим магистралью преодоления кризиса должен стать переход цивилизации к новому способу развития, предполагающему как разрешение широких социальных противоречий и антагонизмов, массовую «нормализацию» образа жизни и разворачивание персонализированной медицины, так и широкое внедрение прогнозирования и планирования, их распространение не только на общественные сферы, но и на сферу человеческой биологии с целью реализации оптимальных нагрузок на нее. Это способствует преодолению глобальной неинфекционной патологии, а значит, и положит начало коррекции биологической недостаточности современного человека в целом.

Список литературы

1. Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 502 с.
2. Daar A.S. et al. Grand challenges in chronic non-communicable diseases // Nature. 2007. Vol. 450, № 7169. P. 494–496.

3. Collins P.Y. et al. Grand challenges in global mental health // Nature. 2011. Vol. 475, № 7354. P. 27–30.
4. Reiche E.M.V., Nunes S.O.V., Morimoto H.K. Stress, depression, the immune system, and cancer // The lancet oncology. 2004. Vol. 5, № 10. P. 617–625. DOI: 10.1016/S1470-2045(04)01597-9.
5. Beaglehole R. et al. Priority actions for the non-communicable disease crisis // The Lancet. 2011. Vol. 377, № 9775. P. 1438–1447. DOI: 10.1016/S0140-6736(11)60393-0.
6. Лебедев В.Ю., Федоров А.В. Медиализация современной культуры: ментальные и социобиологические аспекты // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 2. С. 47–64.
7. Михель Д.В. Медиализация как социальный феномен // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. № 4(60), вып. 2. С. 256–263.
8. Камалиева И.Р. Трансформация социальной нормы в условиях прогресса биотехнологий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10–3(50). С. 80–83.
9. Тищенко П.Д., Юдин Б.Г. Социогуманитарное сопровождение инновационных проектов в биомедицине // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 73–86. DOI: 10.17805/zpu.2016.2.7.
10. Qureshi I.A., Mehler M.F. Advances in epigenetics and epigenomics for neurodegenerative diseases // Current neurology and neuroscience reports. 2011. Vol. 11, № 5. P. 464–473. DOI: 10.1007/s11910-011-0210-2.
11. Herceg Z., Vaissière T. Epigenetic mechanisms and cancer: an interface between the environment and the genome // Epigenetics. 2011. Vol. 6, iss. 7. P. 804–819. DOI: 10.4161/epi.6.7.16262.
12. Finch C.E., Tanzi R.E. Genetics of aging // Science. 1997. Vol. 278, no. 5337. P. 407–411.
13. Анисимов В.Н. Молекулярные и физиологические механизмы старения. СПб.: Наука, 2003. 468 с.
14. Скулачев В.П. Феноптоз: запрограммированная смерть организма // Биохимия. 1999. Т. 64, № 12. С. 1679–1688.
15. Baynes J.W. From life to death — the struggle between chemistry and biology during aging: the Maillard reaction as an amplifier of genomic damage // Biogerontology. 2000. Vol. 1, № 3. P. 235–246.
16. Барг О.А. Живое в едином мировом процессе. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. 227 с.
17. Изуткин Д.А., Галочкина Н.Е. «Принцип маятника» в философии нормы и патологии // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2016. Т. 11, № 1. С. 23–27.

18. Величковский Б.Т. Социальный стресс, трудовая мотивация и здоровье // Профилактическая и клиническая медицина. 2005. № 2. С. 7–18.
19. Marmot M. Status syndrome: how your social standing directly affects your health and life. London: Bloomsbury, 2004. 319 p.
20. Агаджанян Н.А., Чижов А.Я., Ким Т.А. Болезни цивилизации // Экология человека. 2003. № 4. С. 8–11.

Получено 06.02.2017

References

1. Lisitsyn Yu.P. *Obschestvennoe zdorov'e i zdra-vookhranenie* [Public Health and Health Service]. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2010, 502 p. (In Russian).
2. Daar A.S. et al. Grand Challenges in Chronic Non-Communicable Diseases. *Nature*. 2007, vol. 450, no. 7169, pp. 494–496. (In English).
3. Collins P.Y. et al. Grand Challenges in Global Mental Health. *Nature*. 2011, vol. 475, no. 7354, pp. 27–30. (In English).
4. Reiche E.M.V., Nunes S.O.V., Morimoto H.K. Stress, Depression, the Immune system, and Cancer. *The Lancet Oncology*. 2004, vol. 5, no. 10, pp. 617–625. DOI: 10.1016/S1470-2045(04)01597-9. (In English).
5. Beaglehole R. et al. Priority Actions for the Non-Communicable Disease Crisis. *The Lancet*. 2011, vol. 377, no. 9775, pp. 1438–1447. DOI: 10.1016/S0140-6736(11)60393-0. (In English).
6. Lebedev V.Yu., Fedorov A.V. *Medikalizatsiya sovremennoy kul'tury: mental'nye i sotsiobiologicheskie aspekty* [Medicalization of Contemporary Culture: Mental and Socio-Biological Aspects]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Herald of Tver State University. Series: Philosophy]. 2016, no. 2, pp. 47–64. (In Russian).
7. Mikhel D.V. *Medikalizatsiya kak sotsial'nyy fenomen* [Medicalization as Social Phenomenon]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Vestnik Saratov State Technical University]. 2011, no. 4(60), iss. 2, pp. 256–263. (In Russian).
8. Kamaliev I.R. *Transformatsiya sotsial'noy normy v usloviyakh progressa biotekhnologiy* [Transformation of Social Norm in the Conditions of Biotechnologies Progress]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. 2015, no. 10–3(50), pp. 80–83. (In Russian).
9. Tischenko P.D., Yudin B.G. *Sotsiogumanitarnoe soprovozhdenie innovatsionnykh proektov v biomeditsine* [Social and Humanitarian Support of Innovative Biomedical Projects]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2016, no. 2, pp. 73–86. DOI: 10.17805/zpu.2016.2.7. (In Russian).
10. Qureshi I.A., Mehler M.F. Advances in Epigenetics and Epigenomics for Neurodegenerative Diseases. *Current Neurology and Neuroscience Reports*. 2011, vol. 11, no. 5, pp. 464–473. DOI: 10.1007/s11910-011-0210-2. (In English).
11. Herceg Z., Vaissière T. Epigenetic Mechanisms and Cancer: an Interface Between the Environment and the Genome. *Epigenetics*. 2011, vol. 6, no. 7, pp. 804–819. DOI: 10.4161/epi.6.7.16262. (In English).
12. Finch C.E., Tanzi R.E. Genetics of Aging. *Science*. 1997, vol. 278, no. 5337, pp. 407–411. (In English).
13. Anisimov V.N. *Molekulyarnye i fiziologicheskie mekhanizmy stareniya* [Molecular and Physiological Mechanisms of Aging]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2003, 468 p. (In Russian).
14. Skulachev V.P. *Fenoptoz: zaprogrammirovannaya smert' organizma* [Phenoptosis: Programmed Death of an Organism]. *Biokhimiya* [Biochemistry]. 1999, vol. 64, no. 12, pp. 1679–1688. (In Russian).
15. Baynes J.W. From Life to Death — the Struggle Between Chemistry and Biology During Aging: the Maillard Reaction as an Amplifier of Genomic Damage. *Biogerontology*. 2000, vol. 1, no. 3, pp. 235–246. (In English).
16. Barg O.A. *Zhivoe v edinom mirovom protsesse* [Living in United World Process]. Perm, Perm State University Publ., 1993, 227 p. (In Russian).
17. Izutkin D.A., Galochkina N.E. «Printsip mayatnika» v filosofii normy i patologii [«Principle of Pendulum» in Normal and Pathological Philosophy]. *Gumanitarnyy vektor. Seriya Filosofiya, kulturologiya* [Humanitarian Vector. Series Philosophy, Culturology]. 2016, vol. 11, no. 1, pp. 23–27. (In Russian).
18. Velichkovskiy B.T. *Sotsial'nyy stress, trudovaya motivatsiya i zdorov'e* [Social Stress, Labor Motivation and Health]. *Profilakticheskaya i klinicheskaya meditsina* [Preventive and Clinical Medicine]. 2005, no. 2, pp. 7–18. (In Russian).
19. Marmot M. *Status Syndrome: How Your Social Standing Directly Affects Your Health and Life*. London, Bloomsbury Publ., 2004, 319 p. (In English).
20. Agadzhanyan N.A., Chizhov A.Ya., Kim T.A. *Bolezni tsivilizatsii* [Diseases of Civilization]. *Ekologiya cheloveka* [Ecology of the Human]. 2003, no. 4, pp. 8–11. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 06.02.2017

Об авторах

Барг Олег Александрович

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: olbarg@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2878-0291

Желнин Антон Игоревич

кандидат философских наук

старший преподаватель кафедры философии,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;

старший преподаватель кафедры философии
и биоэтики,
Пермский государственный медицинский
университет им. акад. Е.А. Вагнера,
614000, Пермь, ул. Петропавловская, 26;

e-mail: zhelnin90@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6368-1363

About the authors

Barg Oleg Alexandrovich

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: olbarg@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2878-0291

Zhelnin Anton Igorevich

Ph.D. in Philosophy

Senior Lecturer of the Department of Philosophy,
Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;

Senior Lecturer of the Department of Philosophy
and Bioethics,
Perm State Medical University named after
acad. E.A. Wagner,
26, Petropavlovskaya str., Perm, 614000, Russia;

e-mail: zhelnin90@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6368-1363

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Барг О.А., Желнин А.И. Современные проявления биологической «недостаточности» человека и перспективы прогресса медицины // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 183–189. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-183-189

Please cite this article in English as:

Barg O.A., Zhelnin A.I. Contemporary manifestations of human biological «insufficiency» and prospects of progress in medicine // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 183–189. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-183-189

УДК 1:94

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-190-198

КРИТИКА ИСТОРИЦИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ЛЕО ШТРАУСА

Дёмин Илья Вячеславович

Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королёва

В статье рассматриваются мотивы и основания критики историцизма в политической философии Лео Штрауса. Выявлены и упорядочены основные аргументы, выдвинутые Штраусом против принципа историцизма. Все возражения Штрауса разделены на две группы. К первой отнесены те аргументы, которые оспаривают не само содержание принципа историцизма, но приписываемое ему значение в контексте философского и научного познания, ко второй группе — содержательные возражения против историцизма. Штраус анализирует и сопоставляет различные версии историцистской философии, выявляет их общий знаменатель, прослеживает генезис историцизма как культурно-исторического релятивизма. Сердцевину всякой историцистской концепции составляет презумпция исторической обусловленности философии и констатация невозможности универсальных ответов на философские вопросы. Историцизм рассматривается Штраусом в качестве вызова, с которым столкнулась современная философия. Ключевую роль в разложении классической философской традиции и становлении историцистских концепций, согласно Штраусу, сыграла утвердившаяся в новое время идея прогресса. Штраус собирает воедино все основные возражения и аргументы, которые высказывались против историцизма представителями различных философских течений XX в. Вклад Штрауса в критику историцизма заключается в обосновании тезиса о том, что данный принцип не может иметь исторического и эмпирического обоснования, но представляет собой внутренне противоречивую философскую установку. Штраус убедительно показал, что позиция историцизма не может быть опровергнута историческими фактами и аргументами, она может быть лишь отвергнута во имя какого-то иного (не менее фундаментального, чем историцизм) философского принципа.

Ключевые слова: историцизм, историцизм, история, философия истории, релятивизм, классическая философия, Лео Штраус.

CRITICISM OF HISTORICISM IN LEO STRAUSS' POLITICAL PHILOSOPHY

Ilya V. Demin

Samara University

The article discusses the motives and foundations for criticism of historicism in Leo Strauss' political philosophy. The major arguments against the principle of historicism suggested by Strauss are identified and ordered. All objections made by Strauss are divided into two groups. The first one includes those arguments which challenge not the content of the principle of historicism itself, but the value attributed to it in the context of philosophical and scientific knowledge. The other group includes substantive objections to historicism. Strauss analyzes and compares different versions of historicism philosophy, identifies their common denominator, traces the genesis of historicism as a cultural and historical relativism. The core of any historicism concept are the presumption of historical dependence of philosophy and the statement on the impossibility of universal answers to philosophical questions. Historicism is regarded by Strauss as the main challenge that modern philosophy is facing. According to Strauss, the idea of progress, firmly established in modern times, played the key role in decomposition of the classical philosophical tradition and formation of historicism concepts. Strauss brings together all the major objections and arguments that were declared against historicism by representatives of various philosophical trends of the 20th century. Strauss' own contribution to the criticism of historicism is the substantiation of the thesis that this principle cannot have historical and empirical justification,

but is a self-contradictory philosophical idea. Strauss convincingly showed that the position of historicism cannot be refuted by historical facts and arguments. It can only be rejected in the name of some other (not less fundamental than historicism) philosophical principle.

Keywords: historism, historicism, history, philosophy of history, relativism, classical philosophy, Leo Strauss.

В европейской философии XX в. представлены различные стратегии критики историцизма. Среди наиболее известных критиков историцизма следует назвать Г. Риккерта [1], Э. Гуссерля [2], К. Поппера [3], С.Л. Франка [4], К. Ясперса [5].

Множественность стратегий критики историцизма связана, во-первых, с многогранностью данного явления, а во-вторых, с наличием нескольких различных трактовок принципа историцизма («романтический» историцизм, гегелевский историцизм, марксистский историцизм, неклассический историцизм Кроче и Коллингвуда, «герменевтический» историцизм Хайдеггера и Гадамера) [6; 7, с. 114–148].

Критика историцизма велась с позиций неокантианского трансцендентализма (Г. Риккерт), феноменологии как строгой науки (Э. Гуссерль), критического рационализма (К. Поппер, Ф. фон Хайек), русской философии всеединства (Л.П. Карсавин, С.Л. Франк) [8, 9]. Стратегии критики историцизма, представленные в различных философских течениях XX в., направлены на выявление общего знаменателя основных трактовок историцизма. Важное место в этом ряду занимает Лео Штраус, который проанализировал генезис историцистских идей в новоевропейской философии и дал всестороннюю критику историцизма с позиций классической философской традиции и естественно-правовой теории.

Штраус и в России, и на Западе известен, главным образом, как политический мыслитель, возродивший традицию классической политической философии [10–12], и один из теоретиков неоконсерватизма. Философско-исторические взгляды Штрауса известны в меньшей степени, а между тем именно трактовка истории и принципа историцизма во многом определяет своеобразие его политической философии.

1. Что такое историцизм?

Историцизм, согласно Штраусу, не является лишь одной из многочисленных философских школ современности, историцизм — это «мощная движущая сила, оказывающая влияние на всю современную философскую мысль» [13, с. 103]. В определенном смысле историцизм есть выражение духа современной эпохи: «В той степени, в которой мы вообще можем говорить о духе вре-

мени, мы с уверенностью можем утверждать, что историцизм — это дух нашего времени» [13, с. 103]. Историцизм создает новую ситуацию для философии вообще и для политической философии в частности.

Историцизм рассматривается Штраусом в качестве *вызова*, с которым столкнулась современная философия. Своей высшей точки историцизм достигает в европейском (германском) *нигилизме*. В статье «Германский нигилизм» [14] Штраус отмечает, что проистекающая из историцистской философии идея культурно-исторической обусловленности науки является *нигилистической* по своей сути: «Кто бы ни признавал, к примеру, идею нордической, германской или фаустовской науки, тем самым он, как минимум, отвергает саму ее идею. Различные “культуры” могут создавать различные виды “науки”, но лишь один из них может быть подлинным, может быть Наукой» [14, с. 195].

Историцизм ставит под вопрос не ту или иную философскую систему, но возможность существования философии как таковой. Штраус исходит из наличия в истории философии фундаментальных проблем, которые «сохраняют свою идентичность при всех исторических изменениях, как бы они ни затмевались временным отрицанием их значения и как бы ни были изменчивы или предварительны все человеческие решения этих проблем» [15, с. 37]. Сам факт усмотрения в истории философии универсальных проблем (таких как, например, проблема справедливости в политической философии) освобождает человеческий ум от исторической ограниченности и возвышает мыслителя над конкретно-исторической ситуацией. Тем самым Штраус возвращается к первоначальному, сократовскому, пониманию философии. Философия есть *знание о незнании*, осознание фундаментальных проблем и фундаментальных альтернатив их решения. В разные эпохи и разными мыслителями эти проблемы понимались и решались по-разному, осознавались с большей или меньшей ясностью, однако возможность усмотрения «вечных» проблем философии сама по себе уже свидетельствует о том, что человеческая мысль способна преодолеть историческую ограниченность.

Ориентация Штрауса на классический тип философской рефлексии отчетливо просматривается в следующем фрагменте: «Философия возможна только в том случае, если существует некий абсолютный или естественный кругозор, в отличие от исторически изменяющихся кругозоров или пещер» [15, с. 39]. Примечательно обращение Штрауса к платоновской метафоре «пещеры»: философия возможна лишь в том случае, если человек *в принципе* способен выбраться из «пещеры», трансцендировать собственную историческую обусловленность. «Человек хотя не способен к постижению мудрости, или к полному пониманию целого, но способен знать, что он не знает, т. е. способен к восприятию фундаментальных проблем» [15, с. 39]. Такое понимание философии предопределяет неприятие Штраусом историцизма, который стремится навсегда запереть человеческий разум в «пещере» исторической эпохи или культуры.

Суть историцизма Штраус усматривает в невозможности сохранить различие между собственно *философскими* и *историческими* (и культурологическими) вопросами. Различие между *философией* и *историей философии* было конститутивным и основополагающим для всей классической философской традиции. Первым, кто продемонстрировал относительность этого различия, обосновав сущностное единство философии и истории философии, философских и историко-философских вопросов, был Гегель. Гегель в своих историософских построениях, как известно, исходил из идеи «конца истории», рассматривая собственную историческую эпоху как «абсолютный момент, конец значимого времени» [13, с. 97]. Признавая историческую обусловленность всякой философской системы прошлого (каждое философское учение есть выражение духа той или иной эпохи), Гегель делал исключение для собственной философской системы. Гегель, по словам Штрауса, «примирил “открытие Истории” <...> с философией в изначальном значении слова» [13, с. 134]. Именно с Гегеля начинается триумфальное шествие историцизма, хотя предпосылки для «открытия истории» в новоевропейской философии складывались, согласно Штраусу, на протяжении XVII–XVIII вв. В XX в. гегелевский тезис о тождестве философии и истории философии был радикализирован Хайдеггером.

Штраус усматривает наиболее важную особенность историцизма в том, что философские вопросы трансформируются в вопросы *исторические*. Так, в области политической философии

традиционный *философский* вопрос о наилучшем и справедливом политическом порядке в историчистских концепциях XIX и XX вв. заменяется *историческим* вопросом о вероятном и желаемом будущем.

Сердцевину всякой историцистской концепции составляет презумпция исторической (культурно-исторической) обусловленности всякой философской системы. Так, например, в области политической философии, которая всегда приоритетно интересовала Штрауса, разнообразие противоречащих друг другу и даже взаимоисключающих концепций с точки зрения историцизма должно рассматриваться как *следствие* разнообразия исторических и политических ситуаций. С позиций историцизма та или иная конкретная версия политической философии, порожденная определенными историческими условиями, не может претендовать на универсальную значимость.

Наиболее последовательные историцисты полагают, что универсальные вопросы традиционной философии не могут быть не только решены, но даже *поставлены*. Это связано с тем обстоятельством, что исторически обусловленными являются не только *ответы*, но и сами *вопросы*. Историцизм требует признать историчность не только каждого отдельно взятого философского учения, но и *философии как таковой* [13, с. 105]. Историцизм неизбежно входит в противоречие с самой идеей философии. Речь идет о противоречии между претензией философии на неисторическое постижение истины и ее неизбежной исторической обусловленностью: «Есть неизбежное противоречие между стремлением философии и ее судьбой, между неисторическим устремлением философских вопросов и их судьбой навсегда остаться “исторически обусловленными”» [13, с. 114].

Согласно историцизму ни один ответ на универсальный философский вопрос не может иметь универсальной значимости и не является окончательным. Однако, провозглашая этот тезис, сторонники историцизма впадают в противоречие, полагая невозможность разрешения философских вопросов в качестве *универсальной и внеисторической истины*. «Только при одном условии, — отмечает Штраус, — историцизм мог бы претендовать на то, что он порвал со всеми претензиями на окончательность, если бы он представил историцистский тезис не просто как истинный, но как *истинный лишь на время*» (курсив мой. — И.Д.) [13, с. 116]. Речь идет о том, что сторонник историцизма должен осознать историческую обусловленность не только точки зрения классической

(неисторической) философии, но и собственной точки зрения, иными словами, «историцизм должен быть применен к самому себе» [13, с. 116].

Штраус подчеркивает, что «если историцистский тезис верен, то мы не сможем избежать того вывода, что этот тезис “историчен” или действителен, в силу своей многозначности, только для особой исторической ситуации» [13, с. 116]. Наивный или догматический историцизм, таким образом, трансформируется в историцизм *критический*, который более не претендует на статус универсального принципа и окончательной истины. Будучи историзированным, принцип историцизма оказывается соотнесенным уже не с человеческим бытием *как таковым*, но лишь с условиями существования *современного* человека. Такая трансформация историцизма допускает и даже подразумевает, что «он будет заменен в свое время позицией, которая не является более историцистской» [13, с. 117]. Одно из важных направлений критики историцизма в философии Штрауса, таким образом, заключается в *деуниверсализации* этого принципа.

2. Идея прогресса и генезис историцизма.

Историцизм и классическая философия

Особое внимание Штраус уделяет вопросу о происхождении историцизма в новоевропейской философии, генезисе «идеи истории». Противопоставление двух типов философской рефлексии, классической неисторической философии и историцизма нового времени проходит красной нитью сквозь все рассуждения Штрауса о политической философии и естественном праве.

Ключевую роль в разложении классической философской традиции и становлении историцистских концепций сыграла утвердившаяся в Новое время *идея прогресса*. Суть ее в том, что более позднее по времени считается более *зрелым* и *совершенным*. Штраус отмечает, что поскольку историцизм появляется позже, чем неисторичная политическая философия, то у некоторых мыслителей складывается обманчивое впечатление, будто «сама история вынесла решение в пользу историцизма» [13, с. 107]. В основании этого заблуждения лежит ничем не подкрепленная вера в неизбежность и неуклонность прогресса.

Прогрессицистские теории XVIII и XIX вв. (французские просветители, Гегель, Конт) рассматриваются Штраусом как важнейший этап на пути становления современного историцизма. Вера в прогресс «стоит на полпути между неисторическим взглядом философской традиции и исто-

рицизмом» [13, с. 111], а «“рационализм” XVII и XVIII столетий был в основе своей куда более “историчным”, нежели “рационализм” современной эпохи» [13, с. 104]. В чем Штраус усматривает сходство прогрессицистских теорий исторического развития с классической философской традицией, представленной философскими системами Платона, Аристотеля, Декарта, Спинозы? Главное сходство заключается в признании неизменных (субстанциальных) и универсально значимых критериев, не требующих и не предполагающих *исторического* и эмпирического обоснования. В то же время прогрессицистские теории всемирной истории отклоняются от классической философской традиции в том, что постулируют «поступательное движение мышления и институтов по направлению к порядку, полностью согласующемуся с определенными универсальными требованиями человеческого величия» [13, с. 111]. Ключевая роль в движении от классического субстанциализма к историцизму принадлежит Гегелю, который осуществил «синтез» философии и истории.

Сторонники историцизма, продолжая начинание французских просветителей и Гегеля, делают следующий шаг на пути дальнейшего разрыва с классической философской традицией. Представители раннего историцизма (немецкая историческая школа) подвергли прогрессицистские теории *исторической* (но не философской) критике. Они показали, что «прогрессицистский» взгляд на историю «основывался на совершенно недостаточном понимании прошлого» [13, с. 111]. Невозможность адекватного понимания прошлого в контексте прогрессицистских схем всемирной истории связана с тем обстоятельством, что «мы не можем быть страстно, всерьез заинтересованы в прошлом, если мы знаем заранее, что настоящее в самом важном отношении превосходит прошлое» [13, с. 111]. В контексте прогрессицистских схем прошлое не может быть понято само по себе, оно может быть осмыслено лишь как *подготовка к настоящему*. В рамках такого подхода философские системы прошлого оцениваются в свете более поздних открытий и изобретений, значение определяется их «вкладом» в современное миропонимание. «Понимать мыслителей прошлого лучше, чем они сами себя понимали» — такова господствующая установка прогрессицизма.

Позитивное значение историцизма Штраус усматривает в том, что вера в прогресс и идея прогресса были подвергнуты обоснованной исторической критике, главным мотивом которой бы-

ло стремление к адекватному осмыслению прошлого. Однако историцизм первой половины XIX в., направленный против просвещенческой идеи прогресса, в ходе дальнейшего развития был заменен не неисторической философией, но более изощренной и радикальной формой историцизма.

Родоначальником радикального историцизма Штраус считает Фридриха Ницше, а его крупнейшим представителем — Мартина Хайдеггера. К радикальному историцизму могут быть отнесены также историцистские концепции Дильтея, Шпенглера, Кроче, Коллингвуда и Гадамера.

Радикальный историцизм приобретает черты *исторического релятивизма*. «Типичный историцизм XX века настаивает на том, что каждое поколение по-своему истолковывает прошлое, основываясь на своем собственном опыте и с прицелом на свое собственное будущее» [13, с. 104]. Это уже не созерцательный, но «активистский» историцизм [13, с. 104]. Главный тезис активистского историцизма заключается в том, что история всякий раз неизбежно переписывается в свете настоящего и в связи с проектами будущего.

Штраус полагает, что современный историцизм (исторический релятивизм), отрицая прогрессистские схемы «всемирной истории», господствовавшие в европейской философии истории XVIII и XIX вв., генетически восходит именно к этим схемам.

Осознание философом-историцистом собственной исторической обусловленности само по себе не является аргументом в пользу того, что «его философская рефлексия стоит на более высоком уровне, нежели у философов, особо не озабоченных своей исторической ситуацией» [13, с. 115]. Штраус склонен полагать, что современный сторонник историцизма «куда более подвержен убеждениям и “течениям”, господствующим в его веке, и захвачен ими» [13, с. 115] именно в силу того, что он отказался от намерения смотреть на вещи *sub specie aeternitatis*. Таким образом, историцизм нельзя рассматривать как более высокий уровень философской рефлексии по сравнению с «наивной» классической неисторической философией.

3. Аргументы и возражения Штрауса против историцизма

Остановимся теперь на основных аргументах Штрауса против историцизма, понятого как исторический релятивизм. О некоторых возражениях мы уже упоминали в ходе рассмотрения трактовки сущности и генезиса историцизма в политиче-

ской философии Штрауса. Все возражения Штрауса против историцизма можно условно разделить на две группы. К первой следует отнести те аргументы, которые оспаривают не само содержание принципа историцизма, но приписываемое этому принципу значение в контексте философского и научного познания. Ко второй группе можно отнести содержательные возражения против историцизма.

1.1. Первое и наиболее формальное возражение заключается в том, что *историцизм не может приниматься как нечто само собой разумеющееся, самоочевидное, не нуждающееся в обосновании*.

Признавая относительную правоту *критического* историцизма, Штраус полагает, что так называемое «открытие Истории» в европейской философии Нового времени было не столько *открытием*, сколько *изобретением* [15, с. 37–38]. Если исходить из того, что история (историчность) является исходным и фундаментальным измерением человеческого бытия, которое долгое время ускользало от внимания классической философской мысли, это неизбежно приведет к историческому релятивизму.

Окончательное утверждение принципа историцизма в европейской философии, как известно, связано с критикой гегелевской трактовки философии истории и истории философии в «философии жизни» (Ницше, Дильтей). Гегелевская историософия занимала промежуточное положение между классической (субстанциалистской) философской традицией и собственно историцизмом. Штраус показывает, что отказ от гегелевского взгляда на историю и признание правомерности дильтеевской трактовки истории философии как «анархии философских систем» не является аргументом в пользу самоочевидности историцизма. «Если “анархия систем”, демонстрируемая историей философии, что-нибудь и доказывает, то только лишь наше незнание самых важных тем (о незнании которых нам может быть известно и без историцизма), и тем самым она доказывает необходимость философии» [13, с. 107]. «Анархия философских систем» свидетельствует не в пользу самоочевидности историцизма, но (косвенным образом) в пользу признания необходимости неисторической философии, философии классического типа. Штраус показывает, что историцизм представляет собой не исходную предпосылку познания общества и культуры, которую следует принимать в качестве самоочевидности, историцизм представляет собой *проблему*, которую не-

возможно осмыслить и разрешить *исторически*. Историзм должен быть осознан как *философская* проблема и философский вызов.

1.2. Другое возражение Штрауса сводится к тому, что *историзм не является закономерным выводом из беспристрастного изучения истории философии*. Историзм вообще не может быть обоснован *исторически*, установлен с помощью исторических свидетельств в ходе исторических исследований: «Было бы ошибкой думать, что историзм мог бы быть результатом беспристрастного изучения истории философии, и в особенности истории политической философии» [13, с. 113]. Тезис об историчности всех способов и форм человеческого бытия, историчности философской и научной мысли, историчности истины не может рассматриваться в качестве *исторически обоснованного* положения. Принцип исторической обусловленности философского мышления отсылает не к историческим фактам, но к определенному типу философского мышления. Исходные основания, на которые опирается историзм, оказываются ничуть не менее «спекулятивными», чем основания той или иной неисторической философской концепции [15, с. 25].

1.3. Еще одно возражение из этой группы заключается в том, что *понимание генезиса и исторической обусловленности того или иного философского учения не исключает возможной истинности этого учения*. Согласно историзму главным содержанием историко-философского исследования должно стать *прояснение контекста*, исторических условий возникновения того или иного философского учения. Однако, как показывает Штраус, *прояснение отношений между учением и историческим контекстом его возникновения само по себе еще недостаточно для вынесения суждений об истинности или ложности данного учения*. Понимание генезиса и историко-культурного контекста возникновения учения, на котором настаивают истористы, само по себе ничего не может сказать в пользу истинности или ложности данного учения.

Теперь перейдем к содержательным возражениям. Если приведенные выше «формальные» аргументы не выдают в явном виде собственных философских симпатий Штрауса, то содержательная критика историзма осуществляется им с позиций классической философской мысли, в свете сократовского понимания философии как знания о незнании.

2.1. Первое содержательное возражение против историзма может быть сформулировано

следующим образом: *историзм неявно опирается на идею прогресса, которую громко и ниспровергает*. Данный аргумент направлен по преимуществу против «наивного» или догматического историзма и едва ли может быть применен к историзму критическому. Штраус подчеркивает, что «современная мысль во всех своих формах, прямо или косвенно, обусловлена идеей прогресса» [13, с. 120]. Под «современной мыслью» он понимает, прежде всего, различные формы историзма.

Историзм описывается Штраусом как «гораздо более экстремальная форма новой поусторонности, чем был Французский радикализм XVIII века» [15, с. 21]. Несмотря на то что в немецком романтизме и исторической школе права просветительские схемы исторического развития, основанные на вере в прогресс, подвергаются критике с исторических и идеологических (консервативных) позиций, идея прогресса здесь продолжает подспудно определять философскую мысль. Историст убежден в превосходстве своей точки зрения над (неисторической) точкой зрения мыслителей прошлого. В этом историзм разделяет основное заблуждение прогрессизма. Историзм является законным наследником Просвещения, несмотря на то, что отвергает идею прогресса и веру в научный разум [16, с. 17].

2.2. Следующее возражение заключается в том, что *историзм не позволяет обосновать возможность адекватного понимания прошлого*. Это возражение выдвигается Штраусом в ходе рассмотрения вопроса о критериях адекватной интерпретации философских учений прошлого. Упрек в неадекватной интерпретации исторических событий и текстов на первый взгляд может вызвать недоумение, поскольку именно сторонники историзма всегда отстаивали идею самоценности прошлого и предостерегали от соблазна видеть в нем только «ступень» на пути к настоящему. Тем не менее, тезис о том, что адекватное понимание прошлого (в том числе и философских учений прошлого) возможно только на основе историзма, ставится Штраусом под сомнение.

Какая интерпретация учений прошлого может считаться адекватной? С точки зрения Штрауса, ответ на данный вопрос может быть только один: «Адекватная интерпретация — это такая интерпретация, которая понимает мысль философа так же, как он понимал ее сам» [13, с. 111]. Штраус усматривает подлинную задачу историка мысли в том, чтобы понять мыслителей прошлого *так, как они понимали сами себя*, и «оживить их мысль со-

гласно их собственной интерпретации» [13, с. 112]. В этом же заключается и единственно возможная «объективность» в историко-философском исследовании.

Историцизм, вопреки первоначальному намерению его сторонников, парадоксальным образом исключает возможность исторической точности и объективности. Историцизм утверждает необходимость понимания мыслителей прошлого в *исторической* манере, тогда как сами они понимали (или могли понимать) себя в *неисторическом* духе. С точки зрения историциста, они просто «не осознавали» собственной историчности. Историцист же ее осознает и в этом смысле понимает мыслителей прошлого лучше, чем они сами себя понимали. Сторонник историцизма убежден в своем превосходстве по сравнению с мыслителями прошлого. Однако, как подчеркивает Штраус, «наше понимание мысли прошлого может быть тем более адекватным, чем менее историк убежден в превосходстве своей точки зрения или чем более он подготовлен принять возможность того, что ему придется научиться чему-то не просто о мыслителях прошлого, а от них» [13, с. 112].

Чтобы понимать то или иное философское учение, мы должны быть в нем заинтересованы, мы должны принимать его всерьез, другими словами, мы должны допускать возможность того, что оно просто истинно [13, с. 112–113]. Философская мысль прошлого должна представлять для нас *философский*, а не только *исторический* интерес. Сторонник историцизма же отвергает эту возможность в отношении любой философии прошлого. «Философы прошлого вписываются в самые различные культурно-исторические контексты, но у них отнимается самое главное — стремление к постижению истины» [16, с. 24].

Историцисты часто ссылаются на неустрашимую множественность различных (и даже несовместимых друг с другом) интерпретаций тех или иных философских учений прошлого как на аргумент в пользу безальтернативности историцизма. Однако возможность различных интерпретаций любого философского учения прошлого сама по себе не свидетельствует в пользу историцизма [13, с. 112].

Таким образом, историцизм, согласно Штраусу, «органически не способен жить согласно требованиям исторической точности, которые он, как могут сказать, открыл» [13, с. 112].

2.3. Последнее и самое фундаментальное возражение, на которое обращали внимание и другие философы XX в. (в частности Э. Гуссерль и

С.Л. Франк), заключается в указании на *самопротиворечивый* характер историцизма. Историцизм, будучи отрицанием универсалистских притязаний классической философии, оказывается внутренне противоречивой установкой в той степени, в которой он претендует на статус универсального принципа познания и практической деятельности. «Сам историцизм принадлежит истории, и его требования можно приложить к нему самому» [16, с. 15].

Историцизм, претендующий на статус универсального принципа, основан на *трансисторической* точке зрения, как и любая доктрина естественного права, которую он отвергает [15, с. 29].

Историцизируя сам принцип историцизма, Штраус предлагает рассматривать его в качестве продукта определенных культурно-исторических условий и выражения состояния умов современной эпохи. Историцизм должен быть избавлен от универсалистских притязаний, только в этом случае из инструмента разрушения философии и рациональности он станет важным аспектом критической рефлексии как таковой.

Подведем итог. Штраус собирает воедино все основные возражения и аргументы, которые высказывались против историцизма представителями различных философских течений XX в. Собственный вклад Штрауса в критику историцизма заключается в том, что он убедительно показал: историцизм как принцип мышления и установка в познании не может иметь *исторического* (фактического, эмпирического) обоснования. Историцизм может иметь лишь философское, но не историческое обоснование. Аналогичным образом позиция историцизма не может быть *опровергнута* историческими фактами, она может быть лишь *отвергнута* во имя какого-то иного (не менее фундаментального, чем сам историцизм) философского принципа. Заслуга Штрауса заключается также в анализе и сопоставлении различных версий историцистской философии, в выявлении их общего знаменателя.

Список литературы

1. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.
2. Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 458 с.
3. Поннер К. Ницета историцизма. М.: Прогресс, 1993. 185 с.
4. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 510 с.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

6. Дёмин И.В. *Философия истории в постметафизическом контексте*. Самара: Самар. гуманит. академия, 2015. 251 с.
7. Дёмин И.В. *Метафизика и постметафизическое мышление в зеркале историософии: монография*. Самара: Самар. гуманит. академия, 2016. 238 с.
8. Дёмин И.В. Проблема единства истории в контексте метафизической и постметафизической философии // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. № 6(28), т. 2. С. 44–50.
9. Дёмин И.В. Различение первичной и вторичной историчности в метафизике Л.П. Карсавина и в экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2015. № 1(17). С. 54–64.
10. Дмитриев Т. Спор об основах политического: Лео Штраус versus Карл Шмитт // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 3. С. 26–40.
11. Norton A. *Leo Strauss and the politics of American empire*. Yale: Yale University Press, 2004. 256 p.
12. Smith S. *Reading Leo Strauss: politics, philosophy, Judaism*. Chicago: University of Chicago press, 2006. 268 p.
13. Штраус Л. *Введение в политическую философию* / пер. с англ. М. Фетисова. М.: Логос: Праксис, 2000. 364 с.
14. Штраус Л. *Германский нигилизм // Политико-философский ежегодник*. Вып. 6. М.: ИФ РАН, 2013. С. 182–205.
15. Штраус Л. *Естественное право и история*. М.: Водолей Publishers, 2007. 312 с.
16. Руткевич А.М. *Политическая философия Л. Штрауса // Штраус Л. О тирании*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 7–38.
6. Demin I.V. *Filosofiya istorii v postmetafizicheskom kontekste* [The Philosophy of History in Post-Metaphysical Context]. Samara, Samara Academy for the Humanities Publ., 2015, 251 p. (In Russian).
7. Demin I.V. *Metafizika i postmetafizicheskoe myshlenie v zerkale istoriosofii* [Metaphysics and Post-Metaphysical Thinking in the Mirror of Historiosophy]. Samara, Samara Academy for the Humanities Publ., 2016, 238 p. (In Russian).
8. Demin I.V. *Problema edinstva istorii v kontekste metafizicheskoy i postmetafizicheskoy filosofii* [The Problem of the Unity of History in the Context of Metaphysical and Post-metaphysical Philosophy]. *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyaschego plus* [XXI century: Resumes of the Past and Challenges of the Present Plus]. 2015, no. 6(28), vol. 2, pp. 44–50. (In Russian).
9. Demin I.V. *Razlichenie pervichnoy i vtorichnoy istorichnosti v metafizike L.P. Karsavina i v ekzistentsial'noy analitike M. Khaydeggera* [The Distinction Between Primary and Secondary Historicity in Karsavin's Metaphysics and in Heidegger's Existential Analytics]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya* [Bulletin of the Samara Academy for Humanities. Series: Philosophy. Philology]. 2015, no. 1(17), pp. 54–64. (In Russian).
10. Dmitriev T. *Spor ob osnovakh politicheskogo: Leo Shtraus versus Karl Shmitt* [The Debate About the Foundations of the Political; or, Leo Strauss Versus Carl Schmitt]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. 2012, vol. 11, no. 3, pp. 26–40. (In Russian).
11. Norton A. *Leo Strauss and the Politics of American Empire*. Yale, Yale university press, 2004, 256 p. (In English).
12. Smith S. *Reading Leo Strauss: Politics, Philosophy, Judaism*. Chicago, University of Chicago Press, 2006, 268 p. (In English).
13. Strauss L. *Vvedenie v politicheskuyu filosofiyu* [Introduction to Political Philosophy]. Moscow, Logos, Praksis Publ., 2000, 364 p. (In Russian).
14. Strauss L. *Germskiy nigelizm* [On German Nihilism]. *Politiko-filosofskiy ezhegodnik Vyp. 6* [Political philosophy Yearbook. Iss. 6]. Moscow, IPh RAS Publ., 2013, pp. 182–205. (In Russian).
15. Strauss L. *Estestvennoe pravo i istoriya* [Natural Law and History]. Moscow, Vodoley Publ., 2007, 312 p. (In Russian).
16. Rutkevich A.M. *Politicheskaya filosofiya L. Shtrausa* [The Political Philosophy of Leo Strauss]. *Strauss L. O tiranii* [Strauss L. On Tyranny]. Saint Petersburg, SPbSU Publ., 2006, pp. 7–38. (In Russian).

Получено 24.11.2016

References

1. Rickert H. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Natural Sciences and Cultural Sciences]. Moscow, Respublika Publ., 1998, 413 p. (in Russian).
2. Husserl E. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow, Territoriya buduschego Publ., 2005, 458 p. (In Russian).
3. Popper K. *Nischeta istoritsizma* [The Poverty of Historicism]. Moscow, Progress Publ., 1993, 185 p. (In Russian).
4. Frank S.L. *Dukhovnye osnovy obschestva* [The Spiritual Foundations of Society]. Moscow, Respublika Publ., 1992, 510 p. (In Russian).
5. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The Origin and Goal of History]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 527 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 24.11.2016

Об авторе

Дёмин Илья Вячеславович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории

Самарский национальный исследовательский
университет им. акад. С.П. Королёва,
443086, Самара, Московское шоссе, 34;
e-mail: ilyadem83@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5821-3031

About the author

Demin Ilya Vyacheslavovich

Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and History

Samara University,
34, Moskovskoye hwy., Samara, 443086, Russia;
e-mail: ilyadem83@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5821-3031

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Дёмин И.В. Критика историцизма в политической философии Лео Штрауса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 190–198. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-190-198

Please cite this article in English as:

Demin I.V. Criticism of historicism in Leo Strauss' political philosophy // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 190–198. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-190-198

УДК 130.3:94

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-199-205

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Квятковский Дмитрий Олегович

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Чукотский филиал)

Целью данного научного исследования является анализ концепта исторической памяти в современном научно-философском дискурсе. Современное время характеризуется возрастанием философского интереса к проблемам исторического прошлого и коллективной памяти, которые являются механизмами осмысления обществом своего прошлого, что происходит на основе intersubjective рефлексии и реализуется через феноменологическую практику. Философский дискурс обращается к проблеме исторической памяти и коллективного прошлого, связанной с именами Р. Козелека, К. Левита, Г. Блюменберга, Дж.Э. Бараша, которые малоизвестны для российских интеллектуальных кругов. Дебаты между Левитом и Блюменбергом, а также работы современных теоретиков истории философии показали сложность исторической памяти и место в нем религиозных составляющих. Серьезность дискуссии подчеркивает актуальность проблемы истории в философии как отношение исторического прошлого к коллективной памяти и, самое главное, выявляет множественность содержания и подходов к осмыслению феномена исторической памяти. Особый подход к анализу исторической памяти был сформирован и реализован в русской философии, в особенности Н. Бердяевым. Общей тенденцией в русской философии относительно философского концепта истории была идея первичности духовно-религиозного начала. Исследование позволяет выявить и осмыслить самые основные тенденции общественной жизни в ее исторической динамике.

Ключевые слова: история, современная философия, историческая память, философский дискурс, историческое прошлое, символ, религия, секуляризация.

THE PROBLEM OF HISTORICAL MEMORY IN MODERN PHILOSOPHY

Dmitriy O. Kvyatkovskiy

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Chukotka branch)

This research work analyzes the concept of historical memory in contemporary scientific and philosophical discourse. Modern time is characterized by the increasing philosophical interest to the problems of historical past and collective memory, which are the mechanisms for the society's comprehension of its past, occurring on the basis of intersubjective reflection and implemented through phenomenological practice. The article considers the philosophical discourse regarding the problem of historical memory and collective past associated with the names of R. Koselleck, K. Löwith, H. Blumenberg, J.A. Barash, who are little known for Russian intellectual circles. The debate between Levitt and Blumenberg, as well as works by contemporary theorists of the history of philosophy showed the complexity of the phenomenon of historical memory and the place that religious components take in it. The seriousness of the discussion underlines the current significance of the problem of history in philosophy as a relation of the historical past to the collective memory, and, most importantly, reveals the plurality of content and approaches to understanding the historical memory phenomenon. A special approach to the analysis of historical memory was developed and implemented in Russian philosophy, in particular by N. Berdyaev. The general trend in Russian philosophy regarding the philosophical concept of history was the idea of the primacy of the spiritual and religious principle. The scientific research conducted allows us to identify and understand the most essential trends that take place in social life in its historical dynamics.

Keywords: history, modern philosophy, historical memory, philosophical discourse, historical past, symbol, religion, secularization.

XX век отличается особо острым интересом философской мысли к проблемам исторического прошлого и коллективной памяти. Люди всегда интересовались своим прошлым, историей, традициями, что свидетельствует о важной роли исторического сознания в жизни общества. Обращение к историческому опыту позволяет делать выводы из прошлого и легче решать новые проблемы. Но только во второй половине XX в. история и историческое прошлое как феномен в целом стали предметом глубокой философской рефлексии [1–5]. Это является актуальной задачей современности, поскольку историко-смысловой потенциал социального бытия является на сегодняшний момент еще мало изученным.

«Предмет истории — изменение общества во времени как целого. Только при таком понимании предмета история может выполнять функцию интеллектуального фундамента наук об обществе, изучающих общество с какой-то определенной стороны, а чаще рассматривающих его как набор некоторых статичных состояний. Именно поэтому проблема динамики исторического развития была и остается одной из важнейших в историческом познании. Ответ на вопрос о природе исторического времени, по сути дела, концептуальная основа для описания истории как процесса изменения общества во времени» [6, с. 255].

Целью данной работы является выделение и анализ концепта исторической памяти в современном научно-философском дискурсе. Необходимо раскрыть основные положения современной философии истории, определить содержание философского концепта исторической памяти и дать его анализ в философском дискурсе XX и XXI вв. Это позволит углубить понимание истории и подвести более широкое методологическое и эвристическое основание для всестороннего осмысления развития человеческой цивилизации.

Историческое сознание представляет собой механизм осмысления обществом своего прошлого на основе интересубъективной рефлексии, который реализуется через феноменологическую практику. Это сложный феномен, охватывающий все сферы жизни общества. Отмечается, что «историческое время протекает в рамках социального измерения семантически автономно и не зависит от хронологической смены эпох» [6, с. 264]. Если охарактеризовать сущность и содержание исторической памяти, то можно сказать, что историческая память является результатом феноменологического процесса отражения, сохранения, а затем и

воспроизведение исторического прошлого в сознании общества [7].

Рефлексируя смысл переживаний и ход событий анализируемого прошлого, феноменологически воспроизводящий субъект выявляет историческое содержание прошлых фактов на основе собственных интенциональных установок. Выдающийся философ-экзистенциалист М. Хайдеггер пишет: «Память — это собрание мыслей. Мыслей о чем? О том, что держит нас в нашей сущности постольку, поскольку мы его мыслим. В какой мере мы должны мыслить держащее нас? А в той, в какой оно испокон века является тем, что должно осмысляться. Когда мы осмысливаем его, мы одариваем его воспоминанием. Мы отдаем ему воспоминание, потому что оно желанно нам как зов нашей сущности» [8, с. 140]. Таким образом воссоздается историческая реальность прошлого события.

Современный исследователь в области истории философии Р. Козеллек связывает концепт исторической памяти с поэтическим творчеством, критикой, исторической герменевтикой и эвристикой [2]. Философ констатирует прогресс в сторону усложнения, которое выразилось в росте знаний и умений, изменении практики действий и поступков, что позволило обществу сохранить целостность и слаженность действий в ситуации изменения внешних условий его существования.

Сегодня это стало очевидным в связи с тем, что изменение общества, которое ранее могло лишь гипотетически конструироваться субъектом исторического познания, происходит очень быстро: достаточно отметить социокультурные трансформации, произошедшие на протяжении жизни трех поколений людей в XX в. «“Прогресс” стал обозначением “ускорения” истории, отражая в реальности процесс, который ранее мог только мыслиться субъектом познания» [9, с. 369].

Любая историческая эпоха социально, политически и культурно неоднородна, вследствие этого неоднородна и историческая память также. Историческая память не только актуализирована, но и очень избирательна, акцентные делаются на отдельные и очень знаковые для рефлексирующего субъекта исторические события и в рациональном, и в иррациональном аспектах. Так, известный исследователь исторического прошлого и коллективной памяти Дж.Э. Бараш выделяет особый вклад воображения в конструировании образов и идей исторической памяти [10].

«В основе моего понимания этого термина лежит феноменологическая теория, прежде всего, Э. Гуссерля, который приравнивал изначальный опыт к тому, что он называл непосредственным опытом в переживаемом в данный момент настоящем. Хотя фотографии, рисунки или описания могут актуализировать эти переживания и публично транслировать их в знаках, жестах и образах, они не заменяют уникальной способности воспоминания в его изначальном, подлинном смысле» [10, с. 84]. Здесь приходит на помощь человеческая сила воображения. «Обращение к термину “воображение” как к способу объяснения коллективной идентичности и групповой связи в широком плане в той мере, в какой они коренятся в общих воспоминаниях о коллективном прошлом, позволяет нам избежать дилеммы, которую, по-видимому, порождает понятие коллективной памяти, поскольку воображение, как способность поддержать и оживить “образ сообщества”, отнюдь не предполагает того, чем прежде всего характеризуется воспоминание о прошлом опыте, а именно, фактически непосредственного содержания воспоминания» [10, с. 86].

На основе категорий воспоминания и воображения Бараш выводит определение исторической памяти. «Под термином “историческое прошлое” я понимаю то прошлое, которое предшествует опыту любого живущего ныне индивида и не подвластно ни личному, ни групповому воспоминанию; оно, следовательно, никогда не может стать объектом воспоминания в строгом смысле слова. Оно выводится из давних воспоминаний людей, живших в другое время, и, по удачному выражению Цицерона, имеет отношение к “деяниям, находящимся за пределами нашей памяти”. Будучи отдаленным от памяти нынешних дней, историческое прошлое является в лучшем случае опосредованной или “заимствованной” памятью, которая, однако, не дана нам в виде отчетливо идентифицируемой вещи или события, просто отдаленного во времени» [11, с. 10].

Историческое прошлое фиксируется в системе символов и значений, передающихся от одного поколения к другому посредством народных фольклорных традиций, верований, обрядов, государственной символики, литературных произведений и т.д. Однако эти инструменты, хотя и являются необходимыми, однако не могут заменить собой и полноценно выразить реальность живого, непосредственного восприятия человеком исторических событий. «Литературные произведения могут указать на своеобразии исторического прошлого; задача же исторического исследования — объяснить символическую структуру, которая

придает ему более глубокое контекстуальное значение. “Реальность” исторического прошлого заключается в его трансцендентности по отношению ко всем представлениям современного мира, всем идеологическим интенциям, которые стремятся его оживить, постоянно заставляя нас переосмысливать его значение в каждом новом настоящем. Сколь бы предвзятой и неполной ни была даже самая беспристрастная попытка воссоздать следы прошлого за пределами живой памяти, ее значение отнюдь не сводится к вымыслу; она обнаруживается не только там, где способна прояснить события, предшествовавшие настоящему, но и там, где она дает нам возможность увидеть в более широкой перспективе меняющиеся горизонты настоящего» [11, с. 19].

Вторая половина XX в. ознаменовалось напряженным интересом к проблеме истории и исторического прошлого, которая нашла свое фундаментальное выражение в диспутах между Левитом и Блюменбергом.

Г. Блюменберг целенаправленно изучает проблемы философии истории и разрабатывает категорию «метафорологии». Исследование истории мышления вообще и истории философии в частности, взятое как исследование базовых для той или иной эпохи метафор, приобретает у Блюменберга не исторический, а собственно философский статус. Особое значение выдающийся современный философ отдает истории эпохи Нового времени. Кроме того, Блюменберг вводит понятие мифа при раскрытии особенностей коллективной памяти в истории. Он полагает, что человеческое мышление реализуется не только в понятиях, но и в образах и метафорах. Это приводит к выработке особой устойчивой формы — мифа, который неотделим от мышления. Блюменберг доказывает, что комплекс представлений о мифе входит в базисную основу интерпретации истории, а также раскрывает историко-политическое значение мифа [4].

В отличие от Блюменберга, К. Левит обращает внимание на религиозный аспект в содержании концепта исторической памяти. Левит дает последовательную и мощную критику всей теории истории и историософии. Его критика базируется на выявлении и осмыслении религиозно-христианской интерпретации истории в качестве процесса, который имеет внутреннюю цель и направленность. Кроме того, Левит обосновывает, что христианское мировоззрение трансформировало циклическое понимание времени в эпоху Античности, которое было ориентировано на природу, в сторону линейного и целенаправленного

представления об истории. Произошло так, что идея того, что смысл земного существования обретается в «царстве Бога», ставшая парадигмой Средневековья, определила понимание и выстраивание истории как исторического процесса, имеющую определенную конечную цель [5, 12, 13].

«Понятие философия истории означает систематическую интерпретацию истории мира в соответствии с неким руководящим принципом, который помогает установить связь между историческими событиями и их последствиями и возвести их к высшему значению. Это означает, что вся философия истории становится всецело зависимой от богословия, или, иными словами, от богословской интерпретации истории как истории спасения» [14, с. 21]. Религиозная секуляризация, по мнению Левита, внутренне создает иллюзию «правильности» логики движения истории и переходит в плоскость политической практики, тем самым создавая разнообразные политические последствия. Так, политические концепции марксизма и фашизма возникли, по мнению К. Левита, как следствие секуляризации традиции христианской теологии, которая поместила человека в центр мира [5].

Русская философия по отношению к концепту исторической памяти, напротив, придерживается религиозных позиций. «Русская мысль, — пишет Н. Бердяев, — в течении XX века была более всего занята проблемами философии истории. На построениях философии истории формировалось наше национальное сознание. Построение религиозной философии истории есть, по-видимому, призвание русской философской мысли. Самобытная русская мысль обращена к эсхатологической проблеме конца, она окрашена апокалипсически. В этом отличие ее от мысли Запада» [15, с. 84].

Так, особенности мессианского мировоззрения и метафизики Ф. Достоевского, выраженные в его художественном и эпистолярном творчестве, философских работах, публичных высказываниях оказали широкое влияние на русскую философскую мысль и в особенности на развитие философских течений западников и славянофилов, которые с различных позиций определяли значение и место истории русского развития в контексте мировых исторических систем.

Безусловно, идейное достояние русской религиозной философии по исторической проблеме являет собой некую оппозицию историко-философской концепции К. Левита в том аспекте, что обосновывает положительное значение теологического влияния на историю. И если Левит считал, что современный историзм, пропитанный ре-

лигиозной секуляризацией, показывает окончательный разрыв между историей человека и природой, то Бердяев доказывал благостное и положительное значение религиозного опыта для истории. Выдающийся русский философ пишет, что «истинная философия истории есть философия победы истинной жизни над смертью, есть приобщение человека к другой, бесконечно более широкой и богатой действительности, чем та, в которую он ввергнут непосредственной эмпирией. Если бы для индивидуального человека не существовало путей приобщения к опыту истории, то как жалок, пуст и смертен по всему своему содержанию был бы человек!» [15, с. 72].

Русская религиозная философия обосновывает идею о том, что наличие конечной религиозной цели придает смысл истории, создавая из хаотической социальной энтропии систему стойких и упорядоченных исторических фактов и, таким образом, делает историю историей. Кроме того, Бердяев с историей напрямую связывает футурологию как теоретический поиск модели конечного историко-культурного состояния общества и человека. Безусловно, в рамках футурологической картины будущего мира формируется своя политическая система, что снова возвращает нас к проблеме взаимосвязи религии с политикой, которую блестяще раскрыл Левит.

Раскрытие проблематики философии истории Н. Бердяевым репрезентируется в нескольких плоскостях. Первая плоскость непосредственно связана с социально-философской концепцией Бердяева, который определял историческую память народа через категорию «общего-единства» и связывал с тенденциями идентичности. Во второй плоскости раскрываются бердяевские идеи исторического мессианства, где философ показывал историческое прошлое России и русскую коллективную память в качестве оригинального самовыражения и самообоснования уникального русского пути, имеющего особый мессианский смысл.

Любопытно, что Бердяев вышел за рамки спора западников и славянофилов, которым обычно ограничивалась русская философия истории, и отмечал особое мессианство советского периода истории русского народа, а также двойственный характер русского коммунизма [16, 17].

Следующая плоскость содержит оригинальные религиозные взгляды Бердяева, также внутренне ориентированные на футурологические и эсхатологические смыслы. Здесь очень важно отметить, что он впервые дает конкретное определение понятия коллективной памяти. По Бердяеву, историческая память есть «духовная активность, как

некоторое определенное духовное отношение к “историческому” в историческом познании, которое оказывается внутренне, духовно преображенным и одухотворенным... В известном смысле историческая память, — пишет Бердяев, — объявляет жесточайшую борьбу вечности с временем, и философия истории всегда свидетельствует о величайших победах вечности над временем. Она говорит о победе нетленности... Историческое познание и философия направлены, в сущности, не на эмпирическое, — они имеют своим объектом загробное существование» [15, с. 39].

Концепт исторической памяти занимает важное место в бердяевской философии истории, построенной на религиозных идеях теодицеи и апокалипсиса. В данной статье я хотел бы закрепить тезис о том, что Н. Бердяев выводит содержание исторической памяти из диалектического взаимодействия категорий времени и вечности [18, 19]. Время формирует конкретную единичную индивидуальную память человека. Историческая память больше связана с вечностью, а вечность в свою очередь связана с Богом [15]. Таким образом в философии истории Бердяева происходит переход к религиозной онтологии и метафизики божественного творения.

Н. Бердяев полагал, что историческая память является отображением вечности в истории во внутренней плоскости, связанной с онтологическим творением истории. На внешнем уровне исторических событий проявляется социально-политический и национально-мессианский ракурс мировой истории. Движущей силой развертывания мирового исторического процесса является диалектика времени и вечности, которая происходит во внутренней (историко-эсхатологической) и внешней (историко-социальной) плоскостях. Во внутренней плоскости, согласно взглядам русского философа, историческая память связана с категориями времени, вечности и Бога. Во внешней плоскости историческая память конкретно проявляется в истории народов, которые Бердяев понимает в качестве взаимодействия отдельных самодостаточных национальных исторических систем [15–17].

Итак, можно сделать вывод, что отдельное место в современном социально-философском дискурсе занимает проблематика философии истории, а также концепт исторической памяти, который на данный момент остается малоизученным в российской научной литературе. Философский дискурс относительно феноменов истории и коллективной исторической памяти, предельное выражение которого проявилось в идейных дебатах

между К. Левитом и Г. Блюменбергом, а также в работах Н. Бердяева, Р. Козелека, Дж.Э. Бараша, показал разноаспектность явления исторической памяти и важное место в нем религиозных составляющих. Серьезность их дискуссии подчеркивает актуальность проблемы истории в философии как отношение исторического прошлого к коллективной памяти, и, самое главное, выявляет богатство содержания и разнообразие подходов к осмыслению феномена исторической памяти. Особый подход к анализу исторической памяти был сформирован и реализован в русской философии, в особенности Н. Бердяевым. Общей тенденцией в русской философии относительно философского концепта истории была идея первичности духовно-религиозного начала.

Список литературы

1. *Рикер П.* Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманит. лит., 2004. 728 с.
2. *Koselleck R.* The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts (Cultural Memory in the Present) / trans. by T.S. Presner. Stanford: Stanford University Press, 2002. 363 p.
3. *Koselleck R.* Futures Past: On the Semantics of Historical Time. N.Y.: Columbia University Press, 2004. 344 p.
4. *Blumenberg H.* The Legitimacy of the Modern Age. Cambridge: The MIT Press, 1985. 728 p.
5. *Lowith K.* Meaning in History: The Theological Implications of the Philosophy of History. Chicago: University of Chicago Press, 1957. 266 p.
6. *Калимонов И.К., Байтеева М.В.* Понятие «Историческое время» и творчество историка: взгляды П. Рикера и Р. Козеллека // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 152, кн. 3. С. 255–266.
7. *Barash J.A.* Martin Heidegger and the Problem of Historical Meaning. N.Y.: Fordham University Press, 2003. 286 p.
8. *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. 192 с.
9. *Koselleck R.* Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag. STW, 1989. 378 S.
10. *Бараш Дж.Э.* О воображении и месте коллективной памяти в общественной сфере // Социум: Философские науки. 2011. № 2. С. 83–96.
11. *Бараш Дж.Э.* Зачем помнить историческое прошлое? Размышления об историческом скептицизме // Философский журнал. 2011. № 1. С. 10–19.
12. *Квятковский Д.О.* Особенности гуманистического идеала в философии Древнего Мира // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 3. С. 73–81.

13. Квятковский Д.О. Гуманистический идеал: ценностный аспект (социально-философский анализ): монография. М.: Логос, 2014. 132 с.
14. Lowith K. Histoire et Salut. Les présupposés théologiques de la philosophie de l'histoire. Paris: Gallimard, 2002. 285 p.
15. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 174 с.
16. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 346 с.
17. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
18. Квятковский Д.О. Особенности социальной философии Н. Бердяева // Вестник Омского университета. 2015. № 3(77). С. 95–98.
19. Квятковский Д.О. Онтологические основы в философии экзистенциализма // Вестник Омского университета. 2016. № 1. С. 63–67.
9. Kosellek R. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten* [Future Past: On the Semantics of Historical Time]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag Publ., 1989, 378 p. (In German).
10. Barash J.A. *O voobrazhenii i meste kollektivnoy pamyati v obschestvennoy sfere* [Imagination and the Place of Collective Memory in the Public Sphere]. *Sotsium: Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. 2011, no. 2, pp. 83–96. (In Russian).
11. Barash J.A. *Zachem pomnit' istoricheskoe proshloe? Razmyshleniya ob istoricheskom skeptitsizme* [Why Remember the Historical Past?]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal]. 2011, no. 1, pp. 10–19. (In Russian).
12. Kvyatkovskiy D.O. *Osobennosti gumanisticheskogo ideala v filosofii Drevnego Mira* [Features of Humanistic Ideal in the Ancient Philosophy]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy], 2015, no. 3, pp. 73–81. (In Russian).
13. Kvyatkovskiy D.O. *Gumanisticheskiy ideal: tsennostnyy aspekt (sotsial'no-filosofskiy analiz)* [Humanistic Ideal: the Value Aspect (Socio-Philosophical Analysis)]. Moscow, Logos Publ., 2014, 132 p. (In Russian).
14. Lowith K. *Histoire et Salut. Les présupposés théologiques de la philosophie de l'histoire* [Meaning in History: The Theological Implications of the Philosophy of History]. Paris, Gallimard Publ., 2002, 285 p. (In French).
15. Berdyaev N.A. *Smysl istorii* [Meaning of History]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, 174 p. (In Russian).
16. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1990, 346 p. (In Russian).
17. Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Foundations and Meaning of Russian Communism]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 224 p. (In Russian).
18. Kvyatkovskiy D.O. *Osobennosti sotsial'noy filosofii N. Berdyaeva* [Features of Social Philosophy of N. Berdyaev]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University]. 2015, no. 3(77), pp. 95–98. (In Russian).
19. Kvyatkovskiy D.O. *Ontologicheskie osnovy v filosofii ekzistentsializma* [Ontological Foundation in the Philosophy of Existentialism]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University]. 2016, no. 1, pp. 63–67. (In Russian).

Получено 23.12.2016

References

1. Ricoeur P. *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Forgetting]. Moscow, Gumanitarnaya Literatura Publ., 2004, 728 p. (In Russian).
2. Kosellek R. *The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts (Cultural Memory in the Present)*. Stanford, Stanford University Press, 2002, 363 p. (In English).
3. Kosellek R. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. New York, Columbia University Press, 2004. 344 p. (In English).
4. Blumenberg H. *The Legitimacy of the Modern Age*. Cambridge, The MIT Press, 1985, 728 p. (In English).
5. Lowith K. *Meaning in History: The Theological Implications of the Philosophy of History*. Chicago, University of Chicago Press, 1957, 266 p. (In English).
6. Kalimonov I.K., Bayteeva M.V. *Ponyatie «Istoricheskoe vremya» i tvorchestvo istorika: vzglyady P. Rikera i R. Koselleka* [The «Historical Time» Concept and the Creativity of a Historian: Views of P. Ricoeur and R. Kosellek]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta: Gumanitarnye nauki* [Scientific Notes of the Kazan University: Humanities]. 2011, vol. 153, book 3, pp. 255–266. (In Russian).
7. Barash J.A. *Martin Heidegger and the Problem of Historical Meaning*. New York, Fordham University Press, 2003, 286 p. (In English).
8. Heidegger M. *Razgovor na proselochnoy doroge* [Off the Beaten Track]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991, 192 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 23.12.2016

Об авторе

Квятковский Дмитрий Олегович

доктор философских наук,
профессор кафедры общих дисциплин

Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова (Чукотский филиал),
689000, Чукотский АО, Анадырь,
ул. Студенческая, 3;
e-mail: d_o_k@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8065-9731

About the author

Kvyatkovskiy Dmitriy Olegovich

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of General Disciplines

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
(Chukotka branch),
3, Studencheskaya str., Anadyr,
Chukotka Autonomous Okrug, 689000, Russia;
e-mail: d_o_k@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8065-9731

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Квятковский Д.О. Проблема исторической памяти в современной философии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 199–205. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-199-205

Please cite this article in English as:

Kvyatkovskiy D.O. The problem of historical memory in modern philosophy // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 199–205. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-199-205

УДК 130.31

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-206-215

МИР И ТЕЛО: ИНВЕРСИЯ МЕТАФОРО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ СХЕМЫ

Верещагина Наталья Викторовна, Комаров Сергей Владимирович

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Статья посвящена исследованию роли тела в мифологических моделях освоения действительности. Человеческое тело является одним из инструментов постижения реальности. Формирование идей, возникающих в условиях познания окружающего мира, обусловлено взаимодействием тела с пространством, оно может также выступать в качестве объяснительной модели, «набрасываемой» на мир и его объекты. Однако данность тела для человека отнюдь не очевидна, т.к. его обнаружение, как правило, происходит тогда, когда имеет место сбой в работе тела (болезни, слабость, усталость, возбуждение и т.п.). Открытие тела как особого объекта действительности имеет сходные механизмы в процессе онто- и филогенеза, однако особенностью филогенеза является то, что тело становится конструктивным элементом самого метафоро-мифологического механизма. Выдвигается гипотеза о том, что в рамках мифологического освоения действительности происходит инверсия роли телесности: на ранних стадиях развития культуры тело служит основанием мифологизации мира, на поздних мир — основанием мифологизации тела. Показано, как на ранних стадиях развития общества образы телесности служат первоначальными метафорами мифологического понимания мира, хотя само тело не подвергается мифологизации. В эпоху Возрождения и Нового времени происходит оборачивание этой метафоро-мифологической схемы, и образы обычных предметов мира (зданий, механизмов и технических устройств) приводят к возникновению современных мифических представлений о самом теле.

Ключевые слова: тело, телесность, мир, освоение мира, метафора, миф, перенос, замещение, схема.

THE WORLD AND BODY: INVERSION OF THE METAPHOR / MYTH FRAME

Natalia V. Vereshchagina, Sergey V. Komarov

Perm National Research Polytechnical University

The article deals with the role of the body in mythological models of development of reality. A human body is one of the tools of understanding the world. Generation of ideas in the process of the world cognition is reliant on the interaction of the body and space, and it can also act as a model for explanation of the world and its objects. However, givenness of the body is not obvious for a human, because its discovery comes, as a rule, when the body has some defects (illness, weakness, fatigue, hyperalertness etc). In the process of ontogeny and phylogenesis, discovery of the body as a specific object of reality has analogous mechanisms, but during phylogenesis the body becomes a constructive element of the metaphor-mythological mechanism, which is a distinction of this process. A hypothesis is put forward in the article that in the course of mythological development of reality the inversion of the role of corporality takes place: at first, the body is a basis of the world mythologization and then the world is a basis of the body mythologization. Images of corporality serve as central metaphors of the mythological understanding of the world although the body itself is not subject to mythologization. During the Renaissance and early modern period, this metaphor / myth frame changes, and images of ordinary objects of the world (buildings, mechanisms and technical devices) lead to creation of contemporary mythological ideas about the body.

Keywords: body, corporality, world, development of the world, metaphor, myth, transfer, metalepsis, frame.

1. Проблема открытия телесности

Человек имеет тело. Это суждение кажется очевидным, поскольку каждый знает, что он имеет руки и ноги, грудь и голову и в любой момент может осмотреть себя если и не целиком, то по частям. Обычно обнаружение собственного тела рассматривается в качестве одной из первых ступеней освоения действительности, поскольку с окружающими предметами человек взаимодействует посредством своего тела. Первичное открытие мира становится возможным благодаря телу, выполняющему роль субъекта восприятия [1, с. 261–263].

В действительности же данность тела для нас отнюдь не столь очевидна: в повседневности телесность как таковая остается незаметной. Обнаружение собственного тела, как правило, происходит тогда, когда имеет место функциональный сбой, выход из состояния равновесия или нарушение его границ. В первую очередь это болезни, когда тело проявляет себя в совокупности интрацептивных ощущений. Обладание *собственным* телом также отнюдь не простой факт. Очень часто — в состоянии «слабости» и «усталости» или, напротив, «силы» и «возбуждения» — наше тело не подчиняется нам и совсем не является нашей «собственностью» [2, с. 4]. Понимание тела как органа освоения действительности тоже представляет собой сложность, поскольку известно, что на первых стадиях своего развития человек отнюдь не выделяет свое тело среди других объектов окружающей реальности. Проблема открытия телесности как раз и заключается в том, что изначально тело не отделено от других объектов действительности, в дорефлективном (аффектированном эмпирическом) состоянии сознания не происходит различения между субъектом и объектом. Как отмечают исследователи, «до наступления зеркальной стадии у ребенка отсутствует способность отличать субъект от объекта, репрезентативное от биологического. Желание и его объект неразличимы. Например, если ребенок ощущает голод, то это не голод ребенка, ибо младенец не может воспринимать себя отдельно от своего желания» [3, с. 258].

«Открытие» человеческой телесности происходит феноменологически или с помощью изоциренных мыслительных техник. Такие техники связаны с особым актом «трансцендирования» тела, которые по-разному осмысливаются и практи-

куются в религиозных и философских учениях. Примером такой техники может служить медитация Р. Декарта. Французский философ через специальную процедуру сомнения приходит не только к решению гносеологических задач, но и обнаруживает телесность человека. Однако его философский метод хотя и позволяет «вывести» человеческую телесность из состояния повседневности, но не сразу приводит к ее непосредственной явленности. Собственная телесность первоначально обнаруживается как простая протяженность, и только при дальнейшем развитии философской процедуры она связывается с *ego cogito* и идентифицируется в качестве собственно «моего» тела. Декарт уточняет, что «тело, которое я по некоему особому праву именовал своим, имеет более тесную связь со мною, чем какие-либо другие тела; в самом деле, я ни в коем случае не мог быть от него отделен, как от остальных тел; все свои вожеления и аффекты я испытывал в нем и ради него; наконец, именно в его частях я ощущал боль и щекотку сладострастия, а вовсе не в других телах, расположенных вне его» [4, с. 61]. Иначе говоря, осознание собственной телесности и ее «проявление» происходят постепенно через установление границ тела и идентификацию с этими границами сознания человека.

Таким образом, телесность не просто обнаруживается человеком как таковая, она должна быть им осознана как собственная. Это хорошо осознанный и освоенный в науке факт: наше тело не просто принадлежит, но именно открывается — и как «наше», и как «тело» — в процессе становления самого человека. Указанный феномен характерен не только для процесса онтогенеза личности, но имеет место и в процессе филогенеза: тело открывается не только как индивидуальный объект, но прежде всего как культурный объект. Он отражается в самой структуре человеческой культуры, в частности в становлении мифа.

Именно в мире обнаруживается то, чему в философских, психологических, антропологических и других исследованиях телесности обычно не придают значения. Дело в том, что тело не только «открывается» в процессе становления человека, но и оказывается *конструктивным элементом* человеческого сознания и культуры. Само осознание тела структурирует понимание окружающей действительности и становится основанием практического отношения к ней. Являясь *средством* освоения окружающей действительности,

телесность может выступать в качестве *идеально-го предмета-образца* (метафоры) ее понимания и объяснения. Тело не только используется практически, но и становится *схемой понимания* самой реальности и *схемой практического овладения* предметами мира [1, с. 137–140]. Это особенно важно для понимания механизмов мифологизации, в основе которых лежит перенос или замещение одних объектов действительности другими в процессе их освоения на основании объяснения неизвестного через известное.

Однако в этом процессе мифологического освоения действительности человеческое тело может выступать в разных ролях — как известного, так и неизвестного. Как известно, миф является упорядоченной непротиворечивой системой, которая характеризуется антропоморфизмом познания (перенесение свойств человека на объекты мира), диффузностью (отсутствие четкого разделения субъекта и объекта, материального и идеального, предмета и знака, существа и имени, вещи и ее атрибутов и т.п.) и конкретной образностью представлений о мире [5, с. 148–151]. В качестве таковой миф выступает как способ понимания и практического освоения повседневности, в том числе — и человеческого тела. Теперь оно само понимается через мифические образы мира; само становится мифическим объектом. В этом случае тело из конструктивного элемента и *средства* освоения мира становится *предметом* мифологизации. Работа метафоро-мифологических механизмов инвариантна по отношению к тому, что является конкретным объектом мифологизации. Иначе говоря, в данном конкретном случае применительно к телу работа метафоро-мифологического механизма во многом зависит от того, в каком конкретном отношении человек находится к своему телу, как открывается, осмысливается и практикуется использование человеком собственной телесности.

Основная идея данной статьи — исследование роли телесности в мифологических моделях освоения действительности. Основная гипотеза исследования заключается в том, что *в рамках становления мифа происходит своеобразная инверсия роли телесности: первоначально тело служит основанием мифологизации мира, затем мир — основанием мифологизации тела*. В историческом развитии и становлении культуры телесности происходит как бы *двойное переворачивание* отношения мира и тела.

2. Версия мифа: тело как метафора мира

В науке XIX в. в обсуждении природы первобытного мышления укрепилась одна из идей позитивной философии, согласно которой стадии развития отдельной личности и человеческой культуры совпадают; поэтому предлагалось исследовать первобытное мышление по аналогии с детским. Этот тезис в своей основе опирался на биогенетический закон Геккеля–Мюллера, согласно которому онтогенез повторяет филогенез. В биологии он подвергся критике, а в рамках антропологических исследований произошел отказ от этой позитивистской методологии. Однако многие исследователи в области мифа продолжают проводить аналогию между восприятием мира ребенком и носителем мифологического мышления. Например, Е.М. Мелетинский отмечает, что к «первобытному мышлению имеется ряд убедительных параллелей из области детского мышления, хотя эти параллели ограничены качественными различиями между процессами формирования индивидуальной психики, а также логического аппарата у детей и социальным опытом в архаических обществах» [5, с. 147–148]. На основании этого следует считать, что «открытие» телесности в данных двух случаях (в процессе становления личности и в мифологическом мышлении) имеет некоторые сходные черты.

Диффузность познания, выделяемая в качестве одной из особенностей мифологического мышления, обнаруживается и в онтогенезе личности. Отсутствие в двух рассматриваемых случаях (онтогенезе и филогенезе) четкого разделения между субъектом и объектом характерно и в отношении «открытия» телесности. Другими словами, в мифологическом мышлении тело не выделяется в качестве особого предмета, а вписывается в мир как один из его системных элементов. В традиционных обществах существуют различного рода модификации тела (деформация частей тела, обрезание, оскотление, скарификация, татуирование и др.) [6] и обращения к телесным практикам, однако присутствие образов тела в таких мифологических моделях не указывает на то, что оно становится объектом мифологизации. Напротив, сама телесность становится источником метафор и метафорических схем, т.е. выступает функциональным инструментом, который «набрасывается» на мир с целью его освоения.

Так, в китайской мифологии, согласно некоторым средневековым трактовкам, тело первого человека на земле, первопредка, великана Пань-гу

дает «начало конкретным космическим явлениям и элементам рельефа (в основе этих представлений концепция о единстве макро- и микрокосма). Дыхание Пань-гу стало ветром и облаками, голос — громом, левый глаз — солнцем, правый — луной, четыре конечности и пять частей тела — четырьмя пределами земли (четырьмя сторонами света) и пятью священными горами, кровь — реками, жилы и вены — дорогами на земле, плоть — почвой на полях, волосы на голове и усы — созвездиями, растительность на теле — травами и деревьями, зубы и кости — золотом и камнями, костный мозг — жемчугом и нефритом, пот — дождем и росой» [7, с. 282].

Устанавливаемая гомогенность мира и тела приводит к тому, что последнее не нуждается в специальном освоении и вписывании в мировоззренческую систему. Само тело не подвергается мифологизации, но выступает одним из основных инструментов освоения действительности в указанный период культуры. Не становясь объектом мифа, оно играет главную роль в становлении человеческого в качестве соучастника мифологии прошлого, ее метафорического инструмента.

Так, М. Дуглас показала, что тело первоначально обнаруживает себя в качестве базовой схемы любой символики: оно может выступать символом общества, его устройство и внутренние процессы могут отражать элементы социальной структуры, и т.д. Вообще человеческая телесность может накладываться на любые органические системы, в этих случаях границы тела будут репрезентировать границы самой этой системы [8, с. 173]. И здесь большую роль играют метафоры телесности.

Американский лингвист Дж. Лакофф в своих работах также отмечает важную функцию тела в процессе освоения действительности. Он придерживается концепции «телесного ума» и отводит телесности огромную роль, т.к. она связана с формированием и функционированием метафор, выступающих основой любого мышления. По мнению Лакоффа, метафоры — не просто поэтико-риторические выразительные средства языка, они прежде всего принадлежат сфере мышления и действия и только затем находят выражение в естественном языке. «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути», — пишет Лакофф [9, с. 25]. Человеческое мышление оказывается ограниченным концептуальными метафорами (концептуальными схемами), оно обрабатывает поступающую извне информацию бес-

сознательно согласно этим схемам (метафорам). Под метафорой в этом случае понимается механизм «понимания и переживания одного вида в терминах сущности другого вида» [9, с. 27]. Здесь частично принимается определение, данное еще Аристотелем, который рассматривал метафору как «несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [10, с. 669], но усиливается когнитивное значение феномена переноса.

Телесность играет значимую роль в работе метафорических механизмов, т.к. обнаруживается непосредственная связь между оформлением идей и функционированием и взаимодействием нашего тела с пространством [11]. Так, ориентационные метафоры, связанные с пространственным положением, обусловлены тем, что человек имеет тело определенной формы, которое в силу этого взаимодействует определенным же образом с объектами мира¹.

Иначе говоря, открывается важная функция тела: оно выступает источником метафорических схем освоения мира, его предметов и явлений. Его форма, структура и устройство становятся условием для метафорических концептов, «набрасываемых» на действительность, которые позволяют понять и упорядочить мир. Так, даже деление политических взглядов и общественных движений на «левые» и «правые» указывает на присутствие в политическом дискурсе метафор, основанных на положении тела в пространстве (верх, низ, право, лево) [12, с. 92–93].

Следует заметить, что в работе мышления метафоры актуализируются в универсальный гносеологический механизм: представление неизвестного через известное. Первоначально действие этого механизма было обнаружено именно исследователями мифа (Б. Малиновский, Э. Кассирер, Л. Леви-Брюль, Е.М. Мелетинский, А.Ф. Лосев, К. Леви-

¹ Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что метафорические ориентации, конечно, не являются произвольными, они детерминированы не только культурным опытом, который, безусловно, может отличаться в разных культурных системах, но и опытом самого тела (и шире «физическим» опытом). «He fell ill Он заболел (букв, упал в болезнь). He's sinking fast. Он быстро угасает (букв, погружается). He came down with the flu. Он свалился с гриппом. His health is declining. Он чахнет (букв, его здоровье падает). He dropped dead. Он умер (букв, упал мертвым)». Все это авторы перечисляют в качестве примеров ориентационных метафор, которые, с их точки зрения, связаны со следующим телесным опытом падения, наклонения и горизонтального положения: «серьезные болезни заставляют нас лежать. Мертвый падает, лежит в могиле и т.п.» [9, с. 37].

Стросс, Я.Э. Голосовкер и др.), но позднее его стали относить к основаниям мышления как такового [1, с. 234–235]. Суть дела в том, что метафора, служащая средством замещения непонятого через понятный и объяснимый образ, становится «началом» мифа в той мере, в какой миф координирует человеческую деятельность и упорядочивает мировоззренческую систему человека. Метафора в качестве «начала» мифологизации «вообще исключает неразрешимые проблемы и стремится объяснить трудно разрешимое через более разрешимое и понятное» [13, с. 419], «постоянно передает менее понятное через более понятное, неумолимое через умопостигаемое» [5, с. 152].

Обнаруживается, что метафорическое и мифологическое освоение мира связаны друг с другом, поэтому необходимо различить границы перехода метафоры в миф и определить различия в метафорических и мифологических тактиках использования тела.

Попытки различения мифа и метафоры, как правило, протекали в языковой традиции понимания метафоры. А.А. Потебня, Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский различали миф и метафору, связывая первый с мифологическим освоением действительности, а вторую — с поэтическим. А.А. Потебня еще более четко проводил разграничения между этими феноменами, полагая, что в мифе происходит полное отождествление образа и значение, метафора же сохраняет различие между ними. Э. Кассирер переносит вопрос о соотношении мифа и метафоры в плоскость различения мифологического и языкового мышления, которые, с его точки зрения, определяются одинаковыми духовными представлениями, миф и язык подчиняются одним или аналогичным законам духовного развития. Более того, им оказывается свойственна одна и та же концептуальная форма, которая есть метафорическое мышление. Метафора же, согласно Кассиреру, есть «сознательный перенос названия одного представления в другую сферу — на другое представление, подобное какой-либо чертой первому или предполагающее какие-либо косвенные с ним “анalogии”» [14, с. 35]. Немецкий философ связывает язык, миф и искусство в единую систему через метафорический компонент, указывая на их генетическое единство. Вместе с тем следует отметить, что в рамках современных лингвистических концепций не всеми разделяется идея первичной языковой природы метафоры. Как уже отмечалось выше, согласно Дж. Лакоффу, выражение метафор в естественном языке вторично.

Иначе говоря, они не принадлежат языку, но являются своего рода концептуальными схемами мышления.

Однако так или иначе метафору можно рассматривать как механизм переноса с объекта на объект некоторых свойств, так и механизм перенесения известного на неизвестное с целью что-то установить, упорядочить. Метафора в этом случае, так же как и миф, позволяет создать конкретный образ для уравнивания объектов с целью объяснения. Различие же между ними заключается в том, что метафора — это объясняющий образ предмета, формирующийся благодаря переносу, а миф — это не просто образ предмета, но образ действия над или с предметом. Миф включает в себя не только механизмы замещения и переноса (когнитивный механизм метафоры), но и прагматические алгоритмы обращения с осваиваемой действительностью (схему действия с «мифическим» предметом). В мифе объект не просто называется, определяется, он разворачивается через систему действий, через рецептурные алгоритмы обращения с предметом (восприятие, использование, извлечение, приручение и т.д.).

Применительно к телу это означает, что, как уже отмечалось выше, тело на первых этапах развития культуры не становится объектом мифологизации, но встраивается в мифологические модели, выступая основой метафоры. Модификации, проводимые с телом в этих условиях, обусловлены не особенностями его природы, а необходимостью упрочнения связи с окружающей действительностью. Практики трансформации и модификации тела не выступают в этих условиях элементами мифа.

Однако как только произойдет «открытие» телесности в культуре («культурное обнаружение тела») и появится потребность в формировании прагматических «рецептов» обращения с ним, тело будет подвергнуто мифологизации. При этом произойдет инверсия отношения мира и тела: последнее перестанет «набрасываться» на действительность и наоборот «потребует» для себя объяснительных схем от объектов мира.

3. Инверсия мифа: мир как метафора тела

Начиная с эпохи Возрождения, как отмечают исследователи, происходит «открытие» человеческой телесности [15, 16], что приводит к появлению первых симптомов мифологизации тела. Тело, выделяющееся среди других объектов, при-

влекает внимание сначала со стороны медицины, затем остальных наук и философии.

Определение границ тела и изучение его состояния вне нормы в первую очередь связаны со становлением медицинских практик Возрождения. В Средневековье происходила подготовка этих процессов, но тело на этом этапе еще не получило особого статуса. С одной стороны, телесность ассоциировалась средневековыми людьми с человеческой греховностью, и поэтому ее предпочтительнее было «не замечать» и «подавлять». С другой — она имела символическую связь с плотью самого Христа, а потому тело рассматривалось как выражение, хотя и низменной, но все же природы человека и использовалось в качестве средства служения духовным целям. Например, стигматы, появляющиеся на теле, воспринимались как телесная награда, а не состояние болезни [16, с. 31–32]. Как отмечают Ж. Ле Гофф и Н. Трюон, в средневековой культуре тело все также сохраняет свою метафорическую функцию, т.к. использование связанных с телом метафор в политических целях средневековое христианство унаследовало от греков и римлян. Метафоры языческих времен продолжали использоваться, однако смысл их изменялся [16, с. 158]. Так, телом являлась церковь со всеми верующими, а сам Христос становился ее головой. Вообще образ тела часто использовался в качестве объяснительной модели, становясь метафорой для политической организации общества, для описания моделей разных социальных институтов [16, с. 151].

Однако уже в эпоху Возрождения тело перестает быть пассивной метафорой, набрасываемой на объекты мира и феномены социальной действительности. Оно обособляется от других предметов действительности и обнаруживает свою собственную функциональность и «механику» [15, с. 10–13]. Этому способствовало развитие медицинских практик, когда стало практиковаться анатомирование человеческих трупов с целью изучения их строения². Если в средневековой культуре вскрытие не рассматривалось в качестве «естественного» способа получения знаний о телесности и не считалось необходимой практикой, то в Возрождении потребность вскрытия и изучения внутреннего строения тела становилась усло-

вием излечения человека. Анатомический интерес к телу возрос, а благодаря художникам появилась и развилась анатомическая иконография, которая расширила границы тела, выделив его эстетическую сторону. С этого момента тело становится объектом, который сам подвергается метафоризации и — на основе этого в дальнейшем — мифологизации. В попытке определить структуру этого открытого объекта телесность попадает под метафоро-мифологический механизм замещения.

Так, в это время любые здания, сооружения, постройки становятся образами тела, метафора конструкции накладывается на телесность. Везалий, комментируя устройство тела, говорит, что «кости для тела — то же, что стены и балки для дома, столбы для шатров, килевая часть и флор для кораблей» [15, с. 247]. Согласно Шарлю Этьену, человеческое тело похоже на большую постройку или на здание, в основе которого находятся кости, выступающие его основанием, поэтому процесс лечения необходимо начинать именно с них. Жак Дюбуа, более известный как Сильвий, парижский наставник Этьена и Везалия, считает так же, т.к. «на них покоится здание человеческого тела» [15, с. 248]. Позднее Яков Винслов вводит иное сравнение тела — не со зданием, а с другими объектами: кораблем, каретой, часами и др. В этих описаниях уже становится очевидна инверсия связи «тело – мир»: теперь не тело является схемой объяснения мира, а различные мировые предметы выступают в качестве объяснительных схем телесности.

Далее тело начинает рассматриваться через модель (метафору) механизма и вообще замещается механистическими представлениями, чему способствует развитие механистической философии в XVII в. Метафора механизма становится господствующей в мировоззрении людей Нового времени. Тело начинает рассматриваться как состоящее из частей или деталей: идея разделения тела на составные элементы связана с предположением их одинаковости, схожести в процессе функционирования. «С этой точки зрения анатомическое деление напоминает метод, который самые лучшие философы называли анализом, то есть разрешением» [15, с. 249]. Вскрытие тела и процедура теоретического анализа отождествляются в практике медицинского обращения с телом: скальпель уподобляется мыслительному инструменту.

Метафоризация тела указывает на то, что оно выделилось теперь среди объектов мира и обна-

² Одно из первых свидетельств этого связано с именем Мондино де Луцци, который в составленной им «Анатомии» 1316 г. указал, что годом ранее произвел вскрытие двух женских тел [15, с. 235].

руживает в себе ряд «неясных» черт, которые требуют понимания и вписывания в новую упорядоченную мировоззренческую систему. Однако здесь важно то, что при их возникновении телесность не только объясняется через систему новых метафор, но и попадает под действие мифа. Замещение тела образами окружающих объектов, как отмечалось, не есть еще мифологизация: она начинает формироваться с момента выработки не просто нового образа, а с определения образа действий с этим предметом. Сами по себе метафоры механизма, строения, здания не являются мифами, но в момент их применения для разработки серии рецептурных действий с телом они начинают оформляться как элементы мифа. Миф тела не просто его образ, но и реальная рекомендация к практике обращения с ним в соответствии с метафорическим образом. В Новое время метафора тела-механизма перерастает в механистический миф, повествующий о том, как тело функционирует, из каких частей (деталей, схем, блоков) состоит и как с ним следует обращаться, чтобы «не сломать». Происходит собственно мифологизация тела, а именно — мифологизация болезни, которая начинает пониматься как поломка естественного строения и механизма тела. Нормальная работа телесного механизма связывалась с физическим движением, которое, как считалось, способствует очищению, стимулирует отдельные члены (части механизма), подтягивает ткани. Меркуриалис (1530–1606) — автор одной из первых теорий о гигиенической гимнастике («Искусство гимнастики») — писал о том, что специальные упражнения оберегают человеческое тело от болезней, которые могут возникнуть в силу накопления внутри механизма излишков [15, с. 209–210].

Со временем обнаруживается более сложная природа тела, которая требует иных объяснительных моделей; как следствие, в культуре возникают и новые представления о телесности. Так, в XIX в. происходит смещение акцентов в понимании тела: на смену механистическому образу приходит метафора водопроводного, гидравлического устройства, в XX в. — метафора автомобиля, а затем и компьютера [17]. Формирование этих метафор сопровождалось соответствующими мифологемами, например, в рамках оздоровительных практик обращения с телесностью. Понимание тела как машины приводит нас к тому, что необходимо, например, научиться управлять правильно полученной техникой. Тело-машина со-

здано для работы, которую оно выполняет, затрачивая энергию, и, как любая машина, тело изнашивается (амортизируется). В рамках такого понимания телесности начинают вырабатываться серии алгоритмов обращения с этой машиной, поддерживающие указанную образную систему.

Так, М. Фельденкрайз предлагает двигаться, не совершая лишних действий, двигаться легко, т.е. снизить объем впустую потраченной энергии. Не следует активизировать весь организм при выполнении конкретного действия, а только необходимую часть, также необходимо проводить анализ выполненной работы тела, например, оценивать напряжение мышц. Требуется стремиться к постоянной оптимизации движения, т.к. движение — это процесс, в котором выражается жизнь тела-машины, усовершенствование этого процесса должно привести к усовершенствованию самой жизни [18].

Подобное понимание «работы» организма нашло отражение в регулярных публикациях журнала «Свет. Человек и природа»³, предлагающих своим читателям самые разнообразные варианты оздоровления и «очищения организма»: от «заземления» до «сухого голодания» [2, с. 118]. Разного рода диеты, предлагающие исключение «вредных», включение «полезных» продуктов питания, процедуры «промывания» организма, удаления «шлаков», отказ от «пищевого мусора» и т.п., становятся логическим продолжением указанных метафоро-мифологических установок. [2, с. 122].

Помимо «технического» мифа тела в современной культуре можно обнаружить и другие. Например, «милитаристский миф» тела, построенный на основе военной метафоры, применяемой к лечению болезни; об этом писала С. Сонтаг в эссе «Болезнь как метафора» (1978), «СПИД и его метафоры» (1989). Она отметила, что милитаристские метафоры приводят к тому, что лечение начинает восприниматься как поле боя, на котором встречаются больной и его враг, болезнь. Процедуры, как удары по болезни, могут привести к «уничтожению», например, враждебных микробов или к «отказу» органов, выступающих в качестве союзников. В конечном итоге смерть становится поражением в войне [12, с. 84–86].

Сегодня очень сильна медицинско-спортивная составляющая культуры. Почти треть информации

³ «Свет: Человек и природа» — ежемесячный популярный журнал. Выходит с 1981 г., с 2008 г. выходит под названием «Природа и человек. XXI век».

онного потока новостей посвящена медицинским разработкам, лечению, диетологии, спорту, т.е. укреплению и исцелению тела [19, с. 7–15], поэтому большинство мифов тела находятся именно в этом дискурсивном поле. Даже метафоромифологический конструкт тела как объекта потребления, выделенный Ж. Бодрийяром в рамках теории потребления, также частично связан с медицинско-спортивной проблематикой. Тело должно приносить удовольствие, как любой товар, который мы потребляем, а для этого необходимо, чтобы оно удовлетворяло определенным критериям («молодости, элегантности, мужественности или женственности») [20, с. 167–168]. Для этого необходимо делать свое тело привлекательным для потребления, т.е. «бороться» со старостью, физическими недостатками и т.п.

Безусловно, метафоро-мифологическое «освоение» тела изменчиво. Исследование тела приводит к тому, что открываются все новые сферы неизведанного, в науке происходит понимание сложности устройства и функционирования тела. Следовательно, в ход вступает метафорическая объяснительная модель, вырастающая в различные мифы обращения с телом: миф здорового образа жизни, миф вечной молодости и т.п. Помимо этого открывается многомерное социальное и семантическое измерение тела, которое также требует к себе внимания и актуализирует совсем иные метафорические схемы. При этом сохраняется общая логика процесса «обнаружения» тела, рассмотренная в данной статье, именно: первоначально тело не выделяется среди других предметов, но выступает источником метафор, которые «накладываются» на другие объекты и служат их дальнейшей мифологизации; затем обнаруживается реальность самого тела (его ненормальные состояния), которая требует объяснения, и уже объекты мира начинают использоваться в качестве метафор самой телесности, ведущих к мифологизации телесности.

Проведенный анализ ставит вопрос: нельзя ли рассматривать инверсию метафоро-мифологических моделей освоения действительности в качестве базового механизма развития культуры вообще?

Список литературы

1. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента: Наука, 1999. 606 с.
2. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.

3. Ребеко Т.А. Субъектность и репрезентация тела // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч. 1. М.: Ин-т психологии РАН, 2012. С. 256–261. URL: http://www.ipras.ru/engine/documents/full_vol1_upd7.pdf (дата обращения: 24.03.2017).
4. Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование бога и различие между человеческой душой и телом // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1994. Т. 2. 633 с.
5. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Академ. проект, 2012. 331 с.
6. Гринько И.А. Модификации тела. Эстетика и символика. Соматические модификации в традиционных обществах. М.: LAP, 2010. 161 с.
7. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / под. ред. С.А. Токарева. М.: Советская энциклопедия, 1988. 719 с.
8. Дуглас М. Чистота и опасность. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 288 с.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
10. Аристотель. Поэтика // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
11. Лакофф Дж. Переносчик значений [интервью]. URL: http://primerussia.ru/interview_posts/540 (дата обращения: 24.03.2017).
12. Сонтаг С. Болезнь как метафора. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 176 с.
13. Мелетинский Е.М. Миф и двадцатый век // Избранные статьи. Воспоминания. М.: Рос. гос. ун-т, 1998. С. 412–425.
14. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. М.: ПРОГРЕСС, 1990. С. 33–44.
15. История тела: в 3 т. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения / под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 480 с.
16. Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века. М.: Текст, 2008. 189 с.
17. Bures F. On the Body as Machine. URL: <http://undark.org/article/mind-machine-medicine-militaristic-healthcare/> (дата обращения: 24.03.2017).
18. Фельденкрауз М. Сознание через движение: двенадцать практических уроков. М.: Ин-т общегуманит. исследований, 2001. 160 с.
19. Эпштейн М.Н., Тульчинский Г.Л. Философия тела. Тело свободы. СПб.: Алетейя, 2006. 432 с.
20. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика: Культурная революция, 2006. 269 с.

Получено 29.03.2017

References

1. Merleau-Ponty M. *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1999, 606 p. (In Russian).
2. Tkhostov A.Sh. *Psikhologiya telesnosti* [Psychology of Corporality]. Moscow, Smysl Publ., 2002, 287 p. (In Russian).
3. Rebeko T.A. *Subektnost' i reprezentatsiya tela* [Subjectivity and Body Representation]. *Razvitie psikhologii v sisteme kompleksnogo chelovekoznaniya. Ch. 1* [The Development of Psychology in the Comprehensive Knowledge of the Person. Pt. 1]. Moscow, IP RAS Publ., 2012. pp. 256–261. Available at: http://www.ipras.ru/engine/documents/full_vol1_upd7.pdf (accessed 24.03.2017). (In Russian).
4. Descartes R. *Razmyshleniya o pervoy filosofii, v koikh dokazyvaetsya suschestvovanie boga i razlichie mezhdru chelovecheskoy dushoy i telom* [Meditations on First Philosophy, in Which the Existence of God and the Immortality of the Soul are Demonstrated]. *Sochineniya: v 2 t.* [Collected works: in 2 vol.]. Moscow, Mysl Publ., 1994, vol. 2, 633 p. (In Russian).
5. Meletinskiy E.M. *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. Moscow, Akadem. Proekt Publ., 2012, 331 p. (In Russian).
6. Grinko I.A. *Modifikatsii tela. Estetika i simbolika. Somaticheskie modifikatsii v traditsionnykh obschestvakh* [Body Modifications. Aesthetics and Symbolism. Somatic Modifications in Traditional Societies]. Moscow, LAMBERT Academic Publ., 2010, 161 p. (In Russian).
7. *Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2 t. T. 2 / pod red. S.A. Tokareva* [Myths of the World Nations. Encyclopedia: in 2 vol. Vol. 2. Ed. by S.A. Tokarev]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ, 1988, 719 p. (In Russian).
8. Douglas M. *Chistota i opasnost'* [Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo]. Moscow, Kanon-press Publ., 2000, 288 p. (In Russian).
9. Lakoff G, Johnson M. *Metafor, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live by]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 256 p. (In Russian).
10. Aristotle. *Poetika* [Poetics]. *Sochineniya: v 4 t.* [Collected works: in 4 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, vol. 4, 830 p. (In Russian).
11. Lakoff G. *Perenoschik znacheniy: intervyyu* [Carrier of Meanings: an Interview]. Available at http://primerussia.ru/interview_posts/540 (accessed 24.03.2017). (In Russian).
12. Sontag S. *Bolezn' kak metafora* [Illness as Metaphor]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2016, 176 p. (In Russian).
13. Meletinskiy E.M. *Mif i dvadtsaty vek* [Myth and the Twentieth Century]. *Izbrannye stat'i. Vospominaniya* [Selected Articles. Memories]. Moscow, RSU Publ., 1998, pp. 412–425. (In Russian).
14. Cassirer E. *Sila metafor* [The Power of Metaphor]. *Teoriya metafor* [Theory of Metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 33–44. (In Russian).
15. *Istoriya tela: Ot Renessansa do epokhi Prosvetsheniya, T. 1 / pod red. A. Korben, Zh.-Zh. Kurtin, Zh. Vigarello* [A History of Beauty: The Body and the Art of Embellishment from the Renaissance to Nowadays, Vol. 1. Ed. by A. Corbin, J.-J. Courtine, G. Vigarello]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, 480 p. (In Russian).
16. Le Goff J., Truong N. *Istoriya tela v srednie veka* [A History of the Body in the Middle Ages]. Moscow, Tekst Publ., 2008, 189 p. (In Russian).
17. Bures F. On the Body as Machine. Available at: <http://undark.org/article/mind-machine-medicine-militaristic-healthcare/> (accessed 24.03.2017). (In English).
18. Feldenkrais M. *Soznavanie cherez dvizhenie: dvenadtsat' prakticheskikh urokov* [Awareness Through Movement: Health Exercises for Personal Growth]. Moscow, Inst. obshchegumanit. issledovaniy Publ., 2001, 160 p. (In Russian).
19. Epshteyn M.H., Tulchinskiy G.L. *Filosofiya tela. Telo svobody* [Philosophy of the Body. The Body of Freedom]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2006, 432 p. (In Russian).
20. Baudrillard J. *Obschestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Moscow, Respublika Publ., 2006, 269 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 29.03.2017

Об авторах

Верещагина Наталья Викторовна

аспирант кафедры «Философия и право»

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: natalia-vereschagina@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3592-2833

Комаров Сергей Владимирович

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры «Менеджмент и маркетинг»

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: komarov@rnc.edu.ru
ORCID: 0000-0001-7358-6151

About the authors

Vereshchagina Natalia Viktorovna

Ph.D. Student of the Department
of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: natalia-vereschagina@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3592-2833

Komarov Sergey Vladimirovich

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department
of Management and Marketing

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: : komarov@rnc.edu.ru
ORCID: 0000-0001-7358-6151

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Верещагина Н.В., Комаров С.В. Мир и тело: инверсия метафоро-мифологической схемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 206–215.

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-206-215

Please cite this article in English as:

Vereshchagina N.V., Komarov S.V. The world and body: inversion of the metaphor / myth frame // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 206–215.

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-206-215

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.937.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-216-224

**МЕТОДИКА ПРЕДЕЛЬНЫХ СМЫСЛОВ:
СТРАТЕГИИ АНАЛИЗА ПРОМЕЖУТОЧНЫХ КАТЕГОРИЙ***Познина Наталия Анатольевна, Хайбулина Эльвира Ильясовна**Южный федеральный университет*

В данной статье изложены результаты исследования, направленного на поиск алгоритма обработки данных, получаемых с помощью методики предельных смыслов (МПС). На основе анализа деревьев ответов 279 человек разных возрастов и разной конфессиональной принадлежности был сделан вывод, что существует ограниченный набор ответов на вопросы МПС и некоторая шаблонность их формулировок, что позволяет осуществить процедуру группировки. Результатом стало выделение нескольких глобальных групп ответов, отражающих наиболее значимые для современного человека сферы жизнедеятельности. Примером таковых могут быть сферы познания, жизни, развития, общения, развлечения, комфорта, эмоций, счастья, проблем, деятельности, оказания помощи людям и др. Каждая из категорий занимает важное место в картине мира человека, что, однако, не означает их равноценности. Это подчеркивается разной позицией в общей системе ответов, анализ которой позволяет частично объективизировать систему представлений, ее компоненты и их взаимосвязи. Результаты настоящего исследования позволяют углубить интерпретацию данных методики, анализируя не только содержательный, но и структурный аспекты картины мира.

Ключевые слова: методика предельных смыслов, образ мира, категории, система представлений.

**THE METHOD OF LIMITING MEANINGS:
STRATEGIES FOR ANALYZING INTERMEDIATE CATEGORIES***Natalia A. Poznina, Elvira I. Khaibulina**South Federal University*

The article presents the results of the research aimed at finding a data processing algorithm obtained by the method of limiting meanings. Based on the analysis of responses of 279 people of different ages and religious affiliation, it has been concluded that there is a limited set of answers to questions and some patterns of language, which allows for the grouping procedure. As a result, a number of global groups of answers reflecting the spheres of life most important for a modern human have been distinguished. Examples of these could be the spheres of cognition, life, development, communication, entertainment, comfort, emotions, happiness, problems, activities, helping people, and others. Each of these categories has an important place in a person's worldview, which, however, does not imply their equivalence. This is emphasized by the different positions in the overall response system, the analysis of which allows for partial objectification of the system of representations, its components and their interactions. The study results allow researchers to deepen the interpretation of the data obtained with the use of the method under study, analyzing not only the content but also the structural aspect of the worldview.

Keywords: the method of limiting meanings, worldview, categories, system of representations.

Познание является одним из универсальных психических процессов, который не только позволяет человеку выжить, но и обеспечивает его развитие.

Существует множество моделей разных сторон познавательной деятельности, одной из которых является модель образа мира. Впервые в науке это

понятие было рассмотрено А.Н. Леонтьевым, предлагавшим понимать под образом мира «сложное многоуровневое образование, обладающее системой значений и полем смысла» [1, с. 55]. С.Д. Смирнов определяет образ мира как «систему экспектаций, подтверждающую объект-гипотезы, на основе которых идут структурирование и предметная идентификация отдельных чувственных впечатлений» [2, с. 17]. Е.Ю. Артемьева рассматривает образ мира как «интегратор» следов взаимодействия человека с объективной действительностью [3]. Г.А. Берулава, в свою очередь, утверждает, что образ мира есть когнитивная гипотеза, сопоставляемая с объективной реальностью и генерируемая всеми психическими процессами, являясь в этом смысле их интегральной характеристикой [4].

На основе этих работ, если описывать общий принцип работы над образом мира, можно заключить, что в нем содержится весь усвоенный жизненный образ субъекта. Результаты освоения культурных паттернов и приобретенный личностный опыт хранятся здесь в форме амодальных структур, объединенных в единую смысловую систему, которая позволяет выдвигать гипотезы в отношении событий мира, тем самым обеспечивая всегда наличный фонд знаний, не позволяющий застать человека врасплох и обеспечивающий ему максимально быстрое, гибкое реагирование на наличную ситуацию. В силу того что смысловая система образа мира работает, как правило, в «автоматическом» режиме, не требует осознанного контроля со стороны субъекта, а система экспектаций основывается на наличных знаниях и предстает в форме смыслов, содержание этой структуры недоступно для прямой его рефлексии, если только субъект не занимается специальным его анализом. Хотя этот факт усложняет проведение качественных исследований, содержания образа мира все же доступны для анализа через систему представлений, понимаемой здесь как один из компонентов неоднородного по своей структуре образа мира. Представления в преломлении данной модели могут пониматься как промежуточное звено (буфер), между модальными образами, получаемыми от сенсорных систем, и амодальными структурами-смыслами образа мира, выполняя между ними роль проводника [3].

Такой подход к вопросу о содержании и структуре образа мира предопределяет и эмпирический подход к данному явлению: образ мира

как семантический инвариант, интегрирующий следы взаимодействия человека с миром, может быть изучен через анализ смыслов или системы представлений. Для анализа их специфики создано немало методов, среди которых особое место занимает проективная методика предельных смыслов (далее — МПС).

Методика была предложена Д.А. Леонтьевым для анализа динамических смысловых систем. Она основана на идее о том, что образ мира объемлен, и в нем выделяются именно те элементы, которые представляются лично наиболее значимыми. Методика представляет собой структурированную серию вопросов и ответов, где каждый новый вопрос исходит из последнего названного ответа. Методика не имеет заранее заготовленного бланка и проводится в форме диалога, индивидуально с каждым участником исследования. Серия ответов записывается на листе и выстраивается в дерево ответов, которое затем подвергается анализу. При изучении индивидуальных динамических смысловых систем выделяют четыре аспекта: структурный, содержательный, ценностный, функциональный [5].

Преимуществом методики является возможность анализа феноменологического пласта картины мира фактически в том виде, в котором она представлена в сознании, поскольку вопросы не структурируют психический материал, изначально не подчиняя его гипотезе, но в ходе проведения исследования его реконструируют. Фактический материал при этом благодаря своей вербальной форме сохраняет структурные характеристики и позволяет восстановить ход рассуждений. Благодаря тому, что из процедуры проведения методики, вопросов и инструкции не так просто вычленишь конечную цель проведения исследования, испытуемому сложно заранее спланировать или изменить ответы, что частично решает проблему социальной желательности. Таким образом, методика, будучи проективной, дает широкий спектр возможностей в решении многих исследовательских задач, включая изучение образа мира, системы представлений, ценностей, смыслов, мотивов.

Изначально наше исследование было направлено на изучение особенностей образа мира у людей с внутренней религиозной ориентацией [6], однако в ходе анализа данных исследования, полученных с помощью МПС, выяснилось, что существует возможность получения дополнительных результатов. Было отмечено, что при прохождении мето-

дики люди разных конфессий и возрастов склонны давать схожие по содержанию ответы. Этот факт дал основание предполагать, что в содержании получаемых ответов МПС и их расположении в общей последовательности или дереве, вне зависимости от исследуемой группы, существует некоторая система. В соответствии с этим были выдвинуты следующие предположения:

1. Несмотря на проективный характер методики, существует ограниченный набор ответов на вопросы МПС и некоторая шаблонность их формулировки.

2. Ответы, полученные с помощью МПС, могут быть сгруппированы посредством индуктивного контент-анализа.

3. Группы ответов взаимосвязаны и имеют разную степень автономности.

4. Смысловая нагрузка каждого элемента картины мира варьируется в зависимости от его положения в общей системе ответов.

Дальнейшая проверка этих предположений позволила прийти к выводам, представленным ниже.

Характеристика выборки. С целью проверки выдвинутых гипотез мы проанализировали последовательности ответов 279 испытуемых, принадлежащих разным возрастным, социальным и религиозным группам. Возраст испытуемых варьировался от 16 до 52 лет. 29 человек — школьники, учащиеся старших классов, 56 — нерелигиозные, лица возрастом от 27 до 45, не причисляющие себя ни к каким религиозным группам, течениям, не проявляющие заинтересованность по отношению к любым формам верований, 21 человек — люди, относящие себя к православным, но обладающие так называемым внешним типом религиозной ориентации, 19 человек — православные христиане с внутренней религиозной ориентацией, 7 — лица, причисляющие себя к течению адвентистов, но обладающие внешней религиозной ориентацией, а также 8 человек адвентистов с внутренней религиозной ориентацией. В исследовании также принимали участие и отвечали на вопросы МПС: баптисты — 5 среди них обладают внешней религиозной ориентацией, 7 — внутренней; мусульмане, из которых 10 — с внешней, 5 — с внутренней ориентацией. Представителей различных течений буддизма (в основном представители школы Карма Кагью) в целом было 47 человек. Из них 8 — с внешней религиозной ориентацией. В выборке также были представители общества сознания Кришны, в основном обладающие внутренней ре-

лигиозной ориентацией (27 человек), лишь у двух из них была внешняя религиозная ориентация. И, наконец, в исследовании были учтены результаты группы из 36 человек, которые условно были названы людьми с новой религиозностью, основной чертой которых является то, что систему их верований сложно причислить к какой-либо из существующих религиозных систем. Как правило, верования их эклектичны, собраны из различных учений или основаны на элементах эзотерических учений различного толка [7].

Результаты исследования. Процедура анализа промежуточных категорий имела следующую последовательность. Сперва все категории были запротоколированы и внесены в таблицу. Записывались все уникальные ответы. Даже схожие по содержанию ответы отмечались как разные. Объединение их произошло только на следующем этапе. В общей сложности количество вариантов ответов для 279 человек составляет 1026 категорий при общем числе ответов 4523. Из них 425 являются уникальными, т.е. встречаются только один раз, что составляет 41,8 % от общего числа категорий. В то же время от общего числа ответов это составляет всего 9,4 %. Таким образом, большая часть ответов — повторяющиеся, что говорит о том, что при прохождении МПС все же люди склонны давать в некотором роде шаблонные, повторяющиеся ответы. Частота встречаемости одинаковых ответов отображена в табл. 1.

Ответы, которые встречаются чаще всего, связаны с базовыми для человека категориями — развития, счастья, комфорта, жизни и ее продления, помощи людям, удовольствия и вопроса выбора правильной стратегии поведения, деятельности. Также немалую часть ответов занимают категории познания. Однако данный эффект может быть связан с первым вопросом методики: «зачем люди читают книги», что подталкивает человека отвечать в терминах познания.

Для наглядности соотношение частоты встречаемости и числа категорий приведено на рисунке. Здесь видно, что популярные ответы (встречаемые от 39 до 110 раз) занимают 16,3 % от общего числа ответов, тогда как число уникальных, встречающихся единственный раз, составляет 425 или 9,4 %. Отсюда следует, что число популярных, повторяющихся часто ответов почти в два раза превышает число встречающихся единожды.

Таблица 1. Частота встречаемости одинаковых ответов

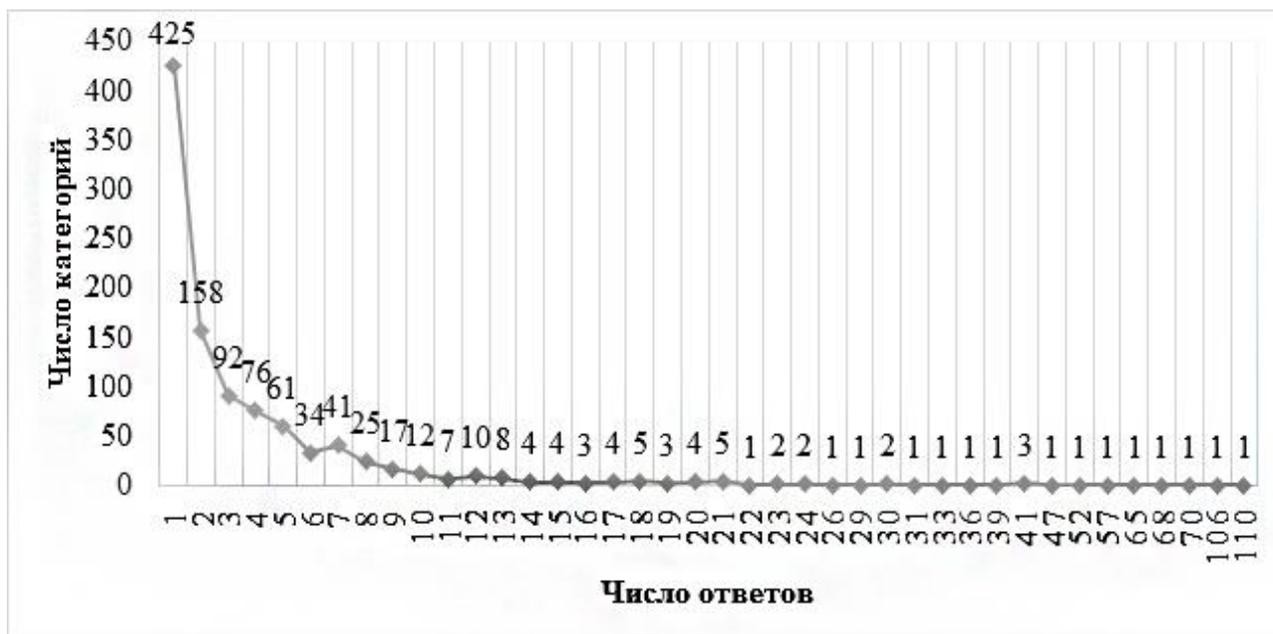
Категории	Частота встречаемости	Категории	Частота встречаемости
158 категорий	Встречаются дважды	Расширять кругозор	30
92 категории	Встречаются трижды	Познавать мир	31
137 категорий	4–5 раз	Продлевать жизнь	33
75 категорий	6–7 раз	Больше знать	36
42 категории	8–9 раз	Удовлетворять интерес	39
37 категорий	10–13 раз	Образование	41
8 категорий	14–15 раз	Узнавать новое	47
7 категорий	16–17 раз	Стать более счастливым	52
17 категорий	18–21 раз	Быть счастливым	57
Заниматься делами	22	Развиваться	65
Опыт	23	Не стоять на месте	68
Удовольствие	24	Познавать	70
Помогать людям	26	Облегчить общение	106
Жить легче	29	Хорошо выполнять работу	110

Это может означать, что при прохождении МПС испытуемые, несмотря на разнообразие возрастов, профессий, религиозных ориентаций, склонны давать повторяющиеся ответы. Вряд ли это может означать одинаковый стиль мышления, но может указывать на наличие некоторых языковых и культурных шаблонов, задающих специфику последовательности ответов. Повторение в разной мере тех или иных языковых конструкций говорит о том, что с культурной, социальной, общечеловеческой позиции явлений, представляющих истинную ценность для человека, не так уж и много. Человек, будучи представителем своей культуры и социального слоя, усваивает сочетания слов, фразы как важные, эмоционально заряженные и в дальнейшем, используя эти фразы, наполняет их собственным личностным смыслом. Исходя из данных, полученных с помощью МПС, психолог видит эти «верхушки айсберга», представляющие собой лишь маркеры, разграничительные линии в системе представлений субъекта. Однако само содержание носит смысловой характер и не может быть переведено в слова или образы, поэтому требует особого подхода. Но, несмотря на эти ограничения, благодаря проведению МПС, можно увидеть области, которые, осознанно или нет, субъект считает для себя важными. К схожему выводу при проведении исследования с использованием МПС пришел В.Ю. Котляков, выделивший 8 групп категорий, на основе которых предложил исследовать жизненные смыслы путем их ранжирования [8]. Интересным представляется то, что данные, полученные им при группировке дедуктивными путем, и данные, полученные нами

индуктивным путем, схожи, что указывает на воспроизводимость феномена.

Для того чтобы иметь возможность более полной оценки, было принято решение произвести группировку полученных ответов. Для этого категории были частично сокращены (до 773 штук) и сгруппированы путем индуктивного контент-анализа. Результаты группировки представлены в табл. 2. В силу того что в разные группы вошло разное количество категорий, было предложено выдвинуть показатель «наполненность», отражающий вариативность ответов. Также важным показателем является число, отображающее, какой процент от общего числа ответов во всей выборке занимает данная категория, обозначенный в табл. 2 как %. В каждую группу при этом входят не только единичные и редко встречающиеся высказывания, но и категории, часто встречающиеся у представителей разных групп.

Данные, полученные в ходе контент-анализа, направленного на группировку всех полученных вариантов ответов, видятся вполне закономерными. Так, наиболее часто встречающиеся ответы связаны с проблемой познания, что может быть объяснено тем, что первый вопрос методики звучал так: «зачем люди читают книги», что провоцирует соответствующие ответы. Хотя Д.А. Леонтьев указывал, что первый вопрос не имеет существенного значения и не оказывает влияния на последующее содержание, но первая линия ответов в данном случае всегда будет связана с познанием. Однако это не ущемляет значимость категории познания, о чем будет сказано ниже.

Соотношение частоты встречаемости

Таблица 2. Результаты группировки вариантов ответов МПС, их выраженность и наполненность (Н)

Название группы	Н	%	Название группы	Н	%
Познание	55	13.56	Самореализация	7	1.46
Жить	37	7.18	Смысл	9	1.35
Развитие	56	6.41	Спокойствие	5	1.27
Общение	38	5.33	Движение	7	1.22
Развлечения	19	4.68	Здоровье	6	1.21
Комфорт	23	4.28	Природа и потребности	11	1.19
Эмоции	19	3.98	Работа	15	1.15
Счастье	11	3.94	Опыт	7	1.09
Проблемы	19	3.63	Близкие	8	0.95
Деятельность	38	3.61	Возможности и будущее	23	0.92
Помощь людям	42	3.53	Правильные действия	10	0.87
Отношения с Богом	55	3.11	Гармония	11	0.83
Образование	15	2.59	Смерть	11	0.66
Статус	29	2.54	Осознанность	5	0.56
Без страданий и войн	17	2.5	Свобода	17	0.52
Цель	25	2.27	Решения	8	0.49
Самоидентичность	17	2.24	Власть	13	0.45
Религиозная деятельность	15	2.06	Добро и зло	6	0.42
Любовь к себе	23	2.03	Совесь	3	0.36
Деньги	11	1.64	Просветление	4	0.26
Дети	19	1.51	Самоконтроль	4	0.16

В группу, названную «жить», вошли все ответы, включающие в себя описание желаемого качества жизни. Группы «развитие» и «общение» кажутся универсальными категориями, без которых не могла бы быть выстроена смысловая система. Группа ответов «развлечения», вероятно, тоже в большей мере связана со спецификой пер-

вого вопроса. Группы «отношения с Богом», «религиозная деятельность», «просветление» чаще встречаются у людей с внутренней религиозной ориентацией, чем и обусловлено их появление в анализе. Группа ответов «счастье» кажется универсальной для всех людей в общей выборке, но чаще других она встречается среди представите-

лей буддизма, участников сообщества сознания Кришны, людей с новой религиозностью; поэтому создается впечатление, что среди представителей этих религиозных течений в понятие счастья вкладывается некий особый смысл.

В ходе анализа было также отмечено, что выделенные группы часто пересекаются, имеют ответы, которые можно отнести к нескольким группам сразу, например: «осознанно развиваться», «иметь правильные цели» и т.д. Для того чтобы обозначить эту специфику граничных ответов, мы провели анализ такого рода неоднозначных категорий. Для этого смысл граничной категории раскладывался на несколько частей, где первая — главенствующая обозначалась как начало связи или исходящая связь, а вторая — добавочная — ее конец, по принципу подлежащее–сказуемое–дополнение. Например, категория «иметь возможность помочь» будет граничной, где «иметь возможность» — это главная часть, «помочь» — дополнительная. Анализ соотношения этих показателей дал возможность вычислить автоном-

ность каждой группы — чем больше входящих и меньше исходящих, тем более автономной будем считать каждую группу и тем больший вес в системе среди других групп она будет иметь. Такое предположение связано с теоретической предпосылкой о том, что смысловая сеть — это система со своими связями и законами функционирования. Благодаря этой процедуре можно вычислить, что является для людей наиболее ценным, центральным, а что — второстепенным. В то же время, благодаря выявлению общих закономерностей, становится возможен более детальный анализ частных случаев. Результаты вычисления меры автономности каждой группы представлены в табл. 3.

Можно отметить, что высокий показатель автономности получили многие группы категорий из тех, что имеют большую частоту встречаемости — группы «познание», «жить», «общение», «развлечения», что отражает их значимость для многих людей.

Таблица 3. Взаимозависимость категорий друг от друга: число исходящих и входящих связей

Категория	Положение	Входящие (X)	Исходящие (Y)	Соотношение (X + 1)/Y	Категория	Положение	Входящие (X)	Исходящие (Y)	Соотношение (X+1)/Y
Познание	.152	16	5	3.4	Свобода	.204	3	4	1
Жить	.291	22	7	3.29	Статус	.205	3	4	1
Общение	.195	12	4	3.25	Выбор	.12	1	2	1
Самореализация	.201	4	2	2.5	Контроль		1	2	1
Развлечения		4	2	2.5	Гармония	.292	4	6	.83
Проблемы	.214	7	4	2	Правильно	.193	4	6	.83
Возможности и будущее	.152	5	3	2	Опыт	.168	2	4	.75
Нет страданий и войн	.292	5	3	2	Двигаться	.191	2	4	.75
Осознанность	.180	5	3	2	Религиозная деятельность	.235	2	4	.75
Смысл	.198	3	2	2	Власть	.093	2	5	.6
Деятельность	.217	12	7	1.86	Спокойствие	.212	2	5	.6
Эмоции	.242	13	8	1.75	Работа	.153	3	7	.57
Деньги	.177	6	4	1.75	Просветление	.047	1	4	.5
Друзья	.246	4	3	1.67	Добро и зло	.167	0	2	.5
Счастье	.273	4	3	1.67	Совесь	.162	0	2	.5
Комфорт	.248	4	3	1.67	Любовь к себе	.218	2	7	.43
Польза	.254	11	8	1.5	Отношения с Богом	.293	4	12	.42
Развитие	.202	7	6	1.33	Образование	.083	1	6	.33
Смерть	.166	5	5	1.2	Здоровье	.248	0	3	.33
Цель	.229	6	6	1.17	Дети	.217	2	10	.3
Самоидентичность	.204	4	5	1	Природа и потребности	.296	0	6	.17

Наиболее важный из выводов заключается в том, что образ мира и система представлений как его отражение — это единая функционирующая система, не имеющая четких границ, но, тем не менее, не диффузная, а структурированная и наполненная своей собственной динамикой. Для того чтобы эти связи возможно было представлять более наглядно, в дальнейшем планируется создание программы, которая позволит после анализа промежуточных ответов испытуемого осуществлять проверку того, каких категорий нет, а какие есть, а также высвечивать, по каким связям вероятно дальнейшая активизация смысловой системы. Последняя задача делает актуальным следующий вопрос: существует ли общий ряд закономерностей, по которым разворачивается смысловая система человека в процессе развития, или это непредсказуемый, всегда строго индивидуальный вариант становления индивидуальной картины мира?

Дальнейший анализ был посвящен изучению положения каждой категории из группы ответов относительно общей структуры индивидуального дерева ответов. Для того чтобы выявить данный показатель, каждому ответу в цепи ответов МПС присваивался порядковый номер. Если ответ участвовал в качестве элемента нескольких цепей, ведущих к предельному, то его положение вычислялось как среднее между полученными порядковыми номерами. Для каждого ответа полученное усредненное значение порядкового номера вносилось в общую таблицу. В итоге для каждой группы ответов был получен перечень чисел, отражающий положение категории в системе ответов. В силу того что общее число категорий в каждом дереве ответов разное, порядковый номер, полученный при обработке сырых значений, относителен только индивидуальному случаю. Для дальнейшей работы использовались относительные значения, полученные по формуле подсчета положения категории в цепи ответов: $P_o = P_a/S$, где P_o — относительное значение положения категории в цепи ответов, P_a — абсолютное значение положения категории в цепи ответов, полученное в ходе обработки сырых данных, S — всего ответов, полученных при прохождении МПС участником исследования.

Полученные средние значения показывают, что есть разница в положении категорий по группам. Так, наиболее высокую позицию в списке занимают категории «природа и потребности»,

«отношения с Богом», «без страданий и войн», «гармония», «жить», «счастье». Именно эти категории были выявлены как наиболее «высокие» по статусу. Во многом это связано с тем, что именно эти категории, как правило, являются в дереве ответов предельными или предшествуют им. Следует отметить, что часто встречающиеся категории «развлечение» и «познание» не занимают положения, близкого к предельным, имеют не слишком высокие баллы статуса, что совпадает с предположением, что их появление во многом обусловлено содержанием первого вопроса. Это также показывает, как сам вопрос искажает отображение содержания образа мира, преломляя его сквозь призму системы представлений, занятой решением задачи.

Таким образом, предложенная последовательность действий в анализе результатов МПС позволяет (при изучении индивидуальных и групповых результатов) видеть, какие группы ответов задействуются в большей степени, а какие — в меньшей, а также оценивать, какие из них вообще выпадают, а какие связи при этом не задействуются. Также можно изучать и сравнивать место тех или иных групп ответов в общей системе, т.к. они могут различаться в зависимости от специфики изучаемых групп субъектов. Аналогичные показатели можно использовать при анализе индивидуальных результатов, определить, какие темы являются актуализированными, какие нет, а какие могут быть потенциально развернуты. Также можно сравнивать индивидуальные результаты с групповыми на предмет отклонения от общей статистической картины.

Таким образом, новый подход в интерпретации методики предельных смыслов не только открывает новые психометрические возможности в исследовании образа мира, но и позволяет изучить новые феномены, связанные со структурой образа мира, спецификой его содержания, связанной с культурными и общечеловеческими возможностями, и прежде всего тот факт, что образ мира — это система со смыслами, которые, не имея вербальной формы, не имеют четких границ, но, тем не менее, строго организованы и активизируются в зависимости от жизненного контекста и задач, решаемых субъектом, что подтверждается рядом исследований.

Дальнейшее изучение вопроса предполагает более глубокий математический анализ полученных данных, применение факторного анализа для

проверки эмпирических связей между категориями, проверку разницы в положениях ответов каждой группы в общей картине построения дерева ответов МПС. Также важным представляется более детальный анализ происхождения и значения каждой из категорий, т.к. они отражают наиболее ценные сферы жизнедеятельности человека. Наряду с этим предстоит внимательно изучить результаты каждой исследуемой группы в целях выявления, помимо общих закономерностей, описанных в этой статье, специфики, присущую этим группам.

Список литературы

1. Обухов А.С. Исторически обусловленные модификации образа мира // Развитие личности. 2003. № 4. С. 51–68.
2. Смирнов С.Д. Мир образов и образ мира // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1981. № 2. С. 15–29.
3. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука: Смысл, 1999. 320 с.
4. Берулава Г.А., Берулава М.М., Боташева З.С., Непша О.В., Сагилян Э.М., Славская Н.В. Роль стереотипов психической активности в развитии личности: коллект. монография / под общ. ред. Г.А. Берулава. М.: Гуманитарная наука, 2010. 157 с.
5. Леонтьев Д.А. Методика предельных смыслов (МПС). М.: Смысл, 1999. 36 с.
6. Хайбулина Э.И. К вопросу о поиске психологического определения религиозности // Свеча – 2013: религия, religio и религиозность в региональном и глобальном измерении: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Владимир, 2013. Т. 23. С. 247–253.
7. Рыжов Ю.В. *Ignoto Deo: Novaya religioznost' v kul'ture i iskusstve* [New Religiosity in Culture and Art]. Moscow, Smysl Publ., 2006. 328 с. (In Russian).
8. Котляков В.Ю. Методика исследования системы жизненных смыслов // Сибирская психология сегодня: сб. науч. трудов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. Вып. 2. С. 18–21.
2. Smirnov S.D. *Mir obrazov i obraz mira* [The World of Images and the Image of the World]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [The Moscow University Herald. Series 14. Psychology]. 1981, no. 2, pp. 15–29. (In Russian).
3. Artemeva E.Yu. *Osnovy psikhologii subektivnoy semantiki* [The Fundamentals of Subjective Semantics Psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 320 p. (In Russian).
4. Berulava G.A., Berulava M.M., Botasheva Z.S., Nepsha O.V., Sagilyan E.M., Splavskaya N.V. *Rol' stereotipov psikhicheskoy aktivnosti v razvitiy lichnosti: kollekt. monografiya / pod obshch. red. G.A. Berulava* [The Role of Mental Activity Stereotypes in the Development of Personality: collective monograph. Ed. by G.A. Berulava]. Moscow, Gumanitarnaya nauka Publ., 2010, 157 p. (In Russian).
5. Leontev D.A. *Metodika predel'nykh smyslov* [Methodology of Limiting Meanings]. Moscow, Smysl Publ, 1999, 36 p. (In Russian).
6. Khaybulina E.I. *K voprosu o poiske psikhologicheskogo opredeleniya religioznosti* [To a Question on how to Find the Psychological Definition of Religiosity]. *Svecha 2013. Religiya, religio i religioznost' v regional'nom i global'nom izmerenii* [Candle 2013. Religion, Religio and Religiosity in the Regional and Global Dimensions]. Vladimir, 2013, vol. 23, pp. 247–253. (In Russian).
7. Ryzhov Yu.V. *Ignoto Deo: Novaya religioznost' v kul'ture i iskusstve* [New Religiosity in Culture and Art]. Moscow, Smysl Publ., 2006, 328 p. (In Russian).
8. Kotlyakov V.Yu. *Metodika issledovaniya sistemy zhiznennykh smyslov* [The Method of Studying the Vital Meanings System]. *Sibirskaya psikhologiya segodnya. Sb. nauch. trudov* [Siberian Psychology Today. Collection of Scientific Works]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2003, iss. 2, pp. 18–21. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 12.12.2016

Получено 12.12.2016

References

1. Obukhov A.S. *Istoricheski obuslovlennye modifikatsii obraza mira* [Historically Determined Modifications of the Worldview]. *Razvitie lichnosti* [Development of Personality]. 2003, no. 4, pp. 51–68. (In Russian).

Об авторах

Познина Наталия Анатольевна

кандидат психологических наук, доцент,
заместитель директора

Южный федеральный университет,
Институт компьютерных технологий
и информационной безопасности,
347922, Ростовская область, Таганрог, ул. Чехова, 2;
e-mail: pozniina@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-6825-4371

Хайбулина Эльвира Ильясовна

аспирант кафедры психологии и безопасности
жизнедеятельности

Южный федеральный университет,
Институт компьютерных технологий
и информационной безопасности,
347922, Ростовская область, Таганрог, ул. Чехова, 2;
e-mail: msgosh12@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4254-0470

About the authors

Poznina Natalia Anatol'evna

Ph.D. in Psychology, Docent, Deputy Head

Southern Federal University, Institute of Computer
Technologies and Information Safety,
2, Chekhov str., Taganrog, Rostov region,
347922, Russia;
e-mail: pozniina@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-6825-4371

Khaibulina Elvira Il'yasovna

Ph.D. Student of the Department
of Psychology and Life Safety

Southern Federal University, Institute of Computer
Technologies and Information Safety,
2, Chekhov str., Taganrog, Rostov region,
347922, Russia;
e-mail: msgosh12@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4254-0470

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Познина Н.А., Хайбулина Э.И. Методика предельных смыслов: стратегии анализа промежуточных категорий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 216–224.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-216-224

Please cite this article in English as:

Poznina N.A., Khaibulina E.I. The method of limiting meanings: strategies for analyzing intermediate categories // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 216–224.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-216-224

УДК 159.629.114.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-225-239

ОЦЕНКА ЧУВСТВА ОПАСНОСТИ У ВОДИТЕЛЕЙ С ПОМОЩЬЮ МОДЕЛЬНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Лобанова Юлия Игоревна, Глушко Кирилл Владимирович

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Проблема дорожной аварийности с развитием транспортной структуры стала актуальной. В западных странах, ориентированных на анализ вождения как дорожного поведения, уровень аварийности ниже, чем в России, при традиционном рассмотрении вождения как деятельности человека-оператора. Показано на примере, что при отсутствии жестких предписаний относительно действий в конкретной дорожно-транспортной ситуации водитель вынужден опираться на субъективные предпочтения, предопределяемые его личностными особенностями. В эту категорию попадают перестроения в процессе движения, что связывается с «опасным вождением». Определенный вклад в профилактику аварийности на Западе вносят программы, направленные на развитие чувства опасности. В статье описан эксперимент, целью которого была оценка уровня развития чувства опасности у водителя. В рамках эксперимента испытуемые проезжают на самокате через ворота с меняющимися расстояниями. В стойках ворот также располагаются испытуемые. Зафиксированы особенности выполнения предписанного упражнения группами с разными социально-психологическими характеристиками. Соотнесены особенности поведения испытуемых в обычной жизни, а также характеристики их стиля вождения и случаев аварийности с уровнем развития чувства опасности, оцениваемым с помощью выведенных в ходе эксперимента критериев, чем обосновывается валидность сконструированной методики. К критериям оценки чувства опасности отнесены: минимальное расстояние между стойками, средняя скорость движения, максимальное ускорение, динамический коридор транспортного средства, тип торможения и момент его применения, эмоции водителей и эмоции лиц, стоящих в стойке. Приведены критерии оценки чувства опасности для группы старше 18 лет.

Ключевые слова: дорожно-транспортный травматизм, вождение, аварийность, опасное вождение, чувство опасности, модельный эксперимент, стиль вождения, критерии оценки.

EVALUATION OF DRIVERS' SENSE OF DANGER BY MEANS OF A MODEL EXPERIMENT

Yulia I. Lobanova, Kirill V. Glushko

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

The problem of accidents and safety has acquired a great significance with the development of industry and transport infrastructure. In Western countries focused on analysis of driving as a road behavior, the road accident rate is considerably lower than in Russia, where driving is regarded as an activity of a human-operator. There are examples of road traffic situations when in the absence of rigid prescriptions for action the driver is forced to rely on subjective preferences, which are determined by his/her personal characteristics.

In the West, some contribution to the prevention of accidents is made by programs aimed at developing a sense of danger (which should be included in the structure of the driver's accidental skills). The paper gives a description of an experiment whose goal was to study the level of drivers' sense of danger. In the course of the experiment, the subjects rode a scooter through the gate with varying distances between the gateposts. Other subjects were located inside the gateposts. The examination and analysis of the video material helped to identify a number of criteria by which one can qualify the level of the sense of danger development. This experiment was conducted in the form of a riding test, with extrapolation of its results to the situation of driving.

Certain features of performing this exercise were documented in groups with different socio-psychological characteristics. We assessed the relations between the behavior of the particular subjects in everyday life, as well as characteristics of their riding/driving style and the accident rate and the level of the sense of danger development, which was assessed using criteria derived in the course of the experiment, which substantiates the validity of the methodology designed. The criteria for assessing the sense of danger are: minimum distance between the posts, average speed, maximum acceleration, dynamic corridor of the vehicle, the type of deceleration and the time of its application, emotions of the riders and persons standing in the gateposts. The criteria for evaluating the sense of danger for the group older than 18 years are given.

Keywords: road traffic injuries, driving, accident, dangerous driving, sense of danger, model experiment, driving style, evaluation criteria.

Введение

Проблема обеспечения безопасности деятельности человека во все времена была актуальной. С развитием промышленности и транспортной инфраструктуры возникли проблемы производственных, а затем и дорожно-транспортной аварийности и травматизма. При этом определенная часть производственных травм приходится на «личностный фактор», т.е. связана с поведением самого человека.

Исследуя производственный травматизм, К. Марбе [1] обратил внимание на то, что травмируются далеко не все рабочие, а только часть их, при этом они имели тенденцию к повторяемости травм. К. Марбе счел повторяемость травматизма у этой части рабочих основанием для отнесения их к категории «унфеллеров» — людей, фатально обреченных на несчастные случаи на производстве [1]. Теория К. Марбе одна из самых известных в психологии безопасности, но ее всегда критиковали за идею подверженности несчастному случаю независимо от вида деятельности и за мысль о фатальности этой самой подверженности. В действительности же нельзя игнорировать роль личностного фактора (прежде всего личностных особенностей), например в предопределении характеристик стиля вождения водителя [2, 3] и, как следствия, уровня его аварийности, с другой в современной науке находятся возможности для снижения негативного влияния самых разных факторов.

Участие в дорожном движении является одним из особых направлений жизнедеятельности человека, где риск травматизма довольно высок. Однако проблемы дорожно-транспортного травматизма во многих странах с высоким уровнем автомобилизации успешно преодолены, в том числе за счет подхода к вождению как к поведению и учета «личностного» фактора [4–9], в том время как в России на данный момент времени проблемы безопасности дорожного движения актуальны как никогда [10, 11].

В России на законодательном уровне постоянно обсуждаются и вводятся разные нововведения в ПДД и меняются (в сторону ужесточения) системы штрафов и других видов наказаний. Особое место занимает введенный в 2016 г. пункт ПДД, касающийся наказания за опасное вождение.

Опасное вождение — неоднократное совершение одного или нескольких следующих друг за другом действий, связанных с нарушением Правил, выражающихся в невыполнении при перестроении требования уступить дорогу транспортному средству, имеющему преимущественное право движения; перестроении при интенсивном движении, когда все полосы движения заняты, кроме случаев поворота налево или направо, разворота, остановки или объезда препятствия; несоблюдении безопасной дистанции до движущегося впереди транспортного средства; несоблюдении бокового интервала; необоснованном резком торможении; препятствовании обгону, если указанные действия повлекли создание водителем в процессе дорожного движения ситуации, при которой его движение и (или) движение иных участников дорожного движения в том же направлении и с той же скоростью создает угрозу гибели или ранения людей, повреждения транспортных средств, сооружений, грузов или причинения иного материального ущерба [12].

Введенное определение «опасного вождения» включает требования п. 8.1, 8.4, 8.5, 9.10, 10.1, 10.5, 1.11, 11.2 ПДД РФ [13], в которых жестко регламентированы требования, касающиеся маневрирования, обгона/опережения, максимально допустимой скорости движения в населенных пунктах и за их пределами. Пункты 9.10, 10.1 ч. 1 ПДД не содержат конкретных требований [13]. А именно п. 9.10 не определяет конкретных значений дистанции и бокового интервала, т.е. для каждой дорожно-транспортной ситуации водитель должен самостоятельно выбрать величины дистанции до движущегося впереди транспортного средства и боковой интервал. У технических специалистов существуют методики определения

минимальных значений дистанции и бокового интервала, обеспечивающих безопасность движения [14]. Однако в процессе движения водитель не может и не обязан (не регламентировано ПДД) постоянно вычислять величины дистанции и бокового интервала.

Выбор скорости движения согласно требованиям п. 10.1 ч. 1 ПДД [13] также остается за самим водителем. Согласно п. 10.1 ПДД «водитель должен вести транспортное средство со скоростью, не превышающей установленного ограничения, учитывая при этом интенсивность движения, особенности и состояние транспортного средства и груза, дорожные и метеорологические условия, в частности видимость в направлении движения. Скорость должна обеспечивать водителю возможность постоянного контроля за движением транспортного средства для выполнения требований Правил...» [13]. Из содержания данного пункта следует, что в большинстве случаев водитель должен самостоятельно определить скорость для конкретной дорожно-транспортной ситуации, при которой именно этот водитель в случае необходимости сможет осуществлять эффективно контроль и предпринять меры по предотвращению ДТП. Итак, решения относительно выбора скорости и перестроений принимаются водителем отнюдь не на основе расчетов, объективно обеспечивающих безопасность, а на основе опыта и, по всей видимости, неких чувств, возникающих у водителя в процессе вождения в той или иной дорожно-транспортной ситуации [15, 16]. Что это могут быть за чувства, можно дать ответ только в случае проведения психологического анализа вождения в целом и опасного вождения в частности.

Под вождением понимается дорожное поведение водителя автомобиля в конкретных дорожных условиях, включающее в себя совмещенную многокомпонентную деятельность водителя [17] и его общение с другими участниками дорожного движения [2]. Вождение как деятельность понимается как сознательное поведение, хотя вождение представляет собой и поведение, базирующееся и на бессознательных детерминантах [18]. Размышления относительно опасного вождения заставляют задуматься как минимум о двух вопросах: является ли опасное вождение исключительным для данного водителя или типичным (привычным для него), а также каковы причины такого поведения в том и другом случае?

Если опасное вождение представляет собой уникальное для водителя отклонение от привыч-

ного для него дорожного поведения, весьма вероятно, что такое может быть вызвано той или иной ошибкой при анализе информации, а также (возможно) особенностями психофизиологического состояния, в котором водитель находится. В случае если опасное поведение носит привычный характер, следует говорить об особом — опасном (или небезопасном) — стиле вождения. Стиль вождения определяется как устоявшиеся (привычно своеобразные) особенности дорожного поведения водителя, в которых (в том числе в процессе общения) проявляются отношение водителя к другим участникам дорожного движения в частности и уровень транспортной культуры в целом, включающие в себя систему способов и средств осуществления водительской деятельности, развертывающиеся на определенном эмоциональном фоне, предопределяющие (в зависимости от сочетания с уровнем развития профессионально важных качеств, с отдельными индивидуально-психологическими особенностями и личностными свойствами) уровень безопасности (аварийности) водителя, с одной стороны, и сами определяемые рядом устойчивых и переменных факторов, с другой [3, 19]. Даже в тех случаях, когда вождение рассматривается исключительно как деятельность, наравне со знаниями, навыками и умениями и т.п., отмечается важность развития у водителя таких «чувств», как чувство скорости, сцепления (с дорогой), габаритов (транспортного средства) [20]. По всей видимости, эти чувства базируются на развитии и сенсбилизации целых комплексов зрительных, слуховых, ощущений равновесия, вибрационных и т.п. Однако описания структуры этих чувств нет, а формирование их предполагается естественным путем в процессе тренировок [20]. На Западе отмечают еще одно чувство, важное для водителя — чувство страха или чувство опасности, и при решении задач по профилактике аварийности водителей все большее значение придается развитию у них чувства опасности. Так, в работе М. Раавера, Д. Eensoob, К. Каасикб, М. Вахта, J. Мäestuc, J. Нарроа [6] описывается, как у начинающих водителей формируют адекватное восприятие опасности за счет предъявления им видеоматериалов, демонстрирующих последствия опасного дорожного поведения, к которому они имеют склонность. Как следствие, большая часть молодых водителей меняет модели дорожного поведения, стиль вождения [21]. Российские исследователи включают чувство опасности в структуру аксидентальных способностей человека. Аксидентальные способ-

ности (по С.А. Елисееву [22]) — это способности по обеспечению безопасности деятельности, основанные на развитом чувстве опасности и безопасной моторике [22, с. 3]. Следует отметить, что применительно к водительской деятельности отдельно структура аксидентальных способностей С.А. Елисеевым не рассматривалась.

Если все перечисленные способности развиты, очевидно, следует говорить о высоком уровне аксидентальных способностей, если только часть их — о среднем и низком. Если у водителя чрезвычайно низкий уровень развития чувства опасности, а психомоторика достаточно безопасна, может возникнуть ситуация, когда он, совершая маневр в опасной близости (с объективной точки зрения) от другого транспортного средства, опасности не чувствует, однако провоцирует переживания небезопасности или опасности у других участников дорожного движения, вынуждая их осуществлять ошибочные маневры для предотвращения столкновения. С юридической точки зрения низкий уровень развития чувства опасности может провоцировать других участников движения предпринимать меры по изменению скорости и направления движения. Пункт 1.2 ПДД РФ [13] гласит: «Уступить дорогу (не создавать помех)». То есть при низком уровне аксидентальных способностей водитель с высокой долей вероятности при управлении транспортным средством будет действовать вразрез с требованиями ПДД РФ. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что у участников дорожного движения уровень аксидентальных способностей наравне с навыками управления транспортным средством необходимо диагностировать и выравнивать.

Эффективное взаимодействие с другими людьми, как указывает С.А. Елисеев [22], является одним из компонентов аксидентальных способностей. Для многих видов деятельности эффективное взаимодействие в целях обеспечения безопасности деятельности возможно с опорой на имеющиеся у человека компетенции в сфере традиционной психологии общения. Время же, отведенное на общение с конкретным участником дорожного движения в процессе вождения, подчас ограничивается несколькими секундами, необходимыми для проезда перекрестка или выполнения определенного маневра. Поэтому для процесса вождения так важно, чтобы чувство опасности водителя распространялось на оценку не только его собственных возможностей, но и возможностей других участников дорожного движения. И именно поэтому так важно научиться измерять

аксидентальные способности и изучать факторы, с ними связанные.

Одной из задач нашего исследования было определение уровня развития аксидентальных способностей, которые нужны всем водителям (вне зависимости от принадлежности водителя к группе с теми или иными социально-психологическими характеристиками). Именно поэтому основное внимание было сосредоточено на исследовании чувства опасности. «Безопасная моторика» [22], вероятно, в большей степени определяется уровнем развития профессионально важных качеств водителя (прежде всего психофизиологического соответствия требованиям деятельности) и уровнем подготовки к деятельности (степенью обученности). Уравнивать участников ДД без жесткого профессионального психологического отбора невозможно и, как показывает западная практика с уровнем автомобилизации под 90 процентов и выше, для обеспечения безопасности и не требуется.

Методы исследования

Основным методом исследования стал модельный эксперимент, разработанный по аналогии с предложенным С.А. Елисеевым с соавторами [23], но с учетом особенностей вождения как деятельности и как поведения. В эксперименте, проводимом С.А. Елисеевым, спортсменам предлагалось совершить прыжки на скамейке и на гимнастическом снаряде «бревно» на максимально возможную высоту. Анализируя результаты эксперимента, С.А. Елисеев, Н.В. Журин и Т.Н. Журина указывают, что отдельные испытуемые, стремясь к сохранению безопасности, предпочитают ограничиться невысоким прыжком, гарантированно не допуская тем самым падения. Такое сочетание невысокого уровня достижений с высоким уровнем безопасности авторы [23] называют компенсацией, что, по нашему мнению, соответствует среднему уровню аксидентальных способностей. Такой уровень может быть недостаточным для достижения высоких результатов в спорте, но весьма и весьма желателен для участия в дорожном движении, где встречаются люди с разными способностями и возможностями. Применительно к вождению такой уровень аксидентальных способностей будет реализовываться у водителя при формировании установки: «Безопасность при движении на первом месте, время, затраченное на перемещение, на втором». В том случае, если организация дорожного движения также будет направлена на формирование таких

условий, внутренние установки личности будут совпадать с требованиями общества, и адаптация водителя к вождению станет быстрой и легкой. В отличие от спортсменов, специализирующихся в конкретных видах спорта, где, в частности, может требоваться и отсутствие страха высоты, исследовать аксидентальные способности водителей представляется предпочтительнее в условиях, моделирующих задачи, возникающие в процессе вождения при определенных (часто повторяющихся) типах дорожно-транспортных ситуаций. Необходимость конструирования специального эксперимента для водителей обоснована и критикой работ К. Марбе: по мнению авторов статьи, люди по-разному «обречены» на несчастные случаи в разных видах деятельности, иначе говоря, их аксидентальные способности в разных видах деятельности могут несколько отличаться. Использовать напрямую эксперимент С.А. Елисеева для оценки чувства опасности у водителей представлялось не вполне корректным и по той причине, что процесс вождения предполагает некое взаимодействие человека и транспортного средства. Скамейка и «бревно» статичны и только за счет своего расположения над «землей» создают некую опасность для человека. Транспортное же средство обладает собственными техническими характеристиками и в той или иной степени изменяет возможности человека при перемещении в пространстве. Кроме того, взаимодействие человека с собственно транспортным средством более безопасно для водителя, чем взаимодействие с другими участниками дорожного движения и элементами дорожной среды. Следовательно, для исследования способностей к обеспечению безопасности водителем важно создать условия, которые, с одной стороны, несут в себе некую опасность, с другой, заставляют человека учитывать при выборе действий в той или иной ситуации возможности не только свои, но и собственно транспортного средства. И, наконец, процесс вождения предполагает еще и взаимодействие с другими участниками дорожного движения, т.е. для обеспечения безопасности процесса водитель должен еще и эффективно взаимодействовать с другими людьми, правильно просчитывая их возможности избежать опасность в той или иной ситуации. Иначе говоря, аксидентальные способности водителя и чувство опасности в частности (в отличие, например, от способностей индивидуально выступающего спортсмена) должны включать в себя еще и социальную составляющую, которую тоже необходимо оценивать.

Для того чтобы моделировать опасные ситуации, возникающие при вождении автомобиля, требуется серьезное материальное обеспечение и не менее серьезная подготовка участников эксперимента (специальная площадка, транспортные средства, обучение участников). Нами же ставилась задача получить возможность исследовать чувство опасности в том числе и кандидатов в водители с минимумом материальных затрат, чтобы в дальнейшем процедура могла быть использована при проведении психодиагностики в большинстве обычных автошкол. Поэтому было принято решение использовать для эксперимента транспортное средство, эксплуатация которого не требует больших материальных затрат, которое знакомо большинству людей с детства, овладение которым не составляет труда для взрослых с нормальным уровнем развития психомоторики, управление которым по основным аспектам приближено к управлению автомобилем. По ряду выше названных причин для модельного эксперимента был выбран самокат. При его использовании предполагалось также нивелировать различия, которые часто отмечаются при сравнении парковочных маневров мужчинами и женщинами. Беседы, проведенные в группах водителей, проходящих обучение на инструкторов по практическому вождению автомобилей, показали, что женщины несколько хуже себя проявляют в плане освоения парковки. В отличие от мужчин, женщины практически не упоминали о том, что чувствуют автомобиль продолжением собственного тела, тогда как у мужчин (особенно у профессиональных водителей с большим стажем) такого рода переживания отмечались. И если по геометрическим характеристикам автомобиль отличается от человеческого тела, то самокат легко с ними соотносим. Более того, ширина руля оказалась близка ширине плеч большинства испытуемых (30 см при средней ширине плеч около 40 см). В таких условиях проблема наличия – отсутствия чувства габаритов снимается, так как размеры собственного тела человек чаще всего оценивает правильно и легко соотносит с другими объектами. Проведем параллели между движением на автомобиле и на самокате:

- использование колесного транспортного средства, позволяющего получить скорость, превышающую скорость пешехода;
- возможность управлять курсовой устойчивостью (наличие руля);
- возможность влиять на скорость транспортного средства: снижать скорость за счет использования тормоза, спешивания, сил трения; увели-

чивать скорость за счет за счет изменения частоты и интенсивности отталкивания от земли.

С помощью эксперимента предполагалось оценить следующие компоненты аксидентальных способностей (по С.А. Елисееву [24, с. 72–74]):

1) способность испытуемых соотносить успешность и безопасность: испытуемым следовало соотносить свои способности по управлению предложенным транспортным средством в заданных условиях и в соответствии с требованиями инструкции (ожидалось, что испытуемые могут выбирать не только самую высокую, но и оптимальную скорость движения, приближаясь к некому компромиссу между скоростью и обеспечением безопасности);

2) способность не рисковать в привычных условиях: условия эксперимента не являются экстраординарными, специально не создаются дополнительные опасности для испытуемых;

3) учет опыта встреч и борьбы с опасностями (например, опираясь на опыт управления самокатом, оценить степень соответствия условиям эксперимента одежды или обуви и в целом безопасность ситуации эксперимента для других или для себя);

4) способность чувствовать опасность и избегать ее: опасность в эксперименте в первую очередь связана с возможностью столкновения с другими людьми, из-за чего может быть нанесен ущерб как им, так и самому испытуемому, поэтому в идеале испытуемый должен так выбирать или так регулировать скорость движения, чтобы снизить (минимизировать) уровень данной опасности;

5) способность к безопасному взаимодействию с другими людьми: на данном компоненте аксидентальных способностей специально акцент не ставился, однако в инструкции не содержалось никаких ограничений для испытуемых.

Условия проведения пилотажного эксперимента были следующие:

– для проведения эксперимента был выбран закрытый двор, чтобы обеспечить безопасность испытуемых;

– 15 м — расстояние от стартовой линии до ворот (первые несколько проб осуществлялись на расстоянии 10 м, этого расстояния оказалось недостаточно для набора высокой (по мнению испытуемых) скорости, тогда как при переходе на расстояние в 15 м сомнений в способности набрать достаточно высокую скорость движения ни у кого из испытуемых не возникло;

– разбивка осевой линии для движения с шагом через 1 м для определения точки последнего толчка (точки, начиная с которой скорость самоката неизбежно будет снижаться из-за сил трения);

– ворота, расстояние между стойками которых менялось с шагом 0,2 м;

– функцию стоек выполняли люди, которым давалась инструкция покинуть свое место в том случае, если ситуация покажется угрожающей: было решено создать условия, при которых «водителю» самоката требуется маневрировать, вписываясь в пространство с определенными габаритами, при этом (как и в случае с дорожным движением) помехи, которыми являются другие участники «эксперимента», могут менять свое местоположение в пространстве.

Последнее условие эксперимента представлялось особенно важным, так как оно моделирует ситуации, возникающие в условиях реального дорожного движения: в тех случаях, когда другое ТС приближается к его автомобилю и он предпринимает действия, чтобы избежать столкновения. Поэтому и было решено использовать в эксперименте ворота, роль стоек в которых будут исполнять люди. «Живые» ворота могли способствовать проявлению социального компонента аксидентальных способностей водителя. Инструкция, которая давалась испытуемому, стоящим в воротах: «Вы должны стать у указанной линии и ждать проезда участника на самокате. В том случае, если при приближении участника на самокате, вы почувствуете себя некомфортно, вы можете отодвинуться на безопасное по вашим ощущениям расстояние». Инструкция, которая давалась экспериментатором испытуемому, осуществляющим движение на самокате: «Вам нужно встать у стартовой линии, по команде начать движение и как можно быстрее проехать по прямой через ворота». Работу на первом этапе проводил один экспериментатор. Прохождение маршрута испытуемыми фиксировалось с помощью видеозаписи.

Результаты и их обсуждение

К участию в пилотажном эксперименте были приглашены участие 8 детей 10–11 лет: 4 девочки и 4 мальчика. Прохождение маршрута испытуемых производилось по команде экспериментатора (давался отсчет: «Раз, два, три... Начали!»). Отметим некоторые особенности детей, принимавших участие в эксперименте, и сформулируем прогноз относительно уровня развития у них чувства опасно-

сти. В эксперименте принимали участие одноклассники родственника экспериментатора, наблюдение за индивидуальными особенностями которых велось в течение 5 лет в разных ситуациях: поведение в классе, при игре в футбол, на внеклассных мероприятиях.

Д. — тихая спокойная девочка, которую строго воспитывали родители, долгое время находящаяся на лечении коленного сустава (однако на роликовых коньках стоит неплохо). Мама запрещает Д. играть в футбол и участвовать в шумных подвижных играх, так как боится новой травмы больной ноги. Чувство опасности у Д. может быть высоким вследствие влияния собственного жизненного опыта и воспитания.

Р. — тихий, спокойный, послушный мальчик, отличник по учебе, контролируемый бабушкой и мамой. Его периодически обижают другие дети (особенно мальчики), он не всегда может постоять за себя. Чувство опасности может быть высоким изначально, что и определяет неспособность вести себя агрессивно при нападении.

С. и М. — обычные ребята, немного шумные и озорные, но без склонности к агрессивному поведению. Вероятно, уровень чувства опасности может оказаться средним.

А. — спортсменка, физически хорошо развита и подготовлена, самостоятельная (с первого класса одна ходит в школу и на занятия в спортивную секцию). Чувство опасности может быть как средним, так и сниженным.

Л. — девочка высокого роста, крупнее остальных девочек и многих мальчиков в классе, всегда старается прийти на помощь друзьям при выяснении отношений, остановить драку, примирить враждующие стороны и т.п. Чувство опасности может быть немного сниженным или средним (серьезных травм не было).

П. — обычная девочка, спокойная и немного пассивная. Средний уровень развития чувства опасности.

В. — шумный, с низким уровнем самоконтроля, с периодическими вспышками агрессии, вступающий в полемику с учителями прямо на уроке. Родителей периодически вызывают в школу. Уровень развития чувства опасности (вероятно) низкий.

Девочка (Д.) была снята до начала эксперимента. Д. сказала о том, что испытывает выраженное чувство страха уже при формулировке инструкции. (Девочка сказала: «Самокат люблю, но мне всегда за всех страшно...»).

Мальчик Р. был снят с выполнения задания из-за низкого уровня владения техникой управления. Его движение имело значительный динамический коридор с возможностью возникновения опасности для других участников эксперимента. Отметим, что мальчик сам предупреждал о своей неподготовленности, однако ворота, расположенные на максимальном (для данного эксперимента) расстоянии 1,2 м, все-таки прошел. В данном случае следует говорить (видимо) о подключившейся небезопасной моторике, усиливающей переживание чувства опасности в экспериментальной ситуации.

После прохождения задания испытуемые опрашивались относительно наличия / отсутствия чувства страха при его выполнении. Результаты оказались следующими [см.: 16]:

1,20 м — все дети выполнили упражнение, страха никто не испытывал.

1,00 м — все выполнили, переживания страха не было.

0,8 м — из троих участвующих в эксперименте девочек ворота проехала только Л., при этом у нее была (на основе видеофиксации) зарегистрирована сниженная скорость по отношению к предыдущему этапу.

М. и С. (мальчики) — проезд ворот осуществили накатом (последний толчок примерно за 2 м до ворот).

0,7 м — М. и С. прошли ворота накатом, последний толчок ногой наблюдался за 2,5 м до ворот.

0,6 м — согласился выполнить задание один В., при этом проехал дистанцию без снижения скорости (до ворот) и без использования торможения, продолжал отталкиваться до самых ворот. Чувство страха у самого испытуемого отсутствовало, однако дети, стоявшие в «живых» воротах, при его приближении отступили в стороны. Если рассматривать данный эксперимент как удачную попытку измерить аксидентальные способности, то можно градуировать их следующим образом (скорее всего цифры действительны для данной детской группы):

- отказ (страх) при объяснении задания;
- чрезвычайно высокий уровень развития чувства опасности;
- 1,20 м — высокий (при остановке на данном этапе);
- 1,00 м — средний (при остановке на данном этапе);
- 0,8 м сниженный и низкий (дифференциация на этом уровне должна осуществляться с учетом

того, возникают или не возникает чувства опасности, тревога, страх);

– 0,7 м — низкий;

– 0,6 м — чрезвычайно низкий (и снова с учетом того, какие эмоциональные переживания испытывает сам испытуемый и люди, выполняющие функцию «стойки»).

Сравним прогнозы, сделанные относительно уровня развития чувства опасности у испытуемых, исходя из особенностей их поведения и на основе результатов эксперимента, учитывая два критерия: минимальную ширину между стойками и расстояние от ворот, на котором испытуемый начал снижать скорость тем или иным способом (табл. 1).

Таблица 1. Прогноз чувства опасности на основе наблюдения за поведением и оценка чувства опасности с помощью модельного эксперимента

Имя	Прогноз относительно уровня развития чувства опасности на основе анамнеза	Результат (минимальная ширина ворот и момент начала торможения, м)	Оценка чувства опасности на основе эксперимента
Д.	Высокий	Отказ от выполнения упражнения	Высокий
П.	Средний	0,8 м	Средний
А.	Средний или сниженный	0,8 м	Средний
Л.	Средний или сниженный	0,7 м	? Средний
Р.	Высокий	1,2 м	Высокий
М.	Средний или сниженный	0,7 м; движение накатом за 2,5 м	Средний
С.	Средний или сниженный	0,7 м, движение накатом за 2–2,5 м	Средний
В.	Низкий	0,6 м, начало торможения в воротах	Низкий

На основе результатов эксперимента было решено, что в дальнейшем критериями, по которым будут определяться уровни развития чувства опасности, могут стать:

1. Минимальное расстояние между стойками, при котором испытуемый был согласен выполнять задание (чем выше уровень развития чувства опасности, тем больше расстояние).

2. Момент начала снижения скорости (расстояние до ворот) при разных расстояниях между стойками (чем выше уровень, тем больше расстояние).

3. Тип применяемого торможения до прохождения ворот: применение тормоза, прекращение набора скорости (отсутствие толчков), спешивание (один из трех вариантов или их сочетание): чем выше уровень, тем вероятнее использование тормоза загодя, на значительном расстоянии до ворот.

4. Эмоции, переживаемые «водителем» самоката (наличие – отсутствие чувства страха): переживание чувства страха будет более выражено у лиц с более выраженным чувством опасности.

5. Действия испытуемых, выполняющих функцию стоек: наличие – отсутствие действий (движений): если испытуемые, находящиеся в воротах, изменяют свое положение, отодвигаясь на большее расстояние, соответственно чувство опасности у самого «самокатчика» недостаточно развито (недостаточно, чтобы избежать гипотети-

ческой опасности в отношении их самих и в отношении других участников эксперимента).

6. Эмоции испытуемых, выполняющих функцию стоек (наличие – отсутствие чувства страха, небезопасности, опасности, напряженности): если у испытуемых, находящихся в «стойке», появится состояние напряженности, тревоги, страха, следовательно, у самого «самокатчика» чувство опасности развито в недостаточной мере.

Во втором пилотажном эксперименте принимали участие 4 студента-заочника и 1 аспирант вуза (все имеют водительское удостоверение и опыт вождения более 3 лет). Данная подгруппа испытуемых принадлежит к относительно безопасному водительскому возрасту (старше 26, но младше 53 лет) [4, 8]. Были собраны некоторые дополнительные сведения относительно лиц, принимавших участие в эксперименте. Испытуемым было предложено пройти опросник на определение основных характеристик стиля вождения, а также изучался их опыт участия в авариях по собственной вине.

Опросник «Стиль вождения» был сконструирован Ю.И. Лобановой, Н.Ю. Лебедевой и Л.В. Комковой в 2010 г. [25]. Опросник позволяет оценить такие характеристики: безопасность – риск (Б) (склонность водителя соблюдать или нарушать ПДД), планирование – импульсивность (П) (склонность изучать маршруты, дорожную среду и схемы организации дорожного движения,

запоминать эту информацию и использовать для минимизации маневрирования в процессе вождения и снижения информационной нагрузки на водителя при переключении между отдельными подвидами водительской деятельности), отношение к средствам безопасности (СБ) (знание и использование активных и пассивных средств безопасности при вождении), культура вождения (КВ) (знание знаков дорожного этикета и особенностей пользования ими), уверенность при парковке (УП) (соотношение уровня усвоения парковочных маневров с уважительным отношением к другим участникам дорожного движения). Прежде чем использовать данные опросника «Стиль вождения» для прогноза уровня развития чувства опасности у водителей, отметим, что по данным одного из исследований аварийные водители-любители (каковыми являлись опрошиваемые) от неаварийных отличаются по склонности нарушать ПДД, большей уверенности при парковке и по более высокой дорожной вежливости [21], тогда как профессионалы только по показателю «безопасность – риск». Аварийными водителями считались те, у кого были аварии, произошедшие по их вине. Наличие такого типа аварий в опыте должно свидетельствовать в пользу сниженных аксидентальных способностей, следовательно, в группе любителей можно рассматривать склонность к нарушению ПДД, самоуверенность при парковке и высокий уровень дорожной вежливости как характеристики стиля вождения, связанные с более низким уровнем развития аксидентальных способностей и чувства опасности в частности.

И. — аварий в опыте нет, по шкале «безопасность – риск» набрал 31 балл (средние показатели на границе с высокими); по остальным шкалам: П — 23 (средние), СБ — 20 (высокие), КВ — 25 (средние), УП — 8 (средние), что означает, что он склонен соблюдать ПДД, большое значение придает средствам безопасности, вежливый водитель, уверенно осуществляющий парковочные маневры. Прогноз: чувство опасности от среднего до высокого.

А. — аварий в опыте нет, Б — 29 (средние показатели), П — 24 (средние), СБ — 17 (средние), КВ — 28 (средние), УП — 9 (средние на границе с высокими): соблюдает ПДД в меру, меньше придает значения средствам безопасности, высокая уверенность при парковке: средний уровень. Прогноз: средний уровень развития чувства опасности.

Ко. — аварий в опыте нет, но по шкале «безопасность – риск» — 25 баллов (средние показатели на границе с низкими), П — 22 (средние), СБ — 18 (средние), КВ — 27 (средние), УП — 7 (средние): те же показатели, что и у А. Водитель с большим стажем (больше 150000 км наката). Кроме управления автомобилем много времени посвящает катанию на роликах. Прогноз: чувство опасности от низкого уровня до среднего, вероятно наличие безопасной психомоторики (для проезда через ворота).

П. — аварий в опыте нет, профессиональный водитель, много времени проводящий за рулем, не имеющий в опыте аварий по собственной вине. По результатам тестирования показатели: Б — 35 (высокие), П — 20 (средние), СБ — 20, КВ — 25, УП — 9 (средние на границе с высокими): выраженная склонность соблюдать ПДД. Прогноз — чувство опасности от среднего до высокого.

Ки. — были аварии в опыте по вине самого водителя. Б — 31 (средние на границе с высокими); П — 24 (средние); СБ — 17 (средние); КВ — 26 (средние); УП — 7 (средние). Прогноз (с учетом аварийности): чувство опасности от низкого до среднего.

Ворота устанавливались на расстоянии: 1 м; 0,8 м; 0,6 м; 0,5 м; 0,4 м. Отдельные результаты эксперимента отражены в табл. 2.

Эксперимент проводили два экспериментатора. Роли были распределены следующим образом: первый экспериментатор давал отсчет и вел видеозаписи выполняемого испытуемыми упражнения, второй экспериментатор при помощи секундомера фиксировал время прохождения дистанции испытуемыми (от счета «три» до момента прохождения ворот). Испытуемым было предложено трижды повторить упражнение (при каждом фиксируемом изменении ширины ворот).

Результаты, представленные в табл. 2, можно сопроводить следующими комментариями:

1. От участия в эксперименте отказался один участник (И.). Причина отказа связывалась с отсутствием безопасной обуви. И. указал на наличие негативного опыта вождения самоката в подобной обуви.

2. Все остальные испытуемые без колебаний проехали через ворота при расстоянии 0,8 м, 0,6 м; один (А.) проехал ворота шириной 0,5 м (ширина его плеч равнялась 43 см в отличие от остальных); П. указал, что мог бы попробовать проехать через ворота шириной 0,4 м, но попытки делать не стал; двое проехали ворота шириной 0,4 м (Ки. и Ко.). Таким образом, у взрослых при

увеличенных (по сравнению с детьми) размерах тела безопасное расстояние оказалось меньшим, чем у детей.

3. Различия между испытуемыми при движении по маршруту и через ворота есть, хотя пока они выявлены в рамках группы со средними аксидентальными способностями, возможно, что лица с чрезмерно низкими и чрезмерно высокими аксидентальными способностями будут кардинально отличаться от изученной нами группы.

4. На основе имеющихся данных можно производить градацию между испытуемыми по уровню развития аксидентальных способностей (по чувству опасности).

5. Можно говорить об определении ряда критериев, по которым можно в дальнейшем оценивать чувство опасности как компонент аксидентальных способностей.

Таблица 2. Анализ поведения испытуемых по отдельным характеристикам при минимальном расстоянии между стойками ворот

Испытуемый	Ширина плеч испытуемого	Миним. расстояние между стойками ворот	Начало торможения	Тип торможения до ворот	Тип торможения после ворот	Наличие эмоций у испытуемого (отриц.: страх, гнев, тревога)	Действия стойки	Эмоции стойки (напряженность, тревога, страх), наличие – отсутствие физического контакта со «стойками»
И.	40 см	–	–	–	–	–	–	–
П.	40 см	0,6 м	За 5–6 м	За счет сил трения	Разворот	–	На месте	–
А.	45 см	0,5 м	За 4–4,5 м	За счет сил трения	Разворот	–	На месте	–
Ко.	40 см	0,4 м	За 1 м у входа в ворота	–	Разворот	–	На месте	–
Ки.	40 см	0,4 м	В воротах	Отсутствовало	Спешивание	–	На месте	Легкое состояние напряженности у стоящих в воротах

Сопоставляя результаты эксперимента с другими данными можно заметить, что между аварийностью водителей, поведением в экспериментальной ситуации и стилем вождения так же, как и при сопоставлении поведения детей в жизни с поведением в экспериментальной ситуации, есть ожидаемые совпадения. Таким образом, можно говорить об определенной валидности описываемой методики, хотя, естественно, целесообразно сопоставление с другими опросниками и тестами, измеряющими характеристики, имеющие значение в предопределении чувства опасности.

Предварительные выводы

На основе проведенных пилотажных экспериментов было определено, что критериями уровня развития чувства опасности могут выступить:

1. Минимальное расстояние между стойками, при котором испытуемый был согласен выпол-

нить задание (с учетом габаритов его собственного тела), в дециметрах или сантиметрах.

2. Момент начала снижения скорости (расстояние до ворот), в метрах.

3. Тип применяемого торможения до прохождения ворот: применение тормоза, прекращение набора скорости (отсутствие толчков), спешивание (один из трех вариантов или несколько одновременно).

4. Действия участников, выполняющих функции «стойки»: отсутствие или наличие движений (действий).

5. Эмоции, переживаемые самим участником (по опросу): свободный ответ и выбор из четырех вариантов (радость, страх, гнев, тревога).

6. Эмоции, переживаемые участниками эксперимента, выполняющими роль «стоек» при прохождении испытуемым ворот на минимальном

расстоянии: отсутствие – присутствие переживаний напряженности и безопасности – небезопасности.

7. Изменение (отсутствие изменений) средней скорости движения при уменьшении расстояний между стойками (на основе сравнения результатов трех повторений задания при уменьшении расстояний между воротами) и (или) скорость движения и ускорение, с которым испытуемые проходят ту же дистанцию при отсутствии помех (стоек ворот).

8. Тип применяемого торможения (после прохождения ворот): использование тормоза, разворот, спешивание, движение накатом (снижение скорости за счет сил трения) в разных экспериментальных ситуациях.

Дополнительно предполагается в дальнейшем использовать следующие критерии:

1. Средняя скорость движения (вычисляемая с учетом времени прохождения экспериментальной ситуации) в метрах в секунду.

2. Динамический коридор, которым характеризуется движение испытуемого. Динамический коридор — условная величина занимаемого движущимся автомобилем пространства по ширине

проезжей части, учитывающая поперечные колебания кузова и «рысканье» автомобиля. Будет определяться с помощью анализа видеоматериалов по следующей формуле:

$$Z = 0,01 * L * V + B$$

где: L — габаритная длина автомобиля; Ba — габаритная ширина автомобиля; Va — скорость автомобиля.

3. Ускорение (при приближении к воротам). Приниматься во внимание будет только ускорение при наборе скорости во время движения к воротам (т.е. до начала использования торможения любого типа).

Прежде чем перейти к определению критериев оценки чувства опасности в физических единицах, эксперимент был проведен и в юношеской возрастной группе (студенты 1 курса, 17–18 лет).

Приведем значения по отдельным критериям, с опорой на которые в дальнейшем могут оцениваться результаты основного эксперимента (для взрослой группы, пока без деления по полу) (см. табл. 3) (новый вариант). В анализ были включены данные 5 взрослых водителей и 21 студента 1-го курса.

Таблица 3. Примерные критерии оценки уровня аксидентальных способностей водителей

Критерии оценки аксидентальных способностей	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Расстояние между стойками	0,4 м	0,6 м	1,2 м
Начало торможения	После ворот	1,5 м до ворот	За 4 м до ворот
Тип торможения до прохождения ворот	Отсутствует	Движение накатом	Движение накатом за 3 и более м до ворот
Тип торможения после прохождения ворот	Спешивание	Разворот	Движение накатом
Эмоции испытуемого на самокате	Радость или спокойствие	От спокойствия и уверенности до напряженности	Напряженность или спокойствие
Эмоции испытуемых, находящихся в «стойке»	Выраженная напряженность или страх	Спокойствие или легкая напряженность	Спокойствие
Действия «стойки» при прохождении испытуемым маршрута	Отклонение (отскок)	Выраженная скоординированность, собранность	Без движения
Наличие контактного взаимодействия с испытуемыми из стойки	Возможно соприкосновение	Есть запас в 2–3 см	Есть запас в 4–5 см и более

Выводы

1. В работе показано значение развития чувства опасности у водителей для обеспечения без-

опасности водительской деятельности и безопасного вождения в целом.

2. Дано обоснование для проектирования и представлено описание модельного эксперимента для измерения чувства опасности у водителей.

3. Сопоставлены результаты эксперимента с особенностями поведения обследуемых в жизни, с характеристиками стиля вождения и уровнем аварийности у водителей со стажем более 3 лет, установлены определенные соответствия. В частности, менее послушные, более активные дети выполняли упражнение при меньшем расстоянии между воротами, без торможения, с угрозой столкновения с другими участниками эксперимента. Водители с меньшей склонностью соблюдать ПДД и с наличием аварий по собственной вине в опыте также выполняли упражнение при меньшей дистанции между воротами, осуществляя разгон вплоть до самых ворот, вызывая некоторое напряжение у участников эксперимента, находящихся в стойке.

4. Определены критерии оценки чувства опасности для возрастной группы старше 18 лет. В дальнейшем предполагается отдельно представить критерии для разных возрастных групп (в первую очередь для групп безопасного – небезопасного водительского возраста).

5. На основе выведенных критериев могут быть оценены аксидентальные способности испытуемых (как кандидатов в водители или водителей) с учетом развития у них профессионально важных качеств и уровня подготовки.

В дальнейшем предполагается исследовать факторы, связанные с аксидентальными способностями, прежде всего соотнести уровень развития чувства опасности с личностными особенностями и психофизиологическими характеристиками. Есть надежда, что ведение исследовательской работы в данном направлении позволит сделать определенный вклад в анализ причин отдельных дорожно-транспортных происшествий и в профилактику дорожного травматизма в целом.

Список литературы

1. *Marbe K.* Practische Psychologie der Unfälle und Betriebschaden. Munchen; Berlin, 1926.
2. *Лобанова Ю.И.* Вождение как деятельность, поведение и стилевая характеристика // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. № 4, т. 5: Психология. С. 97–107.
3. *Лобанова Ю.И.* Психология безопасного автовождения / СПбГАСУ. СПб., 2016. 265 с.
4. *Leandro M.* Young drivers and speed selection. A model guided by the Theory of Planned Behavior // Transportation Research. Part F: Traffic Psychology and Behaviour. 2012. Vol. 15(3). P. 219–232. DOI: 10.1016/j.trf.2011.12.011.
5. *Miller G., Taubman-Ben-Ari O.* Driving styles among young novice drivers — the contribution of parental driving styles and personal characteristics // Accident Analysis & Prevention. 2010. Mar. Vol. 42(2). P. 558–570. DOI: 10.1016/j.aap.2009.09.024.
6. *Paavera M., Eensoob D., Kaasik K., Vahta M., Mäestuc J., Harroa J.* Preventing risky driving: A novel and efficient brief intervention focusing on acknowledgement of personal risk factors // Accident Analysis & Prevention. 2013. Jan. Vol. 50. P. 430–437. DOI: 10.1016/j.aap.2012.05.019.
7. *Rosenbloom T., Shahar A., Elharar A., Danino O.* Risk perception of driving as a function of advanced training aimed at recognizing and handling risks in demanding driving situations // Accident Analysis & Prevention. 2008. Mar. Vol. 40(2). P. 697–703. DOI: 10.1016/j.aap.2007.09.007.
8. *Scott-Parker B., Watson B., King M.J.* Understanding the psychosocial factors influencing the risky behaviour of young drivers // Transportation Research. Part F: Traffic Psychology and Behaviour. 2009. Vol. 12(6). P. 470–482. DOI: 10.1016/j.trf.2009.08.003.
9. *Taubman-Ben-Ari O., Yehiel D.* Driving styles and their associations with personality and motivation // Accident Analysis & Prevention. 2012. Mar. Vol. 45. P. 416–422. DOI: 10.1016/j.aap.2011.08.007.
10. *Олеценко Е.М., Сваткова Е.А.* О мировом опыте для программ обеспечения безопасности дорожного движения — малозатратные и быстро реализуемые мероприятия // Организация и безопасность дорожного движения в крупных городах: сб. докладов 9-й Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 23–24 сентября 2010 г. СПб., 2010. С. 259–266.
11. *Решетова Е.М.* Институциональные факторы повышения безопасности дорожного движения // Роль гражданского общества в повышении безопасности дорожного движения: К шестому международному конгрессу «Безопасность на дорогах ради безопасности жизни» Санкт-Петербург, 28–30 сентября 2016 г. СПб., 2016. С. 48–58.
12. *Опасное вождение.* URL: <http://xn--80aegccaes3bfdcc5a.xn--p1ai/> (дата обращения: 01.03.2016).
13. *Правила дорожного движения.* URL: <http://экзамен-пдд-онлайн.рф/пдд/> (дата обращения: 15.08.2016).
14. *Иларионов В.А.* Экспертиза дорожно-транспортных происшествий. М.: Транспорт, 1989. 255 с.
15. *Лобанова Ю.И., Глушко К.В.* Об актуальности изучения аксидентальных способностей водителей // Закономерности и тенденции развития

науки в современном обществе: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.

А.А. Сукиасян. Уфа: ООО «Аэтерна», 2015. С. 191–197

16. *Lobanova Y.I., Glushko K.V.* About Assessment Criteria of Driver's Accidental Abilities // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Vol. 11, no. 17. P. 9969–9979. URL: <http://www.ijese.net/makale/1222> (accessed: 03.11.2016).
17. *Козлов Е.В.* Психофизиологическое обоснование необходимости совершенствования системы подготовки водителей: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2012. 30 с.
18. *Корниенко А.Ф.* Деятельность как сознательная форма поведения человека // *Филология и культура*. Вестник ТГГПУ. 2010. № 2(20). URL: <http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/C%20304-308.pdf> (дата обращения: 15.03.2016).
19. *Лобанова Ю.И.* Субъективные модели дорожных ситуаций как критерий адаптированности к участию в дорожном движении // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 2. С. 100–110.
20. *Цыганков Э.С.* Профессиональная подготовка водителей автобусов, маршрутных такси и минивэнов. М.: Эксмо, 2008. 256 с.
21. *Лобанова Ю.И.* Особенности стиля вождения «аварийных» и «безаварийных» водителей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2016. Т. 9, № 3. С. 87–94.
22. *Елисеев С.А.* Психология аксидентальных способностей: дис. ... д-ра психол.наук. Брянск. 1998. 256 с.
23. *Журин Н.В., Журина Т.Н., Елисеев С.А.* О психологии безопасности на гимнастическом снаряде «бревно» // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2013. № 8(102). С. 67–72.
24. *Боровский Б.Е.* Условия безаварийной работы. Л.: Лениздат 1971. 355 с.
25. *Лобанова Ю.И., Комкова Л.В., Лебедева Н.Ю.* Возможности реализации индивидуального подхода в процессе обучения вождению // Человек и транспорт. Психология. Экономика. Техника: матер. I Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 14–16 сентября 2010 г. СПб.: Петербургский ун-т путей сообщения, 2010. С. 337–341.

References

1. *Marbe K.* *Practische Psychologie der Unfälle und Betriebschaden* [Practical Psychology of Accidents and Operational Damage]. Munchen; Berlin, 1926. (In German).
2. *Lobanova Yu.I.* *Vozhdenie kak deyatel'nost', povedenie i stilevaya kharakteristika* [Driving as Activity, Behavior and Style Characteristic]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Psikhologiya* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University. Series Psychology]. 2014, no. 4, vol. 5. pp. 97–107. (In Russian).
3. *Lobanova Yu.I.* *Psikhologiya bezopasnogo avtovozhdeniya* [Psychology of Safe Driving]. Saint Petersburg, SPbGASU Publ., 2016, 265 p. (In Russian).
4. *Leandro M.* Young Drivers and Speed Selection. A Model Guided by the Theory of Planned Behavior. *Transportation Research. Part F: Traffic Psychology and Behaviour*. 2012, vol. 15(3), pp. 219–232. DOI: 10.1016/j.trf.2011.12.011. (In English).
5. *Miller G., Taubman-Ben-Ari O.* Driving Styles Among Young Novice Drivers, the Contribution of Parental Driving Styles and Personal Characteristics. *Accident Analysis & Prevention*. 2010, Mar. vol. 42(2), pp. 558–570. DOI: 10.1016/j.aap.2009.09.024. (In English).
6. *Paavera M., Eensoob D., Kaasikb K., Vahta M., Mäestuc J., Harroa J.* Preventing Risky Driving: A Novel and Efficient Brief Intervention Focusing on Acknowledgement of Personal Risk Factors. *Accident Analysis & Prevention*. 2013, Jan., vol. 50, pp. 430–437. DOI: 10.1016/j.aap.2012.05.019. (In English).
7. *Rosenbloom T., Shahar A., Elharar A., Danino O.* Risk Perception of Driving as a Function of Advanced Training Aimed at Recognizing and Handling Risks in Demanding Driving Situations. *Accident Analysis & Prevention*. 2008, Mar., vol. 40(2), pp. 697–703. DOI: 10.1016/j.aap.2007.09.007. (In English).
8. *Scott-Parker B., Watson B., King M.J.* Understanding the Psychosocial Factors Influencing the Risky Behaviour of Young Drivers. *Transportation Research. Part F: Traffic Psychology and Behaviour*. 2009, vol. 12(6), pp. 470–482. DOI: 10.1016/j.trf.2009.08.003. (In English).
9. *Taubman-Ben-Ari O., Yehiel D.* Driving Styles and Their Associations with Personality and Motivation. *Accident Analysis & Prevention*. 2012, Mar., vol. 45, pp. 416–422. DOI: 10.1016/j.aap.2011.08.007. (In English).

Получено 26.11.2016

10. Oleschenko E.M., Svatkova E.A. *O mirovom opyte dlya program obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya — malozatratnye i bystrorealizuemye meropriyatiya* [International Know-how in Ensuring Traffic Security: Low-cost and Quick-response Measures]. *Organizatsiya i bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya v krupnykh gorodakh* [Organization and Traffic Safety Management in Large Cities]. Saint Petersburg, 2010, pp. 259–266. (In Russian).
11. Reshetova E.M. *Institutsional'nye faktory povysheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya* [Institutional Factors for Improving Road Safety]. *Rol' grazhdanskogo obschestva v povyshenii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: K shestomu mezhdunarodnomu kongressu «Bezopasnost na dorogakh radi bezopasnosti zhizni»* [The Role of Civil Society in Improving Road Safety. Sixth International Congress Road Safety for the Safety of Life]. Saint Petersburg, 2016, pp. 48–58. (In Russian).
12. *Opasnoe vozhdenie* [Dangerous Driving]. Available at: <http://xn--80aegccaes3bfdcci5a.xn--p1ai/> (accessed 01.03.2016). (In Russian).
13. *Pravila dorozhnogo dvizheniya* [Traffic Laws]. Available at: <http://ekzamen-pdd-onlayn.rf/pdd/> (accessed 15.08.2016). (In Russian).
14. Ilarionov V.A. *Ekspertiza dorozhno-transportnykh proisshestiya* [Examination of Road Accidents]. Moscow, Transport Publ., 1989, 255 p. (In Russian).
15. Lobanova Yu.I., Glushko K.V. *Ob aktualnosti izucheniya aksidentalnykh sposobnostey voditeley* [On the Urgency of Studying Drivers' Accidental Abilities]. *Zakonomernosti i tendentsii razvitiya nauki v sovremennom obschestve* [Patterns and Trends in the Development of Science in Modern Society]. Ufa, Aeterna Publ., 2015, pp. 191–197. (In Russian).
16. Lobanova Yu.I., Glushko K.V. About Assessment Criteria of Driver's Accidental Abilities. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016, vol. 11, no. 17, pp. 9969–9979. Available at: <http://www.ijese.net/makale/1222> (accessed 03.11.2016). (In English).
17. Kozlov E.V. *Psikhofiziologicheskoe obosnovanie neobkhodimosti sovershenstvovaniya sistemy podgotovki voditeley: avtoref. dis. ... kand. med. nauk* [Psychophysiological Justification for the Necessity to Improve the Driver Training System. Abstract of Cand. med. sci. dis.]. Moscow, 2012, 30 p. (In Russian).
18. Kornienko A.F. *Deyatel'nost' kak soznatel'naya forma povedeniya cheloveka* [Activity as the Conscious Form of Human Behaviour]. *Filologiya i kultura. Vestnik TGGPU* [Philology and Culture]. 2010, no. 2(20). Available at: <http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/C%20304-308.pdf> (accessed 15.03.2016). (In Russian).
19. Lobanova Yu.I. *Subektivnye modeli dorozhnykh situatsiy kak kriteriy adaptirovannosti k uchastiyu v dorozhnom dvizhenii* [Subjective Models of Road Situation as Criterion Adaptation to Participate in Traffic]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University. Series: Psychology]. 2016, no. 2, pp. 100–110. (In Russian).
20. Tsygankov E.S. *Professional'naya podgotovka voditeley avtobusov, marshrutnykh taksi i minivenov* [Professional Training For Fixed-Route Taxi, Bus and Minivan Drivers]. Moscow, Eksmo Publ., 2008, 256 p. (In Russian).
21. Lobanova Yu.I. *Osobennosti stilya vozhdeniya «avariynykh» i «bezavariynykh» voditeley* [Driving Style Features Emergency and Accident-free Drivers]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psikhologiya* [Bulletin of the South Ural State University. Series Psychology]. 2016, vol. 9, no. 3, pp. 87–94. (In Russian).
22. Eliseev S.A. *Psikhologiya aksidental'nykh sposobnostey: dis. ... dokt. psikhol. nauk* [Psychology of Accidental Abilities. Dr. psych. sci. dis.]. Bryansk, 1998, 256 p. (In Russian).
23. Zhurin N.V., Zhurina T.N., Eliseev S.A. *O psikhologii bezopasnosti na gimnasticheskom snaryade «brevno»* [About Psychology of Safety on the Gymnastic Equipment «Balance Beam»]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta]. 2013, no. 8(102), pp. 67–72. (In Russian).
24. Borovskiy B.E. *Usloviya bezavariynoy raboty* [Conditions for Work Without Accidents]. Saint Petersburg, Lenizdat Publ., 1971, 355 p. (In Russian).
25. Lobanova Yu.I., Komkova L.V., Lebedeva N.Yu. *Vozmozhnosti realizatsii individual'nogo podkhoda v protsesse obucheniya vozhdeniyu* [The Possibilities of Implementing an Individual Approach in the Process of Driver Instructions]. *Chelovek i transport. Psikhologiya. Ekonomika. Tekhnika* [Person and transport. Psychology. Economy. Engineering]. Saint Petersburg, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University Publ., 2010, pp. 337–341. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 26.11.2016

Об авторах

Лобанова Юлия Игоревна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры управления организацией

Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет,
190005, Санкт-Петербург,
ул. 2-я Красноармейская, 4;
e-mail: gretta25@list.ru
ORCID: 0000-0002-6904-6790

Глушко Кирилл Владимирович

аспирант кафедры управления организацией

Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет,
190005, Санкт-Петербург,
ул. 2-я Красноармейская, 4;
e-mail: expert.glushko@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8041-8754

About the authors

Lobanova Yulia Igorevna

Ph.D. in Psychology, Docent, Associate Professor
of the Department of Organization Management

Saint Petersburg State University of Architecture
and Civil Engineering,
4, 2nd Krasnoarmeyskaya str., Saint Petersburg,
190005, Russia;
e-mail: gretta25@list.ru
ORCID: 0000-0002-6904-6790

Glushko Kirill Vladimirovich

Ph.D. Student of the Department
of Organization Management

Saint Petersburg State University of Architecture
and Civil Engineering,
4, 2nd Krasnoarmeyskaya str., Saint Petersburg,
190005, Russia;
e-mail: expert.glushko@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8041-8754

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лобанова Ю.И., Глушко К.В. Оценка чувства опасности у водителей с помощью модельного эксперимента // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 225–239.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-225-239

Please cite this article in English as:

Lobanova Yu.I., Glushko K.V. Evaluation of drivers' sense of danger by means of a model experiment // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 225–239.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-225-239

УДК 159.937

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-240-249

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ФИКСАЦИИ ВЗОРА ПРИ ВОСПРИЯТИИ ЕВРОПЕЙЦАМИ ЛИЦ ЛЮДЕЙ ЕВРОПЕОИДНОЙ И МОНГОЛОИДНОЙ РАСЫ*

Хрисанфова Людмила Аркадьевна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Представлены сравнительные результаты исследования особенностей глазодвигательной реакции испытуемых-европеоидов при рассматривании фотографий лица представителей европеоидной и монголоидной рас. Перед испытуемыми-наблюдателями ставились задачи — оценивать различные психологические качества: активность, напряженность, привлекательность. Стимульным материалом стал набор фотографических изображений лиц реальных людей — представителей европеоидной и монголоидной расы. В качестве испытуемых-оценщиков были представители европеоидной расы. Обнаружено, что в процессе восприятия лиц монголоидной расы наблюдается расширенная схема рассматривания лица: лицо в целом — правый глаз — левый глаз — нос — рот; наблюдатели-европейцы, рассматривая лицо человека одной с ними расы, предпочитают рассматривать более длительное время левый глаз, чего не наблюдается в случае лица человека, принадлежащего к монголоидной расе; при оценке активности на фотографиях монголоидных лиц более длительно фиксируется зона правого глаза, в случае европеоидного лица по-прежнему более актуальна зона левого глаза; при оценке напряженности человека на фотографии длительность фиксации взора становится максимальной в зонах левого глаза и носа как для европеоидных лиц (значимо), так и для монголоидных (на уровне тенденции); при оценке привлекательности европеоидных лиц зоны рассматривания совпадают с зонами рассматривания при оценке напряженности (левый глаз и нос), в случае монголоидных лиц более длительно рассматривает лицо в целом, т.е. другие зоны лица (брови, лоб, щеки и др.) Результаты представляют интерес для исследований по выявлению индивидуально-психологических особенностей человека при восприятии его лица, а также особенностей и установок восприятия в русле межэтнического взаимодействия.

Ключевые слова: восприятие лица, зоны лица, европеоидная раса, монголоидная раса, ай-трекинг, активность, напряженность, привлекательность.

FIXATION TIME AVERAGE IN CAUCASIANS' PERCEPTION OF CAUCASIAN AND MONGOLOID FACES

Ludmila A. Khrisanfova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article presents results of a comparative study on the characteristics of eye movement of Caucasian subjects as a response to looking at photos of Caucasian and Mongoloid faces. The subjects were expected to assess a number of psychological qualities of people in the photos — their activity, tenseness and attractiveness. A set of photos of real people aged 20–30 with Caucasian and Mongoloid faces was used as stimuli. The subjects were 23 Caucasians aged 18–22. The study objectives were to confirm the hypothesis about some common, «universal» patterns of looking at a human face irrespective of its owner's race, to identify the characteristics of a human face perception depending on the particular race, as well as to identify a particular strategy of looking at a human face in the course of dealing with various assigned tasks.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-06-00670 «Социально-перцептивная компетентность в структуре межэтнического общения» (Институт психологии РАН).

Our findings show that 1) when dealing with Mongoloid faces, an extended pattern of a human face examination is more common: the face as a whole – the right eye – the left eye – the nose – the lips; 2) for Caucasian subjects, the Fixation Time Average (ms) is longer for the left eye when they look at Caucasian faces, while it is not so when the subjects examine Mongoloid faces; 3) when the subjects are assessing the activity of an individual in the photo, the Fixation Time Average is longer for the Mongoloid faces' right eye zone, while for Caucasian faces the focus is still on the left eye zone; 4) when the subjects are assessing tenseness of individuals in the photos, the Fixation Time Average is the longest for the left eye and nose zones, both for Caucasian faces (with significant values), and Mongoloid faces (as a trend); 5) when the subjects are assessing attractiveness, the fixation zones are the same as those for assessing tenseness (the left eye and nose zones) for Caucasian faces, while for Mongoloid faces the face as a whole is examined longer (i.e., other face zones — eyebrows, forehead, cheeks etc.). The results are valuable for research into perception of an individual's personal characteristics and qualities while examining their face, as well as perception of human faces of different races.

Keywords: perception of a face, face zones, Caucasian race, Mongoloid race, eye tracking, eye movements, activity, tenseness, attractiveness.

Проблема исследования

В основе исследования — идея соответствия характеристик целостного перцептивного образа воспринимаемого человека особенностям строения его лица. Перцептивный образ человека включает в себя информацию различного рода, в том числе суждения о базовых психологических качествах индивида. Например, по лицу человека представляется возможным судить об особенностях его темперамента, например, является ли тот или иной человек активным или тревожным. Таким образом, есть некие лицевые особенности, способствующие формированию определенных компонентов перцептивного образа, относящихся к базовым психологическим свойствам индивида.

Реализация задачи обнаружения роли различных лицевых особенностей в формирование перцептивного образа воспринимаемого человека является в методическом плане достаточно трудной. В определенной степени метод окулографии (запись и анализ окуломоторной активности [взора] воспринимающих людей) позволяет изучить влияние внешнего контекста на процесс восприятия и, следовательно, формирования образа. Известно, что взор человека является функциональным органом восприятия или, иными словами, системой активного зрительного восприятия. Деятельность этой системы определяется многими составляющими — от анатомического строения глаза, сенсорных стимулов и характера перцептивных событий до когнитивных установок, индивидуального стиля поведения и произвольных интенций. Поэтому исследование взора позволяет получить самую разнообразную информацию о человеке [1]. По мнению А.Л. Ярбуса, В.А. Барабанщикова и др., основное внимание при рассматривании наблюдателем разнообразных объектов уделяется лишь некоторым значимым элементам, причем ими могут быть даже части одного и того же изоб-

ражения. При этом некоторые не значимые для наблюдателя элементы фактически игнорируются взором. Кроме того, фиксация взгляда на определенных точках объекта будет меняться в зависимости от поставленных перед испытуемым задач [2, 3]. Такие записи о движениях глаз позволяют выделить значимые элементы объекта при решении конкретной задачи, которую в данный момент решает наблюдатель.

Принимая во внимание изложенные факты и поставленные в описываемом исследовании задачи, нами было предпринято исследование восприятия лиц представителей монголоидной расы по сравнению с восприятием лиц людей той же расы, что и наблюдатели, т.е. людьми европеоидной расы. При этом перед наблюдателями-европейцами ставились различные оценочные задачи, одновременно регистрировалась их глазодвигательная активность.

Цель исследования: изучение особенностей глазодвигательной реакции испытуемых-европеоидов при рассматривании фотографий лиц людей европеоидной и монголоидной рас при решении различных задач.

Объект исследования: восприятие лиц представителей европеоидной и монголоидной расы.

Предмет исследования: особенности глазодвигательной реакции испытуемых-европейцев, проявляющиеся в исследуемых показателях взора (длительность фиксации взора).

Гипотеза 1: характеристики глазодвигательной активности наблюдателей-европейцев будут различаться при рассматривании ими лиц людей одной с ними расы и лиц представителей другой расы.

Гипотеза 2: характеристики взора, зафиксированного в различных зонах рассматриваемого лица, будут отличаться в случае различий в поставленной задаче оценивания.

Стимульный материал исследования

Стимульным материалом исследования стали два набора фотоизображений лиц. Первый набор — 35 черно-белых фотоизображений в анфас лиц мужчин, европеоидной расы. Второй набор — 15 черно-белых фотографических изображений в анфас лиц мужчин — представителей монголоидной расовой группы. Все фотоизображения приведены к общему стандарту: 1380 x 1050 pixel (при разрешении экрана 1680 x 1050 pixel).

Характеристика выборки испытуемых

В исследовании приняли участие 23 студента (17 юношей и 6 девушек) Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского в возрасте от 18 до 22 лет (средний возраст — 20 лет). Все участники исследования принадлежали к европеоидной расовой группе. Оценивали лица европеоидной расы по фотографиям 7 наблюдателей-европейцев (из них 5 юношей и 2 девушки). Лица представителей монголоидной расы по фотографиям оценивали 16 наблюдателей-европейцев (из них 12 юношей и 4 девушки). По техническим причинам в анализ включены данные не по всем испытуемым, а только по тем из них, для которых данные эксперимента были сохранены в полном объеме.

Описание процедуры исследования

При рассматривании лиц монголоидной расы использовались установка видеорегистрации движений глаз SMI Hi-Speed 1250 и ее штатное программное обеспечение iVew-X 3.0, Experiment Centre 3.0. Также была использована установка видеорегистрации движений глаз SMI EyeTrackingGlasses (ETG) с аналогичным штатным программным обеспечением при рассматривании лиц европеоидной расы. Исследование проводилось по следующему алгоритму:

1. Участники исследования участвовали в процедуре калибровки и ознакомления со следующей инструкцией:

«На экране будут появляться разные лица. Вам нужно будет оценить каждое лицо с точки зрения степени выраженности некоторых личностных качеств по пятибалльной шкале: 1 — качество слабо выражено, 2 — среднеслабо, 3 — среднее, 4 — среднесильно, 5 — сильно. Спасибо!».

2. Непосредственно перед процедурой оценивания испытуемому на экране монитора компьютера выводилось сообщение о том, какое качество личности он будет сейчас оценивать (активность, напряженность, привлекательность). Затем на экране последовательно предъявлялись фикса-

ционная точка (время экспозиции — 1 с) и фотографическое изображение лица (время экспозиции — 2 с). После завершения экспозиции лица испытуемый производил оценку выраженности исследуемой характеристики путем фиксации с помощью «клика» клавишей манипулятора «мышь» своего выбора соответствующего балла оценки по представленной на экране монитора пятибалльной шкале. После предъявления следующего стимула процедура повторялась. Было записано 15 проб для каждого испытуемого, оценивающего представителей монголоидной расы, что в совокупности дало 240 экспериментальных ситуаций. Для испытуемых, оценивающих людей, принадлежащих к европеоидной расе, было записано 35 проб, что в совокупности дало 245 экспериментальных ситуаций.

3. Испытуемые при оценивании индивидуальных психологических характеристик (качеств) человека руководствовались следующим:

Под «активностью» понималось интегральное качество личности, проявляющееся как инициативное и деятельностное отношение к жизни, деятельности, людям и их проблемам, как стремление и способность человека преобразовывать окружающую среду, отношения с другими людьми и себя лично.

«Напряженность» человека в контексте данного исследования определялась как чувство напряжения, общее ощущение нарушения равновесия и готовности изменить поведение при встрече с каким-либо угрожающим ситуативным фактором, при этом обязательно присутствуют возрастание и сила переживаемых эмоций и реакций.

«Социабельность» — это способность к социальной адаптации, включенности в состав социального окружения, как ориентация на окружающих людей. Это качество в рамках данного исследования определялось через характеристику «привлекательность». При этом «привлекательность» человека рассматривалась как обладание приятным внешним видом, вызывающим симпатию, располагающим к себе.

Выбор качеств для оценивания (активность, напряженность социабельность) обусловлен методологической парадигмой исследования: пониманием развития личности как системного процесса, которое задается ведущими тенденциями. Ведущая тенденция, по мнению Л.Н. Собчик, объединяет такие категории, как «черта», «свойство», «состояние», определяет направление их трансформации в разные периоды жизни и на разных уровнях самосознания, включает в себя условия формирования свойства, само свойство, predisпозицию к тому

состоянию, которое может развиваться под влиянием средовых воздействий как продолжение данного свойства. Ведущей тенденции соответствуют устойчивые конституционально обусловленные свойства. Данные свойства, на наш взгляд, подчиняются принципу системности и выстраиваются с обязательным включением средовых воздействий в определенную сложноорганизованную иерархическую структуру, которая проявляется вовне эмоциональными особенностями, особенностями мотивационной сферы, когнитивного стиля, коммуникативными особенностями. Им соответствуют в той или иной мере определенные внешние признаки, в том числе и на лице человека, которые с определенной долей вероятности обнаруживаются людьми в процессе восприятия лица человека (партнера по общению). На основании фактов, обнаруженных автором данной статьи [4], и проведенного анализа литературных данных к ведущим тенденциям относятся такие качества личности, как активность, напряженность и социальность.

Обработка и анализ данных

Поскольку степень выраженности оцениваемых качеств на эмоционально нейтральном лице по определению не может быть высокой, то оценки, полученные по данной шкале, могут систематизироваться следующим образом: характеристика (качество) считалась не выраженной при оценке в 1 или 2 балла (ниже среднего); качество определялось как выраженное при оценках в 3, 4, 5 баллов (средняя степень выраженности и больше). Следует отметить, что испытуемыми крайне редко использовалась оценка выраженности качества в 5 баллов.

Анализ данных об окулomotorной активности испытуемых проводился с помощью штатного программного обеспечения ВеGaze 3.0.

Для каждого фотоизображения лица была произведена разметка зон интереса (Area of Interest — AOI): свободное пространство, правый глаз, левый глаз, нос, переносица, рот (рис. 1).

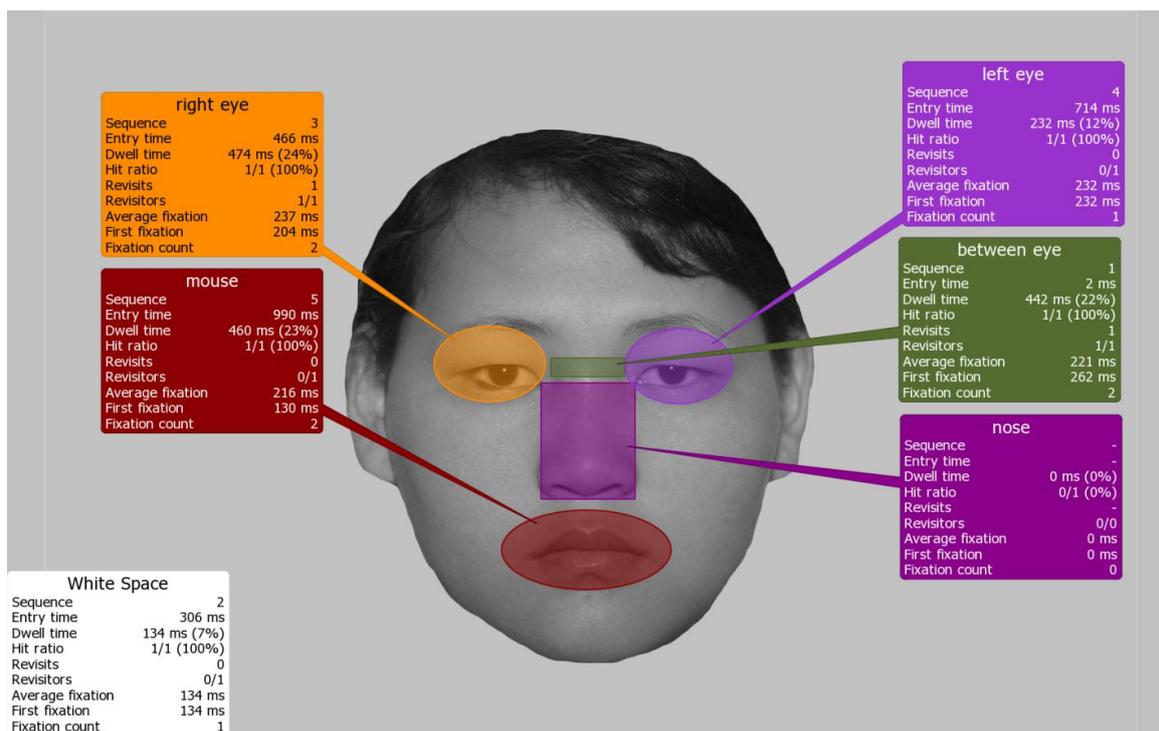

Рис. 1. Пример разметки зон интереса

Выбранная разметка зон интересов отличается от стандартной, согласно которой изображение лица делят на площади, фактически равные по величине. Разметка зон интересов в данном исследовании была продиктована целями исследования и биологическими особенностями строения лица. Зона переносицы в дальнейшем была ис-

ключена из обработки данных, поскольку ее координаты совпадали с координатами фиксации точки, и рассматривание лица всегда началось с этой зоны. Зона «свободное пространство» («White Space») предполагает все остальные площади изображения, помимо выделенных зон интереса. В эксперименте с монголоидными лицами

эти площади ограничивались остальными зонами лица, исключая зоны глаз, носа и рта. За пределы изображения лица взоры наблюдателей не выходили (это объясняется специально созданным для этой цели монохромным нейтральным фоном и задачами, поставленными перед испытуемыми). При рассматривании испытуемыми-европейцами лиц людей, принадлежащих к европеоидной расе, взоры наблюдателей вообще не покидали обозначенные зоны интереса (зоны глаз, носа и рта), т.е. в случае совпадения расы модели и расы наблюдателя лицо в целом не рассматривалось.

В качестве характеристик глазодвигательной активности использовалась длительность фиксации взора (в среднем по выборке) по зонам лица в зависимости от поставленной задачи оценивания.

Длительность фиксаций взора (в среднем по выборке) по зонам монголоидного и европеоидного лица в зависимости от поставленной задачи оценивания

Усредненная длительность всех фиксаций для каждой зоны лица (зоны интереса) определялась по показателю Fixation Time Average (ms) программы ВеGaze. При этом учитывалась задача, которая стояла перед испытуемыми-оценщиками: оценка выраженности характеристик (качеств), а именно — активности, напряженности и привлекательности. Полученные данные при оценке качеств людей, принадлежащих к монголоидной и европеоидной расе, представлены соответственно в табл. 1, 2, а также на рис. 2.

Таблица 1. Среднее время фиксации (Fixation Time Average, ms) при оценке индивидуально-психологических качеств человека по фотографии представителей монголоидной расы для каждой зоны лица

Зона лица	Оцениваемые качества		
	Активность	Напряженность	Привлекательность
Правый глаз	429*	343	296
Левый глаз	333	391**	266
Нос	205	243	245
Рот	128	132	137
Лицо в целом	372	384	544***

* — значимые различия со временем фиксации в зоне правого глаза при оценке активности и напряженности (t-критерий равенства средних = 3,750 при уровне значимости 0,001), при оценке активности и привлекательности (t = 5,607 при уровне значимости 0,000), при оценке активности с другими зонами лица (t = 4,004 при уровне значимости 0,001);

** — значимые различия со временем фиксации в зоне левого глаза при оценке напряженности и активности (t = -2,699 при уровне значимости 0,013) и при оценке других качеств;

*** — значимые различия со временем фиксации при оценке привлекательности и активности (t = -4,057 при уровне значимости 0,001).

Таблица 2. Среднее время фиксации (Fixation Time Average, ms) при оценке индивидуально-психологических качеств человека по фотографии представителей европеоидной расы для каждой зоны лица

Зона лица	Оцениваемые качества		
	Активность	Напряженность	Привлекательность
Правый глаз	636*	572**	482***
Левый глаз	646*	678**	670
Нос	90	141	140
Рот	277	255	224
Лицо в целом	—	—	—

* — значимые различия во времени фиксации при оценке активности между зонами глаз и зоной носа (t = 9,912 при уровне значимости 0,000), а также зоной рта (t = 6,418 при уровне значимости 0,000);

** — значимые различия во времени фиксации при оценке напряженности между зоной правого глаза и зоной носа (t-критерий равенства средних = 6,463 при уровне значимости 0,000), между зоной правого глаза и зоной рта (t = 4,825 при уровне значимости 0,000);

*** — значимые различия во времени фиксации при оценке привлекательности между зонами правого глаза и зонами носа и рта (t = 4,312 при уровне значимости 0,001).

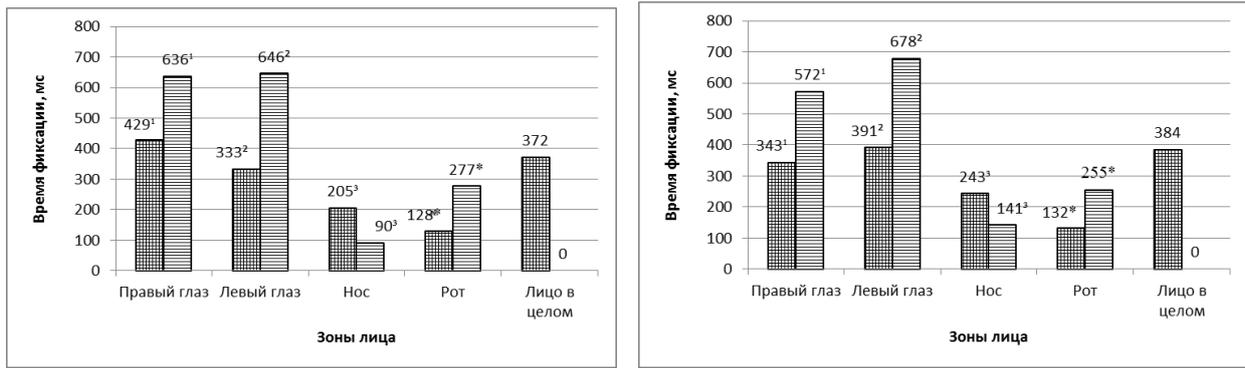
Результаты, представленные в табл. 1, 2 и на рис. 2, свидетельствуют прежде всего о том, что рассматривание лица независимо от расовой принадлежности включает общую схему, которая состоит из основных «узловых» компонентов лица: глаза, нос, рот. Естественно, что универсальное строение человеческого лица предполагают наличие универсальной схемы рассматривания лица. Но, на наш взгляд, универсальная схема рассматривания лица «глаза – нос – рот» является свидетельством достаточной информативной наполненности этих зон лица. Подтверждением этого вывода является тот факт, что при установке — оценить различающиеся качества (активности и напряженности) человека на фотографии взор наблюдателей большую часть времени находился в пределах данных зон независимо от расовой принадлежности рассматриваемого лица. Это, на наш взгляд, хорошо согласуется с обнаруженными нами ранее результатами при исследовании взаимосвязи индивидуально-психологических характеристик человека с особенностями строения лица. Согласно данным предыдущих исследований такие качества, как активность и напряженность, оказались связанными с лицевыми пропорциями, очерченными зонами глаз, носа и рта [4, 5]. Взаимосвязь пропорциональности лица в зонах глаз, носа и рта с качествами активности и напряженности, обнаруженная на европеоидных взрослых и детских лицах, предпочтение этих зон при рассматривании лиц различной расовой принадлежности в процессе оценки активности и напряженности людей на фотографиях хорошо согласуется с генезисом лицевого черепа. Лицевой череп, как известно, является самой подвижной частью черепа и пропорциональность его развития сильно зависит от ряда факторов биологического порядка, например гормонального фона [6]. Но, как известно, такие качества, как активность и напряженность, также имеют значимую долю влияния гормонального фона человека. Таким образом, мы видим «триаду», представляющую собой взаимосвязанную систему: биологический предиктор – строение лица – восприятие лица.

Несмотря на наличие описанного выше сходства восприятия лиц разной расовой принадлежности, необходимо отметить различия, которые наблюдаются при рассматривании наблюдателями-европейцами лиц монголоидного и европеоидного типов. Монголоидные лица рассматриваются наблюдателями-европейцами по расширен-

ной схеме: кроме глаз, носа и рта рассматриваются также другие части лица (брови, щеки, виски, лоб и др.). Наряду с этим испытуемые-европейцы не рассматривали лица одной с ними расы в целом, их взоры всегда ограничивались зонами глаз, носа и рта. Автор исследования полагает, что данный факт можно объяснить наличием уже сформированного эталона лица в случае, если наблюдаемый человек относится к своей, хорошо знакомой, расе. Сравнение с эталоном в этом случае может происходить по усеченной схеме при участии так называемого бокового зрения. В случае рассматривания лица человека другой расы такого эталона нет, поэтому лицо начинает рассматриваться по разным зонам.

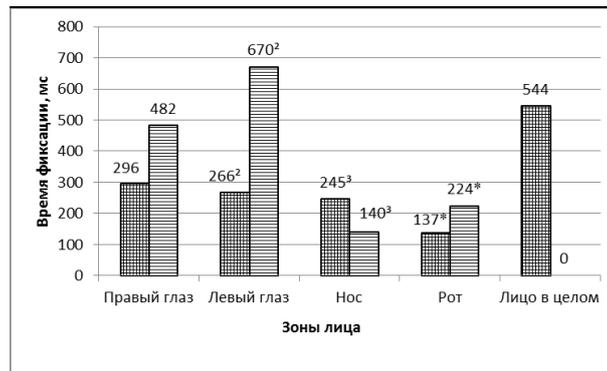
Следующий значимый факт, обнаруженный в эксперименте, заключается в том, что длительность фиксации взора в различных зонах лица зависит и от расовой принадлежности человека, лицо которого рассматривается, и от поставленной задачи оценивания.

Наблюдатели-европейцы, рассматривая лицо человека одной с ними расы, предпочитают более длительное время рассматривать левый глаз, чего не наблюдается в случае рассматривания лица человека, принадлежащего к монголоидной расе. Возможным объяснением этого факта может быть следующее. Согласно данным некоторых исследователей [7], левая и правая половины лица несут разную информацию о человеке. По левой половине лица испытуемые в эксперименте Н.Г. Артемцевой судили об интровертированности человека и выраженности некоторых отрицательных эмоциональных характеристик (грустный, злой, жесткий, нетерпимый, грубый). В случае восприятия лиц людей одной расы, когда перед испытуемыми не стоит имплицитная задача ориентировочной реакции (в отличие от восприятия лиц другой расы), на первый план выходит задача получения о коммуниканте качественной информации, имеющей значение для дальнейшего развития контакта. Подсознательно, опираясь на предшествующий жизненный опыт, люди более длительно фиксируют свой взор на тех зонах лица, которые могут дать необходимую информацию.

А. Задача оценки активности человека

Б. Задача оценки напряженности человека

В. Задача оценки привлекательности человека

Рис. 2. Среднее время фиксации взгляда (мс) по зонам монголоидного и европеоидного лица при различных постановочных задачах оценивания.

Штриховка «сетка» — монголоидные лица; горизонтальная штриховка — европеоидные лица.

А: ¹ — значимость различий $t = 3,312$ при уровне значимости 0,003; ² — значимость различий $t = 5,668$ при уровне значимости 0,000; ³ — значимость различий $t = -3,921$ при уровне значимости 0,001; * — значимость различий $t = -5,018$ при уровне значимости 0,000. Б: ¹ — значимость различий $t = 3,627$ при уровне значимости 0,001; ² — значимость различий $t = 2,993$ при уровне значимости 0,007; ³ — значимость различий $t = -2,049$ при уровне значимости 0,053; * — значимость различий $t = 3,499$ при уровне значимости 0,002. В: ² — значимость различий $t = 6,102$ при уровне значимости 0,000; ³ — значимость различий $t = -2,909$ при уровне значимости 0,007; * — значимость различий $t = 3,200$ при уровне значимости 0,006.

Поставленная задача — оценить активность человека на фотографии — увеличивает разницу во времени рассматривания левого и правого глаза для монголоидных и европеоидных лиц: в случае монголоидных лиц начинает более длительно фиксироваться зона правого глаза, в случае европеоидного лица по-прежнему более актуальной остается зона левого глаза.

При постановке задачи оценить напряженность человека на фотографии длительность фиксации взгляда становится максимальной в зонах левого глаза и носа как для европеоидных лиц, так и для монголоидных. Для европеоидных лиц все различия значимы, для монголоидных в случае увеличения длительности фиксации взгляда в зоне носа уровень значимости не достигается, но тенденция явно прослеживается.

При оценке привлекательности человека на фотографии в случае рассматривания европеоидных лиц по-прежнему актуальными остаются зоны левого глаза и носа как и в случае оценки напряженности, а вот монголоидные лица более длительно начинают рассматриваться в целом, т.е. по другим зонам лица (брови, лоб, щеки и др). Опираясь на выявленные различия, можно предположить, что для наблюдателей-европейцев понятие «привлекательность» несколько различается относительно лиц одной с ними расы и лиц другой расы. Учитывая совпадения зон рассматривания лица в случае оценок напряженности и привлекательности для европеоидных лиц, отметим, что, вероятно, наличие/отсутствие признаков напряженности на лице рассматриваемого человека одной расы с наблюдателем имеет значение

для оценки его привлекательности как проявления качества социабельности. Наличие признаков напряженности связано с зонами левого глаза и носа. При оценке привлекательности человека, отличного от наблюдателя расы, на первый план выходят другие признаки, которые связаны с лицом в целом. Возможно, приоритетными становятся эстетические признаки в силу опять же отсутствия сформированного эталона восприятия лица малознакомой расы.

Явление более длительного рассматривания наблюдателями зоны правого глаза при оценке активности воспринимаемого человека, обнаруженное в описываемом нами эксперименте, находит подтверждение в экспериментальных исследованиях других авторов. Так, Е.А. Лупенко при оценивании профилей личности по правой, левой половине и лицу в целом с помощью методики «Личностный дифференциал» получила данные, свидетельствующие о связи фактора «активности» с оценкой правой половины лица, которая выражается в таких личностных характеристиках, как «сильный», «упрямый», «независимый», «деятельный», «решительный», «энергичный», «уверенный», «самостоятельный» [8].

Оценка личностных качеств, относящихся к факторам «доброта – искренность» и «общительность», оказалась связанной с оценкой лица в целом [8]. Характеристика «привлекательность», которая оценивалась в нашем эксперименте, несомненно, принадлежит к той же категории, что и «доброта – искренность», «общительность», что обосновывает возможность их объединения в одну категорию, названную нами «социабельность». При оценке социабельности человека рассматривается лицо в целом. Этот факт можно объяснить прежде всего тем, какой эмоциональный посыл несет в себе человек, общаясь с другими людьми. Лицо человека, находящегося даже в спокойном состоянии, имеет признаки неярко выраженных, как бы «стертых» эмоций («микровыражений»), которые, как известно, распределяются по всему лицу. Именно эти микровыражения, по нашему мнению, считываются наблюдателями при оценке особенностей социабельности воспринимаемого человека. Оценка привлекательности, кроме того, включает в себя оценку волос, ушей, форму лица и его частей, наличие особых признаков на лице и др. Естественно, при этом потребуется рассматривать все лицо целиком.

Выводы

1. Рассматривание лица независимо от расовой принадлежности включает общую схему, которая состоит из основных «узловых» компонентов лица: глаза, нос, рот.

2. Монголоидные лица рассматриваются наблюдателями-европейцами по расширенной схеме: кроме глаз, носа и рта рассматриваются также другие части лица (брови, щеки, виски, лоб и др.).

3. Длительность фиксации взора в различных зонах лица зависит и от расовой принадлежности человека, лицо которого рассматривается, и от поставленной задачи оценивания.

4. Наблюдатели-европейцы, рассматривая лицо человека одной с ними расы, предпочитают более длительное время рассматривать левый глаз, чего не наблюдается в случае рассматривания лица человека, принадлежащего к монголоидной расе.

5. При оценке активности человека на фотографии в случае монголоидных лиц более длительно фиксируется зона правого глаза, в случае европеоидного лица по-прежнему более актуальной остается зона левого глаза.

6. При оценке напряженности человека на фотографии длительность фиксации взора становится максимальной в зонах левого глаза и носа как для европеоидных лиц (значимо), так и для монголоидных (на уровне тенденции).

7. В случае оценки привлекательности человека на фотографии при рассматривании европеоидных лиц зоны рассматривания совпадают с зонами рассматривания как при оценке напряженности (левый глаз и нос), в случае монголоидных лиц более длительно рассматривается лицо в целом, т.е. по другим зонам лица (брови, лоб, щеки и др.).

Заключение

Изучение параметров глазодвигательной активности наблюдателей-европейцев при восприятии лиц представителей монголоидной и европеоидной расы позволяет подтвердить наличие общей схемы рассматривания лица, определяемой универсальной структурой лица человека и достаточностью объема информации, заложенной в эту структуру. Однако уникальное строение лица у людей другой расы определяет изменения в схеме его рассматривания, проявляющиеся увеличением числа рассматриваемых зон и большим разнообразием траекторий движения взора. При постановочной задаче оценивания различных индивиду-

ально-психологических качеств личности представленного на фотографии человека количество фиксации взгляда наблюдателя по зонам лица разное. И это во многом одинаково для лиц людей, принадлежащих к разным расам. Результаты подтверждают выдвинутую гипотезу, согласно которой в процессе восприятия лица другого человека наблюдатель, оценивая определенные базовые индивидуально-психологические особенности, имплицитно опирается на особенности воспринимаемых конкретных параметров лица человека. Данные параметры являются универсальными для всех лиц независимо от расы в случае оценки базовых качеств человека.

Список литературы

1. Белопольский В.И. Функциональная структура и динамика взгляда человека: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2008. 51 с.
2. Барабанщиков В.А., Жегалло А.В. Регистрация и анализ направленности взгляда человека. М.: Ин-т психологии РАН, 2013. 316 с.
3. Ярбус А.Л. Роль движений глаз в процессе зрения. М.: Наука, 1965. 166 с.
4. Хрисанфова Л.А., Барабанщиков В.А., Жегалло А.В. Оценка взрослыми индивидуально-психологических характеристик ребенка по его фотографии // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9, № 2. С. 38–52. DOI:10.17759/exppsy.2016090204.
5. Хрисанфова Л.А. Исследование взаимосвязи лицевой симметрии–асимметрии с некоторыми психологическими и психофизиологическими особенностями человека // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Психология. 2009. № 4. С. 304–311.
6. Механик Н.С. Основы пластической анатомии. М.: Искусство, 1958. 432 с.
7. Артемцева Н.Г. Восприятие психологических характеристик человека по «разделенному лицу»: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2003. 19 с.
8. Лупенко Е.А. Влияние пространственной асимметрии лица на восприятие личности человека по портретному изображению // Лицо человека в пространстве общения / отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М.: Моск. ин-т психоанализа – Когито-Центр, 2016. С. 283–305.

Получено 17.02.2017

References

1. Belopolskiy V.I. *Funktional'naya struktura i dinamika vzora cheloveka: avtoref. dis. ... d-ra psikholog. nauk* [Functional Structure and Dynamics of the Human Eye. Abstract of Dr. psychol. sci. dis.]. Moscow, 2008, 51 p. (In Russian).
2. Barabanshikov V.A., Zhegallo A.V. *Registratsiya i analiz napravlennosti vzora cheloveka*. [Registration and Orientation Analysis of the Human Eye]. Moscow, IP RAS Publ., 2013. 316 p. (In Russian).
3. Yarbus A.L. *Rol' dvizheniy glaz v protsesse zreniya* [The Role of Eye Movements in the Vision Process]. Moscow, Nauka Publ., 1965, 166 p. (In Russian).
4. Khrisanfova L.A., Barabanshikov V.A., Zhegallo A.V. *Otsenka vzroslymi individualno-psikhologicheskikh kharakteristik rebenka po ego fotografii* [Individual Psychological Characteristics of Children Evaluated from Photographs of Their Faces by Adult Observers]. *Ekspperimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology]. 2016, Vol. 9, no. 2. pp. 38–52. DOI:10.17759/exppsy.2016090204. (In Russian).
5. Khrisanfova L.A. *Issledovanie vzaimosvyazi litsevoy simmetrii–asimmetrii s nekotorymi psikhologicheskimi i psikhofiziologicheskimi osobennostyami cheloveka* [Research Into Interrelation Between Facial Symmetry/Asymmetry and Some Psychic and Psychophysiological Characteristics of a Person]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Psikhologiya* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod]. 2009, no. 4, pp. 304–311. (In Russian).
6. Mekhanik N.S. *Osnovy plasticheskoy anatomii* [Basics of Plastic Anatomy]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1958, 432 p. (In Russian).
7. Artemtseva N.G. *Vospriyatye psikhologicheskikh kharakteristik cheloveka po «razdelennomu litsu»: avtoref. dis. ... kand. psikholog. nauk*. [Perception of Psychological Characteristics of a Person by a «Divided Face». Abstract of Cand. psychol. sci. dis.]. Moscow, 2003, 19 p. (In Russian).
8. Lupenko E.A. *Vliyanie prostranstvennoy asimmetrii litsa na vospriyatye lichnosti cheloveka po portretnomu izobrazheniyu* [Influence of the Spatial Asymmetry of the Face on the Perception of a Person's Identity from Portraits]. *Litsa cheloveka v prostranstve obscheniya / отв. red. K.I. Ananeva, V.A. Barabanshikov, A.A. Demidov* [A Human Face in the Space of Communication. Ed. by K.I. Ananeva, V.A. Barabanshikov, A.A. Demidov]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2016, pp. 283–305. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 17.02.2017

Об авторе

Хрисанфова Людмила Аркадьевна
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и социальной психологии
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;
e-mail: l.hri@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6697-7939

About the author

Khrisanfova Ludmila Arkad'evna
Ph.D. in Psychology, Docent, Associate Professor
of the Department of General and Social Psychology
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23, Gagarin av., Nizhny Novgorod, 603950, Russia;
e-mail: l.hri@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6697-7939

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Хрисанфова Л.А. Длительность фиксации взора при восприятии европейцами лиц людей европеоидной и монголоидной расы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 240–249. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-240-249

Please cite this article in English as:

Khrisanfova L.A. Fixation time average in Caucasians' perception of Caucasian and Mongoloid faces // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 240–249.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-240-249

УДК 39:316.356.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-250-257

СИМВОЛИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОРНИТОМОРФНЫХ СИМВОЛАХ ПРОЕКТИВНОГО ТЕСТА «ПТИЦА»

Абакарова Эмма Гаджиевна

Ставропольский государственный медицинский университет

Мифологизация образа птицы восходит к палеолиту, продолжается в неолите, в эпоху бронзы и происходит до настоящего времени. В данной статье образ птицы рассматривается как один из древнейших архетипических символов, сохранившихся в мировой мифологии, фольклоре и литературе. В образе птицы человек воплощал определенные стремления и качества. С течением времени различные типы птиц наделяются конкретными качествами, присущими людям. Орнитоморфная модель семейных отношений рассматривается через призму проективного теста «Птица» (Э.Г. Абакарова, 2014). Основой анализа является нарисованное изображение и дополнительное описание (лексемы). Репрезентативные выборки контекстов позволяют выделить определенные схемы, по которым классифицируются метафорические и психологические переносы. Определенные символы птиц тесно связаны со склонностью к семейным отношениям и семье как таковой или к отвержению их. Образы голубя, лебедя, гуся и утки рассматриваются как отражение субъекта идеальных семейных отношений. Образ гнезда раскрывает способность создать полноценную счастливую семью. Благодаря высокой частотности и продуктивности данных орнитоморфных символов, а также их сильно выраженному положительному метафорическому смыслу семья и дом воспринимаются как всеобщие, значимые и нерушимые ценности.

Ключевые слова: архетип, символ птицы, орнитоморфная модель, проективный тест «Птица», семья, душа.

SYMBOLIC CONCEPTUALIZATION OF FAMILY RELATIONSHIPS USING ORNITHOMORPHIC SYMBOLS IN THE PROJECTIVE «BIRD TEST»

Emma G. Abakarova

Stavropol State Medical University

The mythologisation of the image of the bird first appeared in the Paleolithic Era and has continued, through the Neolithic Era and the Bronze Age, into modern times. In this article the image of a bird is regarded as one of the most ancient of archetypal symbols to be found in mythology, folklore and literature around the world. In terms of symbolism the bird is an incarnation of particular desires and qualities. Over time different birds have come to be associated with specific human traits. The ornithomorphic model of family relationships is viewable through the prism of the projective Bird Test (E.G. Abakarova, 2014), in which analysis is based on a drawing and written description (lexical analysis). Representative sampling of contexts enables us to identify patterns by which we can subsequently classify metaphorical and psychological changes. The images of some birds in particular are closely associated with a predisposition towards or rejection of family relationships and the family per se. Drawings of doves, swans, geese and ducks are taken to symbolize ideal family relationships, while an image of a nest symbolizes the ability to create a happy family. The high frequency and productivity of the results produced by these ornithomorphic symbols, as well as their strong positive metaphorical meaning, home and family are regarded as values that are shared, meaningful and indestructible.

Keywords: archetype, the bird symbol, ornithomorphic model, The Bird Test, family, psycho.

Введение

В истории человечества, в культуре зафиксирован символический образ птицы на всех материках: в Азии, Африке, Южной и Северной Америке. Это связано с анимистическими представлениями о душе и о том, что у некоторых народов душа мыслится в облике животных, птиц, змей [1]. Подобные суждения в прошлом были распространены у всех народов земного шара. Первоначальное представление основывалось на понимании того, что душа человека имеет вид животного или птицы. С развитием религиозного мышления оно сменилось представлением о том, что душа после смерти человека переходит, иногда временно, в какое-либо животное или птицу [2, с. 106]. Данные воззрения побуждали исследовать психическую составляющую человека и соотношение ее с характером различных животных, однако выделение образа птицы в отдельную диагностическую единицу определило новые границы психологической интерпретации и исследовательского поиска [3].

Данный исследовательский поиск опирается на первообраз (архетип), который понимается как универсальные врожденные психические структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного, распознаваемые в нашем опыте и являемые, как правило, в образах и мотивах сновидений. Те же структуры лежат в основе общечеловеческой символики мифов, волшебных сказок, сюжетов художественных произведений [4]. Архетип — это коллективные универсальные паттерны (модели), или мотивы, возникающие из коллективного бессознательного и являющиеся основным содержанием религий, мифологий, легенд и народных сказаний [5]. Именно птица является одним из древнейших архетипических образов, сохранившихся в мировой мифологии, фольклоре и литературе. Мифологизация образа птицы восходит к палеолиту, продолжается в неолите, в эпоху бронзы и до настоящего времени.

Наиболее известные нам символы птиц (ворон, сова, голубь, лебедь, орел) можно отнести к архетипам по нескольким критериям:

1. Архетип по определению является архаическим феноменом, поэтому должен иметь проявления в мифах, фольклоре и т.п.

2. Архетип, являясь структурой коллективного бессознательного, должен проявляться у всех народов и во все эпохи (разумеется, в различной степени).

3. Архетип должен восприниматься доосознанно (а не вследствие научения).

4. Архетип, отраженный в сознательном, должен иметь как концепт, так и символ (возможно, не один).

5. Архетип как структура, могущая соответствовать самости, должен иметь объединяющую силу для некоторого количества индивидов, которые имеют проработанное цельное мировоззрение.

6. Архетипы в равной мере представляют собой как чувство, так и мысль; они даже имеют нечто подобное собственной, самостоятельной жизни, вроде жизни частичных душ.

7. В архетипах заключена собственная специфическая энергетика.

В различных культурах птице отводились особые роль и значение. Птица является символом свободы и души. Образ птицы — часть триединого символа «яйцо, птица, змея», как отражение меняющегося и зарождающегося времени (яйцо), духовности (птица) и земного начала (змея). Благодаря способности подниматься ввысь птицы олицетворяют божественность, власть и победу. Начиная с Древней Греции птицы считаются посланниками (вестниками) богов.

В образе птицы человек воплощал определенные стремления и качества. И со временем это сформировало определенную орнитоморфную модель поведения, выраженную в определенных птичьих образах. Различные образы птиц наделяются конкретными качествами, присущими людям. Таким образом они отражают человеческую природу, поведение, форму сосуществования. Традиционно врановые отождествляются со смертью, трагическими событиями или грядущими неприятностями. Хищные птицы, такие как орел, сокол, сова, олицетворяют собой высшую власть и наделены определенными карательными функциями. Голуби являются вестниками мира и добра. А лебеди, гуси, утки (и другие водоплавающие птицы) — вестники новой зарождающейся жизни и путеводители человеческих душ между земным и загробными мирами.

Основанием для такого сближения служат сопоставимые признаки человека и птиц (строение тела, физиологические потребности, контакты с себе подобными, инстинкты, материнское и родительское поведение и т.п.), а также закрепление образов и моделей поведения в народном и художественном творчестве. Изучая повторяющиеся во многих культурах идентичные символы, можно говорить об определенных архетипах. Исходя из

аналитического понятия «архетип» (К.Г. Юнг, 1919), в единых для многих культур образах мы видим некие первичные врожденные структуры коллективного бессознательного, или психический «осадок» повторяющихся жизненных ситуаций, задач и переживаний человека [6]. Подобные архетипы закрепляются на разных уровнях человеческой деятельности: традиции, обряды, ремесло, фольклорное, литературное творчество и т.д.

По определению А.Ю. Большаковой, литературный архетип — это «сквозная», «порождающая модель», которая, несмотря на то, что она обладает способностью к внешним изменениям, таит в себе неизменное ценностно-смысловое ядро [7, с. 171]. В своих исследованиях А.Ю. Большакова выделяет несколько значений «архетипа» как литературной категории: писательская индивидуальность (А.С. Пушкин); «вечные образы» (Гамлет, Дон-Жуан, Дон Кихот); типы героев («матери», «дитяти» и т.д.); образы-символы, часто природные (птица, море и др.). Одним из основных свойств литературного архетипа является его типологическая устойчивость и высокая степень обобщения. По мнению А.А. Фаустова, архетип может обозначать «универсальный образ или сюжетный элемент, или их устойчивые сочетания разной природы и разного масштаба (вплоть до авторских архетипов)» [8].

Принимая во внимание психологическое и литературное значения определения «архетип», была выдвинута гипотеза о том, что некоторые символы птиц могут отражать формы семейных взаимоотношений у людей и эти символы должны отвечать вышеперечисленным критериям архетипа. Опираясь на отечественную поэтическую мысль, мифологические образы и символы птиц, мы сопоставили результаты психологического тестирования и архетипических образов народов, проживающих на территории России. В исследовании принимали участие женщины и мужчины, находящиеся в настоящий момент в браке (24 человека), и те, кто в разводе, но имеющие опыт семейной жизни (9 человек).

В образах некоторых птиц закрепились определенные качества людей, которые несут не только индивидуальный архетип, но и такую форму существования, как семья. Представления человека о семье являются важным фрагментом закреплённой в фольклоре картины мира [9]. Одной из наиболее продуктивных и широко представленных метафорических моделей концептуализации семейных отношений является орнитоморфная модель. Данная модель демонстрирует част-

ный случай регулярного переноса в направлении «животное» → «человек». В рамках модели данного исследования источником метафорической экспансии для определения склонности и predisposedности к семейным отношениям является нарисованный образ и дополнительное описание (лексемы) в проективном тесте «Птица» (Э.Г. Абакарова, 2014).

Орнитоморфные символы и архетип

Примеряя положения К.Г. Юнга к художественному творчеству, отечественные исследователи оперируют терминами исторической поэтики («первоэлементы», «первообразы», «типы») и переходят к психологическому анализу элементов и мотивов. С.С. Аверинцев указывает, что термин «архетип» применяется для обозначения наиболее общих и общечеловеческих мотивов, изначальных схем представления [10].

Исследователи художественной метафоры заметили, что метафорические переносы из сферы «Птица» направлены только на сферу «Человек», при этом они наделены наиболее экспрессивными средствами [11, 12]. В отечественных литературных источниках было найдено достоверно значимое количество контекстов, в которых сфера семейных отношений получает осмысление через орнитонимы [9]. Полученные данные сравнивали с анализом описательной части проективного теста «Птица» и нарисованным образом. Репрезентативные выборки контекстов позволяют выделить определенные схемы, по которым классифицируются метафорические и психологические переносы.

Образ птицы — как отражение субъекта семейных отношений. Рассматриваемые образы птиц тесно связаны со склонностью или отвержением семейных отношений и семьи как таковой. Примечательно, что среди всего разнообразия нарисованных птиц по проективной методике «Птица» только определенные образы несут так называемую «семейную нагрузку» и подкрепляют архетипический образ отца, матери, супругов, верности и преданности. К таким устойчивым образам птиц относятся голуби, лебеди, гагары, утки, гуси.

Привлечение орнитонима «голубь» и его производных для создания метафор семейных отношений основано на особенностях брачного поведения голубей. Именно поведение этих птиц объясняет вовлечение данной лексемы в целый ряд литературных номинативных образований, имеющих значение ласковости, любовного отноше-

ния и т.п. [12, с. 36]. На уровне языка это закреплено в устойчивых контекстах, описывающих мужа и жену (голубки), в многочисленных обращениях супругов (моя голубка, мой голубок). Подобные метафоры воспринимаются как традиционные, стереотипные. Стоит также отметить, что белые голуби (наряду с лебедями), которых традиционно изображают на свадебных открытках, пирогах и запускают в небо на церемонии бракосочетания, издавна считаются символами супружеской верности.

Образ голубя и голубиной пары обладает положительной окраской на бессознательном и на сознательном уровнях (фольклор, художественное и литературное творчество). Поведение голубей в брачный период закрепило за этим образом в русском языковом сознании ассоциацию с поведением влюбленных. В языке закрепился глагол «ворковать» (словарное толкование о голубях: «издавать однообразные мягкие гортанные звуки» [13, с. 80]), который в метафорическом значении употребляется для концептуализации сферы семейных отношений. Данный глагол подчеркивает взаимную любовь, симпатию субъектов, что внешне выражается в нежности и мягкости голоса. В некоторых случаях глаголы, характеризующие звуки, издаваемые голубем («ворковать», «гулить»), используются для детской речи с добавочным метафорическим смыслом ласковости и удовольствия.

Среди нарисованных образов по проективному тесту «Птица» голубю (голубке) отводится особое место. Как показал анализ полученных данных, указанных птиц рисовали чаще всего молодые девушки и женщины (3 мужчин, 9 женщин). Все они обладали характеристиками мягкой и ласковой хранительницы домашнего очага. Примечательно, что некоторые из девушек пережили жестокое физическое насилие, но вместе с этим не утратили способность к прощению и состраданию. Описательная характеристика изобиловала миролюбивыми эпитетами и словами верности («птица мира и семьи», «символ любви и чистоты» и др.).

Образы других птиц (утки, гуси, гагары и венец творения — лебеди) имеют биологическую связь. Перечисленные птицы относятся к так называемым водоплавающим птицам. Несмотря на большое разнообразие видов, все гусеобразные (лебеди, утки, гуси) обладают хорошо заметными общими характеристиками, что позволяет легко выделить их среди других групп птиц. Тело широкое, обтекаемое, с относительно длинной шеей

и маленькой головой. Стоит отдельно отметить, что данный образ имеет более глубокое архетипическое значение, нежели голубь. В мифологии народов Севера России распространен сюжет о том, что «верховный Творец отправляет на поиски земли верхних птиц лебедя и гуся, которые не нашли суши нигде». Тогда создатель посылает гагару (утку). Она, нырнув, «через семь недель вынесла во рту один камешек и одну крупницу земли, после чего уснула. Когда через какое-то время гагара проснулась, она увидела, что возникли земля, горы и духи — хозяева неба и земли» [14, с. 395–397]. Именно поэтому архетипы лебедя, гуся и утки будут очень близкими по своей смысловой нагрузке, но в то же время будут иметь некоторое своеобразие.

Как уже упоминалось выше, наряду с голубем лебедь по праву является известным символом супружеской верности. Образ лебедя восходит к глубинным символам и у некоторых народов вмещает в себя помощника Творца [15]. Даже у современных классиков сохраняется чистый и царственный образ лебедей: «когда винно-красный восход кровавит воду, видели не раз и лебедей, отдохавших где-либо в защищенном плесе» [16, т. 2, с. 264]. Далее подчеркивается, что когда люди живут в разгуле и беспутстве, они не способны восхищаться прекрасными птицами, издавна считавшимися символом верной, чистой любви и неразлучности.

Стоит отметить, что образ лебедя был достаточно редким среди опрошенных (1 мужчина, 3 женщины). Характерной особенностью всех, кто рисовал лебедя, было стремление нарисовать эту птицу как можно красивее. У кого это не получалось (по их мнению), обязательно указывали на неспособность красиво нарисовать в описательной части теста («Лебедь! Красивая птица — но не на моем рисунке»).

Подобный перфекционизм был свойственен в реальной жизни всем, кто нарисовал лебедя. Как правило, это высокообразованные и культурные люди, с развитым понятием о долге и справедливости. Именно проявления этих качеств подобные индивиды ждут от других, хотя жизнь зачастую не оправдывает таких ожиданий («по преданию верная птица — вот бы людям так!»).

Необходимо добавить, что искренней фанатичной верой и преданностью наделены только образы лебедей. Именно в реальной жизни птица, которая была в паре, после гибели спутника может и сама погибнуть. В этом и заключен глубинный символизм «лебединой верности» — с одним

и навсегда! Подобными психологическими особенностями обладают все испытуемые, нарисовавшие данную птицу. В верности, преданности и индивидуальной красоте и исключительности состоят их жизненное кредо, позиция в семейных отношениях.

Утка и селезень в русских народных песнях также передаются как аллегория супружеской пары. В современной классической литературе тоже закреплен такой символ верности. Так М.А. Шолохов описывает призывные крики этих птиц, которые символизируют любовное томление: «В тишине апрельской ночи раздается хрипчатый зов дикого селезня и ответный — кряк утки» [16, т. 2, с. 117], неумолчное шипение охваченных любовным экстазом селезней вливается в общий гимн весне и любви [16, т. 3, с. 217]. Многие писатели подчеркивают «взаимность» этого птичьего влечения и птичьей «любви».

Исследования в области традиционного искусства фиксируют наличие образа гагары (утки) в мифологии народов Севера России. Его появление обосновывают практикой бытования архаических тотемистических представлений, в основе которых лежит почитание родовых культов.

Известно, что гагарам народы Севера России приписывали даже способность отгонять болезни. Чтобы последние отступили, вполне достаточно шкурки гагары, поэтому ее прикладывали к больному месту не только людям, но и лошадям [17]. В прошлом в Печоре и нижней Оби шкурку гагары укрепляли на стене дома. В некоторых местах этот обычай сохранился и в настоящее время. Так, изображение орнитоморфного мотива, представленного в виде плоской металлической подвески, детально передающей очертания птицы [17], в процессе развития в архаическом искусстве долган, нганасан, энцев и эвенков обретает символическое прочтение.

В бланках исследования проективного теста «Птица» образ утки (селезня) появляется чаще, чем лебедя (5 мужчин, 2 женщины). Примечательно то, что этот образ чаще всего рисуют мужчины. Все орнитоморфные детали рисунка хорошо прорисованы и изображение птицы совпадает с ее реальными формами. Стоит подчеркнуть, что все испытуемые, которые нарисовали уток или селезней, являются примерными семьянинами, чтущими традиции и устои семьи. Анализируя изображения уток и селезней, можно выявить главный характерологический признак, который соответствует архетипическому образу: заботли-

вый спокойный семьянин, пекущийся о своей семье и потомстве.

В образном пространстве финно-угров так же, как и у других народов, фигурирует космогонический миф о возникновении мира из яйца, снесенного в море гусем (гигантской уткой) [17]. Образ помощника в сотворении мира наделяет гуся тоже особыми божественными свойствами. Этой птице отведена в некоторых сказках и преданиях роль спасителя не только души, но и тела. Первым делом приходит сказочный образ гусей, унесших Иванушку. В европейской культуре гуси спасали детей на своих крыльях (Нильс) или были телом, в котором спасался герой (сказка «Карлик Нос»). Эти и другие символы закрепили за образом гуся положительные признаки и образ стайной (семейной) птицы.

Общеизвестны случаи на охоте, когда именно «семейственность гусей» спасала им жизнь. Хрестоматийным стал случай из жизни Шолоховых, когда Мария Петровна и Михаил Александрович охотились на гусей в Казахстане. Сидели вдвоем в одном окопчике и, увидев близко от себя двух пролетающих гусей, Мария Петровна прицелилась, но потом передала мужу ружье, чтобы выстрел сделал он. Михаил Александрович стрелять не стал. Мария Петровна стала сокрушаться: «Ну как же так, сам не стрелял и мне не дал...». А он ответил: «Ты разве не видишь, что их двое? А раз двое, значит, пара, нельзя же одного из них убивать...».

Среди нарисованных образов птиц встречались и нарисованные гуси. В некоторых случаях они были очень похожи формой на лебедя, но описательное дополнение обозначало этих птиц как гусей (1 мужчина, 1 женщина). Несмотря на нетрадиционный образ и редкость встречи с птицей в наше время, гусь был нарисован и описан достаточно хорошо. И что наиболее важно в нашем случае, охарактеризован как «парная» птица («Гуска готова создать пару с диким гусаком»).

Необходимо отметить и тот факт, что все образы водоплавающих птиц (лебедь, утка, гусь) ассоциировались у испытуемых с дикой, вольной птицей. В дополнительном пояснении к одному из образов (гусь) был отмечен факт непреодолимого стремления к свободе («Пока не нашел свою стаю, но давно уже не живет на птичьем дворе»). Данные признаки особенно ценны для описанных образов. Постепенное одомашнивание многих птиц человеком, казалось бы, навсегда упрочил бессознательное представление. Но полученные в тестовой методике данные утверждают изначально-

ную дикую природу архетипичных образов, которая при внутренней свободе обладает устойчивой структурой «парности» перечисленных птиц.

Гнездо птицы — как образ целостности семьи.

Анализ образных выражений, имеющих орнитопрототипы, позволяет говорить о доминировании обобщенного образа семьи как птичьего гнезда [9]. Подобные архетипы подкрепляются историческими (прозвище великого князя владимирского Всеволода Большое гнездо, имеющего большое потомство) и литературными (хрестоматийный образ И.С. Тургенева) реалиями. Лексема «гнездо» (и ее производные) традиционно используется в одном из двух переносных значений: либо «семья» (как группа живущих вместе родственников), либо «дом, жилище семьи» (ремонт в семейном гнездышке). Встречаются в языке различные определения, уточняющие данную метафорическую номинацию (семейное гнездышко, свеженасиженные родительские гнезда, домашнее гнездо, родовое гнездо, родные гнезда, свое теплое гнездо, уютное гнездышко и т.п.), они акцентируют метафорические смыслы тепла, спокойствия, уюта, связи с корнями. Метафора семьи-гнезда подкрепляется образами родителей-птиц, которые защищают своих птенцов от опасностей внешнего мира. Во всех найденных контекстах русского языка лексема «крыло» в переносном значении используется как символ заботы, опеки, защиты и безопасности. «Крылом» обычно наделяется старший субъект семейных отношений: родители, мать или бабушка и дедушка.

Таким образом, проведенный нами анализ, сопоставление орнитоморфных символов позволяют отнести образы голубя, лебедя, утки (гагары) и гуся к числу традиционных архетипов семьи. В целом, благодаря высокой частотности и продуктивности данных орнитоморфных образов, а также их явному положительному метафорическому смыслу семья и дом воспринимаются как всеобщие, значимые и нерушимые ценности.

Заключение

Делая вывод, стоит отметить, что на первых этапах развития культуры птицы представлялись в сознании людей в их естественном виде, хотя им приписывались антропологические черты: склад характера, темперамент и мотивация поведения людей. В дальнейшем, с развитием анимистических представлений, образ птицы у большинства народов приобретают символическое значение и входит в развитую мифологическую систему, закрепляясь в архетипичном образе семьи.

Образы голубей, лебедей, уток и гусей, изображенных в проективном тесте «Птица», отражают устойчивые личностные качества, характеризующие семейственность, верность, парность и прочные родительские инстинкты. Анализ перечисленных образов не только на бессознательном (рисунок птицы), но и на сознательном (описательная часть методики — лексемы) уровнях позволяет говорить о закреплении положительных свойств и нерушимых ценностей в определенных орнитоморфных символах. Это дает широкие диагностические возможности проективного теста «Птица» в исследовании индивидуальных свойств личности, отражающих предрасположенность к созданию прочной и любящей семьи.

Список литературы

1. *Стальнова Е.А.* Архетипический образ птицы в рассказах английской писательницы Дафны Дюморье (На материале сборника рассказов «Яблоня») // Новая наука: от идеи к результату: материалы Междунар. науч.-практ. конференции. Стерлитамак, 2015. № 6, ч. 3. С. 39–43.
2. *Соколова З.П.* Культ животных в религиях. М., 1972. 216 с.
3. *Литвинова Л.В., Семенова О.А., Абакарова Э.Г.* Использование метода генезисограммы в работе социально-педагогической и психологической служб медицинского вуза // Современные траектории образовательного процесса в медицинском вузе: матер. I Междунар. науч.-практ. конференции / гл. ред. В.И. Кошель, В.Н. Мажаров. Ставрополь: Изд.-во СтГМУ, 2016. С. 290–293.
4. *Зеленский В.А.* Словарь аналитической психологии. М.: Высш. шк., 2000. 120 с.
5. *Юнг К.Г.* Человек и его символы. СПб.: Б.С.К., 1996. 454 с.
6. *Юнг К.Г.* Психологические типы. М.: Университетская книга: АСТ, 1996. 714 с.
7. *Большакова А.Ю.* Литературный архетип // Литературная учеба. 2001. № 6. С. 169–173.
8. *Фаустов А.А.* Архетип // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд.-во Кулагиной: Intrada, 2008. С. 24.
9. *Дюзенли М.В.* Метафорическая концептуализация семейных отношений: орнитоморфная модель // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2014. Т. 11, № 1. С. 137–142.
10. *Аверинцев С.С.* Аналитическая психология К.Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // О современной зарубежной эстетике. М., 1972. Вып. 3. С. 110–155.

11. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1978. Т. 37, № 4. С. 10–24.
12. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. М.: Наука, 1993. 152 с.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. / под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд. М.: Рус. яз., 1989. 750 с.
14. Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1995. 606 с.
15. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука: Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1969. 305 с.
16. Шолохов М.А. Собр. соч.: в 9 т. М.: Terra-Книжный клуб, 2001.
17. Лукина О.Г., Лазутина Т.В. Процесс превращения образа птицы (гагары) в символ в искусстве народов Севера России // Известия Томского политехнического университета. 2014. Т. 324, № 6. С. 89–94.
5. Jung C.G. *Chelovek i ego simvolny* [Man and His Symbols]. Saint Petersburg, BSK Publ., 1996, 454 p. (In Russian).
6. Jung C.G. *Psikhologicheskie tipy* [Psychological Types]. Moscow, AST Publ., 1996, 714 p. (In Russian).
7. Bolshakova A.Yu. *Literaturnyy arkhetyp* [Literary Archetype]. *Literaturnaya ucheba* [Literary Studies]. 2001, no. 6, pp. 169–173. (In Russian).
8. Faustov A.A. *Arkhetip* [Archetype]. *Poetika. Slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy / pod red. N.D. Tamarchenko* [Poetics: a Dictionary of Relevant Terms and Concepts. Ed. by N.D. Tamarchenko]. Moscow, Intrada Publ., 2008, p. 24. (In Russian).
9. Duzenli M.V. *Metaforicheskaya kontseptualizatsiya semeynykh otnosheniy: ornitomorfnyaya model'* [Metaphorical Conceptualization of Family Relationship: Ornithomorphic Model]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University Series «Linguistics»]. 2014, vol. 11, no. 1, pp. 137–142. (In Russian).
10. Averintsev S.S. *Analiticheskaya psikhologiya K.G. Yunga i zakonomernosti tvorcheskoy fantazii* [Analytical Psychology of Carl Jung and the Regularities of Creative Imagination]. *O sovremennoy zarubezhnoy estetike* [About Modern Foreign Aesthetics]. Moscow, 1972, pp. 110–155. (In Russian).
11. Arutyunova N.D. *Funktsional'nye tipy yazykovoy metafory* [Functional Types of Language Metaphor]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* [News of USSR Science Academy, Series Literature and Language]. 1978, vol. 37, no. 4, pp. 10–24. (In Russian).
12. Sklyarevskaya G.N. *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the Language System]. Moscow, Nauka Publ., 1993, 152 p. (In Russian).
13. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka / pod red. N.Y. Shvedovoy* [Russian Language Dictionary. Ed. by N.Y. Shvedova]. Moscow, Russkiy Yazik Publ., 1989, 750 p. (In Russian).
14. Golovnev A.V. *Govoryaschie kul'tury: Traditsii samodiytsev i ugrov* [Talking Cultures: Tradition of Samoyeds Ugrians]. Ekaterinburg, IIA URO RAN Publ., 1995, 606 p. (In Russian).
15. Vasilevich G.M. *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.)* [Evenki. Historical and Ethnographic Essays (XVIII – early XX)]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1969, 305 p. (In Russian).
16. Sholokhov M.A. *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vol.]. Moscow, Terra-Knizhnyy klub Publ., 2001. (In Russian).

Получено 22.11.2016

References

1. Stalnova E.A. *Arkhetipicheskiy obraz ptitsy v rasskazakh angliyskoy pisatel'nitsy Dafny Dyumore (Na materiale sbornika rasskazov «Yablonya»)* [The Archetypal Image of a Bird in the Daphne Du Maurier's Stories (On the Material of the Short Stories Collection «The Apple Tree»)]. *Novaya nauka: ot idei k rezultatu* [New Science: from the Idea to the Result]. Sterlitamak, LLC AMI Publ., 2015, no. 6, pt. 3, pp. 39–43. (In Russian).
2. Sokolova Z.P. *Kul't zhivotnykh v religiyakh* [Zootheism in Religion]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 216 p. (In Russian).
3. Litvinova L.V., Semenova O.A., Abakarova E.G. *Ispol'zovanie metoda genezisogrammy v rabote sotsial'no-pedagogicheskoy i psikhologicheskoy sluzhby meditsinskogo vuza* [The Genezisogram: Application for Socio-Pedagogical and Psychological Services Within the Medical University]. *Sovremennye traektorii obrazovatel'nogo protsessa v meditsinskom vuze* [Modern Trajectories of the Educational Process in a Medical University]. Stavropol, StGMU Publ., 2016, pp. 290–293. (In Russian).
4. Zelensky V.A. *Slovar' Analiticheskoy Psikhologii* [Dictionary of Analytical Psychology]. Moscow, Vyshaya Shkola Publ., 2000, 120 p. (In Russian).

17. Lukina O.G., Lazutina T.V. *Protsess prevrasheniya obraza ptitsy (gagary) v simvol v iskusstve narodov Severa Rossii* [Converting Bird (Loon) Image to Symbol in the Art of the Russian North People]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo*

universiteta [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], 2014, vol. 324, no. 6, pp. 89–94. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 22.11.2016

Об авторе

Абакарова Эмма Гаджиевна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры философии и гуманитарных
дисциплин

Ставропольский государственный
медицинский университет,
355017, Ставрополь, ул. Мира, 310;
e-mail: amina.ab@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9798-1735

About the author

Abakarova Emma Gadzhievna

Ph.D. in Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Humanities

Stavropol State Medical University,
310, Mira str., Stavropol, 355017, Russia;
e-mail: amina.ab@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9798-1735

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Абакарова Э.Г. Символическая концептуализация семейных отношений в орнитоморфных символах проективного теста «Птица» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 250–257. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-250-257

Please cite this article in English as:

Abakarova E.G. Symbolic conceptualization of family relationships using ornithomorphic symbols in the projective «Bird Test» // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 250–257. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-250-257

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.014

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-258-267

**ОБНАРУЖЕНИЕ ХИАСТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
В СПОНТАННОМ ТЕКСТЕ* И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ЭТНОМЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЕКТА. СТАТЬЯ ВТОРАЯ***Кузнецов Александр Евгеньевич**Пермский государственный национальный исследовательский университет*

Объективность анализа представляет одно из трудновыполнимых требований при работе с качественными данными. Задача достижения объективности может быть решена, если будет доказано, что материалы наблюдений имеют такую организацию, которая, с одной стороны, не зависит от концептов исследователя, а является продуктом обыденных практик, с другой — объясняет содержание материала наблюдений непосредственно, без порождения вторичных (исследовательских или «концепт-зависимых») текстов. Секвенциальная организация — один из случаев такого упорядочения. В статье предложен для обсуждения другой тип организации, не зависящий от чередования говорящих. Рассматривается хиастическая организация текста как специфический культурный феномен, который, во-первых, был обнаружен нами в транскрипте интервью с помощью анализа доменов (Дж. Спрэдли) и теоретического кодирования (Б. Глезер), во-вторых, является этнометодологическим случаем, в-третьих, демонстрирует феномен «означенного отсутствия» (Х. Сакс) вне секвенциальной организации разговора, в-четвертых, демонстрирует связь концепции иерархических и контрастных категоризаций (Л. Джайуси) с определением культуры как классификационной системы иерархически организованных оппозиций (Э. Дюркгейм, М. Маусс). Описанный случай анализа позволяет рассматривать возможность применения семантических отношений (этнографическое наблюдение, обоснованная теория в версии Глезера) в рамках анализа способов категоризаций участников. Помимо сближения разных качественных методологий предложенный подход к анализу может придать качественным исследованиям больший ригоризм. Проблема хиастической структуры активно исследуется в библеистике, рассмотрение ее в рамках этнометодологического подхода может иметь значение за пределами социологии.

Ключевые слова: конверсационный анализ, этнометодология, анализ способов категоризаций участников, хиазм, анализ доменов, теоретическое кодирование.

**THE DISCOVERY OF A CHIASTIC STRUCTURE IN A NATURAL TEXT
AND THE PROSPECTS OF THE ETHNOMETHODOLOGY PROGRESS.
SECOND ARTICLE***Alexander E. Kuznetsov**Perm State University*

Obtaining objectivity sets a formidable challenge to qualitative data analysis. Objectivity could partially be guaranteed in the case there is an evidence for the existence of a natural organisation of data that has immediately explanatory force, i.e. has it independently of generation of any secondary descriptions and other analytic

* Спонтанный текст — здесь любой устный текст, созданный не исследователем, а участниками либо совместно исследователем и респондентом, первичный, т.е. не являющийся воспроизведением других устных или письменных текстов (протографов). Спонтанный текст, таким образом, не исключает полифонии и в ряде случаев является также «естественным» (natural, naturally-occurring).

or concept-dependent accounts. Sequential organisation is one case. It is here proposed to consider another type of organisation that is not dependent on turn-taking. The paper (1) discusses the chiasmic organisation of a text segment as a specific cultural object, which (2) was occasionally discovered in an interview transcript while running domain analysis (J. Spradley) and theoretical coding (B. Glaser), (3) is an ethnomethodological case, (4) demonstrating «noticeable absence» (H. Sacks) outside sequential organisation, and (5) connection between the conception of hierarchical and contrast categorisations (L. Jayyusi) and the definition of culture as a classification system of hierarchically ordered oppositions (E. Durkheim, M. Mauss). The case of chiasmic structure described here suggests the opportunity of the employment of semantic relations (as developed in ethnographic observation and/or grounded theory in Glaser's version) within the framework of membership categorizations analysis. Besides some consolidation of methodologies, this proposal offers opportunity of achieving more rigour in qualitative research. The problem of chiasmic structure has gained importance outside sociology, e.g. in biblical studies.

Keywords: ethnomethodology, conversation analysis, membership categorizations analysis, chiasm, domain analysis, theoretical coding.

(Окончание. Начало в предыдущем выпуске)

Этнометодология содержательного плана разговора

Вновь обращаясь к проблематике этнометодологии и конверсационного анализа, следует констатировать, что организационный план разговора относительно беден [1]. Способы упорядочения интеракций имеют ограниченный репертуар. Систематика организации разговора была описана еще в 1974 г. [2]. После гибели Сакса в 1975 г. не было сделано открытий, сравнимых с открытиями периода становления метода. Возможно, систематика в версии [2] уже описана в той или иной мере исчерпывающим образом.

Мир, несомненно, организован гораздо сложнее разговора. Как же организован мир *в сообщениях* участников? Возможно, для описания бесконечно-го разнообразия состояний мира участники прибегают к категоризациям, которые близки и даже родственны категоризациям научного анализа. Это тем более осложняет задачи этнометодологии *содержательного плана* разговора. Развитие этого раздела этнометодологии может представлять угрозу для сохранения перечисленных преимуществ и экологической валидности описаний. Если проблема создания систематики содержания разговора будет решаться путем *заимствования* категориального аппарата или *развития собственного*, описания содержания будут концепт-зависимыми «пародиями» Малки. Не имеет большого значения, будут ли эти категории заимствованиями из «профессионального» или «ученого» лексикона.

Дилемма концепт- и контекст-зависимости объяснений возникает, как только оформляется традиция исследований, приверженных кабинетным либо полевым моделям объяснения. Тенденция к поляризации социальных теорий практически автоматична и может эродировать любую

традицию. (Памятен, например, «раскол» в обоснованной теории, произошедший еще в поколении основателей этой методологии.) Решить дилемму — не значит выбрать ту или иную логику объяснения. Представляется, что решением дилеммы *контекст- versus концепт-обусловленности* может стать *обнаружение и описание таких структур в данных, которые, с одной стороны, были бы универсальны или действительны в разных контекстах, но, с другой стороны, не ограничивали бы разнообразие контекстов, событий и интерпретаций участников.*

Искомая структура должна быть достаточно сложна, чтобы исключать возможность случайного создания или мнимого обнаружения такой конструкции. В то же время возникновение ее должно удовлетворять требованию экологической валидности и быть независимым от организационного плана разговора. Циклические и (в особенности) хиастические конструкции сложны. Далее описанный случай такой конструкции обнаружен в интервью, но создана она без вмешательства со стороны интервьюера. Таким образом, эта конструкция экологически валидна и не связана с секвенциальной организацией.

Обнаружение хиастической конструкции

Случай обнаружен в ходе теоретического кодирования транскрипта (столбец 4 в примере 2) интервью о ценностях, где респондент оказалась вынуждена решить задачу непротиворечивости ответа (пример 2 ниже).

Респондент в ходе ответа на вопрос интервью *в пределах одной реплики* дает два взаимоисключающих ответа. Однако само обоснование ответа делает эти ответы непротиворечивыми. Это довольно очевидный случай «достижения». Специфическая конструкция ответа интересна тем, что

обнаружение ее в спонтанном, неподготовленном тексте современного человека можно сравнить только с обнаружением биологического вида, считавшегося давно вымершим. Что представляет собой «хиастическая структура» или «хиазм» (также «циклическая» или «круговая структура» (cyclic/ring structure)?

Хиазм (также «обращенный параллелизм») — способ построения текста или его части, когда естественные сегменты текста (А, В, С и т.д.) образуют структуру ABCB`A`, где С — центр, АВ и В`A` стороны хиазма, А–А` и В–В` — пары хиазма, А и А` — крайние термины.

Это, возможно, самая сложная текстовая структура, известная на сегодняшний день.

Считается, что хиазм характерен для библейского текста [напр.: 3], но изредка встречается в обыденном разговоре [4]. Слингз утверждает обратное: «очень обычный феномен в устном дискурсе, особенно в ситуациях, когда говорящий получает право говорить долго. Кластеры единиц информации должны организовываться таким образом, чтобы облегчить аудитории понимание их позиции в дискурсе» [5, р. 73]. Как показано далее, пример 4 может подтверждать предположение Слингза (сам он не приводит аргументов в пользу распространенности хиазма), а пример 1 — опровергать тезис Бломберга. Последний путает строго хиастическую структуру с иными симметрическими конструкциями, которые являются побочным эффектом секвенциальной организации разговора, хорошо известной в КА; это последовательности типа Q₁Q₂A₂A₁ (см. пример 1). Соб-

ственно хиастические структуры в спонтанных текстах (насколько нам известно) никогда не обнаруживались, а многочисленные случаи в античных письменных (т.е. по определению *неспонтанных*) текстах являются мнимыми хиазмами, т.к. не выдерживают критериев Лунда [6, р. 40–41].

Уэлч находит критерии Лунда излишне строгими [7], а Бломберг ужесточает их [4]: (1) конструкция текста не должна объясняться более простыми структурами, чем хиазм, (2) стороны хиазма должны демонстрировать параллелизм, (3) параллельны должны быть (почти) все пары хиазма, (4) параллелизм сторон не должен быть тривиален или обычен для базового текста терминологически и (5) концептуально, (6) стороны должны иметь более 2 параллельных пар, (7) пары должны быть результатом «естественного» подразделения текста, (8) центр хиазма должен быть теологически или этически значим (желательно также повторение темы центра в крайних терминах), (9) стороны хиазма должны быть симметричны (допущение ABCA`B` опровергает гипотезу о наличии хиазма). Бломберг допускает, что даже доказанные случаи хиастической структуры не будут полностью удовлетворять все критериям [4]. Структура, которую мы демонстрируем в примере 2 далее, не выполняет только требование 8 и поэтому может считаться «надежным» случаем хиазма. Он имеет большое число шагов, а также центр или «ось», т.е. критическое событие в центре, именно после которого происходит зацикливание ответа.

(2) *Интервью (И — интервьюер, Р — респондент)*

01	И:	Получается, вы не считаете безопасными	
02		ситуации, когда вы где-то находитесь,	
03		куда-то идете, едете, летите —	
04	А	ощущаете ли вы себя в безопасности дома? (1.0)	
05		Ощущаете ли вы себя в безопасности	
06		относительно своей собственности? (1.0)	((ТИП: тип дома))
07		Как бы вы ответили на такой вопрос?	
08	В	Р: (2.0) ну:: д- (0.5) как бы я думаю, что	
09		в моем понимании	
10		в достаточной мере я ощущаю себя (1.0)	((КУЛЬТУРА: чувства))
11		безопасно дома,	
12	С	потому что я в принципе	((С: источник: «потому что».
13		ответственный кварХтиросъемщик, (.) (смех)	ИЗМЕРЕНИЕ: свойство: «ответствен-
14		коммунальные системы я держу	ный».
15		в полном порядке,	СРЕДСТВА-ЦЕЛЬ: предвиденное по-
16		так что какие-то утечки газа, протечки воды,	следствие, продукт))
17		значит, ну в моем жилище, я думаю,	
18		что их не будет.	

19	D	Но с другой стороны случаются	((С: источник: «случаются».
20		неадекватные соседи,	ИЗМЕРЕНИЕ: свойство: «неадекватные».
21	C`	против которых, к сожалению-	СРЕДСТВА-ЦЕЛЬ: нет средства))
22	B`	тут уже я не могу ощущать,	((КУЛЬТУРА: чувства: «ощущать»))
23		что я в полной безопасности,	
24	A`	поскольку я живу в многоквартирном доме.	((ТИП: тип дома: «многоквартирный»))

Итак, сегменты А (строки 4–7) и В (строки 8–11) совокупно составляют минимальный обмен: в В отвечено именно то, что спрошено в А. Здесь вопросное задание выполнено, и процесс отвеча-ния мог быть закончен. Следующие затем сегмен-ты (С и далее) избыточны: они являются дополне-ниями к ответу, никак не предопределенными во-просом. Сегмент С к строке 18 доводит ответ до исчерпывающего завершения, однако затем в сег-менте D (строки 19–20) респондент вспоминает о «неадекватных соседях», и ход отвеча-ния принимает довольно неожиданный оборот. К сегменту В` (строки 23–24) достигается формулировка отве-та, прямо противоположная первоначальной (в строках 10–11). При всей избыточности сегментов С – В` ответ становится незаконченным, поскольку изложение двух противоположных по смыслу оце-нок безопасности «дома» ставит очевидный во-прос: почему (или, скорее, *как*) ответ непротиворе-чив? Сегмент А` здесь необходим. Будучи аргу-ментом к сегменту В`, он в то же время противостоит *всей вопрос-ответной конструкции*, от стро-ки 4 до строки 23, поскольку здесь респондент ме-няет определение базовой категории «дом». Впер-вые это определение было дано еще в вопросе (где категория «дом» ограничена «своей собствен-ностью») и подтверждено респондентом как тожде-ственное «квартира» («квартиросъемщик» в стро-ке 13). Итак, в сегменте А` респондент возвра-щается к определению в А. Означает ли это, что во-прос-ответный обмен в строках 4–24 имеет цикли-ческую структуру?

Прежде чем ответить на вопрос «Почему или *как* структура в строках 4–24 является симмет-ричной (круговой, циклической) и хиастиче-ской)?», следует ответить на вопрос «Решена ли

респондентом задача достижения непротиворечи-вости ответа?».

Очевидно, что для категории «чувства» (целе-вой для вопроса, о них он задан) эта задача *не ре-шена*. Независимо от определения категории «дом» речь идет об одном и том же месте житель-ства — и здесь (буквально «здесь») респондент не может испытывать *взаимоисключающие* чувства: «в достаточной мере я ощущаю себя безопасно дома» (строки 10–11) и «тут уже я не могу ощу-щать, что я в полной безопасности» (22–23). Од-нако результатом вопроса *как процесса* является изменение отчета не о чувствах, а отчета о месте жительства (этим отчетом ответ буквально за-вершается). Эту категорию можно назвать *базо-вой*, поскольку она буквально служит *основой* для локализации всех значимых событий («соседи», «безопасность», «чувства»). Если теперь обратить внимание на ее роль в сегментах до А`, то уви-дим, что концепт «многоквартирный дом» на са-мом деле появляется только начиная с сегмента D: «неадекватные соседи» (D) живут за предела-ми квартиры, сделать что-либо «против которых» (C`) респондент также должен в *их локализации*, и здесь, в этой расширенной рамке референции, си-туация безопасности и чувств — тоже другая. Та-ким образом, на уровне категории «дом» задача достижения непротиворечивого ответа *решена*, поскольку *разные* чувства безопасности теперь локализованы *по-разному*, и противоречие уstra-нено. Далее, смена определения категории указы-вает на *центр* всей конструкции обмена (это сег-мент D), а также на симметричную упорядочен-ность сегментов между центром и крайними сег-ментами (т.е. В/В` и С/С`). Конструкция обмена симметрична, является хиазмом с критическим событием в центре:

Строки	Сегменты	Локализация	Типы событий
4–7	A	X	вы чувствуете x_2 либо y_2 ? живя в x_1
8–11	B	X	я чувствую x_2
12–18	C	X	я делаю x_3
19–20	D	Y	y_4
21	C`	Y	я делаю y_3
22–23	B`	Y	я чувствую y_2
24	A`	Y	я живу в y_1 ,

где X — вся совокупность событий («живу», «чувствую», «делаю») в пределах значения «квартира», а Y — вся совокупность событий в пределах значения «многоквартирный дом».

Циклические структуры в спонтанных текстах известны на уровне организационного плана.

Циклическая структура в организации разговора

Иллюстрацией для такой формы может служить хрестоматийный пример (3), который в работах по разговорному анализу демонстрирует случай *включения* (insertion) одной смежной (или адъацентной) пары (Q2A2) в другую (Q1A1):

(3) *Levinson, 2008: 304*

1 A: Q1 Можно мне бутылку Mitch'a?

2 B: Q2 Вам есть двадцать один?

3 A: A2 Нет

4 B: A1 Нет

Обмен Q2A2 находится в центре этой структуры и является исследованием существа вопроса, начавшего интеракцию (Q1). Этот случай довольно прост; он целиком определяется секвенциальной организацией разговора. Однако с конструкцией в примере 2 (которая не определяется такой организацией) его объединяет весьма существенная особенность.

Описание интеракции в примере 1 дало конструкцию Q1Q2A2. Пример 2 показывает, что и Q1Q2A2, и Q1Q2A1 могут рассматриваться как *частные случаи* неполной циклической конструкции Q1Q2A2A1. Является ли эта неполнота дефектом конструкции обмена либо преднамеренным приемом? Пример 2 имеет такой же «дефект» и дает основания полагать, что к способу «как сделать X, не делая Y» участники прибегают неслучайно. В обоих примерах (1 и 2) говорящий делал явным некое содержание интеракции, не делая явных заявлений.

Участники чувствительны к проблеме контроля содержания разговора. Это слабоизученная тема, но как проблема снижения неопределенности она довольно хорошо известна в разговорном анализе — как вопрос «(не)предпочитаемых» вторых реплик ((dis)preferred second turns) или «проблема организации предпочтения» (preference organization) [см., напр.: 8, p. 332 и след.; 9; 10; 11]. Первые говорящие стремятся обозначить (не)предпочитаемые действия вторых говорящих, специально создавая контекст второго череда с помощью маркированных средств — фраз, пауз и т.д.: например, «Почему бы тебе не...» [8, p. 333]. И спрашивающие, и отвечающие

стремятся избегать ответов неточных или «ошибочных».

По-видимому, описанные в примерах 1 и 2 действия участников относятся также к проблеме контроля содержания (пример 2) или организации (пример 1) разговора. Показанные в примерах 2 и 3 конструкции принадлежат разным планам текста. В примере 3 циклическая конструкция получена в результате интерполяции одной адъацентной пары в другую, но симметрия и смежность здесь (и, по-видимому, вообще) суть не зависящие друг от друга феномены. Интерполяции одних адъацентных пар внутри других могут порождать неограниченно сложные симметричные конструкции. Этот феномен известен давно [см., напр.: 8, p. 306]; здесь он нас интересует меньше всего и лишь как частный случай. Значительно больший интерес и сложность представляет пример 2, где (1) симметричная конструкция реализуется одним говорящим, (2) на уровне содержания и (3) с ассимиляцией вопроса.

Ничто не исключает вероятности обнаружения сложных структур (необязательно циклических) содержательного плана *в разговорах*. Наиболее вероятным такое обнаружение становится в связи с углублением наших знаний о естественных категоризациях. Как люди «делят» мир на объекты, какими семантическими связями объединяют их, какие прагматические последствия влечет это членение и воссоединение мира? Для этнометодологии участник является носителем не знания, а *опыта*, т.е. той специфической для него и его культуры организации знаний и умений, которая опосредует все контакты человека с миром. Организация опыта участников посредством упорядочения категорий описания специально исследуется в рамках анализа способов категоризации участия [12–16].

Описанный здесь случай (при всей сложности конструкции) относительно прост, ибо очевиден. Хиастичность — наиболее заметный случай симметрии. Симметрия вообще является очень заметным феноменом в культуре и природе. В большинстве культур симметрия может считаться демонстрацией упорядоченности как таковой. Нарушения симметрии всегда заметны и значимы. Возможно, преднамеренные «дефекты» симметрий в примерах 1 и 2 более важны, чем сами симметричные конструкции.

Результаты

Продемонстрированное здесь обнаружение хиастической структуры в спонтанном тексте имеет два последствия для перспектив развития этнометодологического проекта. Во-первых, открывает возможность для сближения методологий анализа в ЭМ и в этнографическом проекте (ЭГ). Во-вторых, обнаруживает существенную лауну в методологии КА как ведущего направления ЭМ.

1. В конструкции (4) X и Y являются терминами пространственного (spatial) *семантического отношения*: «X это место в Y» или «X это часть Y». Далее, X и Y являются *включенными терминами*, образующими и упорядочивающими *домен* «дом». *Семантическое отношение* X и Y есть способ упорядочения этого домена. Таковы основные понятия анализа доменов в этнографическом проекте в версии Джеймса Спрэдли [см.: 17, р. 88 и след.]. Семантические отношения Спрэдли близки теоретическим кодам в обоснованной теории в версии Барни Глезера [см.: 18, 19]. В конверсационном аналогичные средства анализа данных неразвиты.

Тем не менее, во всех перечисленных методологиях имеются аналогичные решения подобных проблем анализа данных. Домены Спрэдли по своей роли в анализе, вероятно, близки понятию «совокупностей» (collections) Сакса: в обоих случаях распознанные в тексте «термины» (у Спрэдли) или «участники» (в конверсационном анализе) принадлежат к той или иной категоризации и образуют общий домен или общую совокупность. Спрэдли описывает 9 типов отношений [17, р. 88 и след.], Глезер — до 18 [19, р. 73–82]. В этнометодологии задача определения типов семантических отношений, по-видимому, находится еще в самой начальной стадии решения. Так, Джайуси (Jaayusi) в ключевой работе по теории анализа способов категоризации различает только два типа семантических отношений между категоризациями, принадлежащими к одной совокупности; это (1) «совершенно альтернативные» («сильная» форма контраста) и (2) «просто различные» категоризации («минимальная» форма контраста) [14, р. 112–113]. Более содержательные представления о семантических отношениях здесь развиты быть не могут, поскольку изначально в качестве объектов анализа способов категоризации рассматривались только *участники*. В работах Сакса, положившего начало этому методу анализа, кажется, никогда не приводились основания для столь узкого ограничения.

Дальнейшее развитие метода анализа способов категоризации, по-видимому, невозможно без

развития средств категоризации объектов и событий. Социологически любые определения вещных и событийных компонент описаний являются не более чем косвенными способами характеристики *участников* и объяснения их поведения. Объекты и действия всегда представляют действующего. Таким образом, без средств категоризации *событий* и *вещей* социологический анализ в этнометодологическом проекте обеднен.

К проблеме ограничения категоризации кругом участников, как кажется, в конверсационном анализе приблизились исследователи т.н. «построения перечней» (list construction) [см., напр.: 20, 21]. Джефферсон обращает внимание на норму построения перечней из трех терминов и полагает, что трехчастность перечней призвана продемонстрировать «многость» (muchness) или исчерпывающий результат перечисления [20, р. 64, 77]. Однако отношения между составляющими или «терминами» перечней она не рассматривает. Отсюда *задачи* построения перечней остаются за рамками ее внимания. Лернер, основываясь на результатах Джефферсона, обнаруживает, что термины внутри перечня могут быть связаны не только отношением *дополнения* (что, собственно говоря, банально: a, b и c), но и отношением *контраста* (см. выше у Джайуси); правда, это открытие (a, b, но c) она делает только в примечании [21, р. 32, примеч. 2]. Таким образом, построение перечней пока не может осмысляться как *действие* говорящего, оно остается только фактом, внутритекстовым событием с неясными причинами и невыясненными задачами. В конверсационной традиции исследование перечней не получило заметного продолжения.

В примере 4 в сегментах C`B`A` усматривается именно *действие* респондента — попытка избежать явного противоречия между первой и последней концепциями безопасности. Респондент решает эту задачу путем включения термина X в термин Y. Он предлагает рассматривать соотношение событий $x_1...x_n$ и $y_1...y_n$ через соотношение *двух разных локализаций* этих групп событий (в т.ч. «ощущения безопасности дома»): безопасность внутри квартиры обусловлена безопасностью *вне ее*, в многоквартирном доме — область безопасности X *подчинена* области Y.

Кроме того, смена локализаций в примере 4 есть действие *самого респондента*, а не исследователя. Мотив и способ действия принадлежат респонденту — это он уклоняется от противоречия между X- и Y-концепциями «безопасности», вводя в свой отчет новое семантическое отношение «X — часть Y». Означает ли это, что такой семантиче-

ский маневр может рассматриваться как случай *естественного упорядочения* опыта, т.е. как легитимный объект разговорного анализа?

Во-первых, переход от X- к Y-концепции «безопасности» выполнен путем построения *иерархии*; этот способ детально (и, кажется, впервые) рассмотрен у Джайуси *именно в терминах анализа способов категоризации* (вопросу посвящена вся глава 7 в работе [14]).

Во-вторых, ответ респондента не был заранее готов, а конструировался им в процессе ответа. Этот процесс был осложнен введением «новой» информации — о соседях. Явление «неадекватных соседей» — непредвиденное событие, угрожающее непротиворечивости ответа и усложняющее для респондента процесс поиска аргументов. Разделение этого процесса на этапы (сегменты) позволило увидеть ответ *как процесс* и обнаружить спонтанно и успешно примененный способ ответа. Строго говоря, маневр в строках 19–24 подпадает под определение «достижения» (accomplishment) у Гарфинкеля [22, р. 170, 279, 216 и след.], следовательно, является объектом этнометодологии, а его обнаружение — этнометодологической задачей.

В-третьих, Спрэдди различал *аналитический* (т.е. составленный исследователем), *народный* (folk) и *смешанный* типы доменов [17, р. 90–91]. Поскольку folk-домены принадлежат исследуемой культуре, они являются *этнометодами* упорядочения культурных объектов, постольку и анализ домена — также должен быть этнометодом. Анализ примера 4 есть демонстрация исследования домена «безопасность» *самим респондентом*, в котором он упорядочил включенные термины безопасности согласно упорядочению включенных терминов другого домена — домена «дом».

2. Процесс ответа в примере 4 диалектический. В сегментах ABC концепция безопасности — «в достаточной мере я ощущаю себя безопасно дома» (пусть это событие x_m), а в сегментах C`B`A` — «я не могу ощущать, что я в полной безопасности» (событие y_n). События x_m и y_n — противоречия, однако иерархическое упорядочение X- и Y-локализаций групп событий в сегменте A делает обе концепции в равной мере действительными. Теперь Y-локализация включает в себя собственное отрицание, X-локализацию. Упорядочение событий, таким образом, представляют тезис, антитезис и синтез. Поскольку все события в сторонах хиазма состоят в отношении отрицания, то сторона C`B`A` должна иметь характеристику «неадекватных соседей» и их взаимодействия с респондентом. Однако эти со-

бытия в C`B`A` отсутствуют. Причем это отсутствие означенное — оно даже *маркировано*. Сигналом о *пропуске* расширения в сегментах D и C` служит оборванная фраза «против которых, к сожалению» (строка C'). Поскольку смысл отсутствующих описаний ясен, здесь имеет место пропуск целых фраз, аналогичный эллипсису (adiectio) в риторике — пропуск, не оказывающий влияния на общий смысл.

Сакс уделяет большое внимание проблеме «означенных отсутствий» [23]. Щеглофф упоминает распознаваемость отсутствий в случаях (1) приветствий (greetings, и им подобных пар) и (2) вопрос-ответных обменов [24, р. 76]. Отсутствие ответного приветствия или ответа распознается по наличию первого приветствия либо вопроса. По-видимому, на этом довольно тривиальном наблюдении исследование проблемы отсутствий в разговорном анализе было закончено.

Рассмотренное применение «означенных отсутствий» нетривиально. Вероятно, вся *симметрия здесь была сконструирована именно как способ косвенно и экономно описать источники опасности*. Это — негативная характеристика, и респондент избежала необходимости сделать ее явно. Сегменты и события упорядочены *иерархически*, а характеристика понятна аудитории без слов, потому что она есть прямая *оппозиция* самохарактеристики респондента. Это примеры «контраста различий» и «контраста иерархий» [14, р. 172 и след.]. Вся конструкция — диалектически целостная, является живым, действующим аргументом в поддержку старой гипотезы Герца-Маусса (Mauss Marcel) о том, что культура может быть «классификационной системой бинарных оппозиций» [25, р. 24]. (Александр, правда, упускает из виду тот принципиальный для Маусса и Дюркгейма момент, что оппозиции должны быть *иерархически* организованы [26].)

Заключение

Техника хиазма как риторический/поэтический прием считалось утраченной с момента прекращения составления библейских текстов [см., напр.: 7]. Это предположение служило, в частности, аргументом аутентичности т.н. «книги Мормона», литературной фабрикацией XIX в., выдаваемой за текст ветхозаветной традиции. Апология «Мормона», основанная на обнаружении хиазмов в его тексте, имеет критиков и сторонников [см., напр.: 7, 27, 28]. Библистика не знает источники *поэтики* хиазма — почему громоздкая избыточная конструкция симметрического повторения аргументов воспринимается как эстетически совер-

шенная и убедительная? Объяснение через «понятность» (Слингз) тривиально, а аргумент к симметрии (другие авторы) — тавтологичен. Предложенные здесь аргументы недостаточны для ответа на этот вопрос. Однако представляется, что в античных текстах, где хиазм был впервые обнаружен, он на самом деле *вторичен* — является заимствованием из обыденной речевой культуры, а его особый риторический эффект достигнут за счет *усиления* симметрии. Подчеркнуто симметрическая конструкция искусственного хиазма устраняет преднамеренную неполноту хиазма в обыденной речи. Так случай хиазма, описанный здесь, может восприниматься как «дефектный». Однако показано (см. пример 4), что мнимые лакуны этого случая являются спонтанными применениями риторического приема (подобного эллипсису или detractio). Последний является одновременно случаем «означенного отсутствия», описанного у Сакса в лекциях [см.: 23]. Очевидно также, что Сакс недооценивает роль «означенного отсутствия» в анализе способов категоризации. Давно замечено, что участники часто прибегают к неполным категоризациям, когда категоризация одного участника при известном определении совокупности делает называние оппонировавшей стороны излишним. В случае категоризации *событий* (как это имело место в рассмотренном здесь хиазме) готового имени совокупности или домена в распоряжении респондента не было, но та же задача была решена ею столь же элегантно и экономно. По-видимому, в обеих ситуациях мы имеем дело со способами категоризации, хорошо и давно освоенными в разных культурах и для разных ситуаций.

Список литературы

1. Кузнецов А.Е. Обнаружение хиастической структуры в спонтанном тексте и перспективы развития этнометодологического проекта. Статья первая // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 97–105. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-97-105.
2. Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation // Language. 1974. Vol. 50, № 4. P. 696–735. DOI: 10.2307/412243.
3. Douglas M. Leviticus as Literature. Oxford: N.Y.: Oxford University Press, 1999. 270 p.
4. Blomberg C. The Structure of 2 Corinthians 1–7 // Criswell Theological Review. 1989. Vol. 4, № 1. P. 3–20. URL: https://faculty.gordon.edu/hu/bi/ted_hildebrandt/ntesources/ntarticles/ctr-nt/blomberg-2cor1-7-ctr.htm (accessed: 31.10.2016).
5. Slings S.R. Oral Strategies in the Language of Herodotus // Brill's Companion to Herodotus / ed. by E.J. Bakker, I.J.F. de Jong, H. van Wees. Leiden: Brill, 2002. P. 53–77. DOI: 10.1163/9789004217584_004
6. Lund N.W. The Presence of Chiasmus in the New Testament // The Journal of Religion. 1930. Jan. Vol. 10, № 1. P. 74–93. URL: <http://www.jstor.org/stable/1196953> (accessed: 10.07.2016). DOI: 10.1086/480897.
7. Welch J.W. Chiasmus in Antiquity: Structures, Analyses, Exegesis. Hildesheim: Gerstenberg Verlag, 1981. 353 p.
8. Levinson S.C. Pragmatics. 19th printing. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 396 p.
9. Pomerantz A. Agreeing and disagreeing with assessments: some features of preferred/dispreferred turn shapes // Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis / ed. by J.M. Atkinson, J. Heritage. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 57–101. DOI: 10.1017/CBO9780511665868.008.
10. Sacks H. On the Preferences for Agreement and Contiguity in Sequences in Conversation // Talk and Social Organisation / ed. by G. Button, J.R.E. Lee. Clevedone: Multilingual Matters, 1987. P. 54–69.
11. Schegloff E.A., Sacks H. Opening up closings // Ethnomethodology: Selected Readings / ed. by R. Turner. Harmondsworth, UK: Penguin Books, 1991. P. 233–264.
12. Baker C. Membership categorization and interview accounts // Qualitative research: Theory, method and practice / ed. by D. Silverman. 2nd ed. London: Sage, 2004. P. 162–176.
13. Hester S., Eglin P. Membership Categorization Analysis: An Introduction // Culture in action: studies in membership categorization analysis / ed. by S. Hester, P. Eglin. Washington, DC: International Institute for Ethnomethodology and University Press of America, 1997. P. 1–24.
14. Jayyusi L. Categorization and the moral order. Boston, MA: London: Routledge & Kegan Paul, 1984. 269 p.
15. Lepper G. Categories in text and talk: A practical introduction to categorization analysis. London: Sage, 2000. 208 p.
16. Watson R. Analysing Practical and Professional Texts: A Naturalistic Approach. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2009. 137 p.
17. Spradley J.P. Participant observation. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1980. 195 p.
18. Кузнецов А.Е. Улисс в культурных джунглях: насколько эмпирична модель Шварца? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 102–117. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-1-102-117

19. Glaser B.G. *Theoretical Sensitivity*. Mill Valley, CA: Sociology Press, 1978. 164 p.
20. Jefferson G. List-Construction as a Task and Resource // *Interaction competence* / ed. by G. Psathas. Washington, DC: International Institute for Ethnomethodology and Conversation Analysis University Press of America, 1973. P. 63–92.
21. Lerner G.H. Responsive List Construction: A Conversational Resource for Accomplishing Multifaceted Social Action // *Journal of Language and Social Psychology*. 1994. March. Vol. 13, № 1. P. 20–33. DOI: 10.1177/0261927x94131002.
22. Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967. 288 p.
23. Sacks H. *Lectures in Conversation*. Vol. I, II. Oxford: Basil Blackwell, 1992. 812 p.
24. Schegloff E.A. Notes on a Conversational Practice: Formulating Place // *Studies in Social Interaction* / ed. by D. Sudnow. N.Y.: The Free Press, 1972. P. 75–119.
25. Alexander J.C. *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 291 p.
26. Durkheim E., Mauss M. *Primitive Culture*. 2nd ed. London: Cohen & West, 1969. 91 p.
27. Edwards B.F., Edwards W.F. When are Chiasms Admissible Evidence? // *BYU Studies*. 2010. Vol. 49, № 4. URL: http://digitalcommons.usu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1565&context=physics_facpub (accessed: 09.09.2016).
28. Wunderli E.M. Critique of Alma 36 as an Extended Chiasm // *Dialogue*. 2005. Winter. Vol. 38. P. 97–112. URL: https://www.dialoguejournal.com/wp-content/uploads/sbi/articles/Dialogue_V38N04_105.pdf (accessed: 09.09.2016).
4. Blomberg C. The Structure of 2 Corinthians 1–7. *Criswell Theological Review*. 1989, vol. 4, no. 1, pp. 3–20. Available at: https://faculty.gordon.edu/hu/bi/ted_hildebrandt/ntesources/ntarticles/ctr-nt/blomberg-2cor1-7-ctr.htm (accessed 31.10.2016). (In English).
5. Slings S.R. Oral Strategies in the Language of Herodotus. *Brill's Companion to Herodotus*. Ed. by E.J. Bakker, I.J.F. de Jong, H. van Wees. Leiden: Brill, 2002, pp. 53–77. (In English).
6. Lund N.W. The Presence of Chiasmus in the New Testament. *The Journal of Religion*. 1930, Jan., vol. 10, no. 1, pp. 74–93. Available at: <http://www.jstor.org/stable/1196953> (accessed 10.07.2016). DOI: 10.1086/480897. (In English).
7. Welch J.W. *Chiasmus in Antiquity: Structures, Analyses, Exegesis*. Hildesheim: Gerstenberg Verlag, 1981. 353 p. (In English).
8. Levinson S.C. *Pragmatics*. 19th printing. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 396 p. (In English).
9. Pomerantz A. Agreeing and disagreeing with assessments: some features of preferred/dispreferred turn shapes *Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis*. Ed. by J.M. Atkinson, J. Heritage. Cambridge: Cambridge University Press, 1984, pp. 57–101. DOI: 10.1017/CBO9780511665868.008. (In English).
10. Sacks H. On the Preferences for Agreement and Contiguity in Sequences in Conversation. *Talk and Social Organisation*. Ed. by G. Button, J.R.E. Lee. Clevedone: Multilingual Matters, 1987, pp. 54–69. (In English).
11. Schegloff E.A., Sacks H. Opening up closings. *Ethnomethodology: Selected Readings*. Ed. by R. Turner. Harmondsworth: Penguin, 1991, pp. 233–264. (In English).
12. Baker C. Membership categorization and interview accounts. *Qualitative research: Theory, method and practice*. Ed. by D. Silverman. 2nd ed. 2004, pp.162–176. (In English).
13. Hester S., Eglin P. Membership Categorization Analysis: An Introduction. *Culture in action: studies in membership categorization analysis*. Ed. by S. Hester, P. Eglin. Washington, D.C.: International Institute for Ethnomethodology and University Press of America, 1997, pp. 1–24. (In English).
14. Jayyusi L. *Categorization and the moral order*. Boston, MA, & London: Routledge & Kegan Paul, 1984. 269 p. (In English).
15. Lepper G. *Categories in text and talk: A practical introduction to categorization analysis*. London: Sage, 2000. 208 p. (In English).
16. Watson R. *Analysing Practical and Professional Texts: A Naturalistic Approach*. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2009. 137 p. (In English).

Получено 01.11.2016

References

1. Kuznetsov A.E. *Obnaruzhenie khiasticheskoy struktury v spontannom tekste i perspektivy razvitiya etnometodologicheskogo proekta. Statya pervaya* [The discovery of a chiastic structure in a natural text and the prospects of the ethnomethodology progress. First article]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2017, iss. 1, pp. 97–105. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-97-105. (In Russian).
2. Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation. *Language*. 1974, vol. 50, no. 4, pp. 696–735. DOI: 10.2307/412243. (In English).
3. Douglas M. *Leviticus as Literature*. Oxford and New York: Oxford University Press, 1999. 270 p. (In English).

17. Spradley J.P. *Participant observation*. N.Y., Holt, Rinehart and Winston, 1980. 195 p. (In English).
18. Kuznetsov A.E. *Uliss v kul'turnykh dzhunglyakh: naskol'ko empirichna model' Shvartsa?* [Ulysses in the Culture Jungle: How is Schwartz's Model Empirical?]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2016, iss. 1(25), pp. 102–117. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-1-102-117. (In Russian).
19. Glaser B.G. *Theoretical Sensitivity*. Mill Valley, CA: Sociology Press, 1978. 164 p. (In English).
20. Jefferson G. List-Construction as a Task and Resource. *Interaction competence*. Ed. by G. Psathas. Washington, D.C.: International Institute for Ethnomethodology and Conversation Analysis University Press of America, 1973, pp. 63–92. (In English).
21. Lerner G.H. Responsive List Construction: A Conversational Resource for Accomplishing Multifaceted Social Action. *Journal Of Language And Social Psychology*. 1994, March, vol. 13, no. 1, pp. 20–33. DOI: 10.1177/0261927x94131002. (In English).
22. Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967. 288 p. (In English).
23. Sacks H. *Lectures in Conversation*. Vol. I, II. Oxford: Basil Blackwell, 1992. 812 p. (In English).
24. Schegloff E.A. Notes on a Conversational Practice: Formulating Place. *Studies in Social Interaction*. Ed. by D. Sudnow. New York, The Free Press, 1972, pp. 75–119. (In English).
25. Alexander J.C. *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 291 p. (In English).
26. Durkheim E., Mauss M. *Primitive Culture*. 2nd ed. London, Cohen & West, 1969. 91 p. (In English).
27. Edwards B.F., Edwards W.F. When are Chiasms Admissible Evidence? *BYU Studies*. 2010, vol. 49, no. 4. Available at: http://digitalcommons.usu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1565&context=physics_facpub (accessed 09 September 2016). (In English).
28. Wunderli E.M. Critique of Alma 36 as an Extended Chiasm. *Dialogue*. 2005, winter, vol. 38, pp. 97–112. Available at: https://www.dialoguejournal.com/wp-content/uploads/sbi/articles/Dialogue_V38N04_105.pdf (accessed 09.09.2016). (In English).

The date of the manuscript receipt 01.11.2016

Об авторе

Кузнецов Александр Евгеньевич

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: kzntsv@list.ru
ORCID: 0000-0003-1699-6466

About the author

Kuznetsov Alexander Evgen'evich

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kzntsv@list.ru
ORCID: 0000-0003-1699-6466

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кузнецов А.Е. Обнаружение хиастической структуры в спонтанном тексте и перспективы развития этнометодологического проекта. Статья вторая // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 258–267. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-258-267

Please cite this article in English as:

Kuznetsov A.E. The discovery of a chiastic structure in a natural text and the prospects of the ethnomethodology progress. Second article // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 258–267. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-258-267

УДК 364

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-268-274

ОЦЕНКА РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА НУЖДАЮЩЕГОСЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ

Замараева Зинаида Петровна, Игошина Дарья Андреевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье отмечается, что в течение многих лет ведущей парадигмой системы социальной защиты был принцип государственного патернализма, который культивировал среди населения такие ценности, как всеобщность в получении благ, надежда на заботу со стороны государства и др. На этапе современного развития общества распределительный характер форм социальной помощи сохраняется, что не защищает человека от трудностей, но ослабляет его желание самостоятельно решать свои проблемы. Известно, что чем выше уровень попечительства со стороны государства, тем больше стимулов быть бедным и тем меньше стремление выйти из этого положения. Данное обстоятельство особо подчеркивает важность включения собственного ресурсного потенциала нуждающегося в социальной защите. Цель статьи — обоснование необходимости оценки ресурсного потенциала нуждающегося в социальной защите человека для подбора адекватных форм и технологий помощи. В исследовании использовались системный и сравнительный методы. Исходя из результатов анализа литературы авторы считают, что роль социальной защиты населения заключается в удовлетворении индивидуальной и общественной потребности и повышении жизненного уровня объектов социальной защиты (индивидов, групп, общностей) при условии активизации их собственного ресурсного потенциала. Сделан вывод, что выявленные противоречия и факты свидетельствуют об актуальности внедрения в систему социальной защиты индивидуального, адресного подхода, с учетом ресурсного потенциала нуждающихся граждан.

Ключевые слова: ресурсный потенциал, нуждаемость, система социальной защиты населения, формы социальной поддержки.

ASSESSMENT OF THE RESOURCE POTENTIAL OF PEOPLE IN NEED OF SOCIAL PROTECTION

Zinaida P. Zamaraeva, Daria A. Igoshina

Perm State University

The article notes that for many years the leading paradigm of the social protection system has been the principle of state paternalism, which has cultivated among the population such values as universality of benefits, hope for the state's care and others. At the present stage the distributional nature of the social assistance forms is retained, which certainly does not protect a person from difficulties, and even on the contrary, weakens their desire to solve their problems. As is known, the higher the level of the state's protectorship is, the greater the incentive to be poor and the less the desire to get out of this situation are. This fact emphasizes the importance of incorporating the resource potential of people in need of social protection. The aim of the article is to provide rationale for the assessment of the resource potential of a person in need of social protection in order to select the appropriate forms and means of help. The analysis is based on the systemic and comparative methods. Based on the analysis of scientific works, the authors believe that the role of social protection involves meeting individual and social needs and improving the living standards of the social protection objects (individuals, groups, communities), providing that they strengthen their own resource potential. It is concluded that the revealed contradictions and facts highlight the need for the introduction of the individual, targeted approach into the modern system of social protection, taking into account the resource potential of citizens in need.

Keywords: resource potential, neediness, system of social protection, forms of social assistance.

Введение

Феномен социальной защиты в отечественной научной литературе и современной социальной практике представляется сложным и неоднозначным. Это связано прежде всего с его прикладным аспектом: социальная защита рассматривается либо как комплекс государственных мер, обеспечивающих социальную безопасность всем гражданам в основных сферах жизнедеятельности человека (широкий подход), либо как система государственных мер социальной помощи наиболее обездоленным слоям и группам населения (узкий подход). На разницу в теории и практической реализации существенное влияние оказывают традиции и культура страны, ее организационное и политическое устройство, исторический опыт функционирования государства, условия экономического развития и др.

Начиная с 90-х гг. XX столетия социальная защита в России приобретает разветвленную структуру, включающую такие виды деятельности, как социальное страхование, социальное обеспечение, социальное обслуживание, социальная помощь, социальная поддержка и др. В этих условиях довольно сложно выделить общие закономерности процесса становления социальной защиты, т.к. организационно-структурные параметры еще не сложились в систему. Такая ситуация требует обновления форм и выработки стратегий развития. Исследователям необходимо обратить внимание на важность системного характера социальной защиты населения, основа которой видится в повышении жизненного уровня нуждающихся граждан (семей) прежде всего посредством активизации их собственного ресурсного потенциала.

Об актуальности задачи свидетельствуют данные ведомственной статистики органов социального развития. Нуждающимся в социальной защите гражданам и членам их семей предоставляется более 200 видов мер социальной поддержки, выплаты организуются более чем 40 категориям граждан (пенсионеры, инвалиды, семьи с детьми и др.), большинство из которых являются постоянными получателями ежемесячных денежных компенсаций. Сумма выплат только в одном Пермском крае (по данным Министерства социального развития) ежегодно составляет более 10 млрд. руб. из средств краевого бюджета. Но следует задаться вопросом: не провоцирует ли столь значимая по объему и многообразию форм социальная поддержка со стороны государства

ослабление у нуждающихся граждан стимулов к самостоятельному поиску выхода из трудного материального положения?

Следует указать на важность включения собственного ресурсного потенциала человека, повышения его ответственности за свое благосостояние. Это, на наш взгляд, возможно за счет применения технологий ресурсно-потенциального подхода к социальной защите населения. При этом главное — это оптимизация самой системы, совершенствование ее нормативных, организационно-структурных, функциональных и иных механизмов, позволяющих изменить ресурсный потенциал объекта социальной защиты — индивида, социальной группы и тем самым изменить их социальный статус, роль в обществе путем освоения новых ценностей, норм, требований, моделей поведения.

Результаты

Современная сфера социальной защиты в России строится преимущественно на принципах распределения: для оценки степени нуждаемости объекта берутся традиционные критерии, которые зачастую не отражают реальную ситуацию получателей государственных выплат, что связано с несовершенством механизмов социального страхования, а также форм самообеспечения населения.

Основной показатель нуждаемости, применяемый в сфере социальной защиты, — это соотношение доходов с величиной прожиточного минимума. Подходы к определению данного показателя в России менялись с начала 90-х гг.

Методика определения статуса нуждаемости была разработана российской фирмой социальных технологий и экспертизы в Республике Коми. В структуру среднедушевого дохода семьи здесь были включены все виды денежных доходов, в частности, ресурс экономического потенциала, возможности самостоятельного ведения хозяйства.

Иначе акценты были расставлены в методике, предложенной Всероссийским центром уровня жизни в Воронежской области. Ее отличием стал учет душевого дохода семьи (домохозяйства) без денежной оценки льгот.

В методике, разработанной специалистами Института социально-экономических проблем народонаселения для проведения эксперимента в Волгоградской области, главной стала балльная оценка. Для расчета нуждаемости в оценке денежных доходов семьи были использованы критерии, ориентированные на совокупность потребительских расходов.

В Пермском крае для определения степени нуждаемости было предложено соотношение ежемесячного дохода гражданина (семьи) с предельной величиной его ежемесячного дохода. Если ежемесячный доход не превышает предельную величину ежемесячного дохода (предельная величина ежемесячного дохода гражданина — количество величин прожиточного минимума, установленных для основных социально-демографических групп населения в соответствии с законодательством региона), то граждане могут рассчитывать на соответствующую поддержку из регионального бюджета.

Оказалось, что в большинстве территорий использовались схожие схемы и методики выявления

малообеспеченных групп населения, построенные на учете отношения совокупного среднедушевого дохода семьи к прожиточному минимуму в регионе. Однако следует подчеркнуть, что разработать эффективную методику расчета нуждаемости гражданина (семьи) еще недостаточно. Решение данной задачи требует обновления форм и стратегий развития системы и форм социальной защиты.

Между тем уровень запросов и ожиданий населения относительно возможностей сферы социальной защиты остается традиционным, о чем свидетельствуют данные социологического опроса жителей г. Перми, проведенного в 2013–2014 гг. исследовательской группой ПГГУ (рисунок).

*Выбор приоритетных форм социальной поддержки жителей.
Данные социологического опроса населения в г. Перми [1, с. 134]*

Для того чтобы изменить сложившуюся тенденцию, необходимо внедрение в систему социальной защиты норм, требований, правил, технологий ресурсно-потенциального подхода. Актуализация ресурсного потенциала человека, нуждающегося в социальной поддержке, может способствовать не только решению многих проблем, но прежде всего формированию у него мотивации, направленной на самообеспечение. Рассмотрим его содержание.

Научная дискуссия

Идеи ресурсного подхода в социологии были сформулированы Пьером Бурдьё, а также другими исследователями [2]. Бурдьё, в частности, вы-

деляя три основные формы капитала, характеризует социальный капитал как «совокупность реальных и потенциальных ресурсов, связанных устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания».

Необходимо отметить, что и российские социологи О.И. Шкаратан [3] и Н.Е. Тихонова [4] рассматривают ресурсный подход как современную парадигму в рамках теории социальной стратификации общества.

Тем не менее, активный интерес к вопросу проявился у ученых, исследующих проблемы активизации собственных возможностей индивида (семьи), при их обращении к качественным мето-

дам исследования. Серьезное влияние на формирование материала статьи оказали концепции П. Бергера и Т. Лукмана [5], вобравшие в себя и синтезировавшие идеи Г. Зиммеля, М. Вебера, Г. Мида, Э. Гоффмана, А. Шюца.

Но наибольший интерес представляют исследования последних лет в области социальных проблем населения, в которых рассматриваются собственные возможности индивида для выхода из трудной жизненной ситуации. В этом случае следует назвать работы Н.П. Щукиной [6], Е.Р. Ярской-Смирновой [7]. Особенно актуальной нам представляется концепция жизненных сил человека, развиваемая С.И. Григорьевым [8].

Заметим, что исследования жизненных стратегий людей в контексте философии независимой жизни, актуализации собственных возможностей становится характерным для современной социологии.

Чтобы активизировать собственные ресурсы населения в процессе самообеспечения, необходимо не только провести реструктуризацию объектов социальной защиты по критерию, оценивающему уровень ресурсного потенциала личности (низкий, средний, высокий), но и предложить метод, позволяющий одновременно подобрать адекватные формы и технологии социальной защиты.

Сущность подхода с активным привлечением ресурсного потенциала личности в условиях системы социальной защиты населения выражена нами через совокупность технологий социальной деятельности, которые учитывают уровень и характер ресурсных возможностей индивида (группы) с целью их активизации и преобразования в ресурсы самообеспечения, саморазвития, самоактуализации с использованием институционального и общественного потенциала.

Например, граждане с низким уровнем ресурсного потенциала (возрастной потенциал, потенциал здоровья, потенциал способности к самообслуживанию и самообеспечению, трудовой и профессиональный потенциал, потенциал мотивации на самообеспечение, материальный потенциал и др.) получают государственную социальную помощь в виде *ресурсообеспечивающих форм* — денежных и неденежных. Главным образом это такие формы, как социальные пособия, компенсации, услуги посреднического характера, обучение навыкам самообслуживания, самообеспечения.

Для граждан со средним уровнем ресурсного потенциала (в основе тот же перечень видов ресурсного потенциала) в первую очередь создаются условия для самообеспечения и саморазвития с помощью активных мер адапционно-

реабилитационного характера. В этом случае среди форм социальной защиты важны такие *ресурсоактивизирующие формы* социальной защиты, как получение новой профессии, профессиональная подготовка, переподготовка, самозанятость населения и т.д.

Для граждан с высоким уровнем ресурсного потенциала, но в силу определенных причин оказавшихся в трудной жизненной ситуации (временная утрата трудоспособности по причине длительной болезни, потеря работы в связи с сокращением, миграция и др.), наиболее важны *ресурсоразвивающие формы* социальной защиты. Например, способствующие преобразованию ресурсного потенциала не просто в активный ресурс, а в ресурс развития (дополнительное обучение и переподготовка с целью продвижения по службе, предпринимательская деятельность и т.д.) [9].

Оценка ресурсного потенциала складывается из разницы между задействованным и не задействованным личностью ресурсным потенциалом. В его основу включены следующие показатели: трудоспособность, образование, материальная обеспеченность, стремление к приобретению новых знаний и навыков, мотивация к повышению уровня самообеспечения, к занятости, поддержка со стороны социальных служб и других организаций социального профиля, общественных организаций и др.

Ресурсно-потенциальное состояние индивида как его незадействованного резерва можно рассчитать с помощью формулы, разработанной В.Г. Доброхлеб, оценивающей состояние ресурсного потенциала в контексте шести направлений [9]:

$$Pr = 1/6 (Ph + Peg + Pm + Pmtr + Pc + Pin),$$

где Pr — ресурсный потенциал, Ph — потенциал здоровья, Peg — возрастной потенциал, Pm — мотивационный потенциал, $Pmtr$ — материальный потенциал, Pc — общественный потенциал, Pin — институциональный потенциал.

Характеристики потенциала, выраженные весовыми коэффициентами от 0 до 0,5, оценены как низкие. При коэффициенте выше 0,5 потенциал оценивается как высокий. Первоначально для каждого вида предлагалось рассчитать среднее значение по половозрастным группам населения и оценить этот показатель ресурса как среднее значение всех его составляющих, что позволяет получить первичные оценки по каждому из шести видов, а также предварительный сводный показатель ресурсного потенциала [10].

Структура подхода включает оценку не только ресурсно-потенциального состояния личности, но и ресурсного потенциала самой системы социальной защиты и общественного ресурсного потенциала.

Исследование ресурсного потенциала системы социальной защиты представляется значимым в случае, когда функционирование действующих организаций (систем) вступает в противоречие с социальной реальностью и становится препятствием для адекватного выполнения им функциональных обязанностей, направленных на удовлетворение потребностей населения.

Учет ресурсного потенциала самой системы социальной защиты прежде всего предполагает иное качество управления, которое включает в себя создание нормативно-финансовых условий для ее развития, разработку критериев оценки эффективности, применение новых активных технологий в работе с населением и др.

Ресурсный потенциал общественной среды в рамках ресурсно-потенциального подхода представлен нами, с одной стороны, как следствие изменений данной среды, снижение реальной возможности оказания помощи со стороны государственных структур, как стремление индивидов к объединению с другими себе равными; с другой стороны, как метод повышения мотивации индивида к достижению состояния самообеспечения через деятельность групп само- и взаимопомощи, актуализацию «сетевых ресурсов», образующих общественную модель социальной защиты по месту жительства, а также рост возможностей общественного (некоммерческого) сектора.

В качестве примера может быть рассмотрена модель ресурсного центра независимого проживания «Оттава–Карлетон» (Канада), основной миссией которого является оказание помощи людям с различной формой инвалидности и предоставление средств, необходимых для обеспечения их полноценного участия в жизни общества, а главной целью — создание условий для повышения ресурсного потенциала индивида. Примечательно, что данная организация была создана людьми с инвалидностью, ее деятельностью управляют граждане-инвалиды, получателями ее услуг являются люди, имеющие инвалидность.

Повышение ресурсного потенциала в данной ситуации рассматривалось как возможность развития навыков, которые помогут сделать правильный выбор и принять обоснованные решения. Ведущими принципами в реализации этой программы стали: разделение ответственности (центром руководит совет директоров), трудо-

устройство людей с инвалидностью (как на оплачиваемые должности, так и на добровольной основе), привлечение членов организации к активному участию в жизни центра (центр поощряет участие своих членов в развитии положений, программ при планировании и предоставлении услуг в процессе работы) и др.

Заключение

Актуальность ресурсно-потенциального подхода в системе социальной защиты в России обусловлена рядом противоречий, вызванных как ходом развития российской системы социальной защиты, так и процессами ее реформирования и преобразования.

Анализ научной литературы позволяет утверждать, что отечественные и зарубежные исследователи в сфере системы социальной защиты населения придают огромное значение ресурсам. Наиболее уместным в условиях развития системы социальной защиты населения в России представляется решение проблемы трудной жизненной ситуации в контексте активизации способностей конкретного индивида.

В рамках обозначенного нами ресурсно-потенциального подхода мы предлагаем рассмотреть ресурсный потенциал нуждающегося в социальной защите гражданина (семьи) как совокупность ресурсов индивида, находящихся в разных состояниях: актуальном (активном) или потенциальном (пассивном), при котором интегральный показатель (оценка ресурсно-потенциального состояния) фиксирует, с одной стороны, место носителя ресурсов индивида, с другой — возможности его активизации и влияния на формирование инициативной модели поведения. Такой подход будет способствовать повышению уровня материального благосостояния нуждающегося, его социального статуса и роли в обществе.

Список литературы

1. *Барьеры* и возможности реализации человеческого потенциала в Пермской городской агломерации: коллективная монография / под общ. ред. З.П. Замарасвой; ПГГПУ. Пермь, 2013, 200 с.
2. *Бурдые П.* Формы капитала // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики / науч. ред. и сост. В.В. Радаева; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519–536.
3. *Шкаратан О.И., Бондаренко В.А., Крельберг Ю.М., Сергеев Н.В.* Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 66 с.

4. Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. 2006. Т. 7, № 3. С. 11–26. DOI: 10.17323/1726-3247-2006-3-11-26.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
6. Щукина Н.П. Активизация как базовый принцип социальной работы с пожилыми людьми // Дети и старики. Группы риска: миссия социальной работы в обществе переходного типа / отв. ред. Э.А. Куруленко. Самара, 2001. С. 111–121.
7. Ярская-Смирнова Е.Р. Социальные изменения и мобилизация ресурсов: жизненные истории российских инвалидов // INTER. 2002. № 1. С. 39–50.
8. Григорьев С.И. Базовые критерии оценки качества образования и ключевые социальные компетенции: дискуссии на пороге реального вхождения России в Болонский процесс и принятия образовательных госстандартов третьего поколения // Вестник Учебно-методического объединения вузов России по образованию в области социальной работы. 2006. № 1. С. 56–64.
9. Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал старшего поколения в современной России: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2004. 42 с.
10. Замараева З.П. Ресурсно-потенциальный подход в современной системе социальной защиты и социального обслуживания населения России: монография. М.: Социальное обслуживание, 2014. 260 с.
4. Tikhonova N.E. *Resursnyy podkhod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikatsionnykh issledovaniyakh* [Resources Approach as a New Paradigm in Stratification Studies]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 2006, vol. 7, no. 3, pp. 11–26. DOI: 10.17323/1726-3247-2006-3-11-26. (In Russian).
5. Berger P., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality]. Moscow, Medium Publ., 1995, 323 p. (In Russian).
6. Shchukina N.P. *Aktivizatsiya kak bazovyy printsip sotsial'noy raboty s pozhilymi lyud'mi* [Energization as a Basic Principle of Social Work with the Elderly]. *Deti i stariki. Gruppy riska: missiya sotsial'noy raboty v obschestve perekhodnogo tipa / отв. red. E.A. Kurulenko* [Children and the Elderly. Risk Groups: the Mission of Social Work in the Interjacent Society. Ed. by E.A. Kurulenko]. Samara, 2001, pp. 111–121. (In Russian).
7. Yarskaya-Smirnova E.R. *Sotsial'nye izmeneniya i mobilizatsiya resursov: zhiznennyye istorii rossiyskikh invalidov* [Social Changes and Resource Mobilization: Life Stories of Russian Disabled People]. INTER. 2002, no. 1, pp. 39–50. (In Russian).
8. Grigorev S.I. *Bazovyye kriterii otsenki kachestva obrazovaniya i klyuchevyye sotsial'nye kompetentsii: diskussii na poroge real'nogo vkhozhdeniya Rossii v Bolonskiy protsess i prinyatiya obrazovatelnykh gosstandartov tret'ego pokoleniya* [Basic Criteria for Evaluating the Quality of Education and Main Social Competencies: Discussions on the Verge of Russia's Entry into the Bologna Process and Acceptance of the State Third-Generation Educational Standards]. *Vestnik Uchebno-metodicheskogo obiedineniya vuzov Rossii po obrazovaniyu v oblasti sotsial'noy raboty* [Vestnik UMO Universities of Russia for Education in Social Work]. 2006, no. 1, pp. 56–64. (In Russian).
9. Dobrokhleb V.G. *Resursnyy potentsial starshego pokoleniya v sovremennoy Rossii: avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk* [The Resource Potential of the Older Generation in Modern Russia. Abstract of Dr. econom. sci. dis.]. Moscow, 2004, 42 p. (In Russian).
10. Zamaraeva Z.P. *Resursno-potentsialnyy podkhod v sovremennoy sisteme sotsial'noy zashchity i sotsial'nogo obsluzhivaniya naseleniya Rossii* [Resource-potential Approach in the Modern System of Social Protection and Social Services in Russia]. Moscow, Social Care Publ., 2014, 260 p. (In Russian).

Получено 13.01.2017

References

1. *Barery i vozmozhnosti realizatsii chelovecheskogo potentsiala v Permskoy gorodskoy aglomeratsii: kollektivnaya monografiya / pod red. Z.P. Zamaraevoy* [Opportunities and Barriers. Implementation of Human Potential in the Perm Urban Agglomeration: collective monograph. Ed. by Z.P. Zamaraeva]. Perm, PSHPU Publ., 2013, 200 p. (In Russian).
2. Bourdieu P. *Formy kapitala* [Forms of Capital]. *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya. Khrestomatiya sovremennoy klassiki / nauch. red. V.V. Radaeva* [Western Economic Sociology. Chrestomathy of Modern Classics. Ed. by V.V. Radaeva]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, pp. 519–536. (In Russian).
3. Shkaratan O.I., Bondarenko V.A., Krelberg Yu.M., Sergeev N.V. *Sotsial'noe rassloenie i ego vosproizvodstvo v sovremennoy Rossii* [Social Stratification and Its Reproduction in Modern Russia]. Moscow, HSE Publ., 2003, 66 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 13.01.2017

Об авторах

Замараева Зинаида Петровна

доктор социологических наук, доцент,
заведующая кафедрой социальной работы
и конфликтологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: zinaidazamaraeva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3070-723X

Игошина Дарья Андреевна

аспирант кафедры социальной работы
и конфликтологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: shitova.d@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-5786-4633

About the authors

Zamaraeva Zinaida Petrovna

Doctor of Sociology, Docent,
Head of the Department of Social Work
and Conflictology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: zinaidazamaraeva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3070-723X

Igoshina Daria Andreevna

Ph.D. Student of the Department of Social Work
and Conflictology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: shitova.d@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-5786-4633

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Замараева З.П., Игошина Д.А. Оценка ресурсного потенциала нуждающегося в социальной защите // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 268–274.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-268-274

Please cite this article in English as:

Zamaraeva Z.P., Igoshina D.A. Assessment of the resource potential of people in need of social protection // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 268–274.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-268-274

УДК 373.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-275-281

ПЕДАГОГИ И РОДИТЕЛИ В СИСТЕМЕ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Меренков Анатолий Васильевич, Антонова Наталья Леонидовна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

В статье рассматриваются основные проблемы взаимодействия родительской общности с педагогами и специалистами системы дошкольного образования. Новый федеральный образовательный стандарт, принятый в 2013 г., требует от педагогов совместного с семьей решения задач нравственного, трудового, интеллектуального, эстетического развития каждого ребенка. В нем указаны общие цели и задачи воспитательной деятельности организаций дошкольного образования без раскрытия основных способов достижения планируемых результатов. Каждая образовательная организация должна самостоятельно найти оптимальные варианты взаимодействия с родителями, чтобы обеспечить всестороннее развитие каждого ребенка, подготовить его к поступлению в школу. На материалах эмпирического исследования (г. Екатеринбург, 2016 г.) показано, что в настоящее время у родителей и педагогических работников дошкольных организаций существуют разные представления о том, какие качества необходимо в первую очередь формировать усилиями семьи, а какие воспитателей детских садов с учетом возраста и индивидуальных особенностей конкретного ребенка. Отмечается, что большинство родителей нуждаются в помощи работников дошкольного образования в формировании у детей навыков самоорганизации, культуры сотрудничества с окружающими их людьми, самостоятельного решения проблем, возникающих в познавательной, игровой деятельности, при общении со сверстниками. Показано, что в настоящее время уровень квалификации педагогов недостаточен для того, чтобы совместно с семьей обеспечить выработку у ребенка качеств, необходимых для раскрытия способностей, формирования культуры общения с разными людьми.

Ключевые слова: взаимодействие, педагоги, родители, дошкольное образование, воспитание.

TEACHERS AND PARENTS IN THE PRESCHOOL EDUCATION SYSTEM: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS OF INTERACTION

Anatoliy V. Merenkov, Natalia L. Antonova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The article deals with the main problems of interaction between parents and teachers of preschool education. The new Federal Educational Standard, which was introduced in 2013, demands that teachers and parents should solve problems of moral, labor, intellectual, and aesthetic development of each child in collaboration. The general goals of the preschool education system are stated in the Standard, but there are no clear methods of their achievement. Each educational organization should find an appropriate way of interaction with parents by itself in order to provide the full development of the child's personality and prepare him/her for school education. The research shows a difference between teachers and parents in their understanding of a child's upbringing. It is questionable which personal qualities of a child should be formed by parents and which ones should be developed by preschool teachers. It is noted that the majority of parents need help of preschool teachers in development of the child's self-organization, cooperation, communication, and problem-solving skills. As it is shown in the article, nowadays the professional level of teachers appears to be inadequate to provide cultivation of personal qualities necessary for children's communicational culture development.

Keywords: interaction, teachers, parents, preschool education, education, upbringing.

Место дошкольного образования в российской образовательной системе

Дошкольное образование является элементом целостной системы российского образования, в котором осуществляются воспитание, обучение и развитие личности ребенка. Дошкольное образование выступает в качестве стартовой ступени, определяющей успешность жизненного пути человека и в этом смысле нуждается в специальном социологическом исследовании. По данным Федеральной службы государственной статистики в 2015 г. в России было 50,1 тыс. детских садов, число детей их посещающих составило 7151,6 тыс., охват детей дошкольным образованием — 66,2 % [1].

Исходя из требований современного общества к образованию и воспитанию детей, основной функцией дошкольного образования становится социализация подрастающего поколения как процесс его приобщения к культуре путем формирования потребности в постоянном самосовершенствовании и саморазвитии. Динамично меняющийся мир требует изменения от самой личности, ее готовности вновь и вновь социализироваться в новых условиях, которые охватывают все виды деятельности: от быта, обучения, семейной жизни до профессионального творчества и изобретательства. Семья и педагоги дошкольных образовательных учреждений должны быть ориентированы на воспитание саморазвивающейся личности.

В школьном возрасте также необходимы контакты педагогов с родителями, но дошкольный возраст отличается тем, что нормы и правила культуры, исходные ценности, которые усвоены ребенком, служат основанием его будущей жизни. При естественном различии семейных и общественных требований, возможностей и представлений о содержании воспитания и образования необходимо находить те точки соприкосновения, которые снимали бы противоречия личностного развития в раннем возрасте. Отсюда взаимодействие родителей и педагогического сообщества дошкольного образовательного учреждения должно выстраиваться на фундаменте единого партнерского концепта, в основе которого воспитание, социализация и развитие ребенка. Рассматривая особенности взаимодействия с семьей педагогов, работающих с разными возрастными группами, Е.П. Арнаутова отмечает, что диалог педагога с родителями — это совместное приобретение опыта [2].

Воспитательная деятельность педагогов дошкольных образовательных организаций в России определяется в настоящее время несколькими нормативными документами. В «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» отмечается, что «приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины» [3]. Исходя из этой задачи, педагоги, работающие с детьми дошкольного возраста, должны основное внимание уделять формированию моральных норм, регулирующих отношения ребенка в семье с родителями, в дошкольном образовательном учреждении — со сверстниками, в общественных местах — с разными людьми. При этом требуется обеспечить связь традиционных ценностей с новыми, возникшими в современном поликультурном мире, помочь каждому ребенку раскрыть свои задатки в активной познавательной, игровой, творческой деятельности.

В 2013 г. был разработан и принят Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования, в котором определены целевые ориентиры дошкольного образования. Они представляют собой «социально-нормативные возрастные характеристики возможных достижений ребенка на этапе завершения уровня дошкольного образования» [4]. В этом документе отмечается необходимость в постоянном взаимодействии педагогов, работающих с детьми разного возраста, с их родителями при «формировании общей культуры личности детей, в том числе ценностей здорового образа жизни, развития их социальных, нравственных, эстетических, интеллектуальных, физических качеств, инициативности, самостоятельности и ответственности ребенка, формирования предпосылок учебной деятельности» [4].

Организациям дошкольного образования предоставляется право на самостоятельное определение механизмов и способов достижения указанных целевых ориентиров. Предполагается, что педагогическое сообщество сможет найти соответствующее требованиям современной жизни содержание моральных, трудовых, эстетических ориентаций и установок, а также эффективные методы их формирования в детском возрасте,

обеспечивая при этом согласованность своих представлений с мнениями и оценками родительской общности. Реализация требований стандарта определяется совместными действиями родителей и педагогов, их ориентацией на активное сотрудничество, обеспечивающее, во-первых, усвоение каждым ребенком норм и правил, которые позволяют ему всесторонне развиваться в процессе общения со сверстниками, принять установки, формируемые специалистами организации; во-вторых, возможность использования педагогами принципов индивидуального подхода к каждому ребенку на основе информации о его психофизических особенностях, получаемой от родителей; в-третьих, развитие в семье тех нравственных, эстетических, трудовых, интеллектуальных качеств, которые формируются в дошкольных образовательных учреждениях усилиями педагогической общности. Вместе с тем, как отмечают исследователи, сегодня организация взаимодействия имеет формальный характер, отсутствует согласованность в действиях родителей и педагогов, их общение зачастую выстраивается на уровне взаимных претензий [5, с. 52].

Семья и дошкольное образование как проблема взаимодействия в процессе социализации ребенка

С целью определения проблем, возникающих при взаимодействии семьи с организацией дошкольного образования при реализации нового Федерального образовательного стандарта, нами в 2016 г. было проведено эмпирико-социологическое исследование в городе Екатеринбурге, объектом которого стали родители, чьи дети посещают муниципальные дошкольные образовательные учреждения ($n = 260$), а также специалисты и педагоги системы дошкольного образования ($n = 115$).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что большинство родителей не знакомы с содержанием требований к работе учреждений дошкольного образования, которые изложены в новом Федеральном образовательном стандарте. Только каждый третий слышал от руководства организации о том, что работа педагогов определяется целями и задачами, сформулированными в нем. В общем виде ознакомлены с его содержанием 12 % респондентов. Такое положение ограничивает возможности использования родителями требований этого нормативного акта при обсуждении подходов к содержанию и направленности воспитательной работы с детьми в дошкольной организации.

Исследовательские материалы продемонстрировали расхождения в трактовках родителями и педагогами основных целей работы с детьми. Законные представители интересов подрастающего поколения считают, что педагогическое сообщество дошкольной образовательной организации в первую очередь должно обеспечить развитие способностей ребенка в игровой, художественной, познавательной деятельности. Для этого педагогам необходимо, во-первых, предоставить каждому воспитаннику возможность проверить наличие задатков к разным видам творческой работы; во-вторых, создать условия для того, чтобы в процессе специально организованных занятий ребенок мог совершенствовать приобретаемые умения. К таким суждениям родителей педагоги и специалисты оказались не готовы. Они поставили реализацию этой задачи дошкольным образовательным организациями на третье место по степени важности, считая главным в своей работе — сохранение и укрепление здоровья детей. Это требование является для них обязательным, однако, определив его на первое место, они воспроизвели традиционное представление о роли дошкольного образования как системы, обеспечивающей сохранность ребенка на тот период времени, пока взрослые члены семьи заняты выполнением профессиональных функций.

Единство мнений родителей и педагогов учреждений дошкольного образования о целях их работы заключается в понимании важности освоения ребенком совокупности необходимых для повседневной жизни знаний, умений и навыков. При этом особо отмечается значимость выработки у детей способности регулировать свое нравственное поведение при общении с разными людьми. Существует общее понимание задач подготовки ребенка к последующему успешному обучению в школе на основе формирования познавательных потребностей.

В то же время, как отмечает Ю. Градскова, на взаимоотношения дошкольного учреждения и семьи оказывают существенное влияние разные представления о «благах ребенка», существующие у субъектов его социализации [6, с. 45]. В нашем исследовании родители считают себя обязанными вырабатывать у детей навыки помощи близким людям (74 %), умение управлять эмоциями (43 %), способность к сопереживанию (34 %), культуру общения (31 %). По их мнению, во время пребывания ребенка в дошкольном учреждении у него нужно развивать навыки логического мышления (67 %); дисциплину (49 %); самоконтроль (31 %); самостоятельность (26 %). Эти дан-

ные свидетельствуют о наличии четкого распределения содержания той воспитательной деятельности, которой должны заниматься семья и педагоги. Это ведет к существенному ограничению пространства той совместной работы по развитию совокупности нравственных, эстетических, трудовых и интеллектуальных качеств, которой необходимо заниматься как родителям, так и педагогическому сообществу.

Действительно, во время пребывания ребенка в детском саду при общении со сверстниками сложно развивать у него навыки помощи близким людям, так как они формируются на основе заботы о родителях и других родственниках. Однако учить управлять эмоциями, в первую очередь негативными, требуется не только дома, но и во время взаимодействия с другими детьми в группе. Эта способность является одним из показателей культуры общения личности. Между тем только 9 % опрошенных родителей считают, что ее воспитанием ребенка должны заниматься специалисты дошкольного образования. Также сложно обосновать суждение родителей о том, что навыки дисциплины, самоконтроля вырабатываются в первую очередь усилиями педагогов, а не взрослых членов семьи. Несомненно, их формирование требует от родителей четкой организации повседневных практик ребенка, включения его в посильный домашний труд, самостоятельное приобретение новых знаний, умений. При этом условия возникают умение проявлять волю, терпение, самоконтроль, составляющие содержание дисциплинированности личности.

Исследование показало, что у педагогов иное понимание распределения воспитательной деятельности между семьей и образовательной организацией. 67 % педагогов заявили, что родители должны заниматься повышением уровня развития самостоятельности ребенка. Этот показатель у многих детей весьма низкий, так как семья не настаивает на выполнении вполне посильных для конкретного возраста ребенка обязанностей без помощи взрослых. Высокий уровень оснащенности техникой в бытовых практиках резко ограничил содержание того труда, который требует собственных усилий ребенка. Все, что необходимо для его комфорта, делают взрослые члены семьи. Только 11 % опрошенных родителей считают, что они должны активно участвовать в развитии самостоятельности детей.

43 % опрошенных работников дошкольного образования подчеркнули необходимость усиления роли матерей и отцов в формировании у детей навыков дисциплины. В современной семье,

часто имеющей одного ребенка, ему предоставляется значительная свобода действий, не ограниченная определенными обязанностями, которые требуется вовремя выполнить. У значительной части детей 5–6 лет отсутствует навык подчинения тем обоснованным требованиям взрослых, реализация которых обеспечивает сохранение их здоровья, жизни, возможность безопасного познания окружающего мира, выявления своих способностей при использовании технических средств, применяемых в быту. Лишь каждый пятый родитель считает своей обязанностью выработку данного качества.

Третья часть опрошенных педагогов заявили о важности формирования в семье умения ребенка контролировать свои негативные эмоции, сдерживать периодически возникающие агрессивные намерения. Они отмечают, что многие родители не понимают, что поведение детей в группе при общении со сверстниками существенно отличается от того, которое они демонстрируют дома. Поэтому важно разработать общую тактику формирования семьей и специалистами дошкольной организации установок ребенка на управление эмоциями, чувствами, поступками в зависимости от того, с какой социальной группой он взаимодействует в конкретной ситуации.

Следует отметить, что поиск информации о том, какие качества, в каком возрасте и какими методами следует развивать у детей в семье, 67 % современных родителей начинают тогда, когда сталкиваются с трудностями при формировании какого-то конкретного навыка. Например, если они устают содержать в порядке и чистоте комнату ребенка, то пытаются срочно воспитывать у него трудолюбие и организованность; если они обнаруживают ложь и желание скрыть свои проступки, то стремятся сразу же выработать чувство стыда. Наблюдается отсутствие последовательности в становлении тех нравственных, трудовых, эстетических, умственных качеств, которые ребенок может освоить при достижении определенного возраста. Одна из причин такого положения заключается в том, что современные родители не получают в какой-либо форме знания о физических и психических особенностях развития детей в каждый период взросления, о тех возможностях, которые существуют у них при освоении норм и правил взаимодействия с разными людьми. Поэтому 23 % родителей детей обращаются за советом к собственным родителям в тех случаях, когда не удается найти эффективные способы решения проблем семейного воспитания, а 9 % читают специальную педагогическую литературу. Кроме того, как отме-

чают исследователи, современные родители зачастую не понимают самооценности периода дошкольного детства и его значения для формирования личности в целом [7, с. 210].

В условиях дефицита у родителей знаний для решения проблем развития ребенка должна возрастать ценность их получения от педагогов дошкольного образования. Исследование выявило содержание тех воспитательных проблем, при решении которых семья готова обратиться к педагогам за консультацией. Каждый четвертый опрошенный отметил желание получить информацию о том, как формировать интерес к приобретению новых знаний у детей 4–6 лет, поскольку многие из них увлечены пассивным просмотром телепередач, компьютерными играми. Желание из книг, бесед с взрослыми узнать новое о природе, животных, причинах разного поведения людей в конкретных ситуациях проявляется сравнительно редко. 17 % респондентов хотят получить помощь в формировании самостоятельности ребенка в быту, играх, при общении со сверстниками. С одной стороны, родители побуждают детей разными способами к тому, чтобы они без помощи взрослых решали проблемы, возникающие в познавательной, семейно-бытовой деятельности. С другой стороны, применяемые методы не всегда дают желаемый результат. Возникают конфликты при формировании и развитии этого качества у тех, кто через 1–2 года уже пойдет в школу. Дети не осознают, что отсутствие самостоятельности приведет к значительным трудностям в освоении учебного материала. 14 % родителей желают получить совет по развитию навыков самоорганизации у ребенка и умения преодолевать лень. Эти качества тесно связаны с самостоятельностью личности и возникают тогда, когда ребенка учат в 5–6 лет ставить цели той деятельности, которой он занимается, проявлять волю и терпение при столкновении с разными трудностями, вести самоконтроль. Проблема заключается в том, что родители нуждаются в объяснении механизмов формирования данных навыков при включении ребенка в домашний труд, игры, общение.

В настоящее время работники дошкольной образовательной организации, по мнению 58 % родителей, вообще не оказывают им какую-либо педагогическую помощь при решении воспитательных проблем. 28 % опрошенных отметили, что им только указывают на возникающие у педагогов трудности при выработке у ребенка некоторых качеств и предлагают заняться их формированием в семье, так как усилия специалиста не дают желаемого результата. 14 % родителей за-

явили о том, что педагоги говорят о полном отсутствии у их детей некоторых моральных, трудовых навыков. Их развитие полностью перекладывается на семью. При этом только 5 % педагогов объясняют, какими методами можно их эффективно формировать в процессе изменения семейного воспитания, а 12 % предлагают совместно с семьей развивать нужные качества.

Одной из причин низкой активности педагогов в организации квалифицированной помощи родителям является то, что многие из них не владеют в должной степени информацией, востребованной семьей. 79 % опрошенных педагогов отмечают, что сами нуждаются в знаниях, раскрывающих общие проблемы современного воспитания и образования подрастающего поколения, 66 % испытывают потребность в расширении представлений о психологии дошкольного возраста, 56 % — в информации об инновационных технологиях обучения и воспитания детей.

Заключение

Материалы исследования показали, что в настоящее время еще не сформировалась система эффективного взаимодействия родителей и педагогов дошкольного образования при реализации требований нового Федерального образовательного стандарта дошкольного образования. Несмотря на признание позитивного влияния партнерских отношений родителей и педагогов в развитии ребенка, его успешности в будущей жизни, педагоги дошкольных учреждений обладают минимальными знаниями и навыками работы с родителями. Одной из причин сложившейся ситуации является современная система подготовки педагогов, в которой вопросам взаимодействия с родителями уделяется недостаточно внимания. Кроме того, несколько десятилетий назад была разрушена прежняя система формирования у человека представлений о содержании и методах воспитания детей в дошкольном возрасте на основе личного наблюдения за этим процессом в многодетных родительских семьях. Взрослые, социализация которых в детском возрасте проходила в одно-двухдетной семье, не имеют сохраняемого в сознании образца нравственного, трудового, интеллектуального развития ребенка дошкольного возраста. Поэтому необходимо специальное обучение как педагогов, так и будущих родителей навыкам, обеспечивающим научно обоснованное развитие детей с учетом их индивидуальных особенностей на основе партнерских отношений родительской и педагогической общностей.

Список литературы

1. *Информация* по организациям, осуществляющим образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми с 2014 года. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/# (дата обращения: 25.01.2017).
2. *Арнаутова Е.П.* Педагог и семья. М.: Карапуз, 2002. 264 с.
3. *Стратегия* развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. N 996-р. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d536d68ee9fec15756.pdf> (дата обращения: 20.01.2017).
4. *Федеральный* государственный образовательный стандарт дошкольного образования. Приказ Министерства образования и науки России «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования» № 1155 от 17 октября 2013 г. URL: [http://sch1250s.mskobr.ru/files/fgos_doshk_obr\(2\).pdf](http://sch1250s.mskobr.ru/files/fgos_doshk_obr(2).pdf) (дата обращения: 20.01.2017).
5. *Копытова А.В.* Системный подход в личностно ориентированном взаимодействии педагогов дошкольных образовательных учреждений и родителей воспитанников // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4(152). С. 51–53.
6. *Градскова Ю.* Когда отдавать ребенка в детский сад и платить ли воспитателю? Родительство, гендер и учреждения дошкольного воспитания в интернет-форумах // *Laboratorium. Журнал социальных исследований.* 2010. № 3. С. 44–57.
7. *Кощиенко И.В.* Взаимодействие педагогов и родителей как социальная и психолого-педагогическая проблема // *Знание. Понимание. Умение.* 2011. № 1. С. 209–212.
2. *Arnautova E.P.* *Pedagog i sem'ya* [Teacher and Family]. Moscow, Karapuz Publ., 2002. 264 p. (In Russian).
3. *Strategiya razvitiya vospitaniya v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda. Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 29 maya 2015 g. N 996-r* [Russia's National Framework for the Development of Education up to 2015. Confirmed by the RF Government Directive 29.05.2015. N 996-r], Available at: <http://council.gov.ru/media/files/41d536d68ee9fec15756.pdf> (accessed 20.01.2017). (In Russian).
4. *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart doshkolnogo obrazovaniya. Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossii «Ob utverzhdenii Federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta doshkol'nogo obrazovaniya» № 1155 ot 17 oktyabrya 2013 goda* [Federal State Preschool Education Standard. Directive of the RF Ministry of Education and Science «On the confirmation of the Federal State Preschool Education Standard». № 1155. 17.10.2013]. Available at: [http://sch1250s.mskobr.ru/files/fgos_doshk_obr\(2\).pdf](http://sch1250s.mskobr.ru/files/fgos_doshk_obr(2).pdf) (accessed 20.01.2017). (In Russian).
5. *Kopytova A.V. Sistemnyy podkhod v lichnostno orientirovannom vzaimodeystvii pedagogov doshkol'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy i roditeley vospitannikov* [The Program Approach in the Personality-Focused Interaction of Teachers of Preschool Educational Establishments and Parents of Pupils]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [CSU Bulletin]. 2009, no. 14(152), pp. 51–53. (In Russian).
6. *Gradskova Yu. Kogda otdavat rebenka v detskiy sad i platit li vospitatelyu? Roditelstvo, gender i uchrezhdeniya doshkolnogo vospitaniya v internet-forumakh* [What Is the Best Time to Send Child to Kindergarten and Do You Need to Pay to Teacher? Parenthood, Gender and Kindertgartens on Internet Online Forums]. *Laboratorium. Zhurnal sotsialnykh issledovaniy* [Laboratorium. Journal of Social Studies]. 2010, no. 3, pp. 44–57. (In Russian).
7. *Koschienko I.V. Vzaimodeystvie pedagogov i roditeley kak sotsial'naya i psikhologo-pedagogicheskaya problema* [Interaction Between Teachers and Parents as a Social, Psychological and Pedagogical Problem]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2011, no. 1, pp. 209–212. (In Russian).

Получено 06.03.2017

References

1. *Informatsiya po organizatsiyam, osuschestvlyayuschim obrazovatel'nuyu deyatelnost po obrazovatel'nym programmam doshkolnogo obrazovaniya, prismostr i ukhod za detmi s 2014 goda* [Organizations Carrying Out Educational Activities on Preschool Programmes, Supervision and Child Care]. *Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/# (accessed 12.02.2017). (In Russian).

The date of the manuscript receipt 06.03.2017

Об авторах

Меренков Анатолий Васильевич
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой прикладной социологии

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: anatoly.mer@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5900-0863

Антонова Наталья Леонидовна
доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры прикладной социологии

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: n-tata@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2063-4970

About the authors

Merenkov Anatoliy Vasil'evich
Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of Applied Sociology

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: anatoly.mer@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5900-0863

Antonova Natalia Leonidovna
Doctor of Sociology, Docent,
Professor of the Department of Applied Sociology

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: n-tata@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2063-4970

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Меренков А.В., Антонова Н.Л. Педагоги и родители в системе дошкольного образования: проблемы и противоречия взаимодействия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 275–281. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-275-281

Please cite this article in English as:

Merenkov A.V., Antonova N.L. Teachers and parents in the preschool education system: problems and contradictions of interaction // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 275–281. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-275-281

УДК 331.104.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-282-293

МОЛОДОЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ: К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

Балезина Екатерина Андреевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Роль молодого преподавателя в жизни вуза значительна, но критерии выделения данной группы четко не определены. Сложность определения категории молодого преподавателя связана с целым рядом факторов: размытость понятия «молодежь», незакрепленность категорий «молодой сотрудник» и «молодой специалист», разница в используемых критериях, а также специфика профессиональной научно-педагогической деятельности. В статье представлен анализ научной литературы и нормативных актов, в которых даются определения данных понятий. Основным критерием выделения молодого сотрудника среди персонала организации является возраст, который лишь частично совпадает с принятым в России возрастом молодежи. Другими критериями называют стаж работы, уровень образования, сроки трудоустройства и пр. Для определения категории «молодой преподаватель» важным является отделение данной группы от категории «молодой ученый», что обосновывается спецификой выполняемой им научно-педагогической деятельности.

Руководство современного российского вуза заинтересовано в привлечении молодых преподавателей как носителей инновационного потенциала, наиболее быстро адаптирующихся к нововведениям, владеющих новейшими информационно-коммуникационными технологиями. Закрепление молодых сотрудников является важной задачей кадровой политики, для этого используют специальные программы, согласно этим программам молодым сотрудникам предоставляются экономические выгоды при приобретении жилья, дополнительные выплаты, проводятся конкурсы, направленные на улучшение и ускорение адаптации специалиста, на его включение в научно-исследовательскую и педагогическую деятельность.

Ключевые слова: молодой преподаватель, молодой специалист, молодой сотрудник, молодежь, адаптация.

YOUNG TEACHER: REVISITING THE CONCEPT

Ekaterina A. Balezina

Perm State University

The role of a young teacher in the present and future life of the university is significant, but the criteria for referring to this group are not clearly defined. The difficulty of defining the «young teacher» category is tied to a number of factors: vagueness of the «youth» concept, absence of the formalized «young employee» and «young specialist» categories, difference in the criteria used, and the nature of professional scientific and educational activities. The article presents analysis of scientific literature and normative acts which give definitions of these concepts. The main criterion for recognizing young employees as such is age, which only partly coincides with the youth age accepted in Russia. Other criteria are work experience, level of education, term of employment, etc. To define the category «young teacher», it is important to distinguish this group from the category «young scientist», which is connected with the specificity of their scientific and pedagogical activities.

Management of a modern Russian university is interested in attracting young teachers as bearers of the innovative potential and employees most responsive to innovations, who master the latest information and communication technologies. The retention of this type of employees is an important task of personnel policy, for this purpose various programs aimed at young people are used. These include provision of economic benefits when purchasing a flat or a house, additional payments, competitions aimed at improving and accelerating adaptation of specialists and their inclusion into research and educational activities.

Keywords: young teacher, young specialist, young employee, youth, adaptation.

Введение

Молодые сотрудники — это особая категория работников компании. Они являются стратегически важным кадровым ресурсом и обладают огромным инновационным потенциалом в силу присутствующего молодежи «нового мышления» и «новой энергии созидания» [1, с. 34]. Молодые сотрудники — это будущее компании, ее «долгосрочный актив» [2, с. 31].

В пользу важности молодых сотрудников для стратегического развития организации говорят их высокий уровень и большая скорость обучаемости, мобильность и адаптивность [3], позволяющие не просто развивать персонал, но строить самообучающуюся и саморазвивающуюся организацию [4]. Молодые сотрудники являются важнейшим источником таких востребованных в современных компаниях качеств, как мотивация к саморазвитию, лояльность организации и инновационность.

Существует мнение [3], что для работодателя выгоднее принять на работу молодого сотрудника без опыта работы и научить его всему необходимому, чем переучивать готового специалиста с уже сформировавшимися профессиональными навыками, ценностными ориентациями и усвоенными корпоративными ценностями другой организации. Одно из преимуществ молодого сотрудника заключается в том, что он не может принести в организацию конфликт корпоративных культур. Подготовленный внутри компании специалист лоялен к работодателю, ориентирован на более высокие результаты по сравнению со специалистами с опытом работы в других организациях.

Молодые сотрудники (например выпускники вузов) обладают сегодня такими знаниями и навыками, какими не обладают работники более старших возрастных групп. Выпускник вуза является «носителем ноу-хау» [3, с. 138]. То есть только молодые люди способны освоить новые профессии, которым еще никто не обучает, и тем самым заполнить образовавшиеся лакуны в профессиональном мире.

По видам осуществляемой деятельности сотрудников вуза делят на педагогических и научных работников, административно-управленческий, учебно-вспомогательный и технический персонал. В зависимости от возраста и стажа работы выделяют молодых сотрудников в каждой из представленных групп. При этом непосредственным осуществлением основного вида дея-

тельности высшего учебного заведения (обучением студентов) занимается профессорско-преподавательский состав университета. Таким образом, группа молодых преподавателей относится к категории молодого сотрудника вуза наряду с другими группами, осуществляемыми неосновные виды деятельности (административную, учебно-вспомогательную и пр.).

В условиях модернизации высшего образования видится необходимым выделение категории молодого преподавателя, т.к. именно молодой преподаватель становится человеческим ресурсом, отличающимся большей готовностью учиться, искать новые подходы в своей профессиональной деятельности [5]. Между тем при всей важности положения молодого преподавателя университета сама категория «молодой преподаватель» не определена, каждый вуз интерпретирует ее по-своему.

Современный российский вуз, желающий отвечать новым вызовам времени, стремится обеспечить большую гибкость в работе профессорско-преподавательского состава. Это выражается в разнообразии навыков, повышении адаптивности к постоянным изменениям требований к работе преподавателя, непрерывном обучении и др. Все эти качества в большей степени характерны для молодого преподавателя [6].

Молодые сотрудники требуют повышенного внимания со стороны работодателя, так как являются довольно «неустойчивой» группой работников.

Во-первых, многие работодатели негативно оценивают такие качества молодых сотрудников, как отсутствие опыта профессиональной деятельности, недостаток навыков построения взаимоотношений в коллективе и работе в команде, т.е. все то, что свидетельствует о социальной незрелости молодого сотрудника [7, с. 102].

Во-вторых, многие молодые сотрудники увольняются с нового места работы в первые месяцы после трудоустройства [8]. Это можно объяснить как неудачной профессиональной адаптацией, так и неустойчивым профессиональным, экономическим и социальным положением молодежи. Молодые сотрудники не всегда имеют четкие профессиональные цели, рассматривают первое место работы как некий старт, как возможность только получить необходимый опыт, т.е. не стремятся закрепиться на одном конкретном месте работы.

В-третьих, работодатели обращают внимание на недостатки молодых сотрудников, что влияет на решение о приеме их на работу. Среди них: недостаток ответственности, приоритет личных целей относительно профессиональных задач (даже в рабочее время); неадекватное восприятие себя как работника (завышенные требования к заработной плате и к характеру выполняемой работы), что напрямую связано с отсутствием профессионального опыта и завышенными ожиданиями молодого человека; неумение работать на результат, проявлять самостоятельность и настойчивость при решении поставленной задачи [9].

В-четвертых, молодых сотрудников нужно адаптировать к групповой культуре, специфике труда в организации, что требует дополнительных затрат со стороны работодателя. Согласно зарубежному опыту первичной адаптации молодых сотрудников необходимо уделять особое внимание [10].

В сфере образования адаптация молодых преподавателей требует повышенного внимания со стороны руководителя по ряду причин: начинающие педагоги из-за недостаточной развитости профессиональных способностей часто не могут наладить дисциплину в аудитории, выбрать метод обучения в соответствии с возможностями студентов и собственными индивидуальными особенностями, разработать творческие учебные задания. Затруднения могут возникнуть и в случаях, когда молодой преподаватель оказывается младше своих студентов [11]. Решение названных проблемных ситуаций и будет свидетельствовать об успешной адаптации молодых преподавателей к работе в условиях вуза [12].

Специфика положения молодого сотрудника во многом характеризуется тем, что он относится к молодежной социальной группе.

1. Молодой сотрудник: проблема определения возрастных границ

Несмотря на то что категория «молодой сотрудник» используется довольно часто и в научной литературе, и во внутриорганизационных документах, ее четкого определения до сих пор нет. Основная причина — в неопределенности возрастных границ данной группы. «Возрастные границы молодежи размыты и подвижны, как правило, к молодежи причисляют лиц в возрасте 14–30 лет» [13, 14].

Если под молодым сотрудником подразумевать работника, относящегося к молодежи как к «социально-демографической группе, пережива-

ющей период становления социальной и психофизиологической зрелости, адаптации к исполнению социальных ролей взрослых» [15], то возрастные границы молодых сотрудников должны совпадать с возрастными границами молодежи.

Согласно классификации В.А. Лукова, социально-психологический подход определяет молодежь как социальную группу, «выделяемую по периоду возрастных гормональных перестроек организма человека, которые сопровождаются повышением их активности и социальной мобильности, стремлением к повышению социального статуса» [16, с. 19]. С этой позиции нижняя возрастная граница (14 лет) отражает средний возраст наступления половой зрелости. А верхняя граница определяется не так однозначно и связана с достижением индивидом конкретных условий социализации (экономическая самостоятельность, вступление в семейно-брачные отношения, становление профессиональных навыков и т.п.)

В советское время к молодежи относили юношей и девушек в возрасте 14–28 лет [17, с. 115]. В современной России верхняя граница молодежи установлена на уровне 30 лет включительно [18].

Возраст молодого сотрудника в организациях регламентируется по-разному. В некоторых случаях возраст совпадает с принятым возрастом молодежи [19]. В ряде организаций верхняя возрастная граница отодвигается и может достигать 35 лет [18, 20].

Например, в РЖД возраст молодого сотрудника составляет 17–30 лет (согласно ст. 5.1) [21].

Возраст в 35 лет является верхней границей, определяющей молодых специалистов, занятых в сфере ЖКХ [22], где для участия в конкурсах молодых специалистов приглашались работники жилищно-коммунальной сферы и строительства, а также выпускники и обучающиеся в профессиональных образовательных учреждениях и образовательных организациях высшего образования в возрасте от 18 до 35 лет.

Другой пример, когда молодыми сотрудниками считаются работники до 35 лет, — это отрасль лесного хозяйства [23]. Согласно ст. 37.1 социальные гарантии и льготы среди прочих категорий выплачиваются и молодым работникам (до 35 лет) для приобретения (постройки) жилья, обустройства домашнего хозяйства.

В образовательной отрасли верхняя возрастная граница молодых сотрудников определяется по-разному. Так, в положении о Всероссийском конкурсе «Лучший молодой преподаватель» участниками конкурса признаются применяющие в

учебном процессе инновационные образовательные технологии преподаватели, доценты, профессора высших учебных заведений и колледжей в возрасте до 35 лет. В конкурсе молодых учителей «Педагогический дебют» устанавливается верхний возраст 30 лет [24]. А согласно Приказу Минобрнауки России от 29.07.2009 № 276 «О перечне показателей, критериях и периодичности оценки эффективности реализации программ развития университетов, в отношении которых установлена категория “национальный исследовательский университет”» одним из важных показателей является количество молодых ученых (специалистов, преподавателей), к которым относятся работники без степени до 30 лет, кандидаты наук до 35 лет, доктора наук до 40 лет [25].

Таким образом, увеличение возраста молодых сотрудников связано с получением более высокого уровня образования и дополнительным повышением квалификации, что в большей степени характерно для сферы высшего образования (где возрастная граница молодых сотрудников-докторов наук устанавливается на уровне 40 лет).

Профессиональное становление молодого преподавателя — длительный и многоуровневый процесс [26, с. 28]. В связи с этим верхние возрастные границы молодого преподавателя можно определить как более высокие по сравнению с другими сферами — на уровне 35 лет (в зависимости от наличия ученой степени).

2. Вневозрастные характеристики молодых сотрудников

Молодой сотрудник характеризуется не только определенным возрастом, но еще и начальным периодом своего профессионального становления.

В сфере управления персоналом принято разделять сотрудников на несколько категорий/групп. В зависимости от отношения к производственному процессу выделяют управленческий персонал и производственный персонал, который состоит из рабочих, специалистов и технических исполнителей (служащих) [27]. Рабочие осуществляют трудовую деятельность в материальном производстве с преобладающей долей физического труда. Технические исполнители (служащие) заняты хозяйственным обслуживанием и оформлением документов. Специалисты, как правило, представляют собой работников, выполняющих инженерно-технические, экономические и прочие функции, требующие определенных квалификации и уровня образования. Выделение молодых сотрудников как особой социальной груп-

пы происходит во всех категориях персонала: среди рабочих, служащих и специалистов.

При этом в российском законодательстве категория молодого сотрудника определена недостаточно четко. Трудовой кодекс не дает определения молодого сотрудника, но указывает в ст. 70 «Испытание при приеме на работу» на специфику следующей группы, которую можно отнести к молодым сотрудникам: «лица, получившие среднее профессиональное образование или высшее образование по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам и впервые поступающие на работу по полученной специальности в течение одного года со дня получения профессионального образования соответствующего уровня». Как указывает Трудовой кодекс, молодой специалист не должен подвергаться испытательному сроку в течение трех лет. Законодатель считает, что молодые дипломированные выпускники не могут проявить себя сразу, так как у них нет опыта работы.

Более четко категории молодых рабочих и молодых специалистов были определены в КЗоТ РСФСР 1971 г. Согласно ст. 182 КЗоТ «молодой специалист — лицо, окончившее высшее или среднее специальное учебное заведение, а также лицо, окончившее профессионально-техническое учебное заведение и направленное на основании договоров о подготовке молодых специалистов, заключаемых между работодателями и указанными выше учреждениями профессионального образования на работу на данное предприятие, в учреждение, организацию». В ст. 179 КЗоТ о нормах выработки для молодых рабочих к категории «молодой рабочий» относят сотрудника, «поступающего на предприятие, в организацию по окончании общеобразовательных школ, профессионально-технических учебных заведений, а также прошедших профессиональное обучение на производстве».

В силу того что молодой преподаватель, имея высокий уровень образования и профессиональной подготовки, относится к группе молодых специалистов, подробнее остановимся на понятии молодого специалиста. Так, молодой специалист — это сотрудник в возрасте до 30 или 35 лет (в зависимости от отрасли предприятия), выполняющий производственные задачи и обладающий высоким уровнем образования.

Различные трактовки термина «молодой специалист» включают в себя требования к возрасту; уровню и форме получения образования; сроку, в течение которого выпускник должен приступить

к работе после окончания образовательного учреждения [28], а также к стажу работы.

С позиции уровня образования есть несколько вариантов требований к молодому специалисту: чаще говорится о наличии высшего образования (что связано с конкретными сферами деятельности молодого специалиста: образование, медицина и др.), но бывают и другие требования. Так, в Межрегиональном отраслевом соглашении по алмазно-бриллиантовому комплексу РФ на 2016–2018 гг. (от 25 декабря 2015 г.) предусматривается деление молодых сотрудников на молодых работников и молодых специалистов именно по уровню образования. «Молодыми работниками считаются работники в возрасте до 30 лет без установления требований к уровню их профессионального образования. Молодым специалистом является молодой работник в возрасте до 30 лет, имеющий высшее или среднее профессиональное образование, принятый на работу в организацию на основании трудового договора, заключенного на неопределенный срок, или срочного трудового договора».

Еще один подход к определению молодого специалиста делает акцент не только на полученном образовании, но и на ограниченном сроке трудоустройства. Так, молодому специалисту образовательной организации Ленинградской области положено разовое пособие в следующем случае: 1) молодой специалист должен быть «выпускником дневного отделения организации высшего или среднего профессионального образования, закончивший в текущем году полный курс обучения и защитивший дипломный проект (работу), сдавший государственные экзамены и получивший документ об образовании установленного образца, заключивший трудовой договор с образовательной организацией на неопределенный срок»; 2) а также «приступивший к педагогической деятельности в образовательной организации Ленинградской области до 1 сентября года окончания учебного заведения и имеющий учебную (педагогическую) нагрузку в объеме не менее 0,5 ставки» [29]. Похожие критерии установлены и для молодых специалистов социальной защиты [30].

Еще один критерий выделения группы молодых специалистов — стаж работы. Например, среди ученых к молодым специалистам относят «выпускника учебного заведения в первые три года трудовой деятельности после завершения учебы» [31]. В Положении о Школе молодого учителя муниципального автономного общеобра-

зовательного учреждения г. Набережные Челны «Средняя общеобразовательная школа № 38» утверждено требование к участникам — наличие стажа педагогической работы менее 5 лет.

Таким образом, основными критериями выделения молодых специалистов (кроме возраста) являются небольшой стаж работы и высокий уровень образования. Отнесение к категории «молодой специалист» чаще всего важно при получении определенных льгот, выплат и пр. Это наиболее характерно для педагогической деятельности, где предусмотрены различные выплаты, «подъемные», предоставляется финансовая помощь при покупке жилья, выдаются гранты на проведение научных исследований, проводятся конкурсы среди молодых учителей, среди молодых ученых и др.

3. Молодые преподаватели как особый тип молодых сотрудников

В сфере образования для мониторинга эффективности вузов используется такой показатель, как «доля молодых преподавателей» [25]. Квалификационный справочник [32] подразделяет персонал высшего учебного заведения на должности руководителей, профессорско-преподавательского состава и работников административно-хозяйственного и учебно-вспомогательного персонала. Специалист — это тот, кто выполняет основные производственные функции, в вузе это преподаватель, поэтому под молодым специалистом будем понимать в первую очередь молодого преподавателя.

Существует позиция, в рамках которой преподавателя и ученого не разделяют и не различают [33, с. 262]. Так, к молодому специалисту в данном случае относят молодого сотрудника вуза, занимающегося «интеллектуальной деятельностью (научной и научно-педагогической)» [34].

Согласно нашей точке зрения, так как в вузе разделены должности научного сотрудника и преподавателя, указана разница видов деятельности — научной и научно-педагогической, необходимо различать категории ученого и преподавателя. Научный сотрудник не занимается педагогической работой, а выполняет лишь обязанности по организации и проведению научного исследования, в то время как преподавателю приходится совмещать разные роли в процессе преподавательской деятельности. Согласно ст. 47 п. 6 Закона об образовании в рабочее время преподавателя «включается учебная (преподавательская) и воспитательная работа, в том числе практическая подготовка обучающихся, индивидуальная работа с обучающимися, научная, творческая и исследо-

вательская работа» [35]. Другими словами, в обязанности молодого преподавателя (занимающего даже должность ассистента) входят разные виды работ: разработка учебных программ, заданий для студентов, проведение лекций и семинаров (в рамках которых часто проявляется неумение молодого преподавателя логично выстроить последовательность этапов, точно рассчитать время каждого задания для студентов), а также исследовательская работа преподавателя и др.

Поэтому существует целый ряд трудностей, с которыми сталкивается в начале своей профессиональной деятельности молодой преподаватель. Они во многом обусловлены спецификой именно педагогической деятельности.

Исходя из содержания должностных инструкций определить категорию молодых преподавателей вуза можно следующим образом. К молодому преподавателю следует относить в первую очередь тех, кто занимает должности ассистента, преподавателя и старшего преподавателя, так как согласно должностным инструкциям и квалификационному справочнику специалиста, занимающие эти позиции, выступают в основном в качестве исполнителей научно-педагогических работ на кафедре, действуют под руководством более опытных коллег.

С точки зрения определения возрастных границ нижней границей является возраст 22–23 года (это возраст получения высшего образования уровня специалитета или магистратуры), верхняя граница должна определяться 30 годами для преподавателей без степени и 35 годами для преподавателей — кандидатов наук.

Категория «молодой преподаватель» неоднородна. Интересен пример Высшей школы экономики относительно построения кадровой политики [36], где выделяется 3 группы в интересующей нас категории: «будущие преподаватели», «новые преподаватели», «будущие профессора». К первой группе относят аспирантов и старшекурсников, изъявляющих желание работать преподавателем. Во вторую группу включены молодые преподаватели, только начинающие свой профессиональный путь (их возраст должен быть до 30 лет, а опыт преподавательской деятельности до двух лет). И «будущие профессора» (это преподаватели в возрасте до 35 лет, получившие степень кандидата наук не более двух лет назад), относящиеся к третьей группе, они отличаются высокими результатами в научно-педагогической деятельности. Работа руководства вуза направлена на

адаптацию «новых преподавателей» и на закрепление и удержание «будущих профессоров».

Другие примеры. В МГТУ им. Н.Э. Баумана [37] предлагают привлекать молодых преподавателей к различным конкурсам, к разработке программ и методик (чтобы учитывать их мнение, несмотря на небольшой стаж их педагогической работы). В Национальной академии наук Беларуси [38] большую роль уделяют таким специфическим научным коллективам, как научные школы. Основными факторами, способствующими адаптации молодого преподавателя в таких коллективах, являются: высокий уровень материально-технического обеспечения и финансирования проектов, востребованность результатов исследований, определенность будущего лаборатории/кафедры, наличие перспектив карьерного роста.

В рамках кадровой политики вуза необходимо обращать внимание на проблему привлечения и удержания молодых преподавателей, при этом учитывать специфику положения молодого преподавателя как представителя молодежи, занимающегося научно-педагогической деятельностью.

Выводы

Категории молодого сотрудника и молодого специалиста в действующем российском законодательстве не применяются. Однако необходимость в их выделении определяется спецификой положения такого работника в организации (с одной стороны, он неопытен в выполнении профессиональных обязанностей и не адаптирован к организационной культуре, а с другой — имеет большой инновационный потенциал).

Соотношение понятий «молодые сотрудники», «молодые специалисты» и «молодые преподаватели» представляется следующим. Молодой сотрудник понимается как работник, недавно трудоустроившийся в организацию. Характеризуется такой работник небольшим трудовым стажем (до трех лет) и возрастом до 30 или 35 лет. Определение верхней возрастной границы молодого сотрудника зависит от сферы деятельности организации, от уровня образования, который необходим для выполнения должностных обязанностей. К молодому специалисту относят молодых сотрудников, имеющих высокий уровень образования. А молодой преподаватель представляет собой молодого специалиста, осуществляющего основную для вуза вид деятельности, т.е. обучение студентов.

Молодые преподаватели — это особая социально-профессиональная группа молодых сотрудников вуза. Она является одной из наименее защищенных профессиональных групп в вузовской среде. Молодой преподаватель как молодой специалист обладает следующими характеристиками: возраст до 35 лет, высокий уровень образования (может иметь ученую степень кандидата наук), небольшой стаж педагогической деятельности.

Между тем понятие «молодой преподаватель» никак не фигурирует в законодательных актах, регламентирующих систему высшего образования. При этом категория «молодой преподаватель» встречается и используется в качестве определенного критерия или условия при получении грантов для молодых ученых и молодых преподавателей, а также для данной социальной группы предлагаются различные государственные социальные программы.

Профессиональные требования к молодому преподавателю имеют свою специфику, которая обусловлена особенностями самой педагогической деятельности, ее совмещением с воспитательной и научно-исследовательской. Для достижение компетентности в преподавательской деятельности в силу ее сложности и многоуровневой структуры от молодого преподавателя требуются не только развитие профессиональных качеств педагога, но и формирование личных (коммуникативные навыки, моральные качества, организаторские умения и пр.), необходимых для качественного выполнения своих должностных обязанностей.

Адаптация молодого преподавателя характеризуется особенностями, связанными как со спецификой научно-педагогической деятельности, так и с личностными установками и характеристиками молодого человека. Мотивация и удержание данного типа сотрудников является важной задачей кадровой политики; для ее решения используют различные специальные программы. Они предусматривают предоставление экономических выгод при приобретении жилья, дополнительные выплаты, проведение конкурсов, направленных на ускорение адаптации специалиста, на включение его в научно-исследовательскую и педагогическую деятельность. Проводятся конкурсы «Молодой преподаватель», организуются наставничество и индивидуальные консультации со старшими коллегами и др.

Таким образом, молодой преподаватель как носитель инновационного потенциала, способный быстро адаптироваться к нововведениям, является

носителем ноу-хау, владеет новейшими информационно-коммуникационными технологиями. При этом молодой преподаватель в процессе адаптации к профессиональной деятельности учится использовать свои личные качества, сочетать их с профессиональными обязанностями. Для успешной работы молодого преподавателя в вузе необходим системный подход и разработанная комплексная программа по адаптации.

Список литературы

1. *Гаврилюк В.В., Голиков И.Н.* Роль молодежи в инновационном преобразовании России // Теория и практика общественного развития. 2015. № 7. С. 33–35.
2. *Еремينا И.Ю.* Система работы с молодыми специалистами в производственных организациях // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2014. № 7. С. 30–36.
3. *Труфанова Т.А.* Профессиональная адаптация выпускников вузов как особой категории рабочей силы // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 2(60). С. 136–142.
4. *Разгонникова Н.В.* Актуальные механизмы создания самообучающейся организации в российских условиях // Инновационная наука. 2016. № 2–5(14). С. 150–156.
5. *Страновска Е., Витечкова М., Гадушова З., Прохазка М.* Личностные требования начинающего преподавателя // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2016. Т. 8, № 2. С. 102–111. DOI: 10.14529/ped160213
6. *Захарова Е.А.* Требования к профессиональному развитию педагогов в условиях последиplomного образования // Молодой ученый. 2011. № 3, т. 2. С. 115–117.
7. *Шерер И.Н.* Проблемы занятости молодежи на рынке труда // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. Т. 67, № 3. С. 99–103.
8. *Баранова Т.* Ключевые моменты в адаптации персонала // Справочник по управлению персоналом. 2008. № 4. С. 62–65.
9. *Мальшева А.А., Невраева И.В.* Компетенции молодых выпускников вузов глазами работодателей // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309, № 8. С. 225–229.
10. *Гридяев М.Н., Захарова Ю.Н., Мызрова К.А., Туганова Э.А.* Роль организационной культуры в системе адаптации персонала // Фундаментальные исследования. 2015. № 11, ч. 1. С. 143–146.
11. *Гибадатулина Э.А.* Изучение затруднений в деятельности молодых преподавателей // Среднее профессиональное образование. 2008. № 9. С. 60–62.

12. *Алексеевский А.А.* Организационная культура и социальная адаптация молодых специалистов-педагогов в образовательном пространстве современного российского общества: к постановке проблемы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 9. С. 213–215.
13. *Социологический словарь* / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Норма, 2008. 608 с.
14. *Большой словарь по социологии*. URL: <http://www.rusword.com.ua> (дата обращения: 20.04.2017).
15. *Пономаренко С.Н.* Социально-демографические характеристики молодежи и условия ее социального формирования // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 1. С. 93–95.
16. *Практикум по социологии молодежи* / под ред. Ю.Р. Вишневого, А.И. Ковалевой, В.А. Лукова и др. М., 2000. 296 с.
17. *Неговоров В.В.* Развитие молодежной политики в России и СССР // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2014. Вып. 35, № 25(354). С. 114–116.
18. *Масалов А.Г.* Теоретические подходы к определению сущности молодежи // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2012. № 2. С. 102–108.
19. *Распоряжение* Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1760-р «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98451 (дата обращения: 20.04.2017).
20. *Степанищенко О.В.* Исследование молодежи как особой социальной группы в социально-гуманитарных науках // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2011. № 73(09). С. 587–600.
21. *Распоряжения* ОАО «РЖД» от 20 декабря 2010 г. № 2692р «Об утверждении целевой программы “Молодежь ОАО ‘Российские железные дороги’” на 2011–2015 гг.». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=547663#0> (дата обращения: 20.04.2017).
22. *Приказ* Росмолодежи от 13 января 2014 г. № 7 «О проведении II Всероссийского конкурса “Лучший молодой работник сферы ЖКХ и строительства”». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=584686#0> (дата обращения: 20.04.2017).
23. *Отраслевое соглашение по лесному хозяйству РФ на 2016–2019 годы* (1 июля 2016 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_203595/ (дата обращения: 20.04.2017).
24. *Приказ* Минобрнауки Камчатского края от 24.01.2014 № 90 «Об утверждении Положения о краевом конкурсе молодых учителей “Педагогический дебют”». URL: <http://docs.cntd.ru/document/460269786> (дата обращения: 20.04.2017).
25. *Приказ* Минобрнауки России от 29 июля 2009 № 276 «О перечне показателей, критериях и периодичности оценки эффективности реализации программ развития университетов, в отношении которых установлена категория “национальный исследовательский университет”». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91372/ (дата обращения: 20.04.2017).
26. *Десненко С.И.* Развитие личности молодого преподавателя как фактор его профессионального становления // Гуманитарный вектор. 2012. № 1(29). С. 27–32.
27. *Фролова Т.А.* Экономика предприятия: конспект лекций. URL: <http://www.aup.ru/books/m203> (дата обращения: 20.04.2017).
28. *Ахметзянова И.Ф.* Правовой статус молодого специалиста // Материалы XIV Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых (Пермь, 26–30 апреля 2012 г.). Пермь, 2012. С. 352–353.
29. *Постановление* Губернатора Ленинградской области от 23 декабря 2002 г. N 265-пг «О порядке установления и выплаты разового пособия молодым специалистам — работникам образовательных организаций Ленинградской области». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SPB;n=141580#0> (дата обращения: 20.04.2017).
30. *Постановление* Правительства Ленинградской области от 27 мая 2005 г. N 149 «О порядке установления и выплаты разового пособия молодым специалистам — работникам учреждений социальной защиты населения Ленинградской области». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SPB;n=172083#0> (дата обращения: 20.04.2017).
31. *Зубок Ю.А., Авдеева М.И.* Молодой специалист // Социология молодежи: энциклопедический словарь / отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М.: Academia, 2008. 608 с.
32. *Приказ* Минздравсоцразвития России от 11 января 2011 г. N 1н г. Москва «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел “Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополни-

тельного профессионального образования»).

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112416 (дата обращения: 20.04.2017).

33. Воробьева И.В. Социальный статус современного российского ученого (на примере преподавателей вузов) // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2012. № 2. С. 260–267.
34. Скрауч О.Н., Мехришвили Л.Л. Молодые ученые — преподаватели вузов как специфичная социально-профессиональная группа: к вопросу теоретического обоснования // Социологические науки. Фундаментальные исследования. 2013. № 8. С. 1018–1023.
35. Федеральный закон «Об Образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 20.04.2017).
36. Ишмуратова Т.В. Практика работы с группой высокого профессионального потенциала университета: кейс Высшей школы экономики // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 102(2). С. 84–92. DOI: 10.15826/umj.2016.102.007.
37. Барышникова О.О. Модернизация кадровой политики вуза: социальное партнерство при разработке комплекса мер, направленных на омоложение кадров // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 11. С. 106–108.
38. Бабосова Е.С. Научные коллективы и их роль в адаптации молодых специалистов к исследовательской деятельности // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. 2014. № 3. С. 25–29.
- Education Institutions as Special Category of Labour]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social-Economic Phenomena and Processes]. 2014, no. 2(60), pp. 136–142. (In Russian).
4. Razgonnikova N.V. *Aktual'nye mekhanizmy sozdaniya samoobuchayuscheysya organizatsii v rossiyskikh usloviyakh* [Relevant Mechanisms for Creating Self-Learning Organization in Russian Conditions]. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative Science]. 2016, no. 2–5(14), pp. 150–156. (In Russian).
5. Stranovska E., Vitechkova M., Gadushova Z., Prokhazka M. *Lichnostnye trebovaniya nachinayushchego prepodavatelya* [Personal Needs of Junior Teachers]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series Education. Educational Sciences]. 2016, vol. 8, no. 2, pp. 102–111. (In Russian).
6. Zakharova E.A. *Trebovaniya k professional'nomu razvitiyu pedagogov v usloviyakh poslediplomnogo obrazovaniya* [Standards of Teachers' Professional Development in Conditions of Graduate Studies]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist]. 2011, no. 3, vol. 2, pp. 115–117. (In Russian).
7. Sherer I.N. *Problemy zanyatosti molodezhi na rynke truda* [Issues of Youth Employment on the Labour Market]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University]. 2012, vol. 67, no. 3. pp. 99–103 (In Russian).
8. Baranova T. *Klyuchevye momenty v adaptatsii personala* [Key Points of Staff Adaptation]. *Spravochnik po upravleniyu personalom* [HR Management Handbook]. 2008, no. 4, pp. 62–65, (In Russian).
9. Malysheva A.A., Nevraeva I.V. *Kompetentsii molodykh vypusnikov vuzov glazami rabotodateley* [Competences of Young Graduates Through the Eyes of Employers]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University]. 2006, vol. 309, no. 8, pp. 225–229. (In Russian).
10. Gridyaev M.N., Zakharova Yu.N., Myzrova K.A., Tuganova E.A. *Rol' organizatsionnoy kultury v sisteme adaptatsii personala* [The Role of Organizational Culture in the Staff Adaptation System]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research]. 2015, no. 11, pt. 1, pp. 143–146. (In Russian).
11. Gibadatulina E.A. *Izuchenie zatrudneniy v deyatel'nosti molodykh prepodavateley* [Research on Young Teachers' Work Difficulties]. *Srednee professional'noe obrazovanie* [The Journal of Secondary Vocational Education]. 2008, no. 9, pp. 60–62. (In Russian).
12. Alekseevskiy A.A. *Organizatsionnaya kultura i sotsial'naya adaptatsiya molodykh spetsialistov-*

Получено 30.04.2017

References

1. Gavrilyuk V.V., Golikov I.N. *Rol' molodezhi v innovatsionnom preobrazovanii Rossii* [The Role of Youth in the Innovative Transformation of Russia]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. 2015, no. 7, pp. 33–35. (In Russian).
2. Eremina I.Yu. *Sistema raboty s molodymi spetsialistami v proizvodstvennykh organizatsiyakh* [System of Work with Young Specialists at Manufacturing Enterprises]. *Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom* [Problems of Economics and Management of Oil and Gas Complex]. 2014, no. 7, pp. 30–36. (In Russian).
3. Trufanova T.A. *Professional'naya adaptatsiya vypusnikov vuzov kak osoboy kategorii rabochey sily* [Professional Adaptation of Graduates Higher

- pedagogov v obrazovatel'nom prostranstve sovremennoy rossiysskogo obshchestva: k postanovke problemy* [Organizational Culture and Social Adaptation of Young Specialists-Teachers in the Educational Space of Modern Russian Society: to the Formulation of the Problem]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Social-Economic and Social Sciences]. 2015, no. 9. pp. 213–215. (In Russian).
13. *Sotsiologicheskii slovar' / otv. red. G.V. Osipov, L.N. Moskvichev* [Sociological Dictionary. Ed. by G.V. Osipov, L.N. Moskvichev]. Moscow, Norma Publ., 2008, 608 p. (In Russian).
  14. *Bol'shoy slovar' po sotsiologii* [Big Sociological Dictionary]. Available at: <http://www.rusword.com.ua> (accessed 20.04.2017). (In Russian).
  15. Ponomarenko S.N. *Sotsial'no-demograficheskie kharakteristiki molodezhi i usloviya ee sotsialnogo formirovaniya* [Socio-Demographic Characteristics of Youth and the Social Conditions of its Formation]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta* [Vestnik of Saratov State Socio-Economic University]. 2013, no. 1, pp. 93–95. (In Russian).
  16. *Praktikum po sotsiologii molodezhi / pod red. Yu.R. Vishnevskogo, A.I. Kovalev, V.A. Lukova* [Sociology of Youth. Workshop. Ed. by Yu.R. Vishnevskiy, A.I. Kovaleva, V.A. Lukov]. Moscow, 2000, 296 p. (In Russian).
  17. Negovorov V.V. *Razvitie molodezhnoy politiki v Rossii i SSSR* [The Development of Youth Policy in Russia and the USSR]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya* [CSU Bulletin. Philosophy. Sociology. Culturology]. 2014, iss. 35, no. 25(354). pp. 114–116. (In Russian).
  18. Masalov A.G. *Teoreticheskie podkhody k opredeleniyu suschnosti molodezhi* [Theoretical Approaches to Definition of Essence of the Youth.]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kultury, smysly* [LOCUS: people, society, cultures, meaning]. 2012, no. 2, pp. 102–108. (In Russian).
  19. *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 18 dekabrya 2006 g. № 1760-r «Strategiya gosudarstvennoy molodezhnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii»* [Order of the Russian Federation Government of 18 December 2006, No. 1760-r. «Strategy of the State Youth Policy in the Russian Federation»]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98451 (accessed 20.04.2017). (In Russian).
  20. Stepanischenko O.V. *Issledovanie molodezhi kak osoboy sotsialnoy gruppy v sotsial'no-gumanitarnykh naukach* [Youth Examination as Special Social Group in Social-Humanitarian Sciences]. *Politematicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University]. 2011, no. 73(09), pp. 587–600. (In Russian).
  21. *Rasporyazheniya OAO RZhd ot 20 dekabrya 2010 g. № 2692r «Ob utverzhdenii tselevoy programmy "Molodezh' 'OAO Rossiyskie zheleznye dorogi'" na 2011–2015 gg.»* [Ordinances of Russian Railways of December 20, 2010 No. 2692r «On the Approval of the Target Program “Youth” for 2011–2015»]. Available at <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=547663#0> (accessed 20.04.2017). (In Russian).
  22. *Prikaz Rosmolodezhi ot 13 yanvarya 2014 g. № 7 «O provedenii II Vserossiyskogo konkursa "Luchshiy molodoy rabotnik sfery ZhKKh i stroitel'stva"»* [Federal Agency for Youth Affairs Order of January 13, 2014 No. 7 «About the II All-Russian Competition “The Best Young Worker in the Sphere of Housing and Communal Services and Construction”»]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=584686#0> (accessed 20.04.2017). (In Russian).
  23. *Otraslevoe soglasenie po lesnomu khozyaystvu RF na 2016–2019 gody (1 iyulya 2016 g.)* [Branch Agreement on Forestry in the Russian Federation for 2016–2019]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_203595/ (accessed 20.04.2017). (In Russian).
  24. *Prikaz Minobrnauki Kamchatskogo kraya ot 24.01.2014 № 90 «Ob utverzhdenii Polozheniya o kraevom konkurse molodykh uchiteley "Pedagogicheskiy debyut"»* [Order of the Ministry of Education and Science of the Kamchatka Territory of January 24, 2014 No. 90 «On Approval of the Regulations on the Regional Competition of Young Teachers “Pedagogical Debut”»]. Available at <http://docs.cntd.ru/document/460269786> (accessed 20.04.2017). (In Russian).
  25. *Prikaz Minobrnauki Rossii ot 29 iyulya 2009 № 276 «O perechne pokazateley, kriteriyakh i periodichnosti otsenki effektivnosti realizatsii program razvitiya universitetov, v otnoshenii kotorykh ustanovlena kategoriya "natsional'nyy issledovatel'skiy universitet"»* [Order No. 276 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of July 29, 2009 «On the List of Indicators, Criteria and Periodicity of Evaluating the Effectiveness of Implementing Development Programs at Universities with the “National Research” Status»]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91372/ (accessed 20.04.2017). (In Russian).
  26. Desnenko S.I. *Razvitie lichnosti molodogo prepodavatelya kak faktor ego professional'nogo*

- stanovleniya* [Young Teachers' Personality Development as a Factor of Their Professional Formation]. *Gumanitarnyy vektor* [Humanitarian Vector]. 2012, no. 1(29), pp. 27–32. (In Russian).
27. Frolova T.A. *Ekonomika predpriyatiya: konspekt lektsiy* [Enterprise Economy: Lecture Notes]. Available at: <http://www.aup.ru/books/m203> (accessed 20.04.2017). (In Russian).
  28. Akhmetzyanova I.F. *Pravovoy status molodogo spetsialista* [Legal Status of a Young Specialist]. *Materialy XIV Vseros. nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh* [XIV All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists]. Perm, 2012, pp. 352–353. (In Russian).
  29. *Postanovlenie Gubernatora Leningradskoy oblasti ot 23 dekabrya 2002 g. N 265-pg «O poryadke ustanovleniya i vyplaty razovogo posobiya molodym spetsialistam — rabotnikam obrazovatel'nykh organizatsiy Leningradskoy oblasti»* [Decree of the Governor of the Leningrad Region of December 23, 2002 No. 265-pg «On the Procedure for Establishing and Paying a One-Time Benefit to Young Professionals - Employees of Educational Organizations of the Leningrad Region»]. Available at <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SPB;n=141580#0> (accessed 20.04.2017). (In Russian).
  30. *Postanovlenie Pravitelstva Leningradskoy oblasti ot 27 maya 2005 g. No. 149 «O poryadke ustanovleniya i vyplaty razovogo posobiya molodym spetsialistam — rabotnikam uchrezhdeniy sotsial'noy zaschity naseleniya Leningradskoy oblasti»* [Decree of the Government of the Leningrad Region of May 27, 2005 No 149 «On the Procedure for Establishing and Paying a One-Time Benefit to Young Specialists — Employees of Social Security Institutions of the Leningrad Region»]. Available at <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SPB;n=172083#0> (accessed 20.04.2017). (In Russian).
  31. Zubok Yu.A., Avdeeva M.I. *Molodoy spetsialist* [Young Specialist]. *Sotsiologiya molodezhi: entsiklopedicheskiy slovar / otv. red. Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov* [Sociology of Youth. Encyclopedic Dictionary. Ed. by Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov]. Moscow, Academia Publ., 2008, 608 p. (In Russian).
  32. *Prikaz Minzdravsotsrazvitiya Rossii ot 11 yanvary 2011 g. N In g. Moskva «Ob utverzhdenii Edinogo kvalifikatsionnogo spravochnika dolzhnostey rukovoditeley, spetsialistov i sluzhaschikh, razdel "Kvalifikatsionnye kharakteristiki dolzhnostey rukovoditeley i spetsialistov vysshego professional'nogo i dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya"»* [Order of the Ministry of Health and Social Development of Russia of January 11, 2011 No. 1. In Moscow «On the Approval of the Unified Qualification Reference Book for Positions of Managers, Specialists and Employees, Section "Qualification Characteristics of Managers and Specialists Positions of Higher Professional and Additional Professional Education"»]. Available at http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112416 (accessed 20.04.2017). (In Russian).
  33. Vorobeva I.V. *Sotsial'nyy status sovremennogo rossiyskogo uchenogo (na primere prepodavateley vuzov)* [Social Status of Modern Russian Scientists (on the Example of University Lecturers)]. *Vestnik RGGU Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie* [RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series]. 2012, no. 2, pp. 260–267. (In Russian).
  34. Skrauch O.N., Mekhrishvili L.L. *Molodye uchenye — prepodavateli vuzov kak spetsifichnaya sotsial'no-professional'naya gruppy: k voprosu teoreticheskogo obosnovaniya* [Young Scientists — University Professors as a Specific Socio-Occupational Group: on the Question of Theoretical Substantiation]. *Sotsiologicheskie nauki. Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research]. 2013, no. 8, pp. 1018–1023. (In Russian).
  35. *Federal'nyy zakon «Ob Obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii» ot 29.12.2012 № 273-FZ* [Federal Law «On Education in the Russian Federation» of 29.12.2012 No. 273-FZ]. Available at http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (accessed 20.04.2017). (In Russian).
  36. Ishmuratova T.V. *Praktika raboty s gruppoy vysokogo professional'nogo potentsiala universiteta: keys Vysshey shkoly ekonomiki* [Practical Experience of Working with High Professional Potential University Team: HSE Case]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [Journal University Management: Practice and Analysis]. 2016, no. 102(2), pp. 84–92. (In Russian).
  37. Baryshnikova O.O. *Modernizatsiya kadrovoy politiki vuza: sotsial'noe partnerstvo pri razrabotke kompleksa mer, napravlennykh na omolozhenie kadrov* [Modernization of the Personnel Policy of the University: Social Partnership in Developing a set of Measures Aimed at Rejuvenating Staff]. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* [RSSU Proceedings]. 2012, no. 11, pp. 106–108. (In Russian).
  38. Babosova E.S. *Nauchnye kolektivy i ikh rol' v adaptatsii molodykh spetsialistov k issledovatel'skoy deyatel'nosti* [Role of Research Collectives in the Young Professionals Adaptation to Research Activities]. *Izvestiya Natsional'noy akademii nauk Belarusi. Seriya gumanitarnykh nauk* [Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Series of Humanitarian Sciences]. 2014, no. 3, pp. 25–29. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 30.04.2017

Об авторе

Балезина Екатерина Андреевна
аспирант, старший преподаватель
кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: balezina-ekaterina@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-2456-0913

About the author

Balezina Ekaterina Andreevna
Ph.D. Student, Senior Lecturer
of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: balezina-ekaterina@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-2456-0913

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Балезина Е.А. Молодой преподаватель: к вопросу определения понятия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 282–293. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-282-293

Please cite this article in English as:

Balezina E.A. Young teacher: revisiting the concept // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 282–293. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-282-293

УДК 159.955 – 053.6

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-294-303

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОБСТВЕННОМ БУДУЩЕМ СТУДЕНТОВ РОССИИ И УКРАИНЫ

Плющ Александр Николаевич

Институт социальной и политической психологии НАПН Украины

Кирилина Татьяна Юрьевна

Технологический университет (МГОТУ)

Петрунько Ольга Владимировна

Киевский университет им. Бориса Гринченко

В статье анализируются особенности конструирования представлений о будущем индивидуальных субъектов общества. Представления о будущем рассмотрены как замысел текста дискурса этих субъектов. Этот замысел включает образ автора дискурса, предполагаемые пространства самореализации автора, цели его жизнедеятельности. Выявлено, что конструирование представлений о будущем представляет процесс дифференциации сложившейся структуры и ее интеграции на новом уровне сложности. Рассмотренные данные результатов опросов студентов России и Украины отражают срезы последовательных этапов этого процесса. Показано, что организация представлений о будущем и особенности их (ре)конструирования у студентов гуманитарных специальностей России и Украины в целом мало чем отличаются друг от друга. Различия были обнаружены в оценке будущего состояния социального контекста, предоставляющего возможности для самореализации субъектов. Если образ страны в семантическом пространстве располагался далеко от предполагаемого образа будущей страны, то возрастало количество субъектов, декларирующих намерения не связывать свое будущее с этой страной.

Авторы делают вывод, что конструирование новых представлений о будущем, реконструкция имеющихся представлений о будущем и их интегрирование в единую модель происходят одновременно с расширением круга идентификаций субъектов, появлением новых социальных практик и новых пространств их применения, увеличением сложности организации дискурса.

Ключевые слова: представления о будущем, дискурс, замысел, субъект, пространства самореализации, цели, дифференциация, интеграция.

RUSSIAN AND UKRAINIAN STUDENTS' IDEAS OF THEIR FUTURE

Aleksander N. Plyushch

Institute of Social and Political Psychology of NAPS of Ukraine

Tatyana Yu. Kirilina

University of Technology (MSRTU)

Olga V. Petrunko

Borys Grinchenko Kyiv University

The article analyzes peculiarities of constructing ideas of the future by individual subjects of society. Ideas of the future are regarded as a design of these subjects' discourse. Discourse is a model of the world which includes the unclear image of the subject himself/herself and schemes of his/her behavior in some kind of social context according to their goals. Correspondingly, a design contains the image of the discourse's author, supposed areas of his/her self-fulfillment and goals of his/her life activities. Construction of future images means understanding by the subject of his/her «I», of the area(s) of self-fulfillment, and also accordance of the present

goals, both those organizing life activities and those targeted. It has been revealed that construction of future images is a process of the existing structure differentiation and its integration at the new level of complexity. The results of interviews with Russian (n = 148) and Ukrainian (n = 136) students doing a course in the humanities present cross sections of the consequent stages of this process. Different groups of students are on the different stages of construction of the sustainable structure of their future images, which corresponds to the stage of their life path. It is shown that organization of future images and peculiarities of their (re)construction among Russian and Ukrainian students doing course in the humanities differ insignificantly. Significant differences were only revealed in the evaluation of possibilities for the full self-fulfillment in their own country, which was shown by a number of students who declared intentions to emigrate. If the image of the country in the semantic space was located far from the expected image of the future country, the number of subjects who had no intention to connect their future with this country increased.

The authors conclude that construction of new ideas of the future, reconstruction of the existing ideas of the future and their integration into a single model occur simultaneously with the expansion of the range of the subjects' identifications, emergence of new social practices and new areas for their application, increasing complexity of the discourse organization.

Keywords: ideas of future, discourse, design, subject, areas of self-fulfillment, goals, differentiation, integration.

Согласно современным научным представлениям организация обществ воспроизводится в непрерывном процессе коммуникации их постоянно обновляющихся подсистем [1, 2]. Общество — это феномен, судьба которого в значительной мере зависит от того, каким его видят люди, как они оценивают его перспективы. Будущее страны зависит от того проекта будущего, о котором мечтают, который планируют и конструируют граждане этой страны. Для них происходит выстраивание некоей жизненной перспективы, когда их представления о будущем обуславливают, какое общество они собираются строить и в каком будущем намереваются жить [3]. Если гражданин не видит будущего в своей стране, а чувствует себя обездоленным и несчастным — независимо от того, насколько реальны или выдуманы его ощущения, то никакое величие страны счастья ему в ней не даст. В связи с этим и будущее этой страны становится непредсказуемым.

В настоящее время одной из наиболее важных социальных технологий является проектирование будущего. Это — анализ, прогноз и управление небольшими изменениями в сегодняшнем дне, которые могут изменить траектории развития индивидуальных субъектов, крупных компаний, отдельных стран, цивилизации в целом [4]. Понимание процессов проектирования будущего позволяет управлять их осуществлением, предоставляя возможность субъектам влиять на свою судьбу в этом мире. Сравнивая представления о собственном будущем студентов соседних государств (России и Украины), имеющих различные стратегии и направления развития, можно будет выявить как общие особенности организации представлений о собственном будущем, так и

специфические, свойственные жителям каждой из стран. Это и является *целью* нашей статьи.

Первоначально зададим понимание представлений о будущем, которые рассматриваем как проявление дискурса субъекта. Между субъектом и «объективным» миром, в котором функционирует субъект, всегда имеется посредник — дискурс (модель «объективного мира»), присваиваемый субъектом в ходе социализации. Под дискурсом понимается отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, способ видения мира [5, 6]. Организацию дискурса можно рассматривать как текст. В качестве текста дискурса будет выступать картина мира, конструируемая субъектом. Автором дискурса является субъект во всевозможных ролевых позициях конструируемого субъектом мира. Замысел текста дискурса представляет собой предполагаемую модель будущего, которая может быть развернута в программу достижения этого будущего.

Дискурс рассматривается как постоянно совершенствующийся ментальный инструмент субъекта, как текст, автор которого вместе со своим замыслом доопределяется в конкретной ситуации. Усложнение организации социального контекста, в котором субъект может занимать различные позиции, приводит к конструированию образа субъекта, который конструирует дискурс системной организации (дискурс дискурсов) на основе дискурсов (картин мира) субъекта в отдельных позициях. Если привести аналогию с физиологией человека, то это напоминает малый и большой круги кровообращения: чтобы снабдить органы кислородом (сконструировать текст дискурса), сначала надо обогатить кровь кислородом в легких (задать образ автора). В одном измерении дискурса задаются авторские позиции субъекта

екта, в другом — соответствующие этим позициям картины мира. Интеграция картин мира в различных позициях субъекта в единое целое осуществляется в соответствии с целями субъекта исходя из их значимости.

Дискурс представляет собой сконструированную субъектом модель мира, которая включает в себя неявный образ самого субъекта и схемы его поведения в некоем социальном контексте в соответствии с целями. Субъект действует на основе имеющегося дискурса, который в ходе жизнедеятельности подвергается коррекциям со стороны субъекта. Наблюдается явление круговой причинности: дискурс обуславливает поведение субъекта, субъект имеет возможность вносить изменения в организацию дискурса (в разные периоды времени как сознание определяет бытие, так и бытие определяет сознание).

Как инструмент субъекта дискурс приобретает все признаки орудия власти, позволяя создавать символическую реальность, в которой действует человек [6]. Главная сила дискурса заключается в производстве способов означивания, интерпретаций объектов действительности, в побуждении к определенным схемам мысли и чувствованиям [7]. Дискурс задается пониманием автора, его текста (пространство(а) его функционирования), замысла (представлений о будущем, в которых содержатся цели субъекта). Учитывая, что цель любого проекта окончательно определяется лишь вместе с принципиально обозримым решением проблемы, представления о будущем разворачиваются в текст, который все время корректируется и уточняется в связи с изменениями, происходящими с субъектом в изменяющемся мире. Дискурс существует как принципиальная множественность [8], что подразумевает непрерывное его доопределение. (Ре)конструируя дискурс, субъект выстраивает целевые приоритеты, управляя значимостью пространств самореализации. Будучи системами взаимодействия с другими субъектами, эти пространства не являются неизменными образованиями [9].

В нашей трактовке под представлениями о будущем мы будем понимать замысел текста дискурса, включающий образ автора дискурса, предполагаемые пространства самореализации автора, его цели в этих пространствах, являющиеся частью целей жизнедеятельности. Исследователь может реконструировать особенности организации представлений о будущем на основе анализа фрагментов текста артикулированного дискурса. Исходя из нашего понимания была организована схема исследования. Анализ особенностей представлений о будущем опирался на изучение осо-

бенностей сконструированных студентами собственного образа социального контекста и целей жизни.

Инструментарий исследования. Представления о собственном образе, социальном контексте и целях жизни изучались двумя способами. В одном случае респонденты отвечали на вопрос, воспроизводя целостную характеристику изучаемого конструкта. В другом — применялись методики, на основе которых исследователи могли реконструировать структурную организацию конструкта. Если в первом случае характеристики конструктов задавались исследователями до начала исследования, то во втором случае структурная организация конструктов не могла быть задана заранее, а реконструировалась на основе полученных ответов, обладая большей валидностью.

Реконструируя представления о собственном будущем, респонденты отвечали на вопрос: «Оцените, пожалуйста, свои жизненные перспективы?». Студенты, выбравшие варианты ответов «смогу добиться многого», «скорее всего, смогу добиться многого», относились к числу студентов, имеющих оптимистический образ собственных жизненных перспектив. Студенты, выбравшие варианты ответов «скорее всего, не смогу добиться многого», «однозначно не смогу добиться многого» или «затрудняюсь ответить», относились к числу студентов, имеющих негативный или неопределенный образ собственных жизненных перспектив. Представления о собственном образе студентов также изучались с помощью проективной методики «Кто Я?», когда в течение 12 минут надо было привести до 20 ответов на этот вопрос. Все ответы были отнесены к трем категориям: 1) самописание своих личностных черт или персональных характеристик, 2) роли из существующего социального пространства в качестве участника малых социальных групп, 3) (перспективные) роли как цели жизни [10]. Анализ данных осуществлялся по трем показателям: общее количество ответов, количество ролевых идентификаций (дочь, сестра, староста спортсменов, гражданин и др.), количество смысложизненных ролей, когда субъекты идентифицировали себя с автором собственного жизненного проекта (мать/будущая мать, жена/будущая жена, студент, специалист/будущий специалист и др.).

Представления о будущем социального контекста студентов реконструировались на основе ответов на вопрос: «Если бы у Вас была возможность уехать на постоянное место жительства в любую другую страну, Вы...». Студенты, выбравшие варианты ответов «уехал бы однознач-

но», «скорее всего, уехал бы», относились к числу студентов, декларирующих намерения об эмиграции. Подразумевалось, что человек, который не видит возможностей своей самореализации в будущей стране, в которой он сегодня получает профессиональное образование, связывает свое будущее с другой страной. Студенты, выбравшие варианты ответов «не уехал бы ни в коем случае», «скорее всего, не уехал бы» или «затрудняюсь ответить», относились к числу студентов, не имеющих негативных ожиданий будущего своей страны. Социальный контекст реконструировался также с помощью психосемантической методики, которая воспроизводит семантическое пространство восприятия стран мира [11]. Образы 11 стран (Англия, Белоруссия, Германия, Китай, Польша, Россия, США, Турция, Украина, Швейцария, Франция) и двух международных организаций (ЕС и НАТО) оценивались по 18 признакам по 5-балльной шкале. К обычному списку стран была добавлена собственная «будущая страна», что позволяло оценить прогнозы будущего состояния социального контекста.

С целью реконструкции представлений студентов о целях жизни им задавался вопрос: «Намереваетесь ли Вы в будущем работать по специальности?». Студенты, намеревающиеся в будущем работать по специальности (выбравшие варианты ответов «однозначно», «скорее всего, да»), демонстрировали согласованность ближайших (получение профессионального образования) и долгосрочных жизненных целей (работа по специальности). Для студентов, выбравших другие варианты ответов («затрудняюсь ответить», «скорее всего, нет», «однозначно нет»), характерна неустойчивая и рассогласованная структура жизненных целей. Представления о целях жизни исследовались и с помощью теста смысложизненных ориентаций (СЖО), являющегося адаптированной версией теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL) Д. Крамбо и Л. Махолика [12]. Наряду с общим показателем осмысленности жизни данный тест включает в себя пять субшкал, отражающих три конкретных смысложизненных ориентации (цели в жизни, насыщенность жизни и удовлетворенность самореализацией) и два аспекта локуса контроля (локус контроля-Я и локус контроля-жизни).

Организация исследования. Эмпирическое исследование было проведено в апреле–мае 2016 г., когда в России и Украине были опрошены студенты дневной формы обучения вторых–третьих курсов гуманитарных специальностей. В России принимали участие в исследовании 148 студентов «Технологического университета» (г. Королев

Московской области, факультет управления и социально-гуманитарного образования) в возрасте от 18 до 23 лет (средний возраст 19,97). На Украине было опрошено 136 студентов Киевского университета им. Бориса Гринченко (Институт человека, кафедра практической психологии, кафедра социальной педагогики и социальной работы) в возрасте от 19 до 24 лет (средний возраст 20,0).

Результаты и их обсуждение. Исследование показало, что организация представлений о будущем у студентов гуманитарных специальностей России и Украины имеет много общего (табл. 1). Представления о собственном образе, оценка жизненных перспектив, показатели осмысленности жизни и намерений работать в будущем по специальности не имеют значимых различий. Статистически значимые различия ($p < 0,01$) выявлены только между количеством студентов, декларирующих намерения об эмиграции, т.е. негативно оценивающих будущее состояние социального контекста, не предоставляющего возможностей для полноценной самореализации.

Разница между студентами России и Украины в оценке представлений о будущем состоянии социального контекста подтверждается и результатами психосемантического исследования. У студентов обеих стран выявлены схожие двухфакторные структуры семантического пространства (табл. 2). Первый фактор, как и в предыдущем исследовании [11], интерпретирован как «успешное государство», а второй — как «воинственность». Для наглядности различий в конструировании представлений о будущем своей страны студентов России и Украины приведены только образы своей страны и ее будущего, которые совмещены на одной картинке (рисунок). У студентов России образы России и будущей России располагаются рядом, у студентов Украины образы Украины и будущей Украины разнесены на достаточно большое расстояние. Решение об эмиграции основывается на оценке перспектив реализации собственного будущего в своей стране [11], чем ближе образ страны и ее будущего в семантическом пространстве, тем вероятнее достижение будущего образа и возможность самореализации для субъектов. Близость образа России и будущей России указывает на такое состояние социального контекста, которое предоставляет возможности для самореализации, и на отсутствие необходимости в эмиграции для достижения этой цели для большинства респондентов. У студентов Украины образ будущей страны находится на расстоянии, затрудняющем его достижение, что актуализирует у многих респондентов мысли об эмиграции.

Таблица 1. Показатели представлений о будущем студентов России и Украины

Показатели представлений о будущем		Студенты России (n = 148)	Студенты Украины (n = 136)
Показатели теста «Кто Я?» (количество идентификаций)	Общее число	17,7	16,4
	Рольевые	5,1	3,4
	Смысложизненные роли	2,0	2,1
Студенты, имеющие оптимистический образ жизненных перспектив (в %)		91,9 %	93,9 %
Студенты, декларирующие намерения об эмиграции (в %)		31,1 % **	64,7 % **
Общий показатель теста СЖО		104,9	102,3
Студенты, намеревающиеся в будущем работать по специальности (в %)		52,7 %	47,1 %

Примечание. Значимость ** $p < 0,01$.

Таблица 2. Факторные структуры семантического пространства студентов России и Украины, %

Структура	Студенты России (n = 148)	Студенты Украины (n = 136)
Суммарная дисперсия	92,9	93,4
Первый фактор	58,8	52,9
Второй фактор	34,1	40,5

Дальнейший анализ организации представлений о будущем был основан на том, что среди респондентов обеих стран были выделены подгруппы с различным уровнем осознания своих жизненных целей. По результатам теста «Кто Я?» студенты каждой страны были разбиты на три группы. В первую входили респонденты, в чьих ответах не актуализированы смысложизненные роли (эти студенты сосредоточены на собственном «Я»). Вторую группу составили респонденты, указавшие одну смысложизненную роль. Для подавляющего большинства из них эта роль была «студент». В третью группу входили респонденты, имеющие несколько (две и более) смысложизненных ролей.

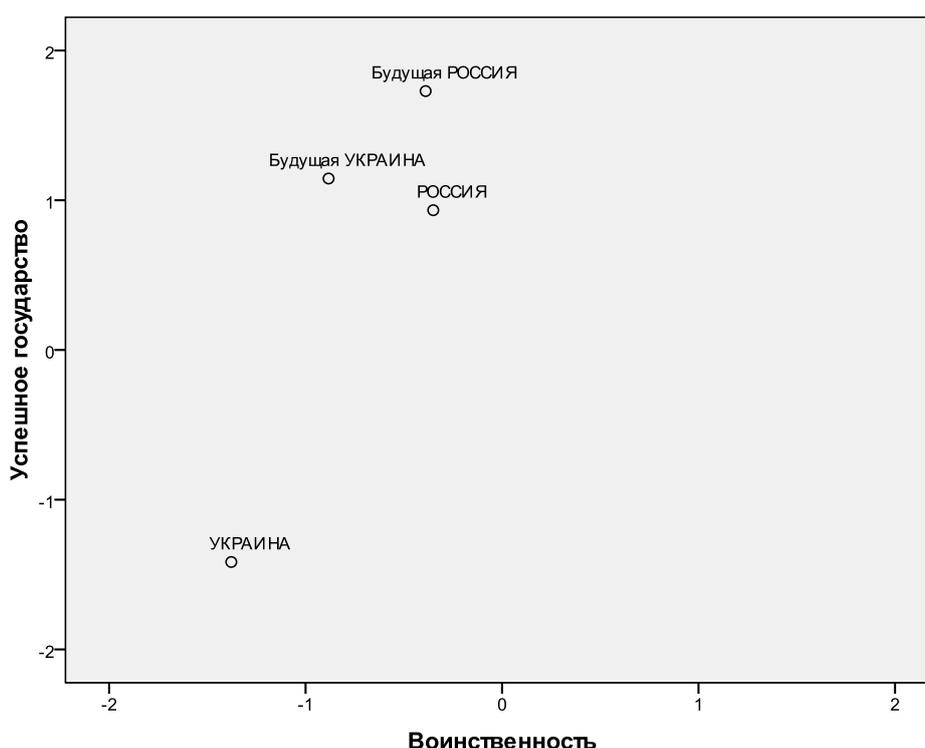
У студентов России наблюдается линейная зависимость изменения показателей представлений о будущем и уровне осознания своих жизненных ролей (табл. 3). Чем выше уровень осознанности своих жизненных ролей (когда в описании «Я» растет количество смысложизненных ролей), тем меньше процент имеющих оптимистический образ жизненных перспектив и декларирующих намерения об эмиграции, и выше процент намеревающихся работать по специальности и показатель осмысленности жизни (общий показатель теста СЖО). Различия в показателях осмысленно-

сти жизни статистически значимы на уровне $p < 0,01$, большинство остальных различий значимо на уровне тенденции. У студентов Украины наблюдается нелинейная зависимость изменения показателей представлений о будущем и уровне осознания своих жизненных ролей (табл. 4). Если с ростом осознания своих жизненных ролей (появление в описании «Я» одной жизненной роли) большинство показателей (оптимистический образ жизненных перспектив, намерения об эмиграции, осмысленность жизни) имеют одну тенденцию их изменения, то с появлением множества жизненных ролей эта тенденция сменяется на противоположную. Только количество студентов, намеревающихся в будущем работать по специальности, линейно увеличивается.

Если допустить, что полученные данные студентов России и Украины отражают срезы различных этапов процесса конструирования будущих представлений молодых людей, то можно построить общую картину этого процесса. На первом этапе представления индивидуальных субъектов о будущем разворачиваются в картину «светлого будущего», где их представления о себе, о социальном контексте, о целях в жизни существуют параллельно и не всегда взаимообусловлены. Примером может быть самописание одного из студен-

тов Украины, когда он вначале идентифицирует себя как «патриота Украины», а после — как «будущего гражданина Германии». У многих отмечается некритическое осмысление собственных планов: ближайшие цели — получение специальности в вузе — могут не соотноситься с долгосрочными целями, когда субъекты не планируют работать по

специальности. На этом этапе представления о будущем напоминают фантомный мир собственных иллюзий, навеянных усвоенным социальным дискурсом [13]. Такой тип представлений о будущем характерен для группы украинских студентов, не имеющих смысложизненных ролей.

Позиционирование в семантическом пространстве образов страны и образов будущей страны студентов России и Украины

Таблица 3. Показатели представлений о будущем студентов России

Показатели представлений о будущем		Студенты		
		не имеющие смысложизненных ролей (n = 10)	имеющие одну смысложизненную роль (n = 60)	имеющие более одной смысложизненной роли (n = 78)
Показатели теста «Кто Я» (количество идентификаций)	Общее число	18,4	17,5	17,8
	Рольевые	3,2	6,0	4,7
	Смысложизненные роли	0	1,0	3,1
Студенты, имеющие оптимистический образ жизненных перспектив (в %)		100%	93,3 %	89,7 %
Студенты, декларирующие намерения об эмиграции (в %)		60,0 %	40,0 %**	20,5 %**
Общий показатель теста СЖО		85,0**	102,3**	109,5**
Студенты, намеревающиеся в будущем работать по специальности (в %)		20,0 %	53,3 %	53,8 %

Примечание. Значимость ** $p < 0,01$.

Таблица 4. Показатели представлений о будущем студентов Украины

Показатели представлений о будущем		Студенты		
		не имеющие смысложизненных ролей (n = 18)	имеющие одну смысложизненную роль (n = 38)	имеющие более одной смысложизненной роли (n = 80)
Показатели теста «Кто Я?» (количество идентификаций)	Общее число	17,8	15,4	16,6
	Рольевые	1,4	2,7	4,2
	Смысложизненные роли	0	1,0	3,1
Студенты, имеющие оптимистический образ жизненных перспектив (в %)		100 %	68,4 %**	90,0 %**
Студенты, декларирующие намерения об эмиграции (в %)		33,3 %	73,7 %	67,5 %
Общий показатель теста СЖО		101,6	93,5**	106,0**
Студенты, намеревающиеся в будущем работать по специальности (в %)		22,2 %	26,4 %**	52,5 %**

Примечание. Значимость ** $p < 0,01$.

На следующем этапе субъекты начинают осмысливать качество сконструированных представлений о будущем, когда их «хрустальные мечты» сталкиваются с суровой действительностью (реалиями пространства получения специальности, которая служит трамплином в будущее). Для многих переход от одного этапа развития к другому, перестройка сложившейся структуры представлений и переориентация на новые жизненные задачи оборачиваются кризисом. У студентов наблюдается снижение осмысленности жизни, что вызывает у некоторых субъектов желание сменить социальный контекст самореализации, вплоть до намерений эмигрировать из страны. Такой тип представлений о будущем характерен для группы российских студентов, не имеющих смысложизненных ролей.

Осмысление сконструированных представлений о будущем приводит к дифференциации их структуры, когда выделяется основное пространство самореализации, в котором задана роль субъекта. Это приводит к коррекции оптимистичности жизненных перспектив, субъекты начинают более трезво оценивать свои перспективы, понимая необходимость согласования ближайших и долгосрочных целей; в связи с этим все более отчетлива осмысленность жизни. Этот процесс может быть растянут во времени: от начала преодоления кризиса (группа украинских студентов, имеющих одну смысложизненную роль) до конструирования более устойчивой структуры представлений (группа российских студентов, имеющих одну смысложизненную роль).

Дифференциация структуры представлений о будущем не ограничивается выделением одного пространства самореализации. Это придает устойчивость сформированной структуре, возрастает

осмысленность жизни, корректируются представления о социальном контексте (меньше субъектов, декларирующих намерения об эмиграции), согласовываются ближние и дальние цели жизни (больше субъектов, намеревающихся в будущем работать по специальности). На этом этапе конструирования представлений о будущем находятся группы российских и украинских студентов, имеющие более одной смысложизненной роли.

Процесс конструирования представлений о будущем у студентов можно смоделировать следующим образом. Целостная синкретическая модель будущего, в которой нет самостоятельно разработанного плана действий субъекта в конкретных социальных пространствах, сменяется системной моделью, в которой выделяются пространства самореализации с заданными ролями субъекта, предполагающие согласование целей этих пространств на основе сконструированных планов деятельности. Появляющаяся в связи с системной моделью социальных пространств множественная идентичность является преимущественно позитивным моментом, увеличивающим толерантность к неопределенности и повышающим социализированность в мультикультурной среде [14]. Аналогичные процессы дифференциации и интеграции контекста при конструировании представлений о будущем характерны и для групповых субъектов, у которых в переломных фазах истории обычно наблюдается расширение круга групповых идентификаций [15]. Конструирование сложноорганизованных моделей социального контекста позволяет решать более сложные жизненные задачи и осуществлять поиск оптимального направления самореализации.

Представленная модель конструирования представлений о будущем согласуется с моделью фор-

мирования идентичности, в которой выделяются четыре основных этапа (и типа) ее формирования: формальная (декларативная), диффузная, идентичность-мораторий, достигнутая идентичность [16]. Эти этапы определяются с учетом двух условий: прошел ли субъект через кризис идентичности (или период принятия собственных решений) и связал ли он себя твердыми обязательствами относительно выбранной им будущей профессиональной деятельности. Кризис идентичности, как правило, не охватывает всей жизни человека, а фокусируется на ограниченном числе проблем некоторых жизненных сфер. Этап формальной идентичности предполагает, что профессиональный выбор был предрешен заранее и определяется скорее родителями или учителями, нежели самостоятельно. Диффузная идентичность характерна для людей, которые не имеют прочных целей и оказались не способными решать возникающие проблемы, что приводит к переживанию ряда негативных состояний. Юноши и девушки на этапе моратория находятся в самом центре продолжающегося кризиса идентичности (или принятия решений), пробуя различные варианты его разрешения. Этап достигнутой идентичности наступает у субъектов, прошедших кризис, для которых принятые цели являются лично значимыми и обеспечивают чувство направленности и осмысленности жизни.

Предложенная модель конструирования представлений о будущем также согласуется с универсальной моделью развития психологического знания: синкрет – дифференциация – синтез (интеграция на основе повышенной сложности) [17]. Вместе с тем, учитывая непрерывное обновление дискурса, следует отметить, что выделенные этапы конструирования представлений о будущем (замысла дискурса) могут проявляться на новом уровне их организации. На протяжении жизни у индивидуальных субъектов может меняться значимость пространств самореализации. Появление новой основной цели, с которой будут согласовываться все остальные цели, будет приводить к перестройке существующей структуры представлений о будущем. В обобщенном плане представления о будущем могут быть рассмотрены как совокупный текст субъекта, описывающий изменяющиеся цели изменяющегося набора ролей субъекта в изменяющемся мире.

Выделенная в нашем исследовании структура представлений о будущем является характерной только для определенного жизненного этапа. Ранее нами было показано, что практический опыт самореализации в нескольких смысловых ролях приводит к дальнейшей коррекции представлений о будущем [11]. Студенты-заочники, имеющие

практический жизненный опыт как минимум в двух ролях (студент и работающий специалист), корректировали свои представления о социальном контексте, когда у многих респондентов негативные представления о будущем своей страны менялись позитивными ожиданиями.

Выводы. Мы предлагаем рассматривать представления о будущем именно как процесс доопределения текста дискурса в конкретной ситуации. По нашему мнению, такое «процессуальное» рассмотрение представлений о будущем является существенно новым.

Конструирование представлений о будущем рассмотрено как (ре)конструирование замысла постоянно обновляющегося дискурса. Организация дискурса как модели субъекта в мире предполагает наличие автора, пространств(а) его функционирования, целей его жизнедеятельности. Конструирование представлений о будущем подразумевает понимание субъектом своего «Я», задание пространств(а) самореализации, согласованность имеющихся у него целей — тех, которые организуют и направляют жизнедеятельность, и потенциальных, которые намечаются. Субъект определяет/задает значимость пространств самореализации, интегрирует их в рамках ситуативного дискурса, соотнося его с существующим дискурсом, и при необходимости кардинально корректирует программу жизнедеятельности.

Конструирование представлений о будущем представляет процесс дифференциации сложившейся структуры и ее интеграции на новом уровне сложности. Рассмотренные данные студентов России и Украины отражают срезы последовательных этапов этого процесса. Отдельные группы студентов находятся на различных стадиях конструирования устойчивой структуры представлений о будущем, соответствующей этапу их жизненного пути. В целом организация представлений о будущем и особенности их (ре)конструирования у студентов гуманитарных специальностей России и Украины мало чем отличаются. Различия обнаружены только в оценке возможностей для полноценной самореализации в собственной стране, что проявляется в количестве студентов, декларирующих намерения об эмиграции, которые, если реализуют свои намерения, будут конструировать будущее других стран.

Конструирование новых представлений о будущем, реконструкция имеющихся представлений о будущем и их интегрирование в единую модель происходят одновременно с расширением круга идентификаций субъектов, появлением новых социальных практик и новых пространств их применения, увеличением сложности организации дис-

курса. В изменяющемся мире это позволяет конструировать постоянно разветвляющуюся модель представлений о будущем на основе возрастающей сложности организации имеющегося дискурса.

Список литературы

1. Луман Н. Общество как социальная система: пер. с нем. М.: Логос, 2004. 232 с.
2. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне: пер. с нем. М.: Весь Мир, 2003. 416 с.
3. Фреско Ж. Проектирование будущего. URL: http://www.tvpactivism.ru/files/Proektirovanie_budushego_Jacque_Fresco.pdf (дата обращения: 22.07.2016).
4. Малинецкий Г.Г. Не потерять будущее — сохранить Россию. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/2113306> (дата обращения: 22.07.2016).
5. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация. М.: Высшая школа, 1989. 312 с.
6. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр., комм. и послесл. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. 448 с.
7. Якоба И.А. «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивной технологии // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 65–73.
8. Чудова И.А. Постмодернизм и социологическая теория // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 33–41.
9. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурирования. М.: Академ. Проект, 2003. 525 с.
10. Воронова В.И., Ложкин Г.В., Плющ А.Н. Трансформация структуры идентичности студентов-спортсменов // Журнал практикующего психолога. 1998. Вып. 4. С. 108–116.
11. Плющ А.Н., Басманова Н.И., Лисневская А.А. Связь субъективной картины мира с эмиграционными намерениями // Вопросы психологии. 2014. № 6. С. 52–65.
12. Леонтьев Д.А. Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000. 18 с.
13. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.
14. Марцинковская Т.Д., Сиученко А.С. Идентичность как фактор социализации в мультикультурной среде // Вопросы психологии. 2014. № 6. С. 3–14.
15. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. 512 с.
16. Marsia J.E. Identity in adolescence // Handbook of adolescent psychology / ed. by J. Adelson. N.Y.: John Wiley, 1980. P. 159–187.
17. Гусельцева М.С. Типы рациональности как основание для периодизации психологического знания // Вопросы психологии. 2013. № 4. С. 3–16.

Получено 11.12.2016

References

1. Luhmann N. *Obschestvo kak sotsial'naya sistema* [Social Systems]. Moscow, Logos Publ., 2004, 232 p. (In Russian).
2. Habermas J. *Filosofskiy diskurs o moderne* [The Philosophical Discourse of Modernity]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2003, 416 p. (In Russian).
3. Fresco J. *Proektirovanie budushego* [Designing the Future]. Available at: http://www.tvpactivism.ru/files/Proektirovanie_budushego_Jacque_Fresco.pdf (accessed 22.07.2016). (In Russian).
4. Malinetskiy G.G. *Ne poteryat' budushee — sokhranit' Rossiyu* [Not to Lose the Future — to Save Russia]. Available at: <http://worldcrisis.ru/crisis/2113306> (accessed 22.07.2016). (In Russian).
5. Dijk T.A. van. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language, Cognition. Communication]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1989, 312 p. (In Russian).
6. Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The History of Sexuality. The Will to Knowledge. Works of Different Years]. Moscow, Kastal Publ, 1996, 448 p. (In Russian).
7. Yakoba I.A. «*Myagkaya sila*» v *sovremennoy politike i diskursivnoy tekhnologii* [«Soft Power» in Modern Politics and Discursive Technology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2014, no. 12, pp. 65–73. (In Russian).
8. Chudova I.A. *Postmodernizm i sotsiologicheskaya teoriya* [Postmodernism and Sociological Theory]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2015, no. 5, pp. 33–41. (In Russian).
9. Giddens A. *Ustroenie obschestva: ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow, Akadem. Proekt Publ., 2003, 525 p. (In Russian).
10. Voronova V.I., Lozhkin G.V., Plyusch A.N. *Transformatsiya struktury identichnosti studentov-sportsmenov* [Transformation of the Identity Structure of Student Athletes]. *Zhurnal praktikuyushchego psikhologa* [Journal of the Practicing Psychologist], 1998, iss. 4, pp. 108–116. (In Russian).
11. Plyusch A.N., Basmanova N.I., Lisnevskaya A.A. *Svyaz' subektivnoy kartiny mira s emigratsionnymi namereniyami* [Connection Between the World Picture and Emigrational Intentions]. *Voprosy psikhologii* [Voprosy Psychologii]. 2014, no. 6, pp. 52–65. (In Russian).

12. Leontev D.A. *Test smyslozhiznennykh orientatsiy (SZhO)* [Purpose-in-Life Test (PIL)]. Moscow, Smysl Publ, 2000, 18 p. (In Russian).
13. Toschenko Zh.T. *Fantomy rossiyskogo obschestva* [Phantoms of the Russian Society]. Moscow, CSFM Publ, 2015, 668 p. (In Russian).
14. Martsinkovskaya T.D., Siyuchenko A.S. *Identichnost' kak faktor sotsializatsii v multikulturnoy srede* [Identity as a Factor of Socialization in a Multicultural Environment]. *Voprosy psikhologii* [Voprosy Psikhologii]. 2014, no. 6, pp. 3–14. (In Russian).
15. Nazaretyan A.P. *Nelineynoe budushee. Megaistoriya, sinergetika, kul'turnaya antropologiya i psikhologiya v global'nom prognozirovanii* [Nonlinear Future. Mega-History, Synergetics, Cultural Anthropology and Psychology in Global Forecasting]. Moscow, Argamak-Media Publ., 2015, 512 p. (In Russian).
16. Marsia J.E. Identity in Adolescence. *Handbook of Adolescent Psychology*. Ed. by J. Adelson. New York, John Wiley Publ., 1980. pp. 159–187. (In English).
17. Guseitseva M.S. *Tipy ratsional'nosti kak osnovanie dlya periodizatsii psikhologicheskogo znaniya* [The Types of Rationality as a Basis for Psychological Knowledge Periodization]. *Voprosy psikhologii* [Voprosy Psikhologii]. 2013, no. 4, pp. 3–16. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 11.12.2016

Об авторах

Плющ Александр Николаевич

кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник

Институт социальной и политической
психологии НАПН Украины,
Украина, 04070, Киев, ул. Андреевская, 15;
e-mail: plyushch11@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8398-5148

Кирилина Татьяна Юрьевна

доктор социологических наук, доцент,
заведующая кафедрой гуманитарных
и социальных дисциплин

Технологический университет (МГОТУ),
141070, Московская обл., Королев,
ул. Гагарина, 42;
e-mail: kirilina_t@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-8881-2120

Петрунько Ольга Владимировна

доктор психологических наук, доцент,
старший научный сотрудник, профессор кафедры
практической психологии

Киевский университет им. Бориса Гринченко,
Украина, 04053, Киев,
ул. Бульварно-Кудрявская, 18/2;
e-mail: petrynko@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-9023-5265

About the authors

Plyushch Aleksander Nikolaevich

Ph.D. in Psychology, Senior Researcher

Institute of Social and Political Psychology
of NAPS of Ukraine,
15, Andreevskaya str., Kiev, 04070, Ukraine;
e-mail: plyushch11@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8398-5148

Kirilina Tatyana Yur'evna

Doctor of Sociology, Docent,
Head of the Department of Humanities
and Social Disciplines

University of Technology (MSRTU),
42, Gagarin str., Korolev, Moscow region,
141070, Russia;
e-mail: kirilina_t@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-8881-2120

Petrunko Olga Vladimirovna

Doctor of Psychology, Docent,
Senior Researcher, Professor of the Department
of Practical Psychology

Borys Grinchenko Kyiv University,
18/2, Bulvarno-Kudtyavskaya str., Kiev,
04053, Ukraine;
e-mail: petrynko@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-9023-5265

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Плющ А.Н., Кирилина Т.Ю., Петрунько О.В. Представления о собственном будущем студентов России и Украины // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 294–303. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-294-303

Please cite this article in English as:

Plyushch A.N., Kirilina T.Y., Petrunko O.V. Russian and Ukrainian students' ideas of their future // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 294–303. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-294-303

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-304-306

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ**В.А. ТОЛОЧЕК. ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА.
(2-Е ИЗД., ДОП. СПБ.: ПИТЕР, 2017. 480 С.)***Жданова Светлана Юрьевна**Пермский государственный национальный исследовательский университет***V.A. TOLOCHEK. THE PSYCHOLOGY OF LABOUR.
2ND ED., SUPPL. ST.-PETERSBURG: PITER PUBL., 2017. 480 P.****(BOOK REVIEW)***Svetlana Yu. Zhdanova**Perm State University*

Учебное пособие В.А. Толочек «Психология труда» [1] является дополненным переизданием 2016 г. [2], которому в свою очередь предшествовал еще ряд изданий [3].

В учебном пособии рассматриваются основные вопросы (и научные понятия), используемые при изучении учебной дисциплины «Психология труда». Раскрываются взаимосвязи психологических феноменов, анализируются исторические тенденции изменения свойств социальных объектов и социального заказа; рассматриваются особенности развития дисциплины «Психология труда», тенденции развития смежных научных дисциплин; представлен основной понятийный аппарат, методический инструментарий.

В новом издании пособия анализируются изменения в организации и содержании труда человека на протяжении XX столетия, приводятся интересные примеры эволюции научных парадигм, показано, как меняются отношение субъекта деятельности и особенности организации его труда.

Следует подчеркнуть, что в данном учебном пособии в отличие от ранее вышедших изданий изменены его направленность (можно условно определить ее как эволюционная психология труда), а также форма представления материала.

Необходимо отметить, что в этом издании отражены история дисциплины, динамика, основные тенденции и перспективы развития психологии труда в новых социальных условиях. В книге также рассматриваются методология, методы исследования психологии труда. Кроме того, содержание учебного пособия включает в себя уникальный практический материал: рассматриваются новые современные технологии, используемые при работе с персоналом в организации.

Ценным является обсуждение проблемы вхождения в профессию, вопросов адаптации к профессиональной деятельности, условий и факторов, обуславливающих развитие и становление человека как профессионала. Анализируя критерии профессионализма, автор поднимает вопрос о модели специалиста, рассматривает данный вопрос в контексте этапов профессионального развития и периодизации жизни человека.

Автор при изложении материала следует сразу двум принципам: хронологический — раскрывает историю развития науки, структурный — обсуждает различные феномены и процессы развития научного знания. Все обсуждаемые вопросы рассматриваются в пособии через призму четырех основных систем координат:

время, пространство, энергия, информация. Эти координаты позволяют структурировать разноплановые аспекты и феномены психологии труда, рассмотреть данные явления в динамике и развитии.

Внимание читателей акцентируется на хронологии исследования явлений, фиксируемых в специфических единицах измерения — хронотопах знания. Раскрывая хронотопы знания как «спонтанно складывающиеся в недрах науки исторические формы отображения действительности», в качестве их образцов автор предлагает рассматривать типовые схемы профессиограмм, схемы и методы профессионального отбора, формулирования научных задач, описания психологических феноменов и др. [2, с. 11].

Говоря о форме представления материала, следует обратить внимание на то, что обзор по теме включает не только аннотированные представления научных позиций ученых, большие фрагменты первоисточников, но и авторские ремарки, отмеченные знаком NB.

К примечательным особенностям книги можно отнести внимание автора к работам специалистов — наших современников (Н.Е. Водопоьяновой, Б.А. Вяткина, Л.Г. Дикой, А.В. Карпова, Ю.П. Поваренкова и др.). Важной особенностью учебного пособия можно считать и активное привлечение материалов сборников научных статей и международных конференций по психологии труда, инженерной психологии, эргономики и организационной психологии, систематически проводимых в Москве, Ярославле, Твери и других городах.

Изложение материала учебного курса строго логично: от более общих и концептуальных вопросов к изложению задач и содержания психологической практики. Автор, с одной стороны, следует традициям: раскрывает основные понятия, подходы, рассматривает историю вопроса, с другой стороны, акцентирует внимание не на противоречиях концепций, а на их значимости для развития дисциплины.

Каждая глава завершается разделом «Парадигмы», где дается историко-теоретический и методологический анализ исследований в данной области и сложившихся представлений ученых, а также включает традиционный для учебников раздел — «Вопросы и задания для самопроверок».

Пособие В.А. Толочек «Психология труда» дополняет и структурирует имеющееся психологическое знание относительно проблем психологии труда. Выбранные автором способ описания, стиль изложения способствуют целостности восприятия, более глубокому пониманию предмета, объекта, процессов, являющихся предметом изучения психологии труда, а также составляющих системы «человек – профессия». Выявленные автором новые тенденции развития дисциплины «Психологии труда», результаты анализа методологического и методического инструментария можно использовать в социальной практике при развитии новых технологий в работе с персоналом в организации.

Хотя учебное пособие и предназначено для студентов высших учебных заведений, оно будет полезно и интересно и специалистам в области психологии труда, психологии управления и развития персонала организаций.

Список литературы

1. Толочек В.А. Психология труда. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2017. 480 с.
2. Толочек В.А. Психология труда. СПб.: Питер, 2016. 480 с.
3. Толочек В.А. Современная психология труда. 2-е изд. СПб.: Питер, 2010. 432 с.

Получено 01.05.2017

References

1. Tolochek V.A. *Psikhologiya truda* [The psychology of labour]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2017, 480 p. (In Russian).
2. Tolochek V.A. *Psikhologiya truda* [The psychology of labour]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2016, 480 p. (In Russian).
3. Tolochek V.A. *Sovremennaya psikhologiya truda* [Modern psychology of labour]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2010, 432 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.05.2017

Об авторе

Жданова Светлана Юрьевна

доктор психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой психологии развития

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: svetlanaur@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5496-0531

About the author

Zhdanova Svetlana Yur'evna

Doctor of Psychology, Docent,
Head of the Department of Developmental
Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: svetlanaur@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5496-0531

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Жданова С.Ю. Рецензия на книгу В.А. Толочек. Психология труда (2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2017. 480 с.) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 304–306.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-304-306

Please cite this article in English as:

Zhdanova S.Yu. V.A. Tolochek. The psychology of labour. 2nd ed., suppl. St.-Petersburg: Piter Publ., 2017. 480 p. (book review) // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 304–306.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-304-306

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России** по трем группам специальностей: 09.00.00 Философские науки, 19.00.00 Психологические науки, 22.00.00 Социологические науки. Кроме того, издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Руконт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается большими буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделении внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Желательно разбить текст статьи на разделы:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование; название части «Основной контент» не допускается);
- результаты/обсуждение;
- заключения/выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки оформляются с указанием страниц источника цитирования. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3, 5, 7–10] — на несколько работ. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент источника, в скобках указывают порядковый номер источника и его страницы, разделив их запятой: [1, с. 81], [1, с. 81–82] или [1, с. 81; 3, с. 35]. Каждая публикация приводится в списке только один раз — при повторной ссылке на тот же источник в тексте указывается присвоенный ранее номер. Недопустимо объединять несколько источников под одним номером. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Не рекомендуются и другие постраничные сноски — за исключением указания на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименования фонда поддержки.

Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском.

Источники в **русском варианте списка литературы располагаются и нумеруются по мере упоминания в тексте**. Обязательно указывается: *для книг* — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; *для журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, *страницы*; *для материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, *страницы*.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список является **обязательным!** DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. doi: 10.1037/h0070765.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым базой данных SCOPUS, согласно рекомендациям эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevier.com/locate/elsevier/scopus/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «—», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и

другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net: в верхнем правом углу вводится число 45848 и нажимается кнопка «Загрузить настройки»; в основное окно вводится текст на русском языке, нажимается кнопка «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). *Транслитерированное название книги курсивом* [Название книги на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Bell D. *Gryaduschee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting]. Moscow, Academia Publ., 1999, 956 p. (In Russian).

Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma [Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism]. Moscow, Mysl Publ., 1977, 190 p. (In Russian).

Orlov V.V., Vasileva T.S. *Philosophy of Economics* [Filosofiya ekonomiki]. Perm, Perm State University Publ., 2005, 264 p. (In Russian).

Шаблон для описания книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название книги курсивом* [Название книги на английском языке]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* [Название собрания сочинений или книги на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Leybnits G.V. *Monadologiya* [Monadology]. *Sochineniya, Tom 1* [Works, Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1982, 636 p. (In Russian).

Marx K. *K kritike politicheskoy ekonomii* [Contribution to the Critique of Political Economy]. *Sochineniya. T. 13* [Works, Vol. 13]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1960, pp. 1–784. (In Russian).

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название статьи курсивом* [Название статьи на английском языке]. *Транслитерированное название журнала курсивом* [Название журнала на английском языке], год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. *Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh* [The Idea of a Knowledge-Based Society]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19. (In Russian).

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название выступления курсивом*. [Название выступления на английском языке]. *Транслитерированное название конференции курсивом* [Название конференции на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Pigrov K.S. *Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak npravstvennaya problema* [Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyy 70-letiyu professora SPbGU P.N. Khmyleva* [Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2008, pp. 109–116. (In Russian).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Транслитерированное название статьи курсивом [Название статьи на английском языке]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voyna v short-liste «Innovatsii»: *Minkult khochet dat premiyu* [War in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award]. Available at: <http://free-voyna.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013). (In Russian).

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614. (In German).

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники список литературы делается только один, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

Статья должна сопровождаться:

- индексом УДК;
- аннотацией состоящей минимум из 200 слов;
- ключевыми словами (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми);
- информацией об авторе (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;

- **информацией об идентификаторах автора: ORCID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/>) и **ResearcherID** (желательно);
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).

Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, однако в ней следует избегать лишних вводных фраз (например: «Автор статьи рассматривает...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru** Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>)

Предоставление авторами сторонних рецензий не является обязательным (кроме аспирантов и соискателей), но приветствуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайшем выпуске.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается (необходимо предоставить скан-копию справки об обучении в аспирантуре, заверенную руководителем организации).

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2017 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	30 марта
в № 2 — до 01 мая	29 июня
в № 3 — до 01 августа	28 сентября
в № 4 — до 01 октября	26 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published. Study fields are: 09.00.00 Philosophical Sciences, 19.00.00 Psychological Sciences, 22.00.00 Sociological Sciences. Also the journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks, electronic library system «The University Library On-line», open access scientific library «CyberLeninka», national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in capital letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

We urge to divide the text of your article into following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented as follows. Number of the source indicates in square brackets: [1] for one source, [3; 5; 7–10] for several sources. If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned (e.g. [1, p. 81], [1, p. 81–82] or [1, p. 81; 3, p. 35]).

A number is allocated to a source in the order in which it is cited in the text. Each source should be mentioned in the list of references just once. Repeated references in the text should be indicated by the same number in the list of references. Please do not unite several sources in the list of references under one number. The list of references should contain only those sources, which was cited in the text. All the sources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. doi: 10.1037/h0070765.

For **sources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

For **sources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the source language

For example:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614. (In German).

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author: surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID (ORCID, ResearcherID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for doctorate students).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent to the e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

Providing outside reviews by authors isn't obligatory (excepting PhD students), but is welcomed. All articles are exposed to «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issue.

There is no fee for the publication of manuscript for PhD students. PhD students have to provide scan-copy of reference signed by head of an organization.

Submission deadlines in 2017

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 30
No 2 May 1	June 29
No 3 August 1	September 28
No 4 October 1	December 26

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2017
Выпуск 2

Редактор *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 23.06.2017
Дата выхода в свет 30.06.2017
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 20,46
Тираж 500 экз. Заказ

Спонсорскую помощь в издании научного журнала оказывает
ОАО «ROSSET»
<http://www.rosset-kzms.ru>

Адрес учредителя и издателя:
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-68-23

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.+7 (342) 239-66-36

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке